

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам
Московский государственный
лингвистический университет
Лаборатория психолингвистики

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 22

МАТЕРИАЛЫ XVII БЕРЕЗИНСКИХ ЧТЕНИЙ

МОСКВА 2020

УДК: 81

ББК: 81

Рецензенты:

Т.А. Амирова, доктор филологических наук

А.Г. Сонин, доктор филологических наук

Языковое бытие человека и этноса : сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений (Москва, 24-25 декабря 2020 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, К.С. Кардановой-Бирюковой, Н.С. Панариной. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – Вып. 22: Материалы XVII Березинских чтений. – 279 с.

ISBN 978-5-248-00974-9

Сборник содержит статьи по материалам докладов, представленных на ежегодных международных Березинских чтениях. В статьях представлены различные актуальные направления современной лингвистики, отражающие современную картину лингвистических исследований в России и отчасти за рубежом. Сборник включает статьи по методологии лингвистики и психолингвистики, по экспериментальным и прикладным психолингвистическим и когнитивным проблемам, исследованию социального существования языка, переводоведению, функциональным, прагматическим аспектам изучения разных типов текста, использованию достижений языкознания в современной лингвистической экспертизе.

Издание предназначено для широкого круга специалистов, аспирантов и магистрантов гуманитарных областей знания.

УДК 81

ББК 81

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2020

© Лаборатория психолингвистики ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 2020

ISBN 978-5-248-00974-9

DOI: 10.31249/berez/2020.22.00

Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation
Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Moscow State Linguistic University
Laboratory of Psycholinguistics

LINGUISTIC EXISTENCE OF HUMAN BEING AND ETHNOS

COLLECTION OF SCHOLARLY PAPERS

Issue 22

PROCEEDINGS OF XVII BEREZIN READINGS

MOSCOW 2020

UDC: 81

Reviewers:

T.A. Amirova, Doctor of Science in Philology

A.G. Sonin, Doctor of Science in Philology

Linguistic existence of human being and ethnos : Collection of scholarly papers. Proceedings of XVII Berezin readings (Moscow, 24-25 December 2020) / Edited by V.A. Pishchalnikova, L.R. Komalova, K.S. Kardanova-Biryukova, N.S. Panarina. – Moscow : INION RAN, 2020. – Issue 22: Proceedings of XVII Berezin readings. – 279 p.

ISBN 978-5-248-00974-9

The collection contains articles based on reports presented at the Annual international Berezinsky readings. The papers present various relevant areas of modern Linguistics, reflecting the modern picture of linguistic research in Russia and partly abroad. The collection includes articles on the methodology of Linguistics and Psycholinguistics, on Experimental and Applied Psycholinguistics and Cognitive Science, studies on the social existence of language, Translation Studies, functional, pragmatic aspects of different types of text analysis, the use of the achievements of Linguistics in modern linguistic expertise.

The publication is intended for a wide range of specialists, graduate students and undergraduates in the humanitarian fields of knowledge.

UDC: 81

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», 2020

© Laboratory of Psycholinguistics
FSBEI HE «Moscow State Linguistic University», 2020

ISBN 978-5-248-00974-9

DOI: 10.31249/berez/2020.22.00

Содержание

КАРТИНА МИРА И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ	11
<i>Афинская З.Н.</i> Социум и личность в процессе формирования картины мира	11
<i>Сумароков А.И.</i> Моделирование картины мира на основе индивидуального знака	14
<i>Утробина Т.Г., Шварко Л.И.</i> Специфика становления национально маркированных концептов в наивной картине мира	25
ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА	35
<i>Киосе М.И.</i> Аранжировка фокусов художественного текста и изображения: Конструирование и глагодвигательная интерпретация	35
<i>Кулькина В.М.</i> Гетеротопия как инструмент текстологии	40
<i>Таймур М.П.</i> Компрессия информации в смешанной метафоре в условиях глобализации на материале английского языка	45
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И КОГНИТОЛОГИИ	50
<i>Захарова Н.Е.</i> Реконструкция образа Бэе / Человека по соматизмам (на примере эвенкийского концепта Глаз)	50
<i>Коптелова И.Е.</i> О политике поддержки венгерским правительством венгерского языка среди соотечественников в сопредельных странах	57
<i>Коренева Е.В.</i> Электронные лексикографические ресурсы как современная форма представления испанского языка в его единстве и развитии	65
<i>Попова М.В.</i> Австрийский вариант немецкого языка как показатель формирующейся этничности	67
<i>Семкова А.В.</i> Структурно-семантические особенности конструкций, категоризирующих поведение и эмоционально-оценочное отношение	73
ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ	80
<i>Ерохина О.В.</i> Организация темпорального континуума в диалогическом дискурсе (на примере диалогов из ток-шоу Carpool Karaoke и The Tonight Show Starring Jimmy Fallon)	80
<i>Куликова О.В.</i> Нарратив персонифицированного бренда в мультимедийном пространстве	86
<i>Стародубова О.Ю.</i> Лингвистические механизмы конфликтогенности медийного дискурса	91

<i>У Юйцунцзы. Эвфемизмы как средство манипулирования сознанием в политических блогах</i>	96
<i>Хамити И. Специфика выступлений Си Цзиньпина</i>	101

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА РЕЧИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ..... 105

<i>Григоля И.В. Вербальные маркеры лжи на материале русских и английских текстов</i>	105
<i>Китанина Э.А., Цзэн Ялин. Лингвистическая характеристика политика по текстам интервью в газете «Женьминь Жибао»</i>	115
<i>Панасюгина Л.Е., Добрякова М.В. Ретроспективный обзор некоторых подходов к идентификации и диагностике иноязычного говорящего (криминалистический аспект)</i>	126

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 134

<i>Исупова М.М. Влияние национально-культурных факторов на когнитивные модели деловых писем</i>	134
<i>Коннова М.Н. Индивидуально-авторский темпоральный опыт и особенности его отражения в процессе перевода (на материале поэтических текстов)</i>	144
<i>Муляджанова Н.С. Паузация при устном переводе</i>	156
<i>Раренко М.Б. Прием адаптации при переводе медицинских текстов</i>	159
<i>Свердлова Н.А. К вопросу о моделировании процесса межъязыкового взаимодействия</i>	163
<i>Шипулин А.Г. Обработка вербальной информации и ментальное моделирование в процессе перевода</i>	167

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ..... 174

<i>Галяшина Е.И. Поликодовый текст интернет-коммуникации как объект судебной лингвистической экспертизы</i>	174
<i>Масленникова Е.М. Поликодовость вторичного текстового мира и культурное знание</i>	181
<i>Шенлебен М.М. Анализ лингвистических особенностей современных рекламных текстов в целях преподавания русского языка как иностранного</i>	191
<i>Щенникова Е.В. Невербальный лексикон комикса: В поисках метаязыка</i>	198

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БАЗОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	202
<i>Природина У.П.</i> Ихтионимы в шведском языке: Лингвокультурологический аспект	202
<i>Пэй Сянлинь.</i> Выстраивание межличностных отношений в конситуации выражения негативной оценки (на материале русского и китайского языков)	209
<i>Рылова Е.В.</i> Межкультурные смыслы медицинских терминов «болезнь», «лечение», «здоровье».....	217
<i>Фэн Юэ.</i> Этноспецифика мифологического концепта «Чаньэ» в китайской языковой картине мира (на основе корпусных исследований)	224
ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ ТЕКСТА И ДИСКУРСА	229
<i>Бокале П., Бригадой Колонья Д.</i> Дистальный дейксис и эпистемическая неопределенность в русском и китайском языках	229
<i>Калинин О.И.</i> К вопросу о причинах метафоричности: прагматика, типология и культура	239
<i>Карачина О.Е.</i> К вопросу об изучении экономической метафоры.....	247
<i>Козлова Е.А.</i> Формирование дискурсивной личности лидера.....	251
<i>Скоробренко И.А.</i> Организационно-педагогические условия формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка	256
<i>Солонович Л.В.</i> Лексико-семантическая группа глаголов обонятельного восприятия в немецком языке	263
<i>Трошина Н.Н.</i> Гендерно-корректная речевая коммуникация и система немецкого языка.....	269
<i>Чекмаева Н.А.</i> Интерпретация фигуры <i>Другого</i> в академическом дискурсе на материале стенограмм лекций и семинаров	273

Contents

PICTURE OF THE WORLD AND ITS LINGUISTIC MODELING	11
<i>Afinskaya Z.N.</i> Society and personality in the process of forming a picture of the world	11
<i>Sumarokov A.I.</i> Modelling picture of the world with the help of the individual sign	14
<i>Utrobina T.G., Shvarko L.I.</i> Specificity of the formation of nationally marked concepts in a naive picture of the world	25
TEXT UNDERSTANDING	35
<i>Kiose M.I.</i> Focus arrangement in text-image heterogeneity: Construal and eye-movement techniques	35
<i>Kulkina V.M.</i> Heterotopia as a tool of textual criticism	40
<i>Taymour M.P.</i> Compression of information in a mixed metaphor in the context of globalisation in English	45
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF LINGUISTICS, PSYCHOLINGUISTICS, AND COGNITOLOGY	50
<i>Zakharova N.E.</i> Reconstruction of the image of the Bae / Chelovek (Man) according to somatisms (on the example of the Evenk concept of eyes)	50
<i>Koptelova I.E.</i> On the Hungarian government's policy to maintain the Hungarian language among Hungarian ethnic minorities in kin-states	57
<i>Koreneva E.</i> Electronic lexicographic resources as a modern form of representation of the Spanish language in its unity and development	65
<i>Popova M.V.</i> Austrian German as an indicator of emerging ethnicity	67
<i>Semkova A.V.</i> Structural and semantic specifics of English constructions categorizing behavior and emotional-evaluative attitude	73
LANGUAGE DEVELOPMENT TRENDS IN MODERN MASSMEDIA AND INTERNET	80
<i>Erokhina O.V.</i> The organization of temporal continuity in dialogical discourse (illustrated by Carpool Karaoke and The Tonight Show starring Jimmy Fallon talk shows)	80
<i>Kulikova O.V.</i> One-man brand narrative in the multimedia environment	86

<i>Starodubova O.Yu.</i> Linguistic mechanisms of conflictogenicity in the media discourse	91
<i>Wu Yucongzi.</i> Euphemisms as a means of manipulating consciousness in political blogs	96
<i>Hamiti Y.</i> Specifics of Xi Jinping's speeches	101
LINGUISTIC SPEECH DIAGNOSTICS: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS	105
<i>Grigolaya I.V.</i> Verbal markers of lying (based on the analysis of Russian and English-language texts)	105
<i>Kitanina E.A., Zeng Yalin.</i> Linguistic characteristics of a political leader based on interviews in «People's Daily»	115
<i>Panasyugina L.E., Dobryakova M.V.</i> A retrospective review of some approaches to a foreign-language speaker identification and diagnostic (forensic aspect)	126
LINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF CROSSCULTURAL COMMUNICATION AND TRANSLATION	134
<i>Isupova M.M.</i> National and cultural factors as influencing cognitive models in business letters	134
<i>Konnova M.N.</i> Individual temporal experience and its linguistic representation in original and translated poetry	144
<i>Mullyadzhanova N.S.</i> Functions of pauses in the interpreting process	156
<i>Rarenko M.B.</i> Adaptation in medical texts translation	159
<i>Sverdlova N.A.</i> Towards modeling interlanguage interaction	163
<i>Shipulin A.G.</i> Verbal information processing and mental simulation in translation process	167
SEMIOTIC SYSTEMS TEXT INTERACTION SPECIFICS	174
<i>Galyashina E.I.</i> Polycode text in Internet-mediated communication as an object of forensic linguistic examination	174
<i>Maslennikova E.M.</i> Polycode phenomena in secondary text worlds and cultural knowledge	181
<i>Schoenleben M.</i> Analysis of linguistic specifics of modern advertising texts in the framework of teaching Russian as a foreign language	191
<i>Shchennikova E.V.</i> Non-verbal Lexicon of Comics: in Search of Metalanguage	198

LINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH ON BASIC ETHNIC VALUES	202
<i>Prirodina U.P.</i> Ichthyonyms in Swedish: Linguocultural aspect	202
<i>Pei Xianglin.</i> Building interpersonal relationship in the consituation of negative assessment expression (based on the Russian and Chinese languages)	209
<i>Rylova E.V.</i> Intercultural medical senses of illness, treatment, health	217
<i>Feng Yue.</i> Ethno-specific features of the mythological concept «Chang'e» in the Chinese language picture of the world (based on corpus studies)	224
ISSUES OF TEXT AND DISCOURSE SEMANTICS AND PRAGMATICS	229
<i>Bocale P., Brigadoi Cologna D.</i> Non-proximal deictics and epistemic uncertainty in Russian and Chinese	229
<i>Kalinin O.I.</i> Metaphor power: Pragmatics, typology and culture	239
<i>Karachina O.E.</i> Towards studying economic metaphor	247
<i>Kozlova E.A.</i> The formation of the leader's discursive personality	251
<i>Skorobrenko I.A.</i> Organizational and pedagogical environment for the formation of a foreign language teacher-to-be textual competence	256
<i>Salanovich L.U.</i> Lexico-semantic group of olfactory verbs in German	263
<i>Troshina N.N.</i> Gender-correct speech communication and the German language system	269
<i>Chekmaeva N.A.</i> Defining another in spoken academic discourse	273

**КАРТИНА МИРА И ЕЁ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ**

УДК 811.133.1 (075.8)

**Афинская З.Н.
Социум и личность в процессе формирования картины мира**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, afin-zn@mail.ru*

Аннотация. Языковая личность со своей картиной мира находится в постоянном диалоге с концептуальной картиной мира научного сообщества и культурой социума. В статье рассматривается проблема влияния социума на формирование картины мира индивида.
Ключевые слова: культура, личность, язык науки, Гастон Башляр.

**Afinskaya Z.N.
Society and personality in
the process of forming a picture of the world**

*Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, afin-zn@mail.ru*

Abstract. A linguistic personality with the picture of the world embedded in his/her mind is continuously interacting with the conceptual picture of the world of the scientific community and the culture of the society. The relevance of studying epistemology of science is related to the fact that it reveals one of the intrinsic features of human destiny, namely a human need to comprehend his/her existence in the environment.

Keywords: culture; personality; language of science; Gaston Bachelard.

Наука – социокультурная деятельность, направленная на постижение истины о природе и человеке. Ее когнитивные критерии (анализ фактов, систематизация концептов и понятий, их дефиниция) обуславливают специфику научных представлений, которые в сумме создают научную картину мира. Понятие «картина» предполагает отражение индивидом его представления об окружающем мире, организованного согласно законам изобразительности. Многообразии научных взглядов, подходов, теорий, реально существующих в мире даже в определенном отрезке времени, невозможно объединить в каком-либо ичерпывающем научном понятии, поэтому мы принимаем концепцию научной картины мира как «совокупности научных знаний о мире», взятую на определенном этапе развития общества [Корнилов, 2011, с. 9]. На современном этапе развития

общества формируется «... новая картина мира – постнеклассическая, в которой ведущую роль играют синергетическая концепция, антропный принцип... Природа и человек (субъект) неразрывно связаны в этой картине реальности, причем картиной ее можно назвать условно, скорее это «фильм», или даже «спектакль» действительности, в котором участвует сам зритель» [Войцехович, 2004, с. 181]. Наука, как и культура, основана на интерпретационном процессе, который предполагает индивидуальное понимание результатов науки и культуры в жизни общества. Восприятие мира индивидом подразумевает, согласно В.З. Демьянкову, «одновременно и интерпретационную деятельность (в этом можно видеть культурную обусловленность), и идеал, к которому мы стремимся (в этом цивилизационная составляющая понимания) ...» [Демьянков, 2016, с. 64]. Социальная обусловленность научной деятельности актуализируется в современном обществе. Как считают И.А. Бубнова и А.П. Клименко, «... сегодня есть все основания полагать, что представления о мире уже в значительной степени не являются обусловленными деятельностью личности. Они определяются социумом, последовательно навязывающим определенные идеи и намеренно тормозящим индивидуальную активность» [Бубнова, Клименко, 2016, с. 66].

«... Создавая величественную научную картину мира, ученые неизбежно используют свою логику, свое мышление» [Спиридонов, 2014, с. 112], поэтому только личный вклад ученого обогащает духовный потенциал общества: «On ne possède pas un bien spirituel qu'on n'a pas acquis entièrement par un effort personnel» [Bachelard, 1993, p. 133]. Согласно концепции Г. Башляра, процесс познания мира, научная культура общества сопряжены с осознанием необходимости глубинных изменений в культуре: «La culture scientifique doit déterminer des modifications profondes de la pensée» [Там же, p. 11] Наука – часть культуры, которая включает поиск смыслов в разных источниках. Поэтому и поэтический язык – создатель и хранитель новых смыслов и символов – может помочь естественным наукам выйти за рамки привычных представлений об окружающем мире. «Поэзия и Химия в определенном смысле одинаково безграничны» [цит. по: Балашова, 1972, с. 141], – предполагал Г. Башляр. Благодаря исследованиям поэтики сюрреализма и включением ее как одного из звеньев в эпистемологическую цепочку Наука-Философия-Поэзия, он создавал предпосылки для картины мира общества постмодернизма с неожиданными и непредсказуемыми ассоциациями идей. *Сюррационализм (le surrationalisme)* Г. Башляра можно рассматривать как «авангард» рационализма в том смысле как *сюрреализм* воплощает

философию и эстетику авангарда. После Башляра «разделить анализы культуры и науки стало уже невозможным» [Визгин, 1996, с. 20].

Язык как средство формирования научной картины мира представляет такую же ценность, как и достижения знания. Наиболее адекватное исходному замыслу выражение научной мысли интересует в практическом отношении всех носителей языка, в том числе и представителей науки всех ее направлений: «И это понятно, так как нет такой деятельности человека, которая обходилась бы без языка, для которой язык не имел бы значения» [Будагов, 2000, с. 24]; «научиться мыслить – важнее для освоения мира, чем овладеть практическим опытом» [Цивьян, 2006, с. 17]. В современном обществе, которое и существует для того, чтобы способствовать развитию образования, постоянно обретение знаний: «Il n'y a de science que par une Ecole permanente. C'est cette école que la science doit fonder. Alors les intérêts sociaux seront définitivement inversés : la Société sera faite pour l'Ecole et non l'Ecole pour la Société» («Не существует науки вне перманентного обучения. Именно такую школу должно основать общество. И тогда общественный интерес будет окончательно трансформирован: Общество будет формироваться ради Школы, а не Школа ради Общества». – Перевод наш. – З.А.) [Bachelard, 1993, p. 252].

Список литературы

- Балашова Т.В.* Научно-поэтическая революция Гастона Башляра // Вопросы философии. 1972. №9. С. 140-146.
- Бубнова И.А., Клименко А.П.* Психолингвистические проблемы семантики в постнеклассическую эпоху: новое знание как результат взаимодействия традиций и новаций // Вопросы психолингвистики. 2016. №1(27). С. 60-71.
- Визгин В.П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996. 263 с.
- Войцехович В.Э.* Куда эволюционирует наука? // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии научного познания. М.: Прогресс – Традиции, 2004. С. 173-183.
- Демьянков В.З.* Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: колл. Монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М., 2016. С. 61-85.
- Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие. 3-е изд. испр. М.: КДУ, 2011. 350 с.
- Спирidonов Вл.* Задачи, эвристики, инсайт и другие непонятные вещи // Логос. 2014. № 1(97). С. 97-108.
- Степанов Ю.С.* Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 168 с.
- Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 3-е изд. испр. М.: URSS, 2006. 280 с.
- Bachelard G.* L'engagement rationaliste. Paris:Quadrige, 1972. 190 p.
- Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique: Contribution à une psychanalyse de la connaissance. Paris: J.Vrin, 1993. 133 p.

Сумароков А.И.

Моделирование картины мира на основе индивидуального знака

*Международный независимый
эколого-политологический университет,
Россия, Москва, alexandre_sumarokov@rambler.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, в ходе которого осуществляется моделирование элементов картины мира субъекта с целью оптимизации его межличностных взаимоотношений на основе идеи *индивидуального знака*. Дается описание психологического тренинга, в ходе которого у испытуемых значительно повышается уровень коммуникабельности.

Ключевые слова: образ мира; языковая картина мира; концепт; психологический тренинг; индивидуальный знак; коммуникабельность.

Sumarokov A.I.

**Modelling picture of the world with
the help of the individual sign**

*International independent Eco-political university,
Russia, Moscow, alexandre_sumarokov@rambler.ru*

Abstract. The paper deals with the results of an experimental research, which consisted in modelling the world picture of a subject with the aim of optimizing interpersonal communication. This was done with the help of the individual sign concept. The paper focuses on a psychological training which resulted in considerable improvement in the subject's communication level.

Keywords: picture of the world; linguistic picture of the world; concept; psychological training; individual sign; communication.

Введение

В психике человека важную роль играет образ мира, который определяется как «целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, о других людях, о себе и своей деятельности... Деятельностная природа образа мира проявляется в наличии у него, наряду со свойственными физическому миру координатами пространства и времени, пятого квази-измерения: системы значений, воплощающей в себе результаты совокупной общественной практики. Их включение в индивидуальный акт познания обеспечивается участием целостного образа мира в порождении познавательных гипотез, выступающих как исходное звено при построении новых образов...» [Словарь практического психолога, 1998, с. 350-351].

С образом мира неразрывно связано понятие языковой картины мира. Это «...отраженный средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком» [Бердникова, 2012, с. 271]. Важным «компонентом концептуальной системы (то есть образа мира – А.С.), отражающим ее национальную специфику, является концепт (смысл) – когнитивная структура, являющаяся результатом отражения фрагмента действительности» [Бердникова, 2012, с. 272].

Постараемся ответить на вопрос: насколько адекватно языковой картиной мира отражаются элементы образа мира, такие как личностные системы значений пятого квазиизмерения, и концепты личностного опыта? Можно поставить вопрос несколько иначе: всегда ли человек способен оптимально мыслить на основе языковой картины мира? Отвечая на этот важный для нас вопрос, заметим, что, во-первых, несмотря на то, что мышление у человека существует на основе языка, национальный язык ограничивает познавательные и деятельностные возможности субъекта. Людвиг Витгенштейн говорил об этом феномене так: «Границы моей речи указывают на границы моего мира» [Витгенштейн, 2005, с. 180]. Во-вторых, «существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках, и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы или модифицированы, так что они существенно варьируют от культуры к культуре» [Ладо, 1989, с. 34-35].

Развивая тему нашей статьи, важно подчеркнуть, что значения не одинаковы и у носителей одной национальной культуры; у любого человека на личностном уровне значения в большей или меньшей степени всегда приобретают свои особые индивидуальные оттенки. Об этом говорили представители очень разных направлений психологии и языкознания. Например, младограмматики рассматривали язык прежде всего как *индивидуально-психологический* феномен [Березин, 1984, с. 97-101]. Тезис о том, что вполне правомерно говорить о существовании особого индивидуального языка отстаивали Г. Пауль, А.А. Потебня, Г. Штейнталь и многие другие. Но для нас наиболее важным является тот факт, что значений, представленных в языке очень часто субъекту не хватает для того, чтобы вербально зафиксировать концепты своего личностного опыта. Доказательством этого феномена является реализация постоянного словотворчества субъектами на разных уровнях – личностном, уровне малых групп, например, в семьях [Семенова, 2019, с. 166-168], в рабочих коллективах, и на диалектном, жаргонном и национальном уровнях.

Но, по нашему мнению, наименее успешно этот процесс совершается именно на личностном уровне. В любой группе, даже совсем небольшой, состоящей из двух-трех человек, данный феномен реализуется более успешно, и чем больше группа, тем более эффективно. А если в группе представлена та или иная деятельность, то с очень большой вероятностью у субъектов возникнет необходимость вербально обозначить ее индивидуально-групповые особенности. Известный популяризатор наук, изучающих феномен языка, У. Фолсом, рассматривая проблему формирования речи у первобытных людей, высказался по этому поводу коротко и ясно: «Речь = больше еды!» [Фолсом, 1974, с. 26]. Уточним, в данном случае У. Фолсом говорит не столько о коммуникации, сколько о мышлении. По нашему мнению, заниматься продуктивным словотворчеством на субъективно-личностном уровне гораздо сложнее, так как в этом случае отсутствует феномен группового закрепления таких лексических единиц в общении и совместной деятельности.

Перед описанием экспериментальной части нашего исследования мы должны дать определение вводимого нами *понятия индивидуального знака* как *«любого психического средства, с помощью которого может быть зафиксирована та или иная единица личностного опыта субъекта»*. Разновидностью индивидуального знака является индивидуальная лексическая единица [Сумароков, 2015, 2019].

Методика и процедура исследования

Основная гипотеза нашего исследования состоит в том, что использование искусственно созданных индивидуальных знаков в различных видах деятельности приводит к значительной ее оптимизации. Исследование включает в себя несколько этапов. Ниже мы опишем основные этапы формирования гипотезы и практической части нашего исследования.

1. 1981-1986 гг. Разработка гипотезы, небольшое количество экспериментов (четверо испытуемых, в том числе автор данной статьи) Цель исследования состояла в оптимизации учебной деятельности студентов.

2. 1986-2004 гг. Начало проведения исследования с привлечением большого количества испытуемых. Работа по нескольким направлениям (оптимизация учебной деятельности и межличностных взаимоотношений студентов, оптимизация профессиональной деятельности преподавателя вуза и др.). Разработка методик исследования.

3. 2004-2010 гг. Проведение исследования по оптимизации межличностных взаимоотношений студентов, фрагменты которого описаны в настоящей статье.

В 1986-2010 годах испытуемыми описанного в настоящей статье фрагмента исследования являлись студенты первого и второго курсов гуманитарных факультетов МГОУ (Московский государственный областной университет, современное название).

Важная особенность нашего исследования состояла в том, что мы фактически проводили эксперимент по моделированию образа мира (картины мира). Вначале диагностировали каждого испытуемого, далее разрабатывали оптимальную модель поведения (как, например, у нижеописанного Испытуемого Л.), в ходе тренинга модель осваивалась, происходила ее частичная коррекция, и далее модель поведения органично интегрировалась как в образ мира, так и в языковую картину мира. При этом процесс протекал гораздо более успешно, если освоение происходило на основе индивидуального знака.

Перейдем к практической части исследования.

Как уже отмечалось, на основе индивидуальных особенностей того или иного субъекта для каждого испытуемого разрабатывался комплекс моделей поведения (концептов), обеспечивающий преодоление трудностей в общении, с включением практических методов разрешения конфликтных и предконфликтных ситуаций по методике К. Томаса [Духновский, 2010] и транзакционного анализа Э. Берна [Берн, 2008].

Приведем пример формирования такого рода концепта. У Испытуемого Л. существовала проблема – ему с очень большим трудом удавалось установить отношения с незнакомым человеком. Субъекту тренинга предложили освоить модели поведения в сравнительно несложной ситуации – завязать непринужденную беседу на улице с кем-либо (реально действие в таких случаях происходит на тренинговой площадке). Испытуемый освоил несколько моделей поведения (необходимое их количество для формирования оптимального навыка общения обычно равно пяти), многократно проигрывал их, добиваясь полной непринужденности в выборе в конкретной ситуации наилучшей из них. В реальной жизни после этого тренинга у испытуемого появилась возможность легко устанавливать отношения с незнакомыми людьми.

Опишем более конкретно такую модель поведения. В первой части на первом этапе испытуемому предлагается начать разговор по схеме «взрослый – взрослый» (термин Э. Берна, предполагает общение в «официальном» стиле), одновременно проявляя модель поведения «сотрудничество» (термин К. Томаса, в данном случае означает готовность выслушать собеседника, обсудить какую-либо тему и по возможности выработать общее мнение о чем-либо). Кроме того, испытуемый во время беседы проявлял специально для него разработанные комплексы, включающие жестикуляцию, ритм речи и мимику; на подсознательном уровне они формировали у собеседника

чувство доверия к испытуемому. Одновременно испытуемый отслеживает состояние собеседника; дальнейшие нижеописанные действия (на втором этапе) проводились только в том случае, если партнер по коммуникации выражал доброжелательность и готовность завязать отношения. Вариант проявления недружелюбия и тем более агрессии предполагал применение в дальнейшем иных, более сложных моделей поведения.

На втором этапе субъект тренинга незаметно менял тактику поведения: переходил к схеме «ребенок – ребенок» (по Э. Берн, главная особенность этих отношений – максимальные открытость, непринужденность и спонтанность), одновременно проявлял «компромиссность» (по К. Томас, предполагает готовность если не принять точку зрения собеседника, то постараться найти во взглядах что-нибудь общее), и, кроме того, менял ритм речи и жестикуляцию. На третьем этапе испытуемый в зависимости от особенностей ситуации реализовывал одну из схем – «родитель – ребенок» или «родитель – взрослый» (по Э. Берн, данные модели предполагают доминирование над собеседником), одновременно проявлял «противоборство» (по К. Томас, склонность к отстаиванию исключительно своей точки зрения; в некоторых переводах – «соревнование»).

Во второй части исследования каждому испытуемому предлагалось выполнить три аналогичных контрольных задания, которые по уровню сложности были гораздо выше тех, которые предлагались в первой части, например, завязать разговор с группой из трех человек, выступить посредником в споре незнакомых людей, устроиться на работу в ситуации, когда двум собеседникам, сотрудникам кадровой службы, испытуемый почему-то изначально не понравился, но на самом деле у них есть возможность принять его на работу.

Успешность разрешения ситуации испытуемым, предложенной на второй части тренинга, оценивалась по двухбалльной шкале: задание было либо выполнено, либо нет.

Общая структура формирующего эксперимента выглядела следующим образом. Были сформированы две большие квазигруппы – контрольная и экспериментальная, в каждой из которых было по 16 квазиподгрупп, собранных из представителей одного и того же психологического типа в соответствии с теорией К.Г. Юнга [Юнг, 2001] и уровнем коммуникабельности – высоким или низким. После проведения эксперимента проводился тренинг-тестирование, целью которого было определение уровня коммуникабельности испытуемых по тем же критериям – высокий или низкий.

В описании данного исследования невозможно пропустить одну немаловажную деталь. Особая трудность заключалась в том, что в нашем исследовании применялся не обычный эксперимент, а квазиэксперимент.

Приведенные выше данные о двух больших квазигруппах и 16 квазиподгруппах следует считать *итоговыми*. Методики исследования были разработаны далеко не сразу. В течение нескольких лет они корректировались, и нередко бывало, что новый вариант серьезно отличался от предыдущего, и эксперимент приходилось повторять, так как включить полученные ранее данные в итоговый вариант не представлялось возможным. Отметим одну важную особенность: исследование проводилось в основном на факультативных занятиях по психологии и в редких случаях – на семинарах. Очень часто бывало, что для создания определенной тренинговой ситуации для того или иного испытуемого, входящего в какую-либо квазиподгруппу, требовались другие испытуемые, но они учились на другом отделении, иногда – факультете, и в связи с этим длительность одного такта исследования (время между тестированиями от предварительного до итогового) не всегда было одинаковым, но, как правило, укладывалось в учебный год, в котором первые и последние три-четыре недели в семестре исключались из данного процесса. Конечно, многие испытуемые были готовы участвовать в тренинге в любое время, но часто необходимую группу собрать не удавалось.

В обеих больших группах, охватывавших всех испытуемых, проводился тренинг, состоящий из двух этапов по схеме, описанной выше. В контрольной группе этим все ограничивалось; в экспериментальной группе в ходе процесса овладения какой-либо новой моделью поведения, а также всем комплексом моделей поведения в целом, каждый испытуемый опосредовал их индивидуальным знаком, по сути являвшимся искусственной индивидуальной лексической единицей: лон, твэл, ликор и т.д. Аналогичный способ опосредования объектов деятельности описан в работе Л.С. Сахарова [Сахаров, 2006].

Как уже отмечалось выше, «с образом мира неразрывно связано понятие языковой картины мира», но для их оптимальной связи необходимо выполнение одного, казалось бы, не принципиально важного условия: искусственные лексические единицы должны быть «удобными» для запоминания и мышления, а создать таковые далеко не всегда представляется возможным.

Это проявляется в особенностях образа мира и языковой картины мира у занимающихся разными видами деятельности, например, у некоторых спортсменов, в частности, у представителей борьбы самбо (особая форма межличностных взаимоотношений) Так, среди названий приемов этой борьбы существуют однословные термины, такие как *мельница*, *ножницы*, но имеется и немало описательных названий типа *задняя подсечка с обратным захватом ноги от боковой подсечки*. Важно отметить, что попытки сделать этот термин более «удобным», например,

сократить его, неизбежно приведут к путанице, так как в самбо существует множество близких терминов: *задняя подсечка, боковая подсечка, подсечка с захватом ноги снаружи* и др.

В описании методики, использующей индивидуальный знак, необходимо ответить на вопрос, который много раз довелось слышать автору этой статьи: зачем нужны псевдослова для номинации этих знаков? Не лучше ли обозначать их русскими или какого-нибудь иностранного языка?

Каждая из опосредуемых моделей включала в себя множество разноплановых элементов, и испытуемый должен был освоить их в комплексе. Это означает, что обозначить их следовало одной лексической единицей, которая должна занимать свое уникальное место в языковой картине мира испытуемого и оптимально соответствовать новым формируемым концептам его образа мира. А такой лексической единицы, в полной мере, отражающей индивидуально-психологические особенности испытуемого, в соответствии с которыми была разработана каждая модель поведения, ни в одном национальном языке не существует.

Конечно, можно было пойти другим путем: опосредовать модель простым перечислением ее компонентов и считать их чем-то вроде устойчивого словосочетания. Но если мы возьмем, например, первый этап первой части, то описание выглядело бы примерно так: «взрослый – взрослый, сотрудничество, незаметно наблюдаю за собеседником – как он на меня реагирует ...». Список получается очень длинным, но заметим, жестикуляцию и мимику, разработанные специально для того или иного испытуемого, в подобное словосочетание включить невозможно – слишком они индивидуальны. Но если все-таки попробовать опосредовать модель поведения таким образом, то испытуемый на тренинговой площадке будет напоминать боксера, который во время боя вынужден постоянно вспоминать, что же ему делать дальше. Он не сможет оперировать концептом в целом, а будет вынужден припоминать отдельные его компоненты. И еще один важный недостаток: таким «опосредованием» очень сложно оперировать во внутреннем плане, производить над содержанием, которое опосредуют лексические единицы, мыслительные операции.

Так что же делать, может быть, назвать всю модель поведения каким-нибудь одним словом или словосочетанием, обозначающим компонент этой модели, например, словом *сотрудничество*? Но так же, как и в вышеописанном примере про названия приемов борьбы самбо, это тупиковый путь, так как сотрудничество входит и в другие модели поведения, которые могут быть в первой части на первом этапе. А модели поведения необходимо дифференцировать.

Казалось бы, существует еще одна возможность: обозначать модели поведения какой-либо лексической единицей родного языка, которая обобщила бы все компоненты модели поведения. Но против этого есть два возражения. Во-первых, подобрать близкое по значению слово бывает довольно сложно, а чаще всего просто невозможно. Во-вторых, значение, которое стоит за этим словом в родном языке, все равно не может в полной мере соответствовать формируемому на тренинге индивидуальному значению. Тогда, может быть, называть концепты каким-либо иностранным словом? Но если такое слово не включено в активный словарь субъекта и если оно воспринимается как незнакомое, то в данных условиях оно может представлять собой для испытуемого индивидуальную лексическую единицу, однако в ходе экспериментального исследования мы пришли к выводу, что правильнее применять искусственные слова.

Продолжим рассматривать процесс формирования новых концептов и навыков поведения в ходе тренинга и изменения, которые происходят в образе мира и в языковой картине мира с позиций теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [Гальперин, 1966]; [Сумароков, 2015].

На первых трех этапах формирования мотивационной основы действия, составления схемы ориентировочной основы действия и появления действий в материальной форме, образ мира меняется, однако действие опосредуется невербально, соответственно – мотивами, представлением системы ориентиров и представлением образцов действия. Заметим, что оперировать формируемыми действиями во внутреннем плане (сравнивать их между собой, проводить обобщение и т.д.) на первых трех этапах довольно сложно.

Итак, у испытуемых обеих групп – контрольной и экспериментальной, особенно у тех, кто успешно освоил новую модель поведения, на первых трех этапах, образ мира изменился: у них в большей или меньшей степени были сформированы коммуникативные навыки, однако изменения не получили непосредственную связь с их языковой картиной мира. Когда после тренинга испытуемых, успешно выполнивших предложенное задание, просили объяснить, каким образом им удалось это сделать, они не могли ответить на этот вопрос.

На четвертом этапе – этапе появления «громкой социализованной речи», после многократного правильного повторения действия появляется возможность обозначить его вербально, что предполагает его отражение в языковой картине мира.

На пятом этапе формируется «внешняя речь про себя» – постепенно уходит внешняя, звуковая сторона речи и испытуемые экспериментальной

группы «привыкают» к существованию индивидуальных знаков, начинают считать их чем-то совершенно естественным.

На шестом этапе речевой процесс как бы исчезает, остается только его предметное содержание.

На четвертом – шестом этапах испытуемые контрольной группы, как и самбисты, либо используют «прием» неадекватного «сокращения», когда тот или иной признак или компонент действия отождествляется со всем действием, либо опосредуют моторные, сенсорные, эмоциональные, коммуникативные и предпонятийные компоненты того или иного действия. В экспериментальной группе четвертый-шестой этап реализуются на основе индивидуального знака.

Интересно отметить, что многие испытуемые, прошедшие вышеописанный тренинг, никогда не сомневались в необходимости применения индивидуальных лексических единиц, и от многих приходилось слышать примерно такую мысль: они сыграли свою роль и ушли.

После прохождения описанных выше тренинговых заданий у всех испытуемых повышался общий уровень коммуникабельности, у них появлялась возможность оптимально вести себя не только именно в таких условиях, которые проигрывались на тренинге, но и в таких, которые, на первый взгляд, мало напоминали все то, что предлагалось в процессе освоения новых моделей поведения, для которых сформированная ориентировочная основа действия оказалась схожей.

Результаты исследования

В нашем исследовании индивидуальные знаки являются элементами языковой картины мира, опосредующей структуры образа мира, а именно «пятого квазиизмерения», то есть «системы значений, воплощающей в себе результаты совокупной общественной практики». Сформированные на тренинге модели поведения представляют собой концепты, опосредованные индивидуальными знаками, которые по результатам наших исследований оптимизируют психическую активность субъекта в целом. Субъект, имеющий в своем сознании индивидуальные знаки, начинает опираться на них как в мышлении, так и в деятельности. Кроме того, у него появляется возможность при проигрывании приобретенных моделей поведения – на тренинговой площадке, в реальном общении, а также во внутреннем плане не только лучше их запоминать, но и реализовывать над ними мыслительные операции – анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, категоризацию и другие.

Таким образом, модель поведения, описанная выше, у части испытуемых привела к появлению совершенно новых установок и навыков в общении и в деятельности. Так, проблема затрудненности общения с незнакомым человеком может проявляться в том, что

испытуемому трудно реализовать «первый шаг» и начать с партнером по общению непринужденный разговор на отвлеченную тему. Обычно такого рода модель поведения называют «салонной беседой». Проблем в общении не возникает только в том случае, если собеседник активно идет навстречу. При глубоком изучении индивидуально-психологических особенностей деятельности такого испытуемого выясняется, что, как правило, ему тяжело начать заниматься чем-то принципиально новым, он, как принято говорить, «долго раскачивается». После проведения тренингов происходит осознание его результатов, и модель поведения становится личностно значимой и явно выходит за пределы общения; при решении задач у испытуемого появляется тенденция действовать в соответствии с тактикой приобретенной модели поведения: «разведать обстановку» с помощью какого-либо «нейтрального» способа (именно такой является модель поведения первой части первого этапа), установить суть проблемы, в максимальной степени погрузиться в проблему, постепенно начать действовать, решить проблему по-своему. Введение индивидуального знака значительно оптимизирует этот процесс сознательного проектирования развития своей личности. Тезис о том, что индивидуальный знак (в настоящей статье – только в рамках оптимизации межличностных взаимоотношений) способствует появлению личностных изменений у испытуемых, например, установок, подтверждают результаты исследования локуса контроля³ у испытуемых – участников тренинга [Сумароков, 2020, с. 503-505].

Полученные нами экспериментальные данные в разных группах в течение 1986-2010 гг. значительно отличаются, но в среднем тренинг на основе методики индивидуальных знаков повышает уровень интернальности на 13-15%.

В основном эксперименте по проверке гипотезы об оптимизации процесса формирования коммуникабельности на основе индивидуальных знаков, подгруппы формировались (напомним, это был квази-эксперимент) таким образом, чтобы предварительные результаты тестирования укладывались в схему 30-35% – удачное решение ситуации, 70-65% – неудачное. В итоговом тестировании удачный результат в

---

³ Как известно, «локус контроля – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности: 1) внешним силам – экстернальный, внешний локус контроля... 2) собственным способностям и усилиям – интернальный, внутренний локус контроля» [Психологический словарь, 2003, с. 226-227]. «Склонность к внешнему локусу контроля проявляется наряду с такими чертами, как неуверенность в своих способностях, неуравновешенность, стремление отложить реализацию своих намерений на неопределенный срок, тревожность, подозрительность, конформность и агрессивность» [Там же]. «Люди, обладающие внутренним, более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении поставленной цели, склонны к самоанализу, уравновешены, общительны, доброжелательны и независимы» [Там же].

экспериментальных группах у 90% испытуемых был в среднем 55%; в контрольных группах – 35%.

Выскажем предположение о том, что ментальная деятельность, в которой подвергаются осмыслению результаты практической деятельности и общения, является одним из вариантов актуализации языкового бытия. Ф.М. Березин и Б.Н. Головин в книге «Общее языкознание» отмечали, что «... язык – это условие и средство речевого моделирования актов работающего сознания. Тем самым язык позволяет контролировать деятельность сознания, сопоставляя его речевую модель с моделируемыми явлениями действительности (курсив наш. – А.С.). Сознание по отношению к языку оказывается одним из главных условий, вызывающих перемены в лексико-семантической системе языка, условием и основной причиной речевого функционирования» [Березин, Головин, 1979, с. 88].

Список литературы

- Бердникова Д.В.* Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции). Москва, 2012, 481 с.
- Березин Ф.М.* История лингвистических учений. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1984. 319 с.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. Москва, 1979. 416 с.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Москва, 2008. 576 с.
- Витгенштейн Л.* Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. Москва, 2005. 440 с.
- Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. Москва, 1966. 476 с.
- Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений. Санкт-Петербург: Речь, 2010. 140 с.
- Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. Москва, 1989. 440 с.
- Психологический словарь / Под ред. Ю.Л. Неймера. Ростов-на-Дону, 2003. 640 с.
- Сахаров Л.С.* О методах исследования понятий // Культурно-историческая психология. 2006. № 2. С. 32-47. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12511407>
- Семенова С.Ю.* Язык семьи в воспоминаниях // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVI Березинских чтений (Москва, 24-25 мая 2019 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой. Москва: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 21. С. 166 -168. <http://inion.ru/ru/publishing/journals/iazykovoe-bytie-cheloveka-i-etnosa/2019-21/>
- Словарь практического психолога / Головин С. Ю. Москва; Минск, 1998. 800 с.
- Сумароков А.И.* Изменение локус контроля в результате тренинга с применением методики индивидуальных знаков // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с

международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2020 г.). Москва, 2020. С. 503-505.

Сумароков А.И. Преодоление конфликтных и предконфликтных ситуаций на основе методики индивидуальных знаков // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). Москва, 2019. С. 184-185.

Сумароков А.И. Формирование коммуникативных моделей поведения на основе индивидуальных знаков / Материалы I Всерос. конф. Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения в правоохранительной сфере. Москва, 2015.

Фолсом У. Книга о языке. Москва, 1974. 165 с.

Юнг К.Г. Психологические типы. Санкт-Петербург, 2001. 693 с.

УДК: 81'23

Утробина Т.Г., Шварко Л.И.
Специфика становления национально маркированных концептов
в наивной картине мира

*Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, Барнаул, tatianautrobina@mail.ru, lidya.shvarko@yandex.ru*

Аннотация. Статья рассматривает особенности ассоциативных репрезентаций национально маркированных концептов в языковой картине мира. Разработанная концепция проведения психолингвистического исследования основана на соотносимых сериях свободного ассоциативного эксперимента, имеющих гибкие, вероятностные ограничения контингента испытуемых, профессионально ориентированных на работу с детьми дошкольного возраста. Национально маркированные концепты имеют прямое отношение к респондентам, их картине мира в профессиональном и бытовом плане.

Ключевые слова: концепт; национально маркированный концепт; картина мира; языковая картина мира; наивная картина мира; межкультурная коммуникация; ассоциативный эксперимент.

Utrobina T.G., Shvarko L.I.
Formation of nation-specific concepts in
naive picture of the world

*Altai State Pedagogical University,
Russia, Barnaul, tatianautrobina@mail.ru, lidya.shvarko@yandex.ru*

Abstract. The paper looks into specifics of associative representations of nation-specific concepts in the language picture of the world. The proposed concept of a psycholinguistic research includes a series of free associative

experiments which feature flexible, probabilistic limitations of the sample of respondents, who work with preschoolers. Nation-specific concepts are directly related to the respondents involved, their picture of the world in professional and everyday terms.

Keywords: concept; nation-specific concept; picture of the world; language picture of the world; naive picture of the world; intercultural communication; associative experiment.

Введение

Познание человека через языковое бытие этноса, научное моделирование психолингвистических конструктов, определяющих смысл и ценность продуктов речевой деятельности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного существования целого народа и – даже шире – человечества вызывает неиссякаемый интерес ученых уже более полувека. Термин «картина мира» соединил колоссальное количество векторов и естественных, и гуманитарных научных подходов. Психолингвистическое направление исследования картины мира актуализировало разные понятия и связанные с ними методологии анализа: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, языковое сознание, лингвокультурный концепт, инокультурный концепт и др.

Широта разрабатываемых научных концепций объясняется достаточно просто. «В картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное» [Гончарова, 2012, с. 398]. Соотношение внешнего и внутреннего, национального, общекультурного и личностного, безусловно, принципиально индивидуальны, если рассматривать конкретного человека. Однако понимание коллективной картины мира в проекции на языковое бытие определяет языковую картину мира как соотносимый, имеющий пересечения, но не тождественный термин. Обусловленность языковой картины мира этническим языком, с одной стороны, специфицирует ее, с другой стороны, ограничивает глобальность содержания и экспонентов картины мира.

Следует отметить, что под наивной картиной мира в психолингвистических исследованиях понимается не упрощенный вариант, и не антагонист научной картины мира, хотя иногда наивную картину мира называют донаучной, обыденной, бытовой. В таком понимании наивная картина мира ничуть не проще научной картины мира, наоборот, сложнее. Наивная картина мира исследуется по двум направлениям. Во-первых, это «отдельные, характерные для данного языка концепты» [Вавилова, 2005, с. 171], во-вторых, реконструкция присущего языку цельного взгляда на мир. С такой установкой согласуется понимание того, что «языковая картина мира выполняет две

базисные функции: интерпретативную, обеспечивающую видение мира, и регулятивную, служащую ориентиром человека в мире» [Гончарова, 2012, с. 402]. Поэтому возможны построения научных моделей языковой картины мира, ограниченной профессиональными, возрастными и другими вероятностными характеристиками.

Смысловая организация структуры ассоциативного поля, отношения его компонентов, структура языкового значения являются формами хранения этнических знаний о мире [Пищальникова, 2007]. Системно-языковое противопоставление значения и значимости предъявляемых в ассоциативном эксперименте слов-стимулов формирует «ассоциативно-вербальные сети, или ассоциативные поля, которые также являются производной культуры» [Уфимцева, 2015б, с. 119]. Такой подход позволяет осуществить «моделирование языкового сознания через построение по данным массового ассоциативного эксперимента ассоциативно-вербальной сети» [Уфимцева, 2016, с. 240].

Введение гибких, вероятностных ограничений по отбору респондентов, участвующих в ассоциативном экспериментальном исследовании, позволяет установить и проанализировать направление интерпретаций или изменения смысла, связанные с введенными ограничениями. Такими ограничениями могут быть: профессиональная принадлежность, возрастные характеристики, геолокация постоянного места проживания, сезонность, социально-значимые события и т.д. Гибкость и вероятность таких ограничений обусловлена и относительностью самого ограничения, например, средний возраст группы – 35 лет, но в эту группу входят и 18, и 28, и 60-летние респонденты, но в большинстве от 30 до 40 лет. С другой стороны, результаты ассоциативного эксперимента – это ментальные структуры, которые отражают личностный перцептивный опыт респондентов и могут быть репрезентированы различными языковыми элементами, что так же носит вероятностный характер. Однако анализ структуры концепта, соотношения компонентов ассоциативного поля, содержательные интерпретации устанавливаются изменения в языковом сознании, в языковой картине мира. Установление современных трендов интерпретации национально маркированных концептов, а также концептов, связанных с профессиональной деятельностью респондентов, или концептов, ранее вошедших в социокультурную реальность, может свидетельствовать о специфике современной наивной картины мира и прогнозировать лингвокультурные последствия в целом для социума. Подобные экспериментальные исследования «открывают возможность наглядно увидеть и проанализировать содержание значения слова как отражения социокультурной реальности в его временной динамике» [Уфимцева, 2015а, с. 92].

Проблема вхождения национально (культурно) маркированного концепта в картину мира другого языка, в частности русского языка, устанавливает особенности межкультурного взаимодействия и культурной интеграции, формируемые крайне широким спектром социальных, событийных, а также коммуникативных и системно языковых факторов. Использование терминологического выражения национально маркированный концепт наряду с лингвокультурным концептом считаем оправданным в целевых параметрах. «Лингвокультурный концепт – комплексная ментальная единица, формирующаяся в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включения данного фрагмента в контекст культуры и его воплощения в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума» [Слышкин, 2005, с. 34]. Предложенная дефиниция лингвокультурного концепта целью его функционирования определяет межкультурную коммуникацию с формой его воплощения в вербальных единицах. Употребляя термин «национально маркированный концепт», на наш взгляд, мы подчеркиваем функционирование ментальной структуры в определенном, в частности русском, языке, степень интегрирования в нем национально маркированного концепта, его дискурсивность. В таком плане снимается и вероятностная конфликтность, когда «в межкультурном общении язык может становиться инструментом конфликта» [Балясникова, Уфимцева, 2020, с. 29]. «Знания, которые связаны с культурными предметами, обозначаемыми словами-эквивалентами разных языков (или, точнее, квазиэквивалентами), оказываются различными и могут в ситуации межкультурных контактов противоречить друг другу. Такие конфликты непонимания (неполного понимания) в условиях межкультурного общения – не исключение, а, скорее, норма» [Балясникова, Уфимцева, 2020, с. 29]. Под национально маркированными концептами понимаются не слова-эквиваленты, а смыслы, соотносимые с предметами, явлениями, героями, имеющими уникальную национальную (культурную) окраску.

Материал и методы исследования

Экспериментальное исследование проводилось на базе Алтайского государственного педагогического университета в 2019-2020 гг. Содержательно и методологически исследование соответствует свободному ассоциативному эксперименту. Специфической чертой исследования следует назвать контингент респондентов, профессионально ориентированных и осуществляющих свою профессиональную деятельность с детьми дошкольного возраста в различных дошкольных учреждениях и организациях дополнительного образования. Структурно

экспериментальное исследование имеет соотносимые между собой четыре серии.

Первая серия (пилотный эксперимент) проводилась с помощью напечатанных анкет среди работающих в дошкольном образовании респондентов. Возрастная категория респондентов охватывала диапазон от 18 до 57 лет, но в основном возраст колебался от 30 до 40 лет, поэтому эту группу отметим средним возрастом приблизительно 35 лет. Общее число респондентов составило 100 человек (5000 реакций).

Вторая серия эксперимента проводилась на материале тех же анкет, однако анкеты предъявлялись не в печатном виде, а в звуковой форме: респондентам в течение 10-15 секунд предлагалась записать первое пришедшее в голову слово после произнесения по порядку слов-стимулов. Логика второй серии эксперимента заключалась в воспроизведении звуковой формы, имеющей фоническую языковую маркированность национально-ориентированных концептов. Респондентами второй серии экспериментального исследования стали студенты кафедры дошкольного и дополнительного образования Алтайского государственного педагогического университета, всего на этом этапе получено 41 анкета (2050 реакций). Средний возраст респондентов второй серии 20 лет.

В третьей серии эксперимента приняли участие 45 респондентов – взрослые работники сферы дошкольного образования, приехавшие из разных населенных пунктов Алтайского края на курсы Института дополнительного образования Алтайского государственного педагогического университета. Возрастная категория третьей серии соотносима с участниками первой серии – это люди от 30 до 45 лет, средний возраст этой группы отметим приблизительно 40 лет. Анкета ненаправленного ассоциативного эксперимента была принципиально переработана: убраны все фонически маркированные национально-ориентированные концепты и сопровождавшие их слова со схожей звуковой формой, служащие для рассеивания внимания от инокультурных концептов. Анкета третьей серии включала наиболее частотные концепты рождественско-новогодней тематики, названия национальностей в форме прилагательного, а также названия традиционных блюд национальных кухонь, активно используемых организациями общественного питания в г. Барнауле Алтайского края. Представленные в качестве стимулов национальности (и блюда) были ориентированы миграционными показателями Алтайского края и г. Барнаула, а также учебными материалами различных (дошкольное и высшее) уровней образования. Для чистоты эксперимента анкета содержала дополнительные 3-4 слова, сходные по смыслу и форме, на актуальный для нашего исследования концепт. В третьей серии экспериментального исследования получено 2880 реакций.

Четвертая серия эксперимента по анкете соответствует третьей серии, а по социальным и возрастным характеристикам респондентов – второй серии. В четвертой серии экспериментального исследования приняли участие студенты второго курса бакалавриата по направлению дошкольного и дополнительного образования в количестве 22 человек, средний возраст этой группы испытуемых составил 20 лет. В анкете были убраны инокультурные концепты, так как идеей этой серии было установление частотности реакций этой возрастной группы (кто в будущем будет работать с детьми дошкольного возраста) на общие русскоязычные концепты, связанные с новогодней тематикой и названием блюд русской кухни, а также обратных реакций на полученные в предыдущих сериях национально-нейтральных и русско-ориентированных откликов. Число полученных в четвертой серии откликов составляет 1034 реакции. Таким образом, на разных этапах проведения исследования в ассоциативном эксперименте приняли участие 208 человек, профессионально ориентированных на работу с детьми дошкольного возраста, в совокупности получено 10964 реакции.

В данной работе представлены результаты анализа реакций пилотного (первой серии) эксперимента на два доминантных соотносимых национально маркированных концептов-стимулов как установочный параметр оценки элиминирования инокультурных лакун и проявления вариативных смысловых признаков современной картины мира.

Результаты пилотного эксперимента и обсуждение

Представленная выше структура экспериментального исследования оправдана двумя факторами. Во-первых, авторами статьи в середине 1990-х годов прошлого столетия уже были предприняты попытки анализа русскоязычной картины мира, инокультурных концептов и связанных с ними текстовых лакун [Шварко, 1995; Утробина, 1996]. Полученные выводы проведенных ранее работ методом свободного ассоциативного эксперимента интересно сопоставить с аналогичным или близким материалом проводимого современного исследования. Во-вторых, все серии экспериментов имеют повторяющиеся доминантные концепты-стимулы, что придает, на наш взгляд, системную устойчивость проводимого исследования и координацию выдвигаемых к анализу когнитивных признаков. Так, системно устойчивым признаком можно назвать профессиональную ориентацию респондентов, а средневозрастная характеристика предполагает не столько физиологическое варьирование и связанное с ним восприятие, сколько тот факт, что взрослые респонденты не просто глубже знакомы с многими национально маркированными концептами, но и применяли их в работе с детьми, объясняли и адаптировали их к русско-язычной картине мира и современной российской и региональной действительности, более того, средний

возраст 35 лет (если вычесть четверть века) – это как раз тот контингент респондентов, участвовавших в исследовании Л.И. Шварко относительно инокультурных концептов у детей младшего школьного возраста. Варианты печатного и звукового предъявления слов-стимулов, согласно первичной обработке данных, не внесло значимых различий в структуру ассоциативных полей разных серий исследования: и при печатном предъявлении анкеты приблизительно от 5 до 15% реакций носят звуко-символический, фоносемантический или звукоподражательный характер. Однако звуковое предъявление национально маркированных концептов стало причиной ошибочной записи концепта или даже сменой концепта (например, запись респондентами кириллицей Jingle Bells как джинглбенз).

В ассоциативных реакциях на концепт «Дед Мороз» в пилотном эксперименте доминируют частотные отклики – 90%, единичные реакции – 10% (отказов нет). Структура ассоциативного поля по модели В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 2007, с. 154] представлена тремя компонентами: представление (58% и только частотные реакции), предметная соотнесенность (34% – частотные и единичные реакции), понятийный компонент (низкочастотные – по 2% три реакции – и единичные).

Компонент «представление» включает только три, но высокочастотные реакции: *Новый год 36%, подарки 16%, праздник 6%*. В предметной соотнесенности явно выделяются две группы реакций: а) ролевая соотнесенность (20%): *Снегурочка 16%, персонаж 2%, папа, Санта*; б) конкретно предметная соотнесенность (14%): *красный нос 6%, снег 2%, борода, мешок, шуба, зима, стихотворение, мандарин*. Такой порядок единичных реакций конкретных предметных соотношений проявляет дискурсивный характер концепта, ассоциативное поле которого формирует событийную картину (фрагмент картины мира): внешнюю характеристику героя (*красный нос, борода, мешок, шуба*), временную составляющую события (*снег, зима*), сопровождаемые событийные элементы (*стихотворение, мандарин*). Следует отметить и возможные пласты интерпретации реакций предметной соотнесенности. Так, частотная ролевая соотнесенность *персонажа Новогоднего праздника со Снегурочкой* может быть интерпретирована как сопровождающего родственного *персонажа* (дед и внучка), так и противопоставленного в гендерном аспекте, а именно в плане современных социально-политических инсинуаций европейского толка родитель № 1 и родитель № 2, в картине мира респондентов Дед Мороз точно мужчина, а Снегурочка точно женщина. Это подтверждает и реакция *папа* как возможного исполнителя роли Деда Мороза. Появление инокультурного концепта как реакции *Санта* свидетельствует о взаимопроникновении

культур в событийном плане празднования Нового года и Рождества в современной России, но минимизированного, незначительного (1%). Множественная интерпретация возможна и реакции *красный нос* – это и ритмомелодическая, звукосимволическая реакция, а также реакция – характеристика сезона (*зима*, холодно, нос замерз), но и коннотативная содержательная реакция Деда Мороза «выпивохи», употребившего спиртные напитки во время посещения детей и раздачи подарков. Такую событийную картину дорисовывают реакции, когда Дед Мороз с *бородой*, возможно, нарисованным *красным носом* (если это актер), в *шубе*, с большим *мешком подарков* пришел к детям на *праздник*, где малыши читают *стихотворения* и получают *подарки*, куда часто кладут *мандарин*. А также *мандарин*, экзотический для Сибири продукт, раньше привозили люди, летавшие в Москву или южные города, именно к *Новому году* или сейчас появляющиеся в гипермаркетах в это же время.

Понятийный компонент (8%) представляет обобщенно-положительные реакции: *добро* 2%, *сказка* 2%, *чудо* 2%, *волшебство*, *детство*. Таким образом, выделим актуальные для нас моменты: все реакции эмоционально положительные, превалируют частотные, отсутствуют отказы, специфичны реакции предметной соотнесенности, эта специфичность носит дискурсивный характер и национально-культурный колорит; в структурном плане наибольший сегмент ассоциативного поля занимает компонент «представление», реакции респондентов этого компонента наиболее частотны.

Инокультурный концепт «Санта Клаус» имеет принципиально иную структуру ассоциативного поля в пилотном эксперименте. По объему лидирует компонент предметной соотнесенности (67%), причем максимальную частотность в 37% имеет реакция *Дед Мороз*, то есть основная часть респондентов не воспринимают стимул как инокультурный концепт, а напрямую переводят как еще одно имя Деда Мороза. Компонент ассоциативного поля предметная соотнесенность сложнее и в видовом отношении: а) ролевая соотнесенность (38%): *Дед Мороз* 37%, *персонаж*; б) географическая (ономастическая) соотнесенность (18%): *Америка* 15%, *Дисней*, *Европа*, *США*; в) культурологическая соотнесенность (9%): *олени* 3%, *гномы*, *камин*, *кока-кола*, *печь*, *сани*, *труба*; г) конкретно предметная соотнесенность (2%): *борода*, *мешок*. Представленная модель компонента предметная соотнесенность, как научная абстракция, как авторское видовое ранжирование, позволяет выделить национально-ориентированные маркеры – это реакции б) и в), что в совокупности составляет 27% (почти треть полученных реакций на этот стимул).

Компонент «представление» в количественном соотношении гораздо меньше у концепта «Санта Клаус», чем у «Деда Мороза» и составляет

26%: *Рождество* 11%, *Новый год* 8%, *подарки* 5%, *праздник* 2%. К понятийному компоненту мы отнесли только две реакции: обобщенно-положительную *счастье* и атрибутивную *толстый*. 5% отказов мы склонны интерпретировать как недостаточное элиминирование инокультурных лакун или неприятие национально маркированных концептов. Таким образом, выделим актуальные, с нашей точки зрения, моменты: присутствуют отказы как свидетельство, что не все реакции эмоционально положительные, превалируют частотные реакции; чрезвычайно мало понятийных реакций, и они не отражают сущностных характеристик; национальную маркированность имеют реакции предметной соотнесенности и представления; в структурном плане наибольший сегмент ассоциативного поля занимает компонент «предметная соотнесенность», самой частотной реакцией является *Дед Мороз*.

Выводы

Ассоциативное экспериментальное исследование репрезентирует на современном этапе цельность русской языковой картины мира и включенность национально маркированных (своих и чужих) концептов. Пример иноязычного концепта продемонстрировал его частичное интегрирование в языковое сознание группы респондентов, профессионально ориентированных на работу с детьми дошкольного возраста, с учетом того, что им знакомо содержание, употребление и языковая форма этого концепта. В результате сопоставления структур концептов (русскоязычного и иноязычного) был установлен компонентный изоморфизм: ассоциативным полем были актуализированы предметное содержание, представление и понятие. Однако соотношения этих компонентов формируют различные интерпретационные направления. Русскоязычный национально маркированный концепт «Дед Мороз» ассимилирован в качестве константы картины мира, поэтому наибольшее количество реакций соответствует компоненту концепта «представление», в определенном смысле утрачиваются атрибутивные свойства концепта, но устанавливаются дискурсивные связи – концепт сопровождает событийная канва. Иноязычный национально маркированный концепт «Санта Клаус», входя в русскоязычную языковую картину мира, частично утрачивает специфичность в содержательном, атрибутивном и событийном плане, становясь эквивалентом «Деда Мороза» по наиболее частотной ассоциативной реакции. Но максимальное в количественном плане предметное содержание концепта указывает на культурные особенности репрезентированного смысла и «технологии» вхождения слова в языковую картину мира – актуализация множественных предметных связей. Более того, почти половина реакций (48%) сохранили

национальную маркированность – ономастического, событийного, предметного и формально-языкового плана. Анализ сопровождающих концептов (Снегурочка, олень, бубенцы, Jingle Bells, Рудольф и т.д.) проявит дискурсивную специфику национально маркированных концептов, а сопоставление серий исследования определит адекватность и перспективность введенных вероятностных ограничений в интерпретации данных.

Список литературы

- Балясникова О.В., Уфимцева Н.В.* «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 28-40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>
- Вавилова Л.В.* Письменные источники реконструкции наивной языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 170-177.
- Гончарова Н.Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396-405.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2 Этнопсихолингвистика. М., 2007. 200 с.
- Слышкин Г.Г.* Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. 2005. № 4. С. 34-50.
- Утробина Т.Г.* Текст как репрезентант культурологических аспектов // Культура и текст. Барнаул: Издательство БГПУ, 1996. С. 10-12.
- Уфимцева Н.В.* Значение слова как отражение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015а. № 25. С. 83-92.
- Уфимцева Н.В.* Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 238-249.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. 2015б. № 24. С. 115-119.
- Шварко Л.И.* Особенности формирования инокультурных концептов у младших школьников в процессе изучения иностранного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995. 24 с.

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА

УДК 81-114.2

Киосе М.И.

Аранжировка фокусов художественного текста и изображения: Конструирование и глазодвигательная интерпретация⁴

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, maria_kiose@mail.ru*

Аннотация. В настоящей работе в ходе окулографического эксперимента устанавливается ряд техник конструирования гетеросемиотического текста, включающего фрагмент(ы) художественного текста и сопутствующего изображения. При анализе проверяется гипотеза о том, что для создания гетеросемиотического текста используются как техники конструирования каждой коммуникативной системы (художественного текста и изображения), так и особые техники конструирования интегративной системы, или техники аранжировки фокусов систем.

Ключевые слова: гетеросемиотический текст; техники конструирования; техники глазодвигательной активности; фокусирование; когнитивная нагрузка.

Kiose M.I.

Focus arrangement in text-image heterogeneity: Construal and eye-movement techniques

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, maria_kiose@mail.ru*

Abstract. The study explores the eye-movement techniques of several construal patterns typical of text-image heterogeneity. We test the hypothesis of text and image integration arising from both single communicative system focusing techniques (i.e. the focusing or salience in text and image) and the techniques of the heterogeneous system focus arrangement.

Keywords: heterogeneous text; construal techniques; eye-movement techniques; focusing; cognitive load.

Введение

Развитие технологий, в том числе, технологий издательского бизнеса, стимулировало рост новых способов представления информации,

---

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

интегрирующей текст и изображение. На этом фоне возникает проблема «охраны человеческих ресурсов», так как скорость адаптации отдельного человека к возникающим формам может «отставать» от темпов технологического прогресса. Перед когнитивной наукой встает задача изучения возможностей экономии и перераспределения когнитивных усилий человека, воспринимающего такую информацию (см., например, обзор современных теорий когнитивной нагрузки в [Ginns, Leppink, 2019]). Актуальность задачи подтверждается появлением множества экспериментальных работ, исследующих возможности интерпретации такого типа гетеросемиотической системы / текста (текста как коммуникативной системы в понимании Ю.М. Лотмана) в глазодвигательных реакциях [Rayner et al., 2007; Zhao et al., 2014], в том числе у детей и взрослых [An, Wang, Sun, 2017], в современных формах медиа [Beumer et al., 2007], в условиях нарушений когнитивных функций [Brante, Holmqvist, 2017]. В качестве основного фактора, определяющего вариативность глазодвигательных движений, в большинстве случаев изучаются формальные возможности совмещения текста и изображения, например, композиция, масштаб репрезентации, цветовые контрасты. При этом практически всегда нивелируется влияние когнитивно-семиотических техник конструирования текста и изображения как отдельных коммуникативных систем и как единой гетеросемиотической системы. Обнаружение данных техник позволяет устанавливать более тонкие различия (не только формальные) между разными гетеросемиотическими текстами и объяснять вариативность глазодвигательной активности, связанной с распределением когнитивных усилий реципиента.

Методика исследования

Техники конструирования могут быть определены с помощью методики параметризации показателей общего для конструирования трех систем (художественного текста, изображения и гетеросемиотического текста) когнитивного механизма фокусирования (подробнее о текстовом фокусировании см. в [Ирисханова, 2014], о фокусировании в изображениях см. в [O'Halloran, Lim-Fei, 2014]), который в рамках настоящего исследования демонстрируется через техники аранжировки фокусов текста и изображения. Значимость данных техник для читательской интерпретации тестируется в ходе окулографического эксперимента, где изучаются зависимости техник аранжировки и характеристик глазодвигательной активности.

При конструировании двух коммуникативных систем, системы художественного текста и системы изображений, используются различные приемы фокусирования, или выдвижения некоторых элементов содержания. Их введение нацелено на перераспределение внимания

реципиента. Например, введение в текст стилистически маркированных единиц будет более фокусным, чем введение нейтральной лексики (ср. *Слезы выпрыгивали из ее глаз* и *Слезы катились из ее глаз*), введение единичного референта – более фокусным, чем введение нескольких референтов (ср. *Я отдал весь хлеб Павлу* и *Я отдал весь хлеб Павлу и Ольге*). Изображение с нетрадиционной перспективой или пропорциями, представленное в более ярком цвете, демонстрирующее контрастность, будет более фокусным, чем конвенциональное и с отсутствующими контрастами насыщенности.

Мы предполагаем, что конструирование гетеросемиотического текста происходит при помощи ограниченного количества техник аранжировки фокусов текста и изображения, которые могут быть установлены в ходе 1) параметрического аннотирования двух коммуникативных систем в условиях гетеросемиотических систем на предмет показателей параметров фокусирования каждой системы, 2) определения техник аранжировки фокусов (содержание гетеросемиотической системы) и техник композиции системы (форма системы) при корреляционном анализе показателей параметров двух систем, 3) экспериментального анализа глазодвигательных техник интерпретации гетерогенных систем, применяющих разные техники аранжировки фокусов.

На данном этапе исследования описанный комплексный метод предварительно апробируется на материале отечественных диафильмов 80-х гг. XX в. как стандартизированного варианта художественного гетерогенного текста. Возможность их использования в качестве стимульных материалов для проведения окулографического анализа с участием взрослых испытуемых обуславливается тем, что диафильмы (также, как и книги для детей дошкольного и младшего школьного возраста) создаются одновременно для двух адресатов, ребенка и взрослого.

В настоящем исследовании мы рассмотрим три основные группы техник аранжировки фокусов, которые часто используются в заглавном слайде и в слайдах основной части диафильма (три анализируемых слайда имеют одинаковый размер и являются компонентами одного диафильма).

Как мы указывали, на первом этапе определяются техники фокусирования каждой из двух коммуникативных систем, текста и изображения. Это следующие техники фокусирования 1) для заглавного слайда: «позиция в заголовке», «позиция в основных метаданных», «графическая выделенность» и «2D пространственный эффект» текста; и «основное действующее лицо», «основной объект текстового события», «зрительный контакт с реципиентом» изображения; 2) для второго слайда: «репрезентация завершеного микрособытия» текста; и «ритм»,

«контрастность» в условиях отсутствия фокуса «основной объект или лицо текстового события» изображения, 3) для третьего слайда: «репрезентация завершеного микрособытия» текста; и «репрезентация основного события текста», «основной объект или лицо текстового события», «динамика действия» изображения.

На втором этапе устанавливаются техники аранжировки фокусов систем. Это техники дублирования и комплементарности фокусов, согласования и рассогласования фокусов, выдвижения и затемнения фокусов. В нашем случае для заглавного слайда в силу того, что представлены несколько фрагментов текста и изображения, оказываются характерными техники и дублирования, и комплементарности фокусов. Для второго слайда это техника выдвижения и затемнения фокусов (фокус текста находится в позиции выдвижения). Третий слайд реализует технику дублирования фокусов изображения и текста. Во всех случаях отмечается техника согласования фокусов.

В отношении техник композиции системы также наблюдается значимая вариативность. Для заглавного слайда это техника множественного попеременного сбалансированного введения текстов и изображений, техника ритмичности компонентов изображения, техника введения трех точек наблюдения изображений, техника центральной позиции текста, техника обтекания изображений текстом. Для второго слайда это техника центральной позиции текста, техника обтекания текста изображением. Для третьего слайда это техника последовательной сверху-вниз репрезентации изображения и текста, техника трехкратного превалирования изображения по занимаемой площади слайда.

На третьем этапе значимость данных техник и значимость фокусов текста и изображения проверяются в ходе окулографического анализа с целью установления типов глазодвигательных техник, сопряженных с техниками аранжировки изображения и текста. Для нивелирования влияния однократного и повторного восприятия стимульного материала данного типа мы в половине случаев привлекали одних и тех же испытуемых для интерпретации трех разных стимулов, а в другой половине итераций (отдельных экспериментов) испытуемые знакомились только с одним стимулом, при этом количество итераций для каждого стимула было одинаковым. Всего количество итераций составило 42, по 14 на каждый стимул. В ходе предварительных экспериментов было подобрано необходимое и достаточное время чтения (заглавный слайд – 15 с, первый слайд основной части – 20 с., второй слайд основной части – 25 с).

Результаты исследования

На первом этапе обработки показания были получены по траекториям движения глаз и общему количеству фиксаций и саккад по

каждой из итераций, что позволило установить средние показатели чтения и особенности распределения глазодвигательной нагрузки на 1 секунду восприятия. Второй и третий слайды оказались более «затратными» в отношении продолжительности фиксаций и саккад (количество фиксаций на 1 с восприятия слайдов 1, 2, 3 составило 5.62, 6.29 и 7.19 соответственно). Самым «затратным» в отношении продолжительности и фиксаций, и саккад оказался третий слайд, как мы полагаем, это связано с тем, что на втором и третьем слайде текст репрезентирует целое микрособытие, интерпретация которого требует больше когнитивных усилий, чем интерпретация изображений. Увеличение продолжительности фиксаций и саккад на третьем слайде мы также связываем с репрезентацией основного события текста и в самом изображении, т.е. с техникой дублирования фокуса в тексте и изображении. Очевидно, конструирование целых текстовых событий требует больше когнитивных усилий, чем конструирование отдельных компонентов события (на слайде 1).

На втором этапе обработки получены показания по зонам интереса, где отдельно были рассмотрены зоны изображений и текстов. Самые высокие показатели нахождения в текстовой зоне интереса обнаружены у второго текста (средняя продолжительность времени нахождения в текстовых зонах слайдов 1, 2 и 3 на 1 секунду восприятия всего слайда составила 0.51, 0.81 и 0.52 с соответственно), что мы объясняем отсутствием техники дублирования фокусов текста и изображения. Соответственно очень низким оказалось среднее время нахождения в зоне изображений второго слайда (в слайдах 1, 2, 3 среднее время составило 0.49, 0.19 и 0.48 с соответственно). Снижение времени нахождения в зоне изображений второго слайда мы объясняем тем, что при его конструировании не использовалась техника введения основного компонента события. При этом показатели заглавного слайда и третьего слайда совпадают, хотя очень значительно отличаются показатели их композиции (размер изображения, количество фрагментов этого изображения, расположение изображения относительно текста). Это наблюдение дополнительно свидетельствует в пользу того, что формально-композиционные техники не могут служить единственным (или самостоятельным и достаточным) объектом экспериментального анализа. Анализ корреляций (с использованием F -критерия Фишера) позволил установить, что сходные распределения показателей наблюдались у испытуемых, рассматривающих три слайда, даже в ситуации участия разных испытуемых, интерпретирующих разные слайды (значение F -критерия составило 3.03724 при p -значении равном 0.053677 и уровне значимости <0.1). Это свидетельствует о том, что обнаруженные закономерности распределений глазодвигательной (а, значит, и

когнитивной) нагрузки слабо зависят от индивидуальных особенностей реципиентов, действительно определяясь в большей степени различными техниками конструирования гетеросемиотического текста.

Выводы

Таким образом, в ходе предварительного эксперимента мы установили значимость техник фокусирования двух коммуникативных систем и техник аранжировки фокусов изображения и текста для процесса глазодвигательного восприятия гетеросемиотического текста. Разработанную методику анализа мы далее будем применять для анализа более сложных в содержательном и композиционном планах гетеросемиотических текстов современных и традиционных форм художественной литературы.

Список литературы

- Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- An L., Wang Y., Sun Y.* Reading words or pictures: Eye movement patterns in adults and children differ by age group and receptive language ability // *Frontiers in Psychology*. Vol. 8: 791, 2017. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28588526>
- Beumer D., Orton P.Z., Russell D.M.* An eye tracking study of how pictures influence online reading // Baranauskas C. et al. (eds.) *INTERACT 2007*. LNCS 4663. Part II, 2007. P. 456-460.
- Brante E., Holmqvist M.* Reading from multimedia materials: Benefits of non-congruent pictures on reading comprehension for dyslexic readers // *TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology*. 2017. Vol. 16(1). <http://www.tojet.net/articles/v16i1/16110.pdf>
- Ginns P., Leppink J.* Special issue on cognitive load theory: Editorial // *Educational Psychology Review*. 2019. Vol. 31. P. 255-259.
- O'Halloran K.L., Lim-Fei V.* Systemic functional multimodal discourse analysis // Norris S., Maier C.D. (eds.) *Texts, Images and Interactions: A Reader in Multimodality*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 137-153.
- Rayner K., Rotello C. M., Stewart A.J., Keir J., Duffy S.A.* Integrating text and pictorial information: Eye movements when looking at print advertisements // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2001. Vol. 7(3). P. 219-226.
- Zhao F., Schnotza W., Wagner I., Gaschler R.* Eye tracking indicators of reading approaches in text-picture comprehension // *Frontline Learning Research*. 2014. Vol. 6. P. 46-66.

УДК: 82

Кулькина В.М.

Гетеротопия как инструмент текстологии

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Россия, Москва, retradazia@gmail.com*

Аннотация. Статья предлагает гетеротопический анализ романа «Золотой дом» (2017) Салмана Рушди как один из способов

текстологического анализа современного западного
постмодернистского романа.

Ключевые слова: гетеротопия; постмодернизм;
постпостмодернизм; Салман Рушди; «Золотой дом».

Kulkina V.M.
Heterotopia as a tool of textual criticism

*The Pushkin State Russian Language Institute,
Russia, Moscow, retradazia@gmail.com*

Abstract. The paper features the heterotopic analysis of «The Golden House» (2017) by Salman Rushdie as a way of textual analysis of a modern postmodernism novel.

Keywords: heterotopia; postmodernism; postpostmodernism; Salman Rushdie; «The Golden House».

Введение

Говоря о различиях отечественного и зарубежного постмодернистского текста в условиях постпостмодернизма, можно заметить, что отличительной чертой западной, ориентированной на пространство, постмодернистской прозы становится смыслообразующая роль какой-либо избранной автором локации. Не являясь обязательным условием для формирования текста, локус все чаще используется постмодернистскими писателями как сюжетообразующий элемент. Прибегнув к ранее сформулированному определению литературной гетеротопии [Кулькина, 2019, с. 5-8], можно предложить последнюю как инструмент текстологического анализа современного зарубежного постмодернистского текста.

Гетеротопия – особый тип пространства, в литературе исполняющий роль сюжетообразующего элемента и важнейшего компонента, на котором держится вся структура произведения⁵.

Концепции концентричных и хроникальных сюжетов принципиально отличны (определение В.В. Кожина) [Кожин, 1964, с. 408-485] от гетеротопии как центрального элемента сюжета, и это – интермедийные тенденции в современной литературе. Литература постпостмодернизма, отходя от принципов постмодернизма (фрагментарность, хаотичность, принцип монтажа и т.д.), не просто возвращала в жанр романа некоторые черты реализма, но и принимала

---

⁵ Идеальным примером здесь будет киносценарий фильма «Титаник» (1997), а также роман Дж. Иган «Цитадель», пространство (цитадель в замке) которого дает старт внутреннему преображению сразу нескольких героев, для инициации и «перерождения» которых автор осознанно ведет их именно в цитадель или «Путешествия в скрипториуме» (2007) Пола Остера.

многие образы медийного мира, привнесенные в сознание прозаиков глобализацией. Писатель XXI века начинает визуализировать свою прозу, что отражается на сюжете. Можно сказать, современному западному романисту теперь требуется своеобразная сцена внутри его повествования [Johnson, 2013; Prayer Elmo Raj, 2015; Tompkins, 2014].

Анализ содержания романа

Проанализируем роман «Золотой дом» (The Golden House, 2017) Салмана Рушди, используя гетеротопию как инструмент анализа.

Роман, как и большинство произведений Рушди, событийно охватывает страны и континенты, но призван он описать современные американские реалии. В одном из интервью Салман Рушди отметил, что почувствовал, как дошел до предела в привычном для него магическом реализме, и настало время обратиться к реализму. Для этого писатель вернулся к мировой классике (Г. Джеймс, Стендаль, Ф.М. Достоевский), недаром американские критики проводят параллели «Золотого дома» Рушди с произведениями М. Пьюзо и Ф. Фитцджеральда. Рушди признает, что закончил роман до событий, описанных в финале (избрание Д. Трампа президентом США), тем самым его книга предсказала будущее. «Магический реализм стал нашей реальностью» – заметил писатель на презентации «Золотого дома» во Франкфурте [Ломыкина, 2017].

Роман описывает события восьми лет от выборов Б. Обамы до предвыборной гонки Джокера (Д. Трампа) и Бэтменши (Х. Клинтон). Однако события биографического (линия рассказчика), семейного (Голдены) и исторического (выборы Джокера) пластов сосредоточены в двух локациях – дом Голденов и Сад, в котором так или иначе пересекаются все главные действующие лица романа. Сад играет исключительную роль в описании истории семьи Голден из золотого дома, он становится сценой для рассказчика, на которой тот наблюдает за выбранными им героями своего будущего фильма. Уникальностью данного произведения становится то, что вынесенный в название *золотой дом* является художественным образом в романе, а гетеротопией является прилегающий к дому Сад: «Исторический район Сад Макдугал-Салливан – давайте же назовем его полным, благозвучным именем – был заколдованным, свободным от страха местом, где мы жили, растили детей, был счастливым прибежищем от разочарованного, запутанного внешнего мира, и мы не считали нужным извиняться за свою преданную любовь к нему» [Рушди, 2017, с. 21].

Рассмотрим данный локус с позиций гетеротопического пространства в романе.

Исходя из принципа формирования сюжета, направленного, в первую очередь, на раскрытие образа героя как динамичного, развивающегося, обратимся к системе образов романа. Кроме отца

(Нерона) и трех сыновей (Петрония / Пети (Харпо), Апулея / Апу (Граучо), Диониса / Д (Чико)) по фамилии Голден, в романе огромную роль играет рассказчик (Рене Унтерлинден). Рене жаждет создать сценарий о семье Голден, в какой-то момент он представляет свое будущее творение как документальный фильм, но быстро понимает, что кино будет псевдодокументальным. Ведь Рене выделяет в каждом из Голденов черты, которые свойственны и ему. До самого конца романа он не может расстаться с выбранной им самим «сценой» – Садам. Продав дом, он переезжает к Голденам, покинув Голденов, находит жилье с доступом к Саду. Рене рос в Саду («Сад составлял мой микрокосмос, и каждый день создания моего воображения глядели на меня из окон домов по Макдугал и Саливан, их запавшие глаза молили, чтобы я дал им жизнь. У меня имелись обрывки всех сюжетов, но общая форма этого труда от меня ускользала» [Рушди, 2017, с. 47]). После приезда Голденов Рене сконцентрировался на их истории, перестав придумывать истории о жизни других соседей, окна которых также выходили в сторону Сада.

Сюжет сосредоточивается в Саду: именно в Саду Рене впервые говорит по душам со всеми братьями, в Саду Рене наблюдает за роковой встречей Пети и Апу с Убой Туур (сомалийской скульпторшей, любовь к которой внесла раскол между братьями), в Саду Рене в последний раз откровенно поговорит с Д (прежде чем младший из Голденов придет в Сад, чтобы умереть), здесь же поздней ночью рассказчик будет наблюдать за Нероном на коленях выпрашивающим прощения у погубленных им матерей его сыновей перед свадьбой с Василисой Арсеньевой, и именно в Сад Василиса пригласит Рене для разговора о судьбе их сына Веспы, когда рассказчик невольно примет на себя роль действующего лица в истории, а не только наблюдателя.

Сад «притягивает» Рене, за его оградой рассказчик преображается, меняется его взгляд на мир. Сад изолирован от любых социальных и политических преобразований, что бы не происходило за описанные восемь лет в Нью-Йорке, в Саду мало что изменилось. Это был уголок стабильности для всех персонажей, и именно в нем ведутся разговоры так или иначе обозначившие мировосприятие рассказчика: он выбрал свой профессиональный путь и встретил своих героев («я стал писателем – потому, разумеется, что жил со всеми этими предками в одном доме, и, может быть, выбрал кино, а не романы и биографии, потому что понимал, сколь безнадежно состязаться с этим старичьем. Но пока Голдены не переехали в большой дом на Макдугал, по диагонали от нашего в другом углу Сада, моя постстуденческая креативность прокисала в бездействии» [Там же, с. 43]) и познал суть своих суждений о мире («Проблема в том, – рассуждала мама, сидя на скамейке в Саду, – что, хотя мы и запрограммированы на этику, программа не показывает нам, в чем

заключается добро и зло. Эти категории остаются в мозгу пустыми и ждут, пока мы заполним их. Чем? Мыслью. Суждением. Такого рода вещами. – Один из основных принципов человеческого поведения, как я убедился, – добавил мой отец, прохаживаясь взад-вперед перед той же скамейкой, – заключается в том, что почти в любой ситуации каждый убежден, что именно он поступает правильно, а его оппонент виноват» [Там же, с. 192-193]).

Дом Голденов (золотой дом), играя в романе символическую роль, в свою очередь, никак не влияет на жанровую специфику произведения. Дом «связывает персонажей», определяя своих жителей как семью, дом как целостность формирует личностные и родственные связи героев, он служит барометром семейных ценностей. Отчасти поэтому в заключительной части романа Петя сравнивает дом со склепом. Семья умирает и все предчувствуют конец. Тем не менее обращаясь к структуре романа, можно заметить, что описание дома-здания непосредственно связано с его близостью к Саду. Повествование открывает именно Сад, так как дом Голденов как американское убежище семьи закрыт для гостей и скрывает тайны семьи («Ничто в доме не давало ключа к прошлому семьи» [Там же, с. 23]).

Изучим расположение Сада (как гетеротопии) в тексте.

«В укромной, заросшем травой квадрате Сада я ползал прежде, чем начал ходить, ходил прежде, чем начал бегать, бегал прежде, чем начал танцевать, танцевал прежде, чем пел, и я танцевал и пел, пока не научился тишине и молчанию и не замер неподвижно, прислушиваясь к сердцу Сада, где летними вечерами сияли светлячки, и не сделался, по крайней мере, в собственных глазах, художником. Точнее говоря, будущим сочинителем фильмов» [Там же, с. 36].

Итак, *Сад открывает историю рассказчика, придавая роману автобиографические черты.* Несмотря на то что рассказчик сравнивает себя с повествователем «Моби Дика» (наблюдателя), в финале данной истории Рене Унтерлинден может претендовать на звание одного из основных действующих лиц. Рене становится участником событий, согласившись стать отцом для ребенка Василисы и Нерона (который уже в силу возраста не может иметь детей). Итогом такого решения становится трансформация желания «подглядеть» за Голденами из Сада в жизненную потребность наблюдать за прогулками маленького Веспасиана (сына Рене) в Саду. Потребность, у которой есть определенные причины и следствия: «После долгого периода отчуждения Василиса решила со мной поговорить. Она вывела меня в Сад, подальше от насторожившихся ушей» [Там же, с. 365] и после этого разговора рассказчик-герой окончательно понимает, что «только истина могла сделать меня свободным» [Там же,

с. 367], завершается инициация из наблюдателя-рассказчика в героя романа.

Рене вынужден действовать, и наконец у него вырывается признание в отцовстве. Он свободен от этой тайны, а золотой дом (дом Голденов) фактически прекращает свое существование, ввиду гибели всех сыновей-Голденов и отца, вскоре последующего за ними. Рене может покинуть свою гетеротопию (Сад, с которым так долго не мог расстаться) и принять реалии современной Америки. За пределами семейной истории проходят выборы, Рене скептически настроен к новому политическому курсу, которым руководит Джокер, но теперь он готов расширять свое мировосприятие. Рене больше не наблюдает за соседями, а живет своей жизнью в новых реалиях: «Есть только вращающаяся воронка жизни» [Там же, с. 475].

Список литературы

- Кожин В.В.* Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Москва, 1964. Вып. 2. Т. 2. С. 408-485.
- Кулькина В.М.* Пространства и смыслы в прозе Пола Остера. Москва: ИНИОН РАН, 2019. 102 с.
- Ломыкина Н.* Салман Рушди представил на книжной ярмарке во Франкфурте свой новый роман «Golden House» («Золотой дом») // РБК Стиль. Изд-во Corpus, 25.10.2017. <https://www.corpus.ru/press/salman-rushdie-interveiw-rbc.htm>
- Рушди С.* Золотой дом / Пер. с англ. Л. Сумм. Москва: АСТ, 2019. 474 с.
- Johnson P.* The geographies of heterotopia // Geography compass. Medford, 2013. Vol. 11, N 7. P. 790-803.
- Prayer Elmo Raj P.* Heterotopic space in «Two gentlemen of Verona» // International journal on creative writing and literary studies. Lunawada, 2015. Vol. 1, N 2. P. 1-5.
- Tompkins J.* Theatre's heterotopias: Performance and the cultural politics of space. London, 2014. 231 p.

УДК: 81

Таймур М.П.

Компрессия информации в смешанной метафоре в условиях глобализации на материале английского языка

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, mariataymour@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализировано функционирование когнитивного механизма компрессии в смешанной английской метафоре. Выявлено, что механизм метафоризации используется не только для экономии языковых средств, но и для преднамеренного кодирования информации в сжатой вербальной структуре, что часто ведет к разной интерпретации смешанной метафоры.

Ключевые слова: смешанная метафора; механизм компрессии; языковая экономия; когнитивный диссонанс; когнитивная лингвистика.

Taymour M.P.
**Compression of information in a mixed metaphor in
the context of globalisation in English**

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, mariataymour@gmail.com*

Abstract. The paper focuses on the problem of economising linguistic means in a mixed metaphor in modern English. The functioning of the cognitive compression mechanism in a mixed metaphor is analysed, and the following conclusions are drawn: this mechanism is used both to economise language resources and to purposefully encode information in the form of a compressed verbal structure, which often affects the possibility of several parallel interpretations of a mixed metaphor.

Keywords: mixed metaphor; compression mechanism; linguistic economy; cognitive dissonance; cognitive linguistics.

Глобализация в современном мире ведет к ускорению темпа жизни человека, стремительному развитию разнообразных форм коммуникации онлайн и офлайн, многоликости культурной динамики общества [Баркер, 2001]. Одно из важнейших изменений, происходящих в обществе, – это трансформация языка, отражающего культурные, социальные, экономические и политические перемены. Одна из форм такой трансформации – компрессия языка [Березовская, Кирьянова, 2009].

Когнитивный механизм компрессии информации часто используется в современной коммуникации в интернет-меметике, различного рода эллиптических конструкциях, СМС-языке, а также в смешанной метафоре, создание которой представляет собой ментальный процесс «упаковки» объемного содержания в сжатую, ограниченную языковую структуру [Голубкова, 2019]. А поскольку человеческая деятельность *per se* «носит целенаправленный характер и предполагает достижение конечной цели с наименьшей затратой усилий» [Головач, 2011, с. 138], то можно утверждать, что концептуальное основание для проведения когнитивной операции компрессии – это универсальный принцип экономии лингвистических средств.

Процесс компрессии (сжатия) информации особо значим в XXI в., поскольку объем ежедневно поступающей информации, которую индивиду необходимо не только воспринимать и определенным способом обрабатывать, но и хранить, резко увеличился по сравнению с прошлым веком. В научной литературе существует множество различных терминов

для принципа языковой экономии, который изучается на протяжении многих лет: «поиск легких артикуляций» [Passy, 1890], «принцип наименьшего усилия» [Zipf, 1949], «экономия языковых средств» [Есперсен, 1958], «закон экономии речевых усилий» [Мартине, 1960]. Еще два столетия назад П. Пасси утверждал, что «язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним», ставя вопрос о неосознанном характере экономии лингвистических средств, однако ученый также упоминал, что язык «постоянно стремится выделить то, что является необходимым» [Passy, 1890, с.228]. В современной когнитивной лингвистике компрессия рассматривается не только как процесс, воплощающий в себе принцип экономии речемыслительных усилий и, соответственно, языковых средств, но и как одна из важнейших когнитивных операций, которая обеспечивает порождение речи и бесперебойную работу памяти человека, поскольку данная операция является инструментом, используемым индивидом «против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи» [Якушина, 2007, с. 293].

В смешанной метафоре (СМ) функционирование механизма компрессии позволяет совмещать несколько метафор / устойчивых фраз / идиом, имеющих, как правило, различное значение, в едином языковом выражении, «блендируя» смыслы и экономя не только время, но и лингвистические средства. Автор СМ при ее создании обычно уверен, что владение языком, наличие определенного объема фоновых знаний и контекст ситуации, в которой употребляется СМ, поможет реципиенту восстановить недостающие компоненты выражения в процессе когнитивной обработки СМ, результатом чего будет наращивание смысла, а не его потеря. Например, в *Two peas in a pod are worth two in the bush* (Benbrockn, 12.03.2017) в относительно короткую СМ говорящим заключается примерно следующий смысл: ‘*You are like two peas in a pod, and a close relationship between two people is worth more than being jealous of a relationship you don’t have*’ (Вы два сапога пара, а такие близкие взаимоотношения намного ценнее, чем несуществующие отношения, так что прекрати завидовать)⁶. Необходимо заметить, что при недостаточной лингвистической компетенции реципиента (например, не являющегося носителем английского языка), данный способ экономии может не сработать, что приведет к нарушению коммуникации и возникновению когнитивного диссонанса [см. подробнее Таймур, 2019; Голубкова, Таймур, 2019].

---

⁶ Здесь и далее перевод автора (М.П. Таймур).

Часто когнитивный механизм компрессии в СМ используется для преднамеренного кодирования информации в виде сжатой вербальной структуры. В подобных случаях для инференции значения (т.е. расшифровки заложенного сообщения) реципиенту необходимо прикладывать значительно больше усилий. Здесь основную роль в процессе декодирования СМ играют имеющиеся у адресата фоновые знания, которые «можно считать готовыми смыслами, которые культурное и языковое сообщество предлагает своим членам» [Шейна, 2009, с. 111], поскольку ключом к разгадке значения становится импликация говорящего. Например, *Out of the hat on Monday night the Home Secretary produced the rabbit, the temporary provisions Bill, as her fig leaf to cover her major U-turn* (Independent, 16.03.2014). (В понедельник вечером Министр внутренних дел произвела неожиданный эффект тем, что прикрыла грандиозное изменение в политике временным законом, словно фиговым листом). СМ была употреблена британским политиком С. Хью в 2008 г. в качестве комментария действий премьер-министра Великобритании Т. Мэй. Без страноведческих фоновых знаний понимание данной СМ может быть крайне затруднительным. Кроме того, здесь «достичь минимальности формы выражения при максимальной информативности» [Тютина, 2008, с. 497] помогает смешение идиом из различных семантических полей: *To produce a rabbit out of the hat* (сделать что-то неожиданно, как фокусник в цирке) и библейской фразы *fig leaf* (что-то, предназначенное для скрытия трудности или стыда, часто не очень успешно), что тоже может усложнить процесс инференции.

Когнитивный механизм компрессии часто влияет на возможность нескольких параллельных интерпретаций СМ, поскольку неизбежно возникающая «недосказанность» вовлекает реципиента в самостоятельное «вычисление» смысла конечного выражения, и инференция значения идентичной СМ может значительно различаться, причем «диапазон осмысления не может ограничиться ни тем, что автор изначально имел в виду, ни кругозором человека, которому изначально был адресован» [Лелис, 2011, с. 145]. Человек вкладывает в СМ свое личное понимание выражения, извлекая наиболее подходящий смысл окказионализма. Например, в СМ *The squeaky mouse gets the oil* блендируются пословицы *The squeaky mouse gets the grease* и *The careless prey / mouse gets caught in the trap*, либо *The squeaky mouse gets the cheese*. Конечное значение СМ может быть ‘*Тот, кто больше жалуется, первый получит необходимое внимание*’, но также и ‘*Тот, кто громко и необдуманно ноет, будет наказан первым*’ (или нечто промежуточное).

Итак, в современном английском языке в условиях глобализации когнитивный механизм компрессии активно используется в СМ с целью экономии лингвистических средств, а также как возможность кодировки

информации в ограниченных языковых структурах, что дает возможность автору СМ имплицировать информацию, а адресату предоставляет свободу расшифровывать смысл СМ, используя собственные фоновые, лингво-когнитивные и культурологические знания.

Список литературы

- Баркер К.* Глобализация и культурная идентичность // Контексты культуры -II. Хрестоматия. Казань, 2001. С. 124-128.
- Березовская О.М., Кирьянова Л.Г.* Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. №6. С. 144-148.
- Головач О.А.* Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. №3. С. 137-139.
- Голубкова Е.Е.* Failing metaphors или анализ семантики смешанных метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 817. С. 113-125.
- Голубкова Е.Е., Таймур М.П.* Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 147-153.
- Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Иностр. лит., 1958. 404 с.
- Лелис Е.И.* Подтекст и смежные явления // Вестник Удмуртского университета. 2011. №5 (5-4). С. 143-151.
- Таймур М.П.* Когнитивный диссонанс в смешанных метафорах на английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Выпуск № 829. С. 84-95.
- Шейна И.М.* Роль фоновых знаний в понимании иноязычного текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. Вып. № 6. С. 111-117.
- Якушина К.В.* Прагмалингвистический аспект эвфемии в свете явления языковой компрессии // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Выпуск №2-II. С. 292-296.
- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. 301 с.
- Passy P.* Etudes sur les changements phonétique et leurs caracteres [Texte] / P. Passy. Paris: Firmin-Didot, 1890. 270 p.
- Zipf G.* Human behavior and the principle of least effort. Cambridge: Mass, 1949. 573 p.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И КОГНИТОЛОГИИ**

УДК: 811.512.212'374

Захарова Н.Е.

**Реконструкция образа Бэе / Человека по соматизмам
(на примере эвенкийского концепта «глаз»)**

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск, zakharova_nataly@mail.ru*

Аннотация. В статье используются материалы «Ассоциативного словаря эвенкийского языка. Эвенки Якутии», являющегося эвенкийской региональной базой данных, и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди эвенков, не владеющих родным языком, в эвенкийских поселениях в Олекминском, Мирнинском и Анабарском районах. С помощью моделирования ассоциативного поля исследуется фрагмент картины мира эвенкийского этноса на примере образа Бэе / Человек. *Ключевые слова:* эвенки; региональный ассоциативный словарь; ассоциативное поле; семантика эвенкийских фразеологизмов; языковое сознание билингвов.

Zakharova N.E.

**Reconstruction of the concept of Bae / Chelovek (Man) through
the analysis of somatisms (based on the Evenk concept of «eye»)**

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Yakutsk, zakharova_nataly@mail.ru*

Abstract. “Associative dictionary of the Evenk language. Evenki of Yakutia” is an Evenki regional database. It includes the findings of an association experiment with the Evenks of Yakutia in the Olekminsky ulus (2010, 2015) and in the Neryungrinsky ulus (2009, 2010). The main experiment was conducted in 2009-2010 with grant support from the RHSF under project No. 08-04-79401 a/t (2008-2009) followed by an experiment in 2015. The subjects were Evenks over 17. The associative fields based on the reactions accumulated reflect the Evenk world picture embedded in the minds of the native speakers. The paper examines the national specifics of the concept of Bae / Chelovek. For comparison, we used the data from an association experiment conducted among Evenks who do not speak their native language and live in the Evenki villages of Olekminsky, Mirninsky (2017, 2019), and Anabarsky (2020) with grant support from the Russian Foundation for basic research (project 20-09-00257A).

Keywords: Evenks; regional associative dictionary; associative field; semantics of Evenki phraseological units; language consciousness of bilinguals.

В лингвокультуре эвенков в образе *Бэе / Человека* выделяется «человек вообще/любой человек» и «человек-эвенк»: *Дюр халгалкан* – человек (букв.: две ноги имеющий); *Дюр нгалалкан* – человек (букв.: две руки имеющий); *Дюлакин дэрэлкэн* – человек (букв.: голое (не покрытое шерстью, в отличие от зверей) лицо имеющий); *Эвунки ехалкан* – человек (букв.: имеющий поперечные (расположенные на одной плоскости лица) глаза. Так сознание эвенка выделило человека из его природного окружения, отличая его от других живых существ – зверей [Захарова, 2018, с. 20]. Г.И. Варламова пишет, что образ человека в эвенкийских мифах первотворения «уникален лишь в том смысле, что это отдельный биологический вид, отличающийся от других своими особенностями, например, глазами и лицом. Поэтому в текстах нимнгаканов первотворения человек называется «эвунки ехалкан – поперечноглазый», т.к. глаза человека находятся на одной плоскости (плоскости лица), тогда как у зверей глаза расположены не в одной плоскости» [Варламова, 2002, с. 43-46]. Отмечаются также такие обозначения человека – *мугдэкэн ехалкан* (имеющий глаза пенек), и *сечи мугдэкэн* (имеющий уши пенек) – в них подчеркнута особенность человека, как у пенька, находиться в вертикальном положении, т.е. стоять, ходить. Человек «в эвенкийских мифах первотворения – человек вообще, «тварь земная», «брат всему созданному» на земле [Там же, с. 46].

В мифах и раннем эпосе эвенков термин-самоназвание «эвенки» (т.е. человек-эвенк) не упоминается, но используется обозначение *бэе / человек*, а в раннем эпосе *урангкай-бэе / урангкай-человек* или *аи-бэе / аи-человек* в значении 'истинный человек'. Лишь позднее эвенкийский одинокий богатырь, пройдя через различные испытания становится первопредком эвенков – *эвэнки тэкэнин* (букв.: корень эвенков). По сюжетам героических нимнгаканов (сказаний), главные герои чаще всего являются первыми людьми на земле, не знающими своего происхождения: «Мотив одиночества, являющийся основным двигателем сюжета в этих нимнгаканах, восходит к логике одиночества человека как биологического вида (“не знает подобных ему – имеющих ноги, черноволосую голову”))» [Там же, с. 40-54].

М.П. Дьяконова выделила три уровня развития понятия «человек» в мифах эвенков: 1) устойчивая языковая формула «пенек с глазами» – *мугдэкэн эвунки есачи*, употребителен и вариант «пенек, имеющий уши» – *мугдэкэн сечи*; 2) устойчивая языковая формула: *Дюр нгалалкан* – человек (букв.: две руки имеющий); *Дюр халгалкан* – человек (букв.: две ноги

имеющий); *Дюлакин дэрэлкэн* – человек (букв.: голое (не покрытое шерстью, в отличие от зверей) лицо имеющий); *Эвунки ехалкан* – человек (букв.: имеющий поперечные (расположенные на одной плоскости лица) глаза; 3) формула-клише – двуногий, поперечноглазый, черноголовый уранкай-эвенк – *дюр халгалкән, эвунки эһалкән, коңнорин дылилкән ураңкай-эвэнки* [Дьяконова, 2016, с. 123-128].

Г.И. Варламова говорит о двойственности понятия: «Общее понятие человек выражается словом *бэе*, которое складывается из его духовного начала (*ханин, оми*) и его физической оболочки – *иллэ*» [Варламова, 2002, с. 45-46]. В этой связи Е.В. Мерекина отмечает, что «в современном эвенкийском языке концепт «человек», в отличие от «духа», обозначается не только словом *бэе*, но и термином *илэ бэе* «имеющий физическое тело человек» [Мерекина, 2008, с. 86]. С мировоззренческими представлениями эвенков в прошлом также связано и то, что в эвенкийском языке нет деления предметов на одушевленные и неодушевленные. А существующий вопрос *Кто? / Нги?* обращается только к словам, обозначающим человека, и выделяет его из всего остального мира. В языковом сознании эвенков образ «человек вообще» первичен, и предшествует образу «человек-эвенк». Таким образом, человек – это своеобразный центр, с которого и в сравнении с которым начинается познание окружающего мира [Захарова, 2019, с. 107].

Во-вторых, овнешнение этнического образа Эвенка происходит через характеристику, отражающую оценку человека-эвенка в родном языке. Это ярко демонстрируют устойчивые выражения, где сформирован образ идеального мужчины-эвенка. Рассмотрим фразеологические единицы (ФЕ), пословицы и поговорки с соманическими компонентами, которые являются мифологемами и раскрывают такой архетип как «человек» – на примере концепта «эса / глаз».

В современной науке уделяется большое внимание изучению различных характеристик фразеологических единиц. Для того, чтобы определить связь между ФЕ и концептуальной картиной мира носителей эвенкийского языка, необходимо рассмотреть семантику фразеологизмов, т.к. «в основе семантики фразеологизма <...> лежит его внутренняя форма, ассоциативно-образная картинка, предопределяющая значение и функциональные структуры» [Калашова, 2020, с. 177]. При этом образный компонент ФЕ подразумевает «его культурный символизм, воспринимаемый через основы семиотики культуры», а эмоционально-оценочный компонент «отношение говорящего к значению ФЕ» [Там же, с. 177].

Интересны также в этом отношении пословицы и поговорки. Эвенкийские *гуктэ* и *гукит* близки к ФЕ. В них, как пишет Г.И. Варламова, можно найти отражение даже этнокультурных фактов.

Например, найдя берлогу, охотник должен был сообщить о ней свойственнику, чтобы дальше продолжить охоту: «К.М. Рычков по этому случаю записал поговорку: “Для медведя восемь чужеродцев легче, чем два брата”, т.е. в охоте на медведя участвовали только родственники» [Варламова, 1986, с. 45]. Таким образом, фразеологизмы, пословицы и поговорки являются богатым источником для изучения культуры этноса.

Концепт *эса* / *глаз*

На основе данных семантического анализа установлены следующие актуальные значения концепта «эса»: 1) значение ‘орган зрения’: *ехалкан, селкан окса, энэ ичэрэ, он нэкээдингэс?* – досл. имея глаза, уши, не слышать, не видеть – так невозможно жить (перевод: невозможно жить, не видя и не слыша ничего /не зная ничего о жизни); 2) в значении ‘характеристика человека’: *эмэр есачи* – досл. острые глаза имеющий (перевод: зоркий; *ехалби бэгичэ бихинни, бэе* – досл. глаза свои обморозил, человек – перевод: ты стал наглецом, человек); 3) в значении ‘функции глаза’: *дюр ехав мун арбадалан сонгом* – досл. до обмеления воды двух глаз плакал(а) (перевод: выплакал(а) все глаза); *ехатпар эхиду ичэрэ-сендүтин улгучэкэлду, сендивэр эхилду долдирэ – налэтпэр нюнгникэлду* – досл. глазам, не видящим на ухо, расскажите, ушам не слышащим – рукой покажите (перевод: всем расскажите /объясните); 4) в значении ‘результат созерцания’: *ехатпи аявми, дялви нэми – «элэкин», – гукэл* – досл. если глазами любишь, если мысли свои положил – «согласен» скажи (перевод: если нравится – скажи «согласен»); 5) в значении ‘действия человека’: *экэл бэе есалван хикилэрэ!* – досл. не три глаза человеку! /не надоедай!), причем наиболее частотно первое значение

Далее рассмотрим ассоциативное поле (АП) образа *эса* / *глаз* для того, чтобы выяснить, как воспринимают данный концепт современные эвенки. В ходе ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей эвенкийского языка и культуры мы получили следующее АП:

ЭСА / ГЛАЗ очки 27; глаз, ичэтчэрэ (видеть), смотреть 13; видеть, лицо 10; оса 9; хэгды (большие) 8; ичэври (зрячий), обозрение 7; глаза, дэрэ (лицо), зрение 6; близорукий, ичэри (зрячий) 5; береза, болят, глаза бэеңи (глаза человека), еса (глаз), ичэнэв (посмотреть), не видят, порт, ресницы, смотр, узкие, человек 4; брови, видим все вокруг, видят, девочка, ичэкүн (смотрят), ичэтчэми (смотреть), ичэтчэрэн (смотрел, видел), красивые, нитки, острый глаз, пчела, ситы (<як. зоркие, острое зрение), слепой, хунāt (девушка) / гудей (красивые), энал, энудерэн (болят), эра 3; бутунэвэ ичэри (все видеть), бэйр (животных), веки, глаза / не видеть, гудей (красивые), жало, карие, листок, овод, оюкто (нос), плохо видят, предмет, ружье, слеза, смотреть в глаза, смотрит, сумка, хэгдыкүн (огромные), чипирэй (узкие) 2; амна (рот), болей, большие, бумага, бутуннүвэ ичэдери (все видят), глядеть, два, еха (глаз), елка, жало / яд,

закрывать, зоркие, зоркий, капли, катаракта, лечить, маленькие, не видеть, олень, острые, очи, слезы, смотрят, стрелок, что это 1 (401, 87, 98, 25).

Анализ АП, полученного по результатам опроса эвенков, носителей родного языка показал, что отражение традиционного архетипа «глаз – это часть человеческого тела, находящаяся на лице, с помощью которой он видит» проявилось в 27 случаях: *глаз / глаза* (6%), *дэрэ / лицо* (5%), *смотреть / смотрит* (4%), *ичэтчэрэ* (3%), *бутуннүвэ ичэдери* (2%), *ичэври* (2%), *видеть* (2%), *зрение* (2%), *ичэкүн, ичэнэв, ичэри, ичэтчэрэн, ичэкүн, ичэнэв, ичэри, ичэтчэрэн, видеть, не видеть, слепой, брови, оюокто, ресницы, человек*. Национальная специфика также заключена в реакциях: *видит – лосей* (ассоциация *бэюр*) и *олений* (ассоциация *орон*). Реакция, связанная со значением ‘плакать’, только одна – *слезы*. Все перечисленные ассоциации связаны с представлением эвенков о «человеке вообще»; иные представления реализуют ассоциаты *хэгды / хэгдыкүн (большие), красивые, узкие; близорукий, капли, катакакта, очки; жало, овод, оса, пчела, яд*.

АП содержит много реакций на русском языке, присутствуют и якутские заимствования: современные носители эвенкийского языка в большинстве своем являются естественными эвенкийско-русскими и эвенкийско-якутскими билингвами, или эвенкийско-якутско-русскими полилингвами, поэтому в их речи наблюдаются различные интерферентные явления и смешение языков.

Как известно, эвенки – это малочисленный народ: по Переписи 2010 г. в Якутии компактно проживает 21008 человек в девяти улусах (районах). И только в с. Иенгра Нерюнгринского улуса эвенки не владеют якутским языком. Так, большая часть эвенков по языку – якутоязычна. В связи с этим для тех эвенков, которые не владеют родным языком, были предложены стимулы на якутском языке (предварительные результаты по анкетам, собранным от эвенков с. Саскылах Анабарского улуса, с. Сюльдюкар Мирнинского улуса). Рассмотрим полученное АП.

ХАРАХ / ЭСА / ГЛАЗ – көрөр / смотрит 20, глаза 18, глаз 7, харах / глаз 5, көрүү / смотр 4, хара / черный 3, көрөрүм / то, что вижу, око, очки, өнг / цвет, сытыы / острый 2, ачыкы / очки, баар сирэй суох / есть лица нет, бинокул / бинокль, видеть, зеркало, зеркало души, керер / смотрит-видит, киэн / широкие, көр / смотри, көрөбүн / смотрю-вижу, көрөбүн / смотришь, көрөр орган / орган зрения, кырабы / узкие, кыраһабай / красивые, линза, мөлөтөх / слабые-слабовидящие, олох-дьаһах / житие-бытие, орган, очи, сирэй / лицо, сымнабас / мягкие-добрые, сырай / лицо, төбө / голова, уоттаах / горящий, уу / вода – слезы, ыалдьар / болит, ыраас / чистый, ытыыр / плачет, eye / глаз (100, 11, 29, 4).

Реакции не представлены в процентном соотношении, потому как это предварительные результаты, но уже можно обнаружить то, что ассоциации со значением ‘глаз – это часть человеческого тела, находящаяся на лице, с помощью которой он видит’, занимают высокие позиции. Добавилось несколько реакций со значением описания.

Данное АП сравним с АП *Харах / Глаз* взятым из ассоциативного словаря якутского языка [АСЯЯ]. Самой частотной является реакция *хара / черный* 105 (8%), *кыламан / ресницы* 82 (7%) и только потом *көрөр / смотрит* 70(6%). В якутском языковом сознании преобладают описательные характеристики глаз: *орган* (1%); *киһи / киһи хараба / человек, глаз человека* (2%), *көрөр орган / орган зрения* (0,5%), *киһи органа / орган человека* (0,4%), *глаза* (0,2%), *көрөр билэр орган / орган зрения* (0,2%), *киһи сирэйэ / лицо человека* (0,2%), *кыыс хараба / глаза девушки* (0,2%) [Захарова, 2018, с. 160-161]. У якутов они также отличаются по цвету, форме и красоте: *хара / хара харах / хап-хара / черные* (10%); *киэн / широкие, большие* (1%), *улахан / большие* (1%); *кугас, сырдык / светлые* (1%), *сыты / острое зрение* (1%), *төгүрүк / круглые* (1%), *кэрэ, кыраһыабай / красивые* (1%); *күөх / синие, зеленые* (0,5%); *дириң / глубокие* (0,4%), *ыраас / чистые* (0,4%); *кыра / маленькие* (0,3%); *карие* (0,2%), *сымнаҕас / мягкие, добрые* (0,2%), *чабылхай / яркие* (0,2%), *нарын / нежные* (0,2%), *мөлтөх / слабые* (0,2%), *ыйаастыга / раскосые* (0,2%). Являются частью головы и лица человека: *сирэй / лицо* (4%); *төбө / голова* (0,7%), *кыламан / ресницы* (7%); *хаас / брови* (3%); *очки / ачыкы* (1%); *кырдьыы, бии / веки* (1%); *харата, зрачок / чернота, зрачок* (1%); *линза* (0,6%), *айах / рот* (1%); *уос / губы* (1%); *кыыс / девочка, девушка* (0,3%), *атах / ноги* (0,2%), *мунну, мурун / нос* (0,5%), *баттах / волосы* (0,2%), *кулгаах / уши* (0,2%). В реакциях выразились образные слова и эпитеты: *сиэркилэ / зеркало* (1%); *дууһа / душа* (0,7%), *дууһа сиэркилэтэ / зеркало души* (0,4%), *кырдьык / правда* (0,3%), *дьол, ис санаа, ис дууһа, санаа / чувства, искренность* (0,6%), *итэбэл / вера* (0,2%). Основная функция глаз: *көрөр/смотрит, видит* (6%); *көрүү / возможность смотреть, видеть* (3%); *көр / смотри* (2%); *көрөбүн / вижу* (0,4%); *көрдөрөр / показывает* (0,2%); *көрөбүн / видишь* (0,2%); *таба көрүү / увидеть, разглядеть* (0,2%).

У русских (по данным РАС) на слово-стимул глаз частотны ассоциации *алмаз* (12%): связь с устойчивым сочетанием (*глаз – алмаз*) и *да глаз (глаз да глаз)* (2%). Различают глаза по цвету: *голубой* (4%), *зеленый* (3%), *карий* (2%), *синий* (2%); по красоте – *красивый* (2%); по форме – *большой* (1%); так как орган зрения, то и по остроте зрения – *око* (3%), *зоркий* (3%), *острый* (3%), зрение *меткий* (1%), *орлиный*, а также *очки* (2%), и *нос* (2%), *ухо* (1%).

Проведенное и по другим соматизмам исследование показало, что современные эвенки в своих сравнениях и наблюдениях отталкиваются от эвенкийского языкового сознания. По их представлениям, *Бэ / Человек* есть существо, отличное от других живых существ. Между собой люди отличаются местом обитания и занятиями, внешними чертами, языком и обычаями.

Список литературы

- Варламова Г.И.* Фразеологизм в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 80 с.
- Варламова Г.И.* Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.
- Дьяконова М.П.* Миф в фольклоре эвенков и эвенов (цикл творения мира): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. 194 с.
- Захарова Н.Е.* Особенности языкового сознания носителя языка в условиях многоязычия (на материале эвенкийского, якутского и русского языков): автореф. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2018. 23 с.
- Захарова Н.Е.* Особенности языкового сознания носителя языка в условиях многоязычия (на материале эвенкийского, якутского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2018. 187 с.
- Захарова Н.Е.* Архетип Человека и человека-эвенка в языковом сознании эвенков // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (Эвенки, эвены, орочоны и другие группы): сб. статей по материалам Международной междисциплинарной тунгусской конференции (г. Благовещенск, 14-16 июня 2019г.). С. 105-110.
- Калашова А.С., Копнина О.И.* Лексико-семантические и структурно-грамматические особенности фразеологизмов со значением времени в испанском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, Т. 13. № 3. С. 175-180.
- Мерекина Е.В.* Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа: этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков: дис ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 300 с.
- АСЭЯ = Ассоциативный словарь эвенкийского языка. Режим доступа: <http://adictsakha.nsu.ru/dict>
- АСЯЯ = Ассоциативный словарь якутского языка. Режим доступа: <http://adictsakha.nsu.ru/dict>
- РАС = Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. Москва: РАН, Ин-т рус. яз., 1998. 202 с.

Коптелова И.Е.

О политике поддержки венгерским правительством венгерского языка среди соотечественников в сопредельных странах

*Дипломатическая академия МИД России,
Россия, Москва, ms.koptelova@list.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности политики венгерского правительства, направленной на поддержку венгерского языка и венгерской идентичности, – последовательной институционализации отношений Венгрии и этнических общин в сопредельных государствах.

Ключевые слова: соотечественники; миноритарный язык; гранты; политика ассимиляции.

Koptelova I.E.

On the Hungarian government's policy to maintain the Hungarian language among Hungarian ethnic minorities in kin-states

*Diplomatic academy of Russia's Foreign Ministry,
Russia, Moscow, ms.koptelova@list.ru*

Abstract. When the Trianon Treaty was signed, a large number of ethnic Hungarians found themselves outside the Hungarian state and turned into an ethnic minority. The article examines the features of the Hungarian government policy aimed at maintaining the Hungarian language and Hungarian identity. The government strategy involves institutionalization of the relations between Hungary and ethnic communities in the neighbouring states. As of today, Hungary is running the most well-meditated kin-state policy among ethnic Hungarians abroad.

Keywords: ethnic Hungarians; minority language; grants; assimilation policy.

Исполнилось 100 лет Трианонскому договору, ставшему катастрофой для Венгрии, поскольку страна потеряла две трети своей территории и треть венгерского населения. Венгерский язык остался государственным языком значительно уменьшенной части королевства Венгрия и превратился в миноритарный язык венгерских меньшинств, которые оказались в государствах, увеличивших свою территорию по результатам Первой мировой войны, или во вновь образованных государствах – Австрии, Румынии, Чехословакии и Югославии.

С момента создания грамматик и перевода Библии в XVI в. на венгерский язык Венгрию захватила идея, что «нация живет в своем языке». Одним из результатов революции 1848-1849 гг. стало создание федеративного государства Австро-Венгрия. В 1867 г. Венгерское

королевство стало автономным субъектом монархии Габсбургов. Благодаря этому венгерский язык приобрел статус официального языка государства и продолжал функционировать в качестве языка регионального общения. В 1868 г. был принят Закон о Национальности XLIV, в котором введена иерархия региональных языков, определен статус венгерского языка как государственного, закреплено использование других (региональных) языков как официального средства общения в правительстве, судопроизводстве, религиозных организациях и в образовании на региональном уровне. Такое положение сохранялось до распада Австро-Венгерской монархии по итогам Первой мировой войны, поэтому наблюдался процесс «мадьяризации», т.е. переход на венгерский язык в основном славянского населения страны.

После 1920 г. венгерский язык превратился в миноритарный, когда, несмотря на имевшиеся международные договоры, права национальных меньшинств не соблюдались. Венгерское меньшинство столкнулось с политикой ассимиляции, которую проводили титульные нации. После Второй мировой войны прокатилась волна антинемецких и антивенгерских репрессий в сопредельных с Венгрией странах. А на Украине после присоединения Закарпатья появилось новое этническое меньшинство.

После распада социалистического блока и смены правительств в странах Восточной и Центральной Европы венгерский язык начал развиваться как язык регионального общения (венгерские национальные меньшинства сейчас проживают в 8 различных странах включая Венгрию). Говорящие на венгерском языке общины в основном проживают компактно на территориях, граничащих с Венгрией.

Этнические венгры, проживающие во всех этих государствах, представляют собой автохтонное население региона. В настоящее время венгерская часть бывшей Австро-Венгерской империи почти полностью совпадает с так называемым Карпатским бассейном, регионом, который имеет специфические географические, социально-культурные, экологические и языковые черты.

Принцип поддержки людей, принадлежащих к одной нации, но живущих в разных (соседних или не соседних) странах, часто включается в конституцию. За некоторым редким исключением в конституциях большинства государств, расположенных в Восточной и Центральной Европе, содержится так называемый «пункт об ответственности». После распада социалистической системы страны Центральной и Восточной Европы начали открыто поддерживать своих соотечественников, проживающих за рубежом. Государства постепенно создавали механизмы и институты, которые действуют в этой области. Однако не существует

общей согласованной модели; страны используют различные решения, ставят перед собой разные цели и создают разнообразные учреждения.

Отношения с соотечественниками, проживающими за рубежом, зависят от финансовых возможностей и политических приоритетов материнского государства, а также от положения людей, проживающих за границей. В качестве основного правила различают поддержку тех, кто проживает в соседних странах (соотечественники), и тех, кто живет вдали от материнского государства (диаспоры).

Венгрия осуществляет наиболее разработанную и активную политику в отношении этнических венгров как в сопредельных государствах, так и в диаспорах. Это нашло отражение в законодательстве, институционализации венгеро-венгерских отношений, в высоком уровне государственного присутствия (на уровне министров и Государственного Секретариата), что выражается в разработке конкретных целевых программ. Это возможно, во-первых, благодаря существованию крупных венгерских общин, которые политически активны, определяют себя в национальной терминологии и стремятся к автономии; во-вторых, это результат того, что правительство, сформированное после 2010 г., рассматривает политику в отношении венгерских общин за рубежом (соотечественников и диаспор) как приоритетную.

Целью национальной политики правительства Венгрии является сохранение венгерской идентичности и передача ее будущим поколениям, что закреплено законодательно: в Законе о гражданстве (2010 г.) говорится, что «все члены и все сообщества венгров, которые попали под юрисдикцию соседних государств, являются частью единого целостного венгерского народа, солидарность которого не знает границ. Одновременно их солидарность является элементом их личной и общественной идентичности» [Закон о гражданстве, 2010].

Для достижения цели «воссоединения венгров, живущих в разных странах», правительство FIDESZ прилагает большие усилия. Так, в парламенте был принят закон, позволяющий венграм, являющимся гражданами других стран, претендовать на двойное гражданство, что дает им право участвовать во всеобщих выборах в Венгрии, а также в выборах в Европейский союз. Стратегическая цель состоит в первую очередь в том, чтобы венгры, проживающие в соседних странах в качестве этнических меньшинств (около двух миллионов), могли сохранить свой родной язык и культуру, обогатив тем самым всю венгерскую культуру.

Однако существует несколько факторов, влияющих на достижение этой цели, например, миграция в страны Западной Европы или нестатусность венгерского языка, что ведет к ассимиляции в титульную нацию в надежде на лучшие перспективы карьерного роста. Согласно

статистике, число венгров в Карпатском бассейне, живущих за пределами Венгрии, постоянно уменьшается с конца 1980-х гг. Соседи Венгрии, конечно, предпочли бы, чтобы этнические венгры растворились в титульной нации. Поэтому отношения Будапешта с соседями являются важным элементом проекта единства венгров.

По данным переписи 2011 г., 460 000 венгров живут в Словакии. Здесь наблюдается один из случаев самой выраженной ассимиляции. Словацкий закон не допускает двойного гражданства, и антивенгерские настроения – не редкость в общественной жизни, хотя ситуация значительно улучшилась за последние 10-15 лет, отчасти благодаря тому, что обе страны являются членами так называемой Вышеградской четверки.

В настоящее время напряженными являются венгерско-украинские отношения, в основном из-за нового закона о языке на Украине, который запрещает венграм получать образование на их родном языке до 18 лет. Венгерская община насчитывает 150 000 человек, но быстро сокращается. Молодые люди уезжают в Венгрию, Чешскую Республику и Западную Европу, чтобы избежать призыва в армию и отправки для участия в боевых действиях на востоке Украины и чтобы избежать бедности и безработицы. В результате, если ситуация не изменится, в ближайшие десятилетия венгерское меньшинство может резко уменьшиться, что ставит вопрос о его выживании в Закарпатье.

В Румынии, преимущественно в Трансильвании, проживают 1,2 млн этнических венгров, причем в Székelyföld они составляют большинство населения. В последние сто лет венгерско-румынские отношения нельзя назвать дружественными [Коптелова, 2018, с. 94].

По данным переписи 2011 г., более 250 000 венгров живут в Сербии. К настоящему времени это число, вероятно, приближается к 200 000, поскольку можно обнаружить массовую эмиграцию венгров, в основном молодых людей. Пункт назначения – Западная Европа и, в меньшей степени, Венгрия. Единственной хорошей новостью для венгров является то, что отношения между Белградом и Будапештом превосходны и, вероятно, останутся таковыми в будущем.

Таблица. Этнические венгры

Страна	Население (1991)	Население (2011)
Венгрия	10558001	9937628 (92,3%)
Словакия	567296	458467 (8,5%)
Украина	155711	[141000]
Румыния	1604266	1227623 (6,1%)
Сербия (Воеводина)	339491	251136 (13%)
Хорватия	22355	14048 (0,33%)
Словения	7637	[4000]
Австрия	6763	4704/25884
Итого:	13261520	

В документе, озаглавленном *Политика венгерских общин за рубежом – Стратегия венгерских общин за рубежом* (2011 г.) [Magyar nemzetpolitika, 2011], систематизируется политика Венгрии в отношении ее этнических общин за рубежом, определяются стратегические цели, основные направления и сферы деятельности как для политики Венгрии и государственного управления, так и для самих венгерских общин за рубежом. А поскольку *Стратегия венгерских общин за рубежом* затрагивает все сферы венгерской политики и государственного управления, то в силу своей горизонтальной природы она должна учитываться на всех уровнях принятия решений и исполнения.

В *Стратегии* одной из важнейших задач считается поддержание численности венгерского населения в сопредельных странах, для реализации чего необходима автономия венгерских меньшинств. Следовательно, краткосрочной целью *Политики* является построение общества этнических венгров за рубежом. Поддержание численности этнического меньшинства возможно реализовать, сосредоточив усилия на тех регионах, в которых существует плотная и качественная сеть учреждений, которые дают венграм возможность находиться в контакте с венгерским языком, культурой и сообществами на протяжении всей жизни. Целью *Стратегии* является:

1) достижение численного роста венгерских общин (число членов общины растет, они не ассимилируются, положительный рост населения поддерживается высоким качеством жизни),

2) интеллектуальное развитие общин (сильная национальная идентичность членов общины, они полностью принимают нормы общины, обладают конкурентными знаниями, сохраняют и развивают общие культурные ценности),

3) экономический рост и правовое развитие (в последнем случае члены общины уверены в осуществлении своих прав, их защите и, при необходимости, их расширении) [Коптелова, 2017, с. 132].

Основной закон Венгрии (2011 г.) определяет ответственность венгерского государства следующим образом: «Венгрия, с учетом единства всей венгерской нации, несет ответственность за судьбу венгров, которые живут за ее пределами, способствует сохранению и развитию их сообществ, поддерживает их устремления, направленные на сохранение венгерской идентичности, осуществление индивидуальных и коллективных прав, создание общественных органов самоуправления, благополучие на родине, а также способствует их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией» (Статья D) [Основной закон Венгрии, 2011].

Решения по выработке политики в отношении соотечественников принимаются Национальным собранием Венгрии и на венгерско-венгерских форумах.

Поддержка соотечественников как особое направление деятельности инкорпорировано в статуты всех профильных министерств. Координацию их работы осуществляет Комитет национального единства (КНЕ).

В рамках Министерства государственного управления и юстиции был создан Государственный Секретариат по работе с венгерскими общинами за рубежом, что сделало возможным поднять вопросы работы с соотечественниками на более высокий уровень, приравняв их к любой другой секторальной политике. Государственный Секретариат координирует работу Межведомственной комиссии в целях согласования деятельности различных правительственных подразделений, основываясь на принципе взаимной ответственности. Председателем комитета является заместитель премьер-министра, а его вице-президентом назначается парламентский статс-секретарь Министерства иностранных дел. Межведомственная комиссия созывается не менее 2 раз в год, но в действительности она проводит заседания чаще. Задачи Комиссии – организовать обмен информацией, координировать и оценивать задачи в области политики в отношении соотечественников, согласовывать направления стратегической деятельности всех министерств. В то же время Комиссия несет ответственность за обеспечение наиболее эффективного использования бюджетных средств, выделяемых на реализацию целей, касающихся политики в этой области.

С 2010 г. Государственный Секретариат ведет свою работу в составе канцелярии премьер-министра.

Важнейшим направлением политики Венгрии в отношении зарубежных соотечественников является оказание им материальной помощи. Средства для общественных организаций зарубежных венгров до недавнего времени распределялись через систему государственных и общественных фондов.

Одним из направлений политики поддержания венгерского языка в этнических общинах является помощь в издании газет (печатных и сетевых), организация радиовещания на венгерском языке. Например, в АК Воеводине издаются 2 ежедневные газеты на венгерском языке, почти половина эфирного времени телевизионного канала RTV2, на котором транслируются программы на языках этнических меньшинств, выделена программа на венгерском языке. На венгерском языке ведет передачи одна из трех радиочастот АК Воеводины «Радио Новь 2».

Правительство Венгрии помогло школам, ведущим обучение на венгерском языке, с формированием фонда учебников. Еще 10 лет назад, например, в Словении Министерство образования само переводило учебники со словенского на венгерский язык, и качество такого перевода оставляло желать лучшего. После принятия *Стратегии* Венгрия подготовила и направила учебники в сопредельные государства, в первую

очередь в начальную школу. Затем началась подготовка учебников по отдельным предметам. Сейчас стоит вопрос разработки учебников для высшей школы сопредельных стран, предлагающих курсы по специальности на венгерском языке. Например, два университета Словении (Любляны и Марибора) предлагают курсы полностью на венгерском языке.

На ежегодном слушании в комитете конце 2019 г. министр иностранных дел Питер Сийярто сказал, что положение венгерских меньшинств за границей за последние пять лет улучшилось.

Государственные программы *Kőrösi Csoma Sándor* и *Petőfi Sándor* являются уникальными и представляют образец для других стран.

Программа *Kőrösi Csoma Sándor* направлена на венгерские диаспоры, а программа *Petőfi Sándor* имеет целью поддержку этнических венгров в Карпатском бассейне. Программа *Kőrösi Csoma Sándor* была запущена в 2013 г. с 47 стипендиатами, ее целью является стимулирование знания венгерского языка среди представителей венгерской диаспоры на Западе. В ее рамках в заграничные диаспоры направляются преподаватели (чаще всего молодые) в качестве педагогической практики для обучения языку далекой Родины. К настоящему времени количество стипендиатов достигло 80-100 человек в год. Два года спустя началась программа *Petőfi Sándor*. Сейчас ежегодно 125-145 человек получают стипендии в рамках второй программы, которая поддерживает преподавателей венгерского языка из сопредельных стран, предоставляя им обучение и стажировку в образовательных учреждениях Венгрии. Нехватка квалифицированных преподавателей также является проблемой, затрудняющей развитие венгерского языка в общинах в сопредельных странах, поэтому количество стипендиатов по этой программе постоянно растет. Обе программы нацелены на то, чтобы помочь этническим общинам сохранить свою национальную самобытность и укрепить сплоченность посредством преподавания венгерского языка и организации культурных мероприятий. За последние несколько лет в общей сложности около 1500 молодых людей получили стипендии на обучение от шести до девяти месяцев, чтобы помочь венгерским общинам во всем мире.

Фонд Бетлена Габора был создан в 2011 г. как правопреемник фонда *Szülőföld Alap* – управления финансовой помощи, предоставляемой Венгрией для соотечественников. Он занимается выплатой грантов, финансирует деятельность так называемых Домов Венгров (*Magyarság Háza*) и поддерживает Научно-исследовательский институт венгерских общин за границей. Переформатирование фонда помогло создать прозрачную и простую систему распределения.

Наиболее важным грантом фонда является программа *Szülőföldön magyarul*, в рамках которой выделяются образовательные гранты для

детей этнических венгров, проживающих за границей и посещающих образовательные учреждения с обучением на венгерском языке. До 2010 г. гранты выделялись детям школьного возраста, с 2011 г. такие гранты распространяются и на детей, посещающих детские сады. Кроме того фонд распределяет помощь в виде грантов физическим и юридическим лицам, органам местного самоуправления, общественным организациям, учреждениям культуры и т.п. (в рамках открытой тендерной системы).

Кроме выделения грантов, с 2011 г. Фонд Бетлена Габора отвечает за деятельность культурно-образовательных центров Дом венгров (Magyarság Háza). Дом венгров действует как общественное культурно-образовательное учреждение, представляющее венгерские общины за рубежом. Задачей Научно-исследовательского института венгерских общин за границей является проведение исследований для координации и поощрения исследований венгерских общин за рубежом, обработки результатов таких исследований для дальнейшей выработки политики и стратегии правительства.

Цель программы *Julianus* заключается в создании всеобъемлющего реестра венгерского материального наследия, находящегося в диаспоре, и создание широкого доступа к этим данным. Похожая цель и у программы *Mikes Kelemen*, которая сосредоточена на сохранении материального наследия соотечественников и диаспоры, собирая элементы этого наследия на систематической основе, передавая их в Венгрию и предусмотрев их надлежащее использование.

Крупная венгерская ассоциация гражданского общества *Rákóczi Szövetség* активно работает в сфере среднего образования уже 30 лет. Она разработала несколько инициатив. Одной из них является обеспечение первоклассников, родители которых выбрали школьное образование на венгерском языке, «набором первоклассника», который включает школьный ранец и все необходимое первокласснику. Эти усилия являются частью кампании, начатой в 2004 году в ответ на растущее число родителей, выбирающих образование на государственном языке, что может привести к упадку венгерских общин в сопредельных странах. В 2019 г. число первоклассников, зачисленных в начальные школы на венгерском языке, после периода стабилизации несколько выросло. Например, в настоящее время только в Словакии насчитывается 250 начальных школ, которые предлагают частичное или полное обучение на венгерском языке.

Венгерское правительство выделяет часть мест в государственных детских летних лагерях для детей венгров из национальных общин за рубежом, с тем, чтобы дети могли общаться со своими сверстниками, проживающими в Венгрии.

Канцелярия премьер-министра выделила на текущий год в общей сложности один миллиард форинтов (3 млн. евро) на программы, направленные на укрепление венгерских общин за пределами границы. Инициатива, получившая название «2020 год: год для сильных венгерских общин», выдвинутая Постоянной венгерской конференцией в ноябре 2019 г., будет проходить параллельно Году национальной сплоченности, приуроченному к 100-й годовщине Трианонского договора.

Таким образом, политика правительства Венгрии в отношении венгерских общин за рубежом направлена на интеграцию этнических венгров в общины, в нацию, а также в политическую систему соответствующего сопредельного Венгрии государства.

Список литературы

- Коптелова И.Е.* Венгерский язык как миноритарный // Человек: образ и сущность. 2018. № 1-2 (32-33). С. 94-108.
- Коптелова И.Е.* «Мягкая сила» как ресурс внешней политики венгрии при работе с соотечественниками // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. МГЛУ. 2017. С. 129-141.
- Закон о гражданстве. 2010. URL: <http://www.vajma.info/docs/Nemzeti-ossetartozas-torveny.pdf>
- Основной закон Венгрии. 2011. URL: http://www.kormany.hu/download/oroszyomda_javitott.pdf
- Magyar nemzetpolitika. 2011. URL: <http://www.nemzetiregiszter.hu/download/9/a2/00000/Magyar%20nemzetpolitika%20A4/pdf>

УДК: 81

Коренева Е.В. Электронные лексикографические ресурсы как современная форма представления испанского языка в его единстве и развитии

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, arco2001@mail.ru*

Аннотация. Создание электронных корпусов и баз данных испанского языка является одним из приоритетных направлений работы Королевской испанской академии. Электронные лексикографические источники постоянно пополняются, отражая единство и многообразие вариантов и форм испанской речи, и используются как доказательная база научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: испанский язык; корпусная лингвистика; лексикография; электронные базы данных.

Koreneva E.
**Electronic lexicographic resources as
a modern form of representation of
the Spanish language in its unity and development**

*Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, arco2001@mail.ru*

Abstract. The creation of electronic corpora and databases of the Spanish language is one of the priorities of the Royal Spanish Academy. Electronic lexicographic sources are constantly updated, reflecting the unity and diversity of variants and forms of Spanish, being an accessible and free resource that is in demand by users, primarily as an evidence base for research work.

Keywords: modern Spanish; Corpus Linguistics; Lexicography; electronic databases.

В настоящее время деятельность Королевской испанской академии (Real Academia Española – RAE) сосредоточена на том, чтобы предоставить всем исследователям языка и пользователям достоверные источники данных по истории развития лексических единиц испанского языка в наиболее доступной форме. Испанская академия координирует работу 22 академий, входящих в Ассоциацию академий испанского языка (Asociación de Academias de la Lengua Española – ASALE), по отбору и систематизации материала во всех испаноязычных странах. Новые электронные лексикографические продукты – это результат многостороннего сотрудничества.

История современной лексикографии и развитие лингвистических исследований неразрывно связаны с эволюцией баз данных лексической документации, она базируется на текстах как единственном достоверном материале, дающем информацию об истории языка. С момента своего образования в начале XVIII в. Королевская испанская академия создавала архив, в настоящее время состоящий из примерно десяти миллионов лексикографических карточек, оцифрованных и доступных для ознакомления на специальной странице (Fichero General).

Развитие информационных технологий привело к серьезным изменениям методов работы во всех сферах лингвистики. Осознавая необходимость активного освоения цифровых моделей представления материала, в 1995 г. RAE решила подготовить банк данных испанского языка, состоящий из двух больших электронных корпусов текстов: корпус CREA (Corpus de Referencia del Español Actual) – испанский язык последних 25 лет и корпус CORDE (Corpus Diacrónico del Español) – испанский язык всех предшествующих лет.

В процессе работы над корпусом CREA специалисты осознали необходимость подготовки еще двух новых корпусов текстов. Так появились два новых проекта: Корпус Нового исторического словаря (CDH – Corpus del Nuevo diccionario histórico) и Корпус испанского языка XXI века (CORPES XXI – Corpus del Español del Siglo XXI). При этом электронный Корпус испанского языка XXI века, как и CREA, являются эталонными корпусами. Это база данных, состоящая из тысяч текстов (романы, пьесы, сценарии фильмов, пресс-релизы, очерки, стенограммы радио- или телевизионных выпусков, стенограммы речей и т.д.). К таким лексикографическим базам обычно обращаются пользователи, чтобы узнать или уточнить значения и характеристики слов, выражений и конструкций из фактически зарегистрированных употреблений.

Известно, что общий электронный корпус имеет основной целью зафиксировать язык в определенный момент его развития для изучения его характеристик. В случае с современным испанским языком корпус должен содержать тексты всех типов, к тому же из всех стран, составляющих испаноговорящий мир. Для этого тексты, составляющие CORPES XXI, отбираются в соответствии с рядом параметров и обрабатываются системой кодирования, специально разработанной для этого корпуса. Первая версия была представлена на VI Международном конгрессе испанского языка (Панама, октябрь 2013 г.), а с декабря 2013 г. можно обращаться к CORPES XXI через специальное приложение (<https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi>), позволяющее получить доступ и информацию о содержащихся в корпусе лексических единицах.

УДК: 811.161.1

Попова М.В.

**Австрийский вариант немецкого языка как показатель
формирующейся этничности**

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, neunerin@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор взглядов отечественных и зарубежных исследователей на проблему изучения системы языка, обслуживающего одновременно несколько языковых сообществ. Автор приводит примеры отличий австрийского варианта немецкого языка от литературной нормы на лексическом, грамматическом и фонетико-фонологическом уровне. Делается вывод о том, что австрийский вариант немецкого языка является результатом автономной эволюции унаследованной языковой субстанции, отражающей национальную специфику этноса, его культуру, традиции и идентичность.

Ключевые слова: вариант; этнический вариант; национальный вариант; литературный язык; австрийский вариант немецкого языка.

Popova M.V.

Austrian German as an indicator of emerging ethnicity

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, neunerin@gmail.com*

Abstract. The paper is a brief overview of the views of domestic and foreign researchers on the problem of studying the system of a language that serves several linguistic communities at the same time, and the specifics of mutual influence of the language and the historical and cultural characteristics of an ethnos. The author gives examples of differences between the Austrian version and standard German at lexical, grammatical and phonetic-phonological levels. It is concluded that the Austrian version of the German language is the result of the autonomous evolution of an inherited language substance, reflecting the national specifics of the ethnos, its culture, traditions and identity.

Keywords: variant; ethnic variant; national variant; standard language; Austrian German.

Как известно, наряду с литературным вариантом языка функционируют внелитературные формы, такие как диалекты, койне, просторечия, жаргоны и сленг. Литературный язык отличается от вышеназванных форм наличием кодифицированной нормы. Однако само понятие «норма» трактуется двояко: с одной стороны, это некий идеализированный образец, к которому стремится или должен стремиться рядовой носитель языка, а с другой, – это узус носителей языка, то есть, с одной стороны норма – это «как в словаре», а с другой - как говорит большинство. Однако следует отметить, что во втором случае речь идет скорее о «языковой норме», чем о литературной. Таким образом, между кодифицированным и реальным узусом всегда есть различие, а норма в свою очередь вариативна.

Говоря о немецкоязычных странах, важно отметить, что они отличаются богатым разнообразием различных форм языка: на просторах одной Германии насчитывается несколько десятков различных диалектов. Однако общность территории далеко не всегда определяет этническую принадлежность индивида. Наряду с чисто территориальными диалектами существуют также социально-территориальные диалекты и так называемые «этнические варианты языка». Сегодня наиболее распространенным является понимание этноса как «органичной социальной системы с четко выраженной определенной структурой, в основе которой лежит система межпоколенной этнокультурной

информации, освященной традициями» [Маймакова, 2015]. Так что же в таком случае представляет собой «этнический вариант языка»?

Из определения этноса мы можем сделать заключение, что этнический вариант языка является собой такую форму существования некоторой языковой системы, для которой характерны заметные для говорящих отличия в составе, свойствах, функциях и употреблении языковых средств, обнаруживающиеся в разговорной, диалектной и литературной речи и находящие свое отражение в местных нормах письменного литературного языка определенного этноса [Романенко, 2009]. Другими словами, под этническим вариантом языка по аналогии с определением национального варианта языка, следует понимать такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но, вместе с тем, приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах определенного этноса [Степанов, 1976, цит. по: Романенко, 2009]. Следует подчеркнуть, что этнический вариант обслуживает некоторый этнос, при этом в «ограниченной сфере общественной жизни» [Степанов, 1976, с. 190-194, цит. по: Романенко, 2009].

На сегодняшний день распространены ситуации, в которых один и тот же язык используется различными этносами. Ярким примером этого служит немецкий язык и его этнические варианты, практикуемые на территориях нескольких европейских государств. Каждый из них характеризуется определенной спецификой, обусловленной культурно-историческим развитием этноса. Соотношение и взаимовлияние языка и культуры волновало многих исследователей в разные исторические эпохи. В. Фон Гумбольдт рассматривал язык как «дух» говорящего на нем народа, то есть особую концентрацию мыслей и чувств этноса [Гумбольдт, 1985]. Идеи В. Фон Гумбольдта нашли отражение в работах Э. Сепира и Б. Уорфа, авторов гипотезы «лингвистической относительности», согласно которой именно язык предопределяет особенности мышления говорящего на нем народа. И несмотря на то, что данная гипотеза так и не нашла экспериментального подтверждения, полностью опровергнуть ее также не удалось. Именно поэтому она продолжает волновать умы исследователей. А.А. Потебня видел в языке способ духовного единения этноса, «единственное и неперемное условие существования народа» [Потебня, 1993]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что язык в некоторой степени формирует уникальную культуру и глобальные процессы мышления этноса.

В данной связи следует упомянуть о «Тезисе четырех вариантов» («*Viervariantenthese*»), который в свое время вызвал широкий интерес к национальным вариантам немецкого языка. В популяризации данного тезиса значительную роль сыграла книга М. Клайна «Язык и общество в

немецкоязычных странах», в которой он утверждал, что немецкий наряду с английским и другими языками является плюрицентрическим языком с четырьмя национальными вариантами. Данную мысль автор аргументировал тем, что немецкий язык в Германии, Австрии, Швейцарии и ГДР имеет общенациональную функцию, при этом жители этих государств идентифицируют себя с соответствующими национальными вариантами [Clyne, 1984].

Одной из первых к вопросу об особенностях именно австрийского как этнического варианта немецкого языка обратилась Э.Г. Ризель, подчеркивая наличие национальных «австрийских особенностей в рамках немецкого языка» [Ризель, 1953]. Некоторые исследователи, среди которых Р. Мур, А. Домашнев, М. Клайн, Г. Меккер и др., даже придерживаются так называемой «австрийско-национальной точки зрения», согласно которой австрийский вариант рассматривается как отдельный язык. Несмотря на некоторую радикальность данной точки зрения, в защиту ее можно привести факт закрепленного литературного варианта австрийского языка, о котором свидетельствуют как словарные издания и официальное использование собственной терминологии (например, название органов власти и управления или другие условия государственного управления), так и существование «австрийского языкового диплома» наряду с «немецким языковым дипломом», который можно получить, сдав соответствующий экзамен. Исследователи, среди которых Г. Шойрингер, Н.Р. Вольф, Х.Д. Поль и др. в свою очередь полагают, что этого все же недостаточно для предоставления австрийскому варианту немецкого языка «особого статуса» [Muh, Schrod, 1997].

Описанию характеристик австрийского варианта немецкого языка на различных языковых уровнях посвящено множество работ. Наибольшие различия между литературным немецким языком Германии и его австрийским вариантом наблюдаются на лексическом уровне. Самыми типичными являются: нем. *die Sahne* – австр. *Obers*, нем. *der Rentner* – австр. *Pensionist*, нем. *es ärgert mich* – австр. *es stiert mich*. Не секрет, что в Австрии есть районы, где идет вечное противостояние немецкого и австрийского вариантов языка. Прежде всего, это касается приграничных населенных пунктов, однако даже в Вене встречаются случаи, когда при употреблении немецкого слова, имеющего общеупотребительный австрийский вариант, клиент рискует остаться необслуженным.

Специфика морфологических отличий может быть рассмотрена на примере словообразовательных моделей или в отнесении имен существительных к разным системам при определении рода: нем. *der Schank* – австр. *die Schank*. Образование множественного числа так же

является показателем различий: нем. *die Erlasse* – австр. *die Erlässe*, нем. *die Pralinen* – австр. *die Pralinees* [Бондаренко, Чернова, 2012].

Еще один уровень, который заслуживает особого внимания – это фонетико-фонологический. Здесь наблюдается большое количество отличий от немецкой произносительной нормы. В рамках консонантизма можно отметить следующие:

- 1) оглушение звонкого ненапряженного согласного «s» в начале слова и слога (например, [S]aarland, [S]ohn);
- 2) замена [ç] на [k] в суффиксах -ig, -zig (например, lusti[k], Köni[k]);
- 3) отличие в произнесении *st*, *sp* в начале слова и слога в некоторых словах латинского, греческого, французского или английского происхождения (австр. [sp]ezifisch, [St]atistik – нем. [ʃp]ezifisch, [ʃt]atistik);
- 4) буквы «J» и «Q» в австрийском варианте имеют свои названия – «jee» и «kwee»;
- 5) преобладает нетипичный для немецкой произносительной нормы консонантный вариант «г» – перезнеязычный вибрант;
- 6) низкая степень аспирации глухих смычно-взрывных согласных «р», «т», «к» в ударных слогах.

В рамках вокализма также отмечаются значительные расхождения с немецкой произносительной нормой:

- 1) отсутствует твердый приступ;
- 2) некоторые монофтонги дифтонгизируются, что свидетельствует о нестабильности их артикуляции;
- 3) наблюдается некоторая «централизация» гласных – размывается граница между долгими и краткими гласными, однако при этом зачастую происходит изменение качества – краткие гласные произносятся закрыто;
- 4) дифтонги имеют специфику произнесения (*meine*: нем. /ai/ – австр. /ei/; *Eule*: нем. /ou/ – австр. /oö/);
- 5) в заимствованных словах конечный безударный «е» редуцируется и выпадает;
- 6) [ə] в приставке «ge-» и конечном безударном слоге «-en» произносится как [ɛ] (*gesund*: нем. [gəzʊnt] – австр. [gɛsʊnt]).

На супрасегментном уровне также присутствуют характерные особенности:

- 1) темп речи медленнее;
- 2) мелодический диапазон шире, при этом затакт не такой глубокий, как в немецком;
- 3) слоговой ритм более отрывистый за счет количественной редуции.

Подводя итоги, можно заключить, что лингвистическая картина, наблюдаемая в Австрии, соответствует типологическим универсалиям

этнической языковой категоризации. Другими словами, при сохранении общетипологических черт литературной нормы немецкого языка, австрийский вариант характеризуется наличием большого количества системных особенностей на всех уровнях языка, закреплённых в словарных изданиях, присущих только австрийскому этносу. Эту идею подтверждает А.И. Домашнев, отмечая, что для «литературного языка Австрии в целом характерны определенные лингвистические факты как следствие автономной эволюции унаследованной субстанции языка, а также приобретенные элементы, являющиеся либо результатом развития собственных материальных возможностей языка, либо результатом его автономного взаимодействия с другими языками» [Домашнев, 1972, с. 74].

Список литературы

- Бондаренко Е.В., Чернова О.О.* Австрийский вариант немецкого языка: внутренние факторы развития // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. № 24 (143). Выпуск 16. С. 40-43.
- Гумбольдт В.* Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Москва : Прогресс, 1985. С. 346-349.
- Домашнев А.И.* О границах литературного и национального языка // Вопросы языкознания. № 2. 1983. 232 с.
- Маймакова А.Д.* Язык и этнос: этносоциальный аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3-1. С. 123-127. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6493> (дата обращения: 19.10.2020)
- Потебня А.А.* О национализме // Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. С. 186-190.
- Ризель Э.Г.* К вопросу о национальном языке в Австрии // Учен. зап. I Моск. гос. пед. ин-та ин. яз. Харьков, 1953. С. 163-171.
- Романенко О.В.* Национальный вариант полицентричных языков как совокупная структура национальной речи // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. Том 14. № 2. С. 407-410.
- Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. Москва : Наука, 1976. 224 с.
- Clyne M.* Language and the society in the German-speaking countries. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 205 p.
- Ehrlich K.* Die Aussprache des österreichischen Standarddeutsch – umfassende Sprech- und Sprachstandserhebung der österreichischen Orthoepie: Magisterdissertation. Wien: Universität Wien, 2009. 203 S.
- Muhr R., Schrodtt R.* Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Empirische Analysen, 1997. 418 S.

Семкова А.В.

**Структурно-семантические особенности конструкций,
категоризирующих поведение и эмоционально-оценочное отношение**

*Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального
университета имени М.К. Аммосова в г. Мирном,
Россия, Мирный semkova1@rambler.ru*

Аннотация. Многозначность предложения определяется тем, что оно категоризирует разные вариации прототипической ситуации, связанные с наличием в действительности похожих, но не эквивалентных ситуаций; с различным пониманием говорящим одной и той же ситуации, что влияет на семантическую и синтаксическую организацию предложения.

Ключевые слова: многозначность; прототипическая ситуация; прототипическая конструкция; категоризация.

Semkova A.V.

**Structural and semantic specifics of English constructions
categorizing behavior and emotional-evaluative attitude**

*Mirny Polytechnic Institute (branch) of North-Eastern Federal University,
Russia, Mirny, semkova1@rambler.ru*

Abstract. Cognitive approach to the sentence study assumes polysemy of a sentence which is related to the general sense of a sentence and is revealed when a sentence categorizes different variations of a prototypical situation. The variations exist primarily because in real life there are many similar but not equivalent situations that are placed by a person into the same category due to his/her ability to categorize. Secondly, a speaker can grasp the same real life situation differently. Semantic and syntactic organization of a sentence depends on a speaker's comprehension of the same situation and on the fact that similar real life situations are not identical.

Keywords: polysemy; prototypical situation; prototypical construction; categorization.

В настоящей работе, вслед за вербоцентристами, под конструкцией понимается модель предложения, в которой все формальные единицы лексически субкатегоризованы, например, N_{лицо} V_{действие} N_{предмет} [Алисова, 1971, с. 33; Кацнельсон, 1972, с. 84]. Конструкция отражает действительность не напрямую, а через призму носителей языка, то есть не ситуацию, а только мысль об этой ситуации [Ковалева, 2008]. Следовательно, для того чтобы передать какую-либо идею, говорящий должен ее категоризовать, иначе говоря, «принять решение, в

соответствии с которым данный предмет или событие будут интерпретироваться как отдельное проявление какой-либо категории» [Чейф, 1975, с. 56].

Прежде чем рассматривать структурно-семантические особенности конструкций, категоризирующих поведение и эмоционально-оценочное отношение, отметим, что, в связи с тем, что «объективная действительность богаче и разнообразнее форм мышления и языкового выражения» [Гак, 2004, с. 466], в языке существует многозначность предложения, когда конструкции, организуемые одним и тем же глагольным предикатом, категоризируют разные варианты ситуации.

Есть, однако, нечто общее, что связывает данные конструкции и позволяет подводить их под одну категорию, усматривая в них близкий смысл: эмоционально-оценочное отношение, восприятие, понимание и т.д. А.А. Зализняк предлагает понятие *концептуальной схемы (КС) слова*, представляющей собой «способ репрезентации той *общей идеи*, знание которой обеспечивает говорящему возможность употреблять и понимать данное слово в различных контекстах» [Зализняк, 2002, с. 15]. «Вполне законно предположить существование КС у предложения, а его разные значения считать вариантами КС предложения» [Ковалева, 2009, с. 122]. Вследствие того, что за словами стоят концепты, а за предложениями – пропозиции (мысли о ситуации), понятие концептуальной схемы слова может соотноситься с понятием прототипической ситуации предложения. По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, прототипическая ситуация – это некоторая идеализированная абстрактная сущность, «набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для нашего опыта» [Lakoff, Johnson, 1980, p. 70] Относясь к общей абстрактной идее (одной прототипической ситуации), предложения семантически сближаются и вступают между собой в парадигматические отношения, образуя смысловой континуум, но не являются при этом семантически эквивалентными. Некоторые конструкции настолько отдаляются от прототипической конструкции, что совмещают в себе черты других прототипических конструкций.

Каждая прототипическая ситуация обладает характерным набором параметров. Термин «параметр» используем вслед за П. Лутцайером, который, дистанцируясь от терминов структуральной парадигмы при объединении лексических единиц по полевому принципу, предлагает использовать термин «параметр (dimension)» и применять метод комбинации параметров (combination of dimensions) с целью «закрепления ограниченного количества параметров за определенным лексическим полем» [Lutzeier, 2006 – URL].

Прототипическая конструкция категоризирует все облигаторные параметры прототипической ситуации. Она реализуется в одном из

нескольких своих проявлений в форме той или иной конструкции, так как в действительности очень часто данной ситуации не соответствует никакая конструкция [Ковалева, 2008, с. 82].

В процессе категоризации окружающей действительности говорящий использует не только прототипические, но и непрототипические конструкции [Мирончук, 2012, с. 163]. Непрототипические конструкции категоризируют прототипическую ситуацию неполно, либо категоризируют один из необлигаторных параметров, который в таком случае становится облигаторным, поскольку говорящий замечает именно его, либо совмещают параметры других ситуаций. На основании общности параметра непрототипические конструкции «группируются друг с другом и в зависимости от параметра они находятся на разном расстоянии от прототипа» [Шишкова, 2011, с. 213].

Например, прототипическая ситуация эмоционально-оценочного отношения представлена следующим набором параметров.

Облигаторные:

- (1) «одушевленный субъект, выступающий только в этой роли»;
- (2) «определенный объект, выступающий только в этой роли»; (2а) «одушевленный»; (2б) «неодушевленный»;
- (3) «отношение»; (3а) «со знаком “+” – положительно»; (3б) «со знаком “-“ – отрицательно», что свидетельствует о присутствии эмоциональности в ситуации.

Необлигаторные:

- (4) «причина положительного / отрицательного отношения», сигнализирующая о присутствии рациональности в ситуации;
- (5) «двусторонняя аксиологическая шкала, отражающая субъективную и объективную стороны отношения»;
- (6) «оценочный стереотип»;
- (7) «аспект оценки».

Прототипические конструкции, категоризирующие данную прототипическую ситуацию:

$N_{\text{лицо}}$ like / dislike $N_{\text{одуш.}}$

$N_{\text{лицо}}$ like / dislike $N_{\text{неодуш.опред.}}$

Конструкции, оязыковляющие не только эмоционально-оценочное отношение в чистом виде, но и поведение, категоризируют ситуацию, обнаруживающую несколько иной набор параметров, а именно:

- (1) «одушевленный субъект»;
- (2) «неодушевленный определенный объект»;
- (3) «отношение»; (3а) «со знаком “+” – положительно»; (3б) «со знаком “-“ – отрицательно»;
- (4) «причина отношения»;

(5) «поведение-оценка субъекта».

В данной ситуации эмоционально-оценочного отношения облигаторным является параметр «поведение – оценка субъекта», так как говорящий замечает, что положительное / отрицательное отношение субъекта к объекту, связанное с оценкой объекта и его свойств, проявляется в поведении субъекта.

Данные конструкции организуются глаголами, в значении которых преобладает рациональный компонент: *to respect, to regard, to approve, to disapprove, to deprecate, to disregard, to scorn, to disdain*. Они категоризируют ситуации (не)согласия, (официального) утверждения, (не)вмешательства, (не)приятя, принятия во внимание, критики, отказа, игнорирования в зависимости от значения глагола. В качестве объекта конструкции содержат конкретное / абстрактное существительное или вербоид. При такие конструкции содержат существительные определенного семантического типа, обозначающие явления, предметы, события, с которыми можно согласиться, которые можно принять, утвердить, критиковать, проигнорировать, отклонить, которыми можно пренебречь или которым можно последовать: *feeling, opinion, right, idea, thought, wish, privacy, action, event, situation, treaty, contract, invitation, advice, offer* и т.п. Они образуют вместе с глаголом и другими членами предложения целостное значение «поведение – оценка».

Проиллюстрируем сказанное на примере конструкций с мелиоративами и рассмотрим конструкции, типичные для категоризации ситуации с облигаторным параметром «поведение – оценка»,:

N_{лицо} V_{эмоционально-оценочного(+)} отношения N_{неодуш.},
N_{лицо} V_{эмоционально-оценочного(+)} отношения Infinitive,
N_{лицо} approve ing-форма.

Они категоризируют ситуации согласия, (официального) утверждения, невмешательства, приятя, принятия во внимание и т.п. Для этих глаголов значение ‘проявлять отношение в поведении’ фиксируется словарями: Respect – 2. *show consideration for (sb/sth): respect sb’s wishes, opinions, feelings, etc. respect the environment, e.g. by protecting it; 3. sth (as sth) avoid interfering with or harming sth; agree to recognize: respect sb’s rights, privileges, etc. respect a treaty, contract, etc. respect diplomatic immunity (eg. of foreign embassy staff to British law) as valid* [OALD, 1994, p. 770];

Regard – 3. *to pay attention to (thoughts, ideas etc)* [LDELС, 1999, p. 1120]; 3. (usu. in negative sentences or questions) *pay attention to sth; heed* [OALD, 1994, p. 759];

Approve – 1. *if you approve of an action, event, situation, etc, you are pleased that it has happened or that it is going to happen (agree, not condemn)* [COBUILD, 1991, p. 61]; 2. *to agree officially to; ratify* [LDELС, 1999, p. 51].

Конструкции с глаголом *to respect* категоризуют ситуацию, в которой говорящий замечает уважение субъекта к чужим желаниям и взглядам, на основании того, что субъект старается принять их как должное и не вмешиваться, хотя, возможно, и не согласен с ними:

(1) *People won't respect my desire of privacy* [OALD, 1994, p. 770];

(2) *I respect er the view that was put to me in the extract from P P G twelve*, but I nevertheless think that this is a matter of principle because it doesn't apply to a particular res western route, it applies to all the western routes [BNC, EIP meeting at Strensall Village Hall, day 5, afternoon session: public county council planning meeting. Recorded on 23 November 1993 with 8 participants].

В следующем высказывании сообщается о *нарушении* идеологических границ: (3) *But, as the Shanghai researchers discovered, some human urges respect no ideological boundaries* [BNC, The Economist].

В предложении (4) говорится о *признании* субъектом прав объекта: *Yeah the attitude is very much about I respect your rights as an individual, you've got equal rights as much as I have* [BNC, Commercial Union training session (Business). Recorded on 21 November 1993 with 2 participants].

Конструкции с глаголом *to regard* номинируют ситуации, в которых субъекты, по словам говорящего, пренебрегают советами, предупреждениями, предостережениями, желаниями других. Необходимо отметить, что данное значение конструкции реализуется только при наличии отрицания в ситуации, например:

(5) *If you fail to regard my warning, you may be sorry* [LDEL, 1999, p. 1120];

(6) *He seldom regards my advice* [OALD, 1994, p. 759];

(7) *He booked the holiday without regarding my wishes* [OALD, 1994, p. 759].

Конструкции с глаголом *to approve* категоризуют ситуации согласия и (не)приятия, например:

(8) *The weaker and inexperienced newcomers get promotion and wage increases, favours from the mother, only if they are deserving and their superiors approve* [BNC, Some psychic and political dimensions of work experiences];

(9) *Medical experts no longer approve of this method of dieting* – largely because of the limits it places on the intake of cereals, fruit and root vegetables [BNC, Eyton].

В конструкциях (8, 9) речь идет не просто о мнении субъекта, но и о проявлении этого мнения посредством поведения: в предложении (8) продвижение по службе и повышение зарплаты новичкам зависит от *согласия* на это их инспекторов; в предложении (9) медицинские эксперты

не просто высказывают негативное мнение об определенном методе похудения, а больше его *не приемлют*.

Кроме этого, конструкции с глаголом *to approve* могут номинировать ситуацию, в которой речь идет о ратификации или утверждении каких-либо официальных решений, документов, резолюций и т.п. В этом случае субъект должен быть наделен определенными полномочиями, позволяющими ему принять решение, основываясь на рациональной и глубоко продуманной оценке свойств объектов. Например:

(10) EDINBURGH could get a large new teaching hospital on the outskirts of *the city if ministers approve a plan* put forward by Lothian Health Board [BNC, Eyton];

(11) The proposed SAS suggests that such supporting evidence will normally include forecasts and budgets, as well as statements of borrowing facilities, covering period of at least one year from the date *the directors approve the accounts* [BNC, Accountancy];

(12) Is he saying, I understand *sir*, that you, *you approve of cross border tampering* from other local authorities or not? [BNC, Lincolnshire County Council: board meeting (Public / institutional). Recorded on 14 January 1994 with 7 participants].

Эти конструкции (10–12) номинируют ситуации ратификации и утверждения, о чем свидетельствует либо значение существительных, обозначающих субъектов, обладающих определенными полномочиями принятия решений: *ministers, directors, sir, local authorities*, либо значение существительных, употребленных в роли дополнения и обозначающих важные документы: *formal resolution, plan, accounts* и важные события: *cross border tampering*.

В результате анализа предложений с глаголом *to approve* и *ing*-формой было выявлено, что данные конструкции могут номинировать ситуацию утверждения / принятия решения, например: (13) Aug. 10 Twelve of 20 Arab League members *approve sending of forces to Saudi Arabia* [BNC, Keesings Contemporary Archives]. В данном высказывании, во-первых, действие привязано к определенному моменту времени (десятое августа), во-вторых, речь идет о единичном, политически важном событии, в-третьих, субъекты наделены определенными полномочиями (являются членами арабской лиги), которые позволяют им решать, произойдет событие, обозначенное *ing*-формой, или нет. Таким образом, говорящий одновременно замечает и взгляды субъектов, и их согласие на определенное действие. Все это позволяет утверждать, что данные конструкции номинируют не только эмоционально-оценочное отношение, но и поведение.

Для подтверждения высказанной мысли приведем примеры, иллюстрирующие, что подобная ситуация категоризуется конструкциями с антонимичным глаголом *to disapprove*:

(14) Congress disapproved the legislation [LDELС, 1999, p. 370];

(15) This Meeting highly disapprove of such illegal meetings & combinations, and recommend it to the Gentlemen of the different districts in Islay to Prosecute before any of his Majesty's Justices of the Peace [BNC, An Islay notebook].

Структурно-семантические особенности данных конструкций усматриваются в том, что, во-первых, данные конструкции организованы предикатом, выражающим скорее действие, чем отношение, и, во-вторых, второй актант (вербоид или неодушевленное конкретное / абстрактное существительное) обладают определенным значением, свойственным актантам из конструкций, категоризирующих поведение.

Список литературы

- Алисова Т.Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) // Москва: Изд-во МГУ, 1971. 294 с.
- Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Москва: Добросвет, 2004. 862 с.
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2002. 65 с.
- Кацнельсон С.Д.* Типология и речевое мышление. Ленинград: Наука, 1972. 216 с.
- Ковалева Л.М.* Английская грамматика: слово и предложение. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 406 с.
- Ковалева Л.М.* Сентенциональное поле как объект когнитивного исследования // Когнитивные категории в синтаксисе. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 105-125.
- Мирончук Т.В.* Непрототипические конструкции с продолженным инфинитивом в свете теории концептуальной интеграции ментальных пространств // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск: ИГЛУ, 2012. С. 163-165.
- Чейф У.Л.* Значение и структура языка. Москва: Прогресс, 1988. 656 с.
- Шишкова В.А.* Опыт контрастивного анализа сентенционального поля «страх» в английском и немецком языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 210-213.
- COBUILD = Collins cobuild English language dictionary. London, Glasgow: Collins, 1991. 1703 p.
- Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 225 p.
- LDELС = Longman dictionary of English language and culture. Harlow: Longman, 1999. 1568 p.
- Lutzeier P.* Lexical fields. Surrey: University of Surrey, Elsevier Ltd, 2006. 1 электрон. отд. диск (CD-ROM).
- OALЕD = Oxford advanced learner's encyclopedic dictionary. Oxford: University Press, 1994. 1081 p.
- BNC = British national corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ

УДК: 81'42

Ерохина О.В.

Организация темпорального континуума в диалогическом дискурсе (на примере диалогов из ток-шоу Carpool Karaoke и The Tonight Show Starring Jimmy Fallon)

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, jarmonchik555@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется диалог как форма субъект-субъектного взаимодействия с целью обмена на информационном и эмотивно-эмпатийном уровнях. Всестороннее изучение различных компонентов высказывания и элементов контекста в рамках диалогического дискурса позволяет установить принципы формирования темпорально-аспектуального плана ситуаций, составляющих диалогические единства, а также определить факторы, способствующие успешному взаимодействию между коммуникантами.

Ключевые слова: диалогическое единство; континуум; темпоральность; аспектуальность.

Erokhina O.V.

The organization of temporal continuity in dialogical discourse (illustrated by Carpool Karaoke and The Tonight Show Starring Jimmy Fallon talk shows)

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, jarmonchik555@mail.ru*

Abstract. The article considers the dialogue as a form of interpersonal interaction aimed at communicating both at the information and emotive-emphatic levels. A comprehensive study of various components of the utterance and contextual elements within the framework of the dialogical discourse enables us to establish the guiding principles of modeling the temporal and aspectual plan of the situations that build up dialogical entities, as well as define a set of factors contributing to effective interaction between the communicants.

Keywords: dialogical entity; continuity; temporal relations; aspect.

Диалог представляет собой особый тип дискурсивной деятельности, специфика которого заключается в непосредственном взаимодействии коммуникантов в процессе обмена репликами. Понятие диалогической

речи рассматривается не только как построение логической цепи стимулов и реакций, но и как коммуникативное взаимодействие между его участниками, при котором каждая реплика является репрезентацией определенной референциальной ситуации, свидетельствующей о том, что участники диалога понимают содержание речи и коммуникативные интенции друг друга. Специфическими особенностями диалога являются спонтанность речи коммуникантов, ситуативность общения, эмотивность, эксплицитно или имплицитно выраженное отношение говорящего к реакции партнера, эллиптичность реплик, а также невыраженность некоторых логических связей [Mustajoki, 2012]. Эти особенности реализуются через лексическое наполнение высказывания и / или его грамматическую структуру.

Как любой тип дискурса, диалог является информационным континуумом, обеспечиваемым, в частности, его темпоральным (временным) единством [Givon, 1983]. Поскольку диалог как форма речевого общения предполагает поочередное активное участие коммуникантов в обмене информацией, важным для его успешности становится общий временной план, понимаемый и принимаемый всеми участниками. Понятие общего временного плана рассматривается здесь не только как непосредственное время коммуникации, но и временной характер обсуждаемого события. Задачей данного исследования является установление роли различных языковых средств в реализации (создании и развитии) временного аспекта обсуждаемой в диалоге ситуации.

Понятие временного характера события является многомерным и включает в себя как его темпоральные, так и аспектуальные свойства. Первые связаны с непосредственной локализацией события во времени, тогда как вторые формируют представление о характере его протекания во времени (однократное / многократное, временное / постоянное, завершенное / длящееся и т.д.). Реализация данных значений связывается, в первую очередь, с глагольной лексемой, которая обязательно выражает их через свои индивидуальные лексические свойства (аспектуальный класс) и грамматическую форму (категории времени и вида). Однако, как показывают исследования, набор языковых средств выражения темпорально-аспектуальных значений не ограничивается глаголом, а связан также с другими компонентами высказывания, взаимодействующими друг с другом [Мачина, 2019]. Соответственно, выражение темпорально-аспектуального характера события можно представить с помощью модели

$$NP + VP \{A, GF\} (+O) + AM,$$

где NP = подлежащее (с его семантическими параметрами), VP = глагол, включающий A = аспектуальный класс и GF = грамматическую (видовременную) форму, O = объект, AM = временное выражение.

Представленная коммуникативная модель характерна для всех форм дискурсивной деятельности, то есть и для монологического, и для диалогического типов речи. В рамках нашего исследования особый интерес представляет анализ характера протекания диалогического взаимодействия с учетом его вышеназванных характерных свойств. Для решения поставленной задачи нами была использована классификация диалоговых единств, предложенная авторами учебного пособия по практической грамматике английского языка [Резник, Сорокина, Казарицкая, 1996], согласно которой в соответствии с коммуникативной целью и структурными особенностями выделяются три типа диалогов: 1) утверждение – подтверждение, отрицание; 2) вопрос – ответ; 3) просьба / приказ – согласие / отказ. Образцы диалогических единств первых двух типов позволили нам сделать следующие наблюдения:

1. Общий темпоральный план диалога обеспечивается временной рамкой, устанавливаемой Участником 1 в первой реплике с помощью необходимой видовременной формы глагола. Конкретное наполнение модели зависит от типа диалогического единства, при этом Участник 2 может придерживаться установленного временного плана, уточнять его или изменять в рамках темы.

Например:

James: When you moved to L.A. is it true you made your rent by playing cards?

Bruno: For a little while, yeah.

Данный образец диалогического единства соответствует типу «вопрос – ответ». Участник 1 создает временную рамку диалога с помощью грамматической структуры, представляющей модель в полном объеме: кроме именного и глагольного компонентов (аспектуальный класс глагола и видовременная форма), присутствует также временное выражение *When you moved to L.A.*, указывающее на конкретный момент времени. Созданный контекст предоставляет Участнику 2 возможность не воспроизводить структуру полностью, реализуя в ответном эллиптическом высказывании принцип языковой экономии. Однако при точной темпоральной отнесенности аспектуальный план обсуждаемого события не определен и может быть понят как регулярное действие, характерное для всего указанного периода, поэтому Участник 2 использует новое временное выражение *For a little while* для уточнения длительности выполняемого действия.

Рассмотрим еще один пример:

James: How old was the youngest guy you went out with?

Jennifer: Dude, I don't know. You have to be legal.

James: So 18?

Jennifer: No, that's too young.

James: 19?

Jennifer: No.

James: 20?

Jennifer: No. I am not that kind of girl.

В данном диалоге наблюдается изменение временной рамки обсуждаемой ситуации Участником 2, который использует форму Present Simple и меняет предложенный Участником 1 темпорально-аспектуальный план с конкретной ситуацией в прошлом, поддерживаемый семантикой именного компонента *the youngest guy you went out with*, на обобщенную, не связанную с определенным моментом времени. Принятой тактике содействует использование подлежащего *you* в обобщенном значении и формы Present Simple глагола-связки *to be* в финальной реплике. Такое речевое поведение указывает на нежелание Участника 2 обсуждать предложенную тему и стремление изменить направление диалога.

2. Аспектуальный характер событий, обсуждаемых в диалоге, варьируется в зависимости от представления говорящего. Языковые средства при этом не обязательно включают глагольную единицу, чаще всего достаточным оказывается использование соответствующего временного выражения (AM).

Для иллюстрации обратимся к двум образцам диалогического дискурса:

James: When did you first know "I want to perform and this is what I want to do"?

Bruno: Four years old.

James: Four years old? Doing what?

Bruno: I was impersonating Elvis Presley.

В данном диалоге Участник 1 точно устанавливает временную рамку с помощью вопроса, имеющего целью получение отсутствующей у него информации частного темпорального свойства об Участнике 2. Аспектуальный характер ситуации не изменяется, поэтому Участник 2 использует AM *Four years old*, обеспечивая своего коммуникативного партнера недостающими данными, при этом избегая повтора уже известной обоим информации. В продолжение разговора Участник 1 формулирует вопрос, также имеющий эллиптическую структуру, поскольку оба участника остаются в рамках диалогического единства. В ответ Участник 2 продуцирует высказывание, содержащее полную модель, в связи с тем, что в его реплике подразумевается конкретный глагол, использование которого предполагает наличие некоторой видовременной формы. При этом действие также характеризуется в соответствии с установленной темпоральной рамкой как имевшее место в

определенное время в прошлом, однако форма Continuous уточняет его аспектуальные свойства (процессность, незавершенность).

Рассмотрим еще пример:

Jimmy: Do you pay attention to the polls?

Donald: Oh, I love the polls.

Jimmy: You do?

Donald: But I don't pay attention if I'm losing or lagging, only when I'm winning.

Приведенный пример диалога соответствует типу «вопрос – ответ». Темпоральная рамка (настоящее время) установлена и аспектуальный характер ситуации (регулярное действие) сформирован Участником 1, что, в свою очередь, подтверждается Участником 2 посредством использования глагольной лексики в той же форме. Сам глагол *love* является средством эмфазы в силу своей семантики и является способом выражения субъективного отношения к обсуждаемой теме. Однако в завершающей реплике Участник 2 уточняет аспектуальные свойства данного действия: оказывается, оно носит не совсем регулярный характер, а многократно совершается только в том случае, если параллельно происходит другое действие, выраженное с помощью формы Present Continuous *when I'm winning*.

3. Формы грамматических категорий времени и вида могут использоваться не только для реализации темпорально-аспектуальных значений, но и как средство эмфазы и выражения субъективного отношения.

Jennifer: Super Bowl weekend in Miami was, you know, insane.

Jimmy: Yeah, so. And so we get there, and then we basically wait for the show.

Jimmy: So you're in the stadium just waiting?

Jennifer: Yeah, around 4:00. And we went on, I guess around 8:00-ish, you know.

Jimmy: Now are you just nervous the whole day?

Jennifer: You know, I kept praying.

Данный образец демонстрирует, как разные видовременные формы варьируются от реплики к реплике. При этом говорящие находятся во временной рамке, установленной Участником 1 с помощью АМ *Super Bowl weekend in Miami*, что подтверждается тем фактом, что Участник 2 использует глаголы в прошедшем времени в некоторых следующих репликах. То есть, временной план не изменяется, а переключение с одной грамматической формы (Past Simple) на другую (Present Continuous / Simple – в функции historical present) можно охарактеризовать как способ выражения субъективного отношения к ситуации, желание «погрузить» собеседника в свои ощущения и эмоциональное состояние.

Проведенное исследование позволило нам сделать вывод, что для всех рассмотренных диалогов характерны следующие особенности:

– Участник 1 устанавливает временную рамку диалога и определяет связь между событием и референциальной ситуацией. Для этого используется наиболее наполненная модель темпорально-аспектуального характера высказывания.

– Участник 2 придерживается данного сформированного временного плана ситуации. Количество и присутствие компонентов модели в дальнейших репликах зависит от типа диалогического единства. Характерной чертой диалога является эллиптичность, которая позволяет ему развиваться, не перегружая высказывания участников уже известной (в т.ч. темпорально-аспектуальной) информацией.

– Видовременные формы, присутствующие в диалоге, несут не только темпорально-аспектуальную информацию, но являются способом выражения субъективного отношения к обсуждаемому событию, являясь также средством реализации свойства эмотивности диалогической речи.

Таким образом, становится очевидным, что разноуровневые средства обозначения темпорально-аспектуального характера ситуации используются также для выражения иных, субъективных смыслов, заложенных участниками коммуникации, и служат ключом к их пониманию, способствуя успешному осуществлению диалогического общения.

Список литературы

Мачина О.А. Синонимия видовых форм в английском языке (синхронный и диахронный аспекты) // Функционально-когнитивные аспекты актуализации грамматических форм и структур в синхронии и диахронии (на материале английского языка): Коллективная монография. М.: МГЛУ, 2019. С. 110-160.

Резник Р.В., Сорокина Т.С., Казарицкая Т.А. A Grammar of Modern English Usage (Практическая грамматика английского языка): учебник. М.: Флинта, Наука, 1996. 688 с.

Carpool Karaoke Episode 27 (274), December, 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AFxCO_DyzYM

Carpool Karaoke Episode 17 (166), March, 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qQIsdod0LWo>

Givon T. Topic Continuity in Discourse: An Introduction // Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam; Philadelphia, 1983. P. 1-42.

Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // Language and Science Journal, January 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/263239925_A_speaker-oriented_multidimensional_approach_to_risks_and_causes_of_miscommunication

The Tonight Show Starring Jimmy Fallon Episode 534, September, 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SPh_raqO_A0

The Tonight Show Starring Jimmy Fallon Episode 1205, February, 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UGFz2B-7DBc>

Куликова О.В.
Нарратив персонифицированного бренда
в мультимедийном пространстве

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Россия, Москва, ok517@yandex.ru*

Аннотация. Бренд как явление когнитивного плана ориентирован на эмоциональную сферу потребителя, что способствует формированию устойчивого интереса и приверженности бренду. Персонифицированный бренд создается как нарратив, построенный на основе информации о жизни «главного героя». Нарратив персонифицированного бренда представлен в мультимедийной среде произведениями различной жанровой принадлежности, что создает нарративный континуум со сквозным персонажем.

Ключевые слова: нарратив; мультимедийное пространство; персонифицированный бренд; эмоциональная сфера; эмоциональность.

Kulikova O.V.
One-man brand narrative in the multimedia environment

*MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Russia, Moscow, ok517@yandex.ru*

Abstract. The current multimedia environment provides various opportunities to target a consumer's emotional sphere, achieve the pre-planned effect within the "brand-consumer" communicative model. Brand as a cognitive phenomenon which promotes sustained interest and brand loyalty. A one-man brand correlates with a person who is associated with this brand. It is an emotional one and is created as a narrative about the "protagonist's" life. The consumer's involvement in the process of branding means that both verbal and non-verbal forms of one-man brand creation and maintenance are subject to emotive pragmatics. A one-man brand narrative is represented in the multimedia environment by means of a series of works of different genres, which allows to ensure continuous presence of the one-man brand in the media, thus creating a narrative continuum with an end-to-end character featured both in the real and virtual discourse.

Keywords: narrative; multimedia environment; one-man brand; emotional sphere; emotionality.

В сложном и многообразном мире современного маркетинга и рекламы ключевым фактором, способным обеспечить финансовый успех компании, является ориентированность на интересы и потребности целевой аудитории, которая представляет собой группу потенциальных потребителей, объединенных общими характеристиками, делающими вероятной их заинтересованность в продукции определенной компании.

При этом, как отмечают специалисты, в большинстве своем современные потребители являются весьма опытными и искушенными покупателями, которых невозможно привлечь при помощи простых рекламных лозунгов: сегодня потребители заинтересованы не столько в вещах, сколько в отношениях, которые выстраиваются между компанией и ее приверженцами на основе создания бренда [Гэд, 2015].

Бренд понимается нами как когнитивное явление, как совокупность представлений, ассоциаций, ожиданий, воспоминаний, символизирующая определенные качества товара. Основные требования, предъявляемые к бренду: он должен быть узнаваем и должен вызывать эмоциональный отклик у реципиента. В эпоху информационно-коммуникационных технологий формирование персонифицированного бренда происходит в мультимедийной среде, что позволяет наиболее полно раскрыть все стороны создаваемого образа и поддерживать устойчивую связь с целевой аудиторией – приверженцами бренда и лояльными потребителями.

Узнаваемость и эмоциональность выступают главными дистинктивными признаками так называемого *персонифицированного бренда* (one-man brand), то есть бренда, соотносящегося с конкретным человеком, с которым данный бренд ассоциируется в сознании потребителя.

Узнаваемость бренда заключается в способности потенциальных покупателей идентифицировать или узнать популярную торговую марку при контакте с ней по отдельным характеристикам и атрибутам [Правильный путь... – URL]. Узнаваемость бренда часто обеспечивается благодаря стоящей за ним известной личности, которая, исходя из приведенного определения, приобретает статус атрибута торговой марки, при этом возникающие у потребителя ассоциации способствуют повышению уровня узнаваемости бренда.

Приверженность потребителей бренду обусловлена эмоциональным откликом, который данный бренд вызывает у реципиента. Покупательским поведением в большинстве случаев управляют эмоции. Что касается персонифицированного бренда, то здесь эмоции связаны с личностью того человека, который олицетворяет данный бренд. Безусловно, такая личность должна вызывать симпатию (реже, как показывает анализ, – антипатию) и любопытство. Обычно создатели персонифицированного бренда рассчитывают на то, что положительные эмоции, связанные с личностью, репрезентирующей бренд, обеспечат преданность потребителей: в том случае, если потребитель становится менее привязанным к самому бренду, он не сможет отвернуться от его «представителя» и останется верен ему: можно потерять интерес к логотипу, но невозможно предать друга [The Rise and Fall... – URL]. Интерес, восхищение, преклонение, стремление подражать, иногда

неприятие, осуждение, но при этом всегда любопытство – это те чувства и эмоции, которые позволяют отнести персонифицированный бренд к разряду эмоциональных. Подобная вовлеченность реципиента в процесс брендинга означает, что как вербальные, так и невербальные формы создания и поддержания персонифицированного бренда, подчинены эмотивной прагматике, предполагающей учет фактора адресата «с точки зрения преднамеренного эмоционального воздействия на него и вызывания у него определенных эмоций» [Шаховский, 2008, с. 27]. Эмоциональный бренд обращен непосредственно к эмоциональной сфере потребителя – его ценностным ориентирам и установкам, потребностям и желаниям. Грамотно разработанные эмоциональные бренды вызывают длительную и стойкую привязанность потребителя.

Формирование устойчивой эмоциональной связи реципиента с брендом требует постоянного присутствия бренда в медийном пространстве, желательно, в разнообразных жанрах и стилях, что позволяет полнее раскрыть образ личности, репрезентирующий бренд, удерживая таким образом внимание и, как следствие, лояльность потребителя к бренду. В современных условиях активного освоения мультимедийного пространства соблюдение данного требования не вызывает затруднений и реализуется за счет создания *нарратива персонифицированного бренда*, представляющего собой своеобразное повествование, развертывающееся в мультимедийной среде.

Нарратив персонифицированного бренда, составляющий его основу, строится на информации, релевантной для его продвижения. Учитывая обязательную эмоциональную составляющую персонифицированного бренда и его антропоцентрический вектор, возможно утверждать, что нарратив персонифицированного бренда формируется с опорой на информацию личного характера, которая раскрывает детали жизни знаменитого персонажа, служащего атрибутом того или иного бренда. Наглядным примером данного положения может служить статья, опубликованная на сайте журнала *Esquire* и посвященная знаменитому дизайнеру Полу Смитту, известному своей концепцией британской мужской моды (ср., заголовок статьи: “*How Paul Smith Changed the Way British Men Dress*”). К сожалению, объем анализируемой статьи не позволяет привести ее полностью, поэтому мы вынуждены ограничиться несколькими фрагментами, наиболее полно иллюстрирующими некоторые положения нашего исследования (полный текст см. [How Paul Smith... – URL]).

Размещение статьи в онлайн версии журнала обеспечивает опосредованную коммуникацию автора с максимально широкой публикой, что обуславливает присутствие в тексте статьи разнообразной информации, ориентированной на различные сегменты читательской

аудитории. В детальное описание здания, где располагается штаб-квартира знаменитости (*a handsome red brick warehouse ... in Covent Garden; ...the smart but unshowy waiting room*), автор включает сведения личного характера, способные заинтересовать читателя:

возраст героя: *as he enters his eighth decade; 70-year- old Smith; a man who turned 70 last May;*

упоминание о его семье, о доме: *When Smith met Pauline, she already had two young children; together they had two Afghan hounds and a pair of long-haired cats; "Pauline and I, we never argue and we've been together since 1967"; his home in Notting Hill;*

история жизни: *left school at 15 with no qualification; a racing cyclist from the age of 12 to 18; someone who started in a windowless broom cupboard in Nottingham; started making his own clothes in the mid-seventies; opened his first store in 1970 in his hometown when he was 23; <...> the ambition since then has increased;*

внешний вид: *a lean handsome man – the best advertisement for his own clothes: today, a denim shirt with pearl buttons and indigo chinos;*

детали, подмеченные автором в офисе дизайнера: *the lift, as usual, is broken; a cabinet full of tell-tale curios; you pass hundreds of framed photographs many of which were taken by him or have a personal resonance; wobbling high-rise towers of books everywhere; art works on walls and in piles, many of them very valuable: a Le Corbusier painting, an Yves Saint Laurent sketch...; the exotic junk that Smith hoards and curates;*

офис как убежище от внешнего мира: *Smithland ...something of a sanctuary from the cruel world;*

характеристику героя глазами автора: *the building's eccentric owner; his distinctive cursive signature; egoless, don't-call-me-Sir-Paul proprietor;*

личные качества: *an inveterate entertainer; "I don't think I've ever lost my temper"; pragmatism; not autocratic; tries to get opinions; about himself: very polite; very well mannered, very correct, but odd and unfunny and sort of cheeky, sometimes a bit theatrical; has a rubber chicken as a lucky charm;*

качества героя как бизнесмена: *someone who has a competitive spirit; teamwork; has survival instinct; resilience in a tough time; no one is about to call him cut-throat; clearly capable, when needs be, of taking hard decisions to secure the future of his business; a steely quality to the jovial, avuncular designer; always worked hard; "I adore shops, I am a merchant";*

детали, свидетельствующие об успешности бизнеса: *a fascinating and probably unrepeatable case-study; a one-man brand turned into a global mega-empire with a turnover, in 2015, of £192 m; 39 directly owned shops, 180 franchises in 60-odd countries and ... 250 stores in Japan;*

заинтересованность и забота о клиентах компании: *The goal, he always says, was that his customer should never go into a pub and see someone*

wearing the same shirt; streamlining his business: 12 offerings to two: Paul Smith and the more affordable PS by Paul Smith; I like people.

Такое обилие подробностей и характеристик поддерживается приемом *визуализации*, к которому прибегает автор статьи, – все детали, о которых идет речь, представлены на фотографиях, что служит подкреплением вербальной информации и способно вызвать интерес и эмоциональный отклик приверженцев бренда.

Композиционное построение статьи, в которой авторское повествование перемежается с прямой речью самого героя, напоминает диалог и вызывает ощущение доверия к тексту. Эмоциональный фон статьи создается благодаря сочетанию двух модальностей: модальности автора и модальности героя, за счет чего достигается синергетический эффект при обращении к эмоциональной сфере реципиента.

Современное мультимедийное пространство предоставляет многочисленные возможности реализации когнитивно-дискурсивных практик, репрезентирующих нарратив персонифицированного бренда. В результате создается гибридный полижанровый дискурс, включающий такие жанры, как статья, интервью, литературная биография, цитаты, а также произведения живописи, опера, мюзикл, и пр. Произведения любого из перечисленных жанров обычно бывают представлены как в реальном, так и в виртуальном пространстве. В этом отношении показательна биография Стива Джобса – основателя компании “Apple” и разработчика компьютера Macintosh (Mac), в которой он предстает как противоречивая личность, ставшая, тем не менее, корпоративной легендой [Smith, 2016]. Биография построена с опорой на цитаты Стивена Джобса, отталкиваясь от которых автор повествует о том или ином эпизоде из жизни героя (подробнее об этом см. [Куликова, 2019]). Отсылки к высказываниям и речам Стива Джобса становятся возможными благодаря сети Интернет, в которой содержатся самые разнообразные тексты, включая его высказывания и речи (см., например, его знаменитую речь в Стэнфордском университете [Stanford University – URL]).

Одним из наиболее ярких примеров, демонстрирующих возможности нарратива персонифицированного бренда *в мультимедийном пространстве*, является разработка бренда «Шанель», представляющая комплекс из многочисленных статей, включая статью в Википедии, в энциклопедии моды [Энциклопедия моды – URL], статьи в журнале Vogue, биографии, опубликованной в Интернет, а также мюзикла «Коко» об истории жизни Шанель, поставленного в 1969 году на Бродвее и снятого в 2008 году фильма. Очевидно, что нарратив данного персонифицированного бренда отличает *поликодовость*: в нем, наряду с текстом, присутствуют изображения (фотографии, рисунки, видео), информация передается не только через визуальный, но и через

аудиальный и кинестетический каналы восприятия, что придает образу жизненность и многомерность.

Некоторые из подобных нарративных практик привлекают внимание реципиента к создаваемому образу, другие продолжают поддерживать уже известный и зарекомендовавший себя бренд. В любом случае создается *нарративный континуум с единым сквозным персонажем*, представленным в ситуациях не только реального, но и виртуального дискурса. Таким образом, нарратив персонифицированного бренда рассматривается нами как сложное когнитивно-коммуникативное поликодовое явление интердискурсивного плана, направленное на оказание эмоционального воздействия на реципиента и имеющее целью установление долговременной устойчивой эмоциональной связи в системе отношений «бренд – потребитель».

Список литературы

- Гэд Т. 4D Брендинг. Взламывая корпоративный код сетевой экономики / Пер. с англ. М. Аккая. 3-е изд. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 228 с.
- Куликова О.В. Дискурс корпоративной этики в коммуникативно-прагматической парадигме лингвистических исследований: монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. 166 с.
- Правильный путь к высокому знанию товара // Power branding. URL: <http://powerbranding.ru/brending/znanie-tovara/>
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2008. 208 с.
- Энциклопедия моды. URL: <https://wiki.wildberries.ru/people/designers>
- How Paul Smith Changed The Way British Men Dress // Esquire. 2017. URL: <http://www.esquire.co.uk/style/fashion/longform/a13254/paul-smith-is-a-one-man-brand/>
- Smith D. How to Think Like Steve Jobs. London : Michel O'Mara Books Limited, 2016. 201 p. URL: https://ebookhunter.ch/how-to-think-like-steve-jobs-by-daniel-smith_5a22e1cb24968d013816f7c6/
- Stanford University. URL: <https://news.stanford.edu/>
- The rise and fall of the one-man brand. Financial Times. December, 5, 2003.

УДК: 81'23

Стародубова О.Ю.

Лингвистические механизмы конфликтогенности медийного дискурса

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, oystarodubova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается лингвистическое моделирование конфликтогенного медийного дискурса как вторичное

моделирование действительности, в котором ведущую роль играют пресуппозиция, прецедентность и когнитивная метафора.

Ключевые слова: медиацентричность; медийный дискурс; лингвокогнитивное моделирование (ЛКМ); пресуппозиция; картина мира; когнитивная метафора.

Starodubova O.Yu.
**Linguistic mechanisms of
conflictogenicity in the media discourse**

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, oystarodubova@mail.ru*

Abstract. Against the background of the media-focused modern era the picture of the world is reformatted. The paper discusses the linguistic and non-linguistic mechanisms for modeling conflictogenic media discourse in the aspect of secondary linguistic-cognitive modeling of reality. The leading role in the formation of conflictogenicity is played by presupposition as a pragmatic factor, as well as precedence and cognitive metaphor as a language factor.

Keywords: media-focus, media discourse, linguistic-cognitive modeling (LMC), presupposition, picture of the world, cognitive metaphor.

На современном этапе одним из ключевых атрибутов культуры и массовой коммуникации является медиацентричность. В связи с этим медийный дискурс становится не столько посредником между реципиентом информации и первичным текстом, т.е. действительностью, осуществляющим ее интерпретацию, сколько новой реальностью – вторичным лингвокогнитивным моделированием. При этом конечный продукт в виде конкретного текста как фрагмента дискурса формирует модель восприятия аналогичного фактического поля. СМИ, «обладая монополией на информацию, ... задают приоритеты событий, интерпретируют эти события, осуществляя социально преобразующую репрезентацию реальности» [Клушина, 2008, с. 34]. Доминирующую роль медийного дискурса в формировании новой когнитивной парадигмы, а также его лингвокреативный потенциал отмечает ряд исследователей, например, Е.Н. Ремчукова, В.И. Коньков, Н.С. Цветова и др. [Ремчукова, 2016, Коньков, 2017, Цветова, 2018].

На фоне глобализации формируется единое информационное пространство. В то же время происходит унификация сознания, которая предполагает его стандартизацию и создает условия для частичной утраты национального компонента. Очевидный в эпоху цифровизации факт взаимовлияния лингвокогнитивного моделирования (далее ЛКМ – О.С.) и первичного текста, т.е. собственно реальности, на фоне

медиацентричности эпохи постмодерна нуждается в коррекции: единственной реальностью для реципиента новостного сегмента становится не объективный факт, а его интерпретация, которая в зависимости от интенции автора (от конкретного субъекта до государства – генерализованного автора) задает через ЛКМ необходимое направление, формируя *невариативную* модель восприятия факта.

Все разнообразие действительности презентуется в ментальной деятельности индивида (автора и читателя) как система концептов, при этом интерпретацию смысла активизирует слово, в частности вмонтированный автором в текст определенный языковой ресурс или прием (*номинация события прошлого и современности, субъекта, прецедентность, концептуальная метафора* и т.д.), который становится показателем культуры мышления пишущего и одновременно механизмом формирования когнитивной и коммуникативной грамотности реципиента. «Однодневная» журналистика оказывается все более «вечной» по своему влиянию на умы людей, а следовательно, по тому месту, которое она занимает в формировании новой системы ценностей» [Анненкова, 2006, с. 149].

Смыслообразующим фактором медийного поликодового эксплицитного и имплицитного пространства становится категория субъекта с набором идентичностей, образующих иерархическую картину мира, необходимая составляющая которой проецируется в соответствующее событийное поле при помощи различных языковых ресурсов и, обладая перлокутивной силой, формирует модель восприятия реальности. В конце 20 века американский психолингвист Д. Слобин указывал на манипулятивный аспект медийного слова: «очень опасно людям забывать о том, что языки могут действительно влиять на то, во что они верят, и что они будут делать» [Слобин, Грин, 1976, с. 115].

Медийный дискурс может моделировать как *позитивную*, так и *конфликтную* вторичную реальность в рамках критического восприятия фактов современности или прошлого. В первом случае происходит стабилизация обстановки в формате государства или определенного читательского сегмента, которая сопровождается актуализацией базовых ценностей этнокультурного сообщества. Например, *это звучит – хорда!* – о строительстве новых линий метро (Москва 24) – в данном случае используется активный в национальной когнитивной базе прецедентный феномен как лингвистический механизм, который актуализирует концепт единства народа и городской власти на фоне достижений государства. Или: *не измерить общим аршином подвиг ленинградцев* – использование прецедентного феномена в анонсе художественного фильма, *от всего серба; Москва! Как много в этом звуке* (Москва 24) – прецедентность в

заголовках новостей о мероприятиях, посвященных празднованиям дня города) [Стародубова, 2018].

В процессе моделирования *конфликтной* реальности событийность репрезентируется в формате *своего и чужого*, на фоне которого формируется критическая перцепция определенного информационного сегмента как внутри государства, так и в формате межкультурной коммуникации. Например, заголовки новостей, содержащие прецедентный феномен, *американские горки советского рубля; американские горки или пандус для инвалидов (Москва 24)* моделируют конфликт народа и власти, способствуют дестабилизации обстановки в обществе.

На фоне интертекстуальности (прецедентности) в ходе интерпретации событийности может происходить *пейоративация* исходного смысла, которая часто сопровождается *мнимой толерантностью* (как побочный эффект глобализации), вследствие чего формируется *потребительская модель мира*. При этом категория *универсального* в расширенной оппозиции *своего и чужого* нейтрализует национальный компонент. Например, в последнее время *черные пятницы* как атрибут потребительской американской культуры не только активно проникают в нашу действительность, но и отождествляются в медийном дискурсе с *Пасхальными распродажами* (информационные экраны в поездах метро), которые изначально не имели с коммерцией ничего общего, поскольку были связаны с благотворительностью и иллюстрировали концепт духовности, подчеркивали особенность национальной православной русской культуры [Стародубова, 2019, с. 139].

Особенно деструктивными для национальной духовной картины мира на этом фоне становятся заголовки, подобные следующему: *лайк животворящий* (Профиль, 02.03.20). Переделанный прецедентный феномен размещен на обложке журнала Профиль №8. Содержание материала связано с актуальной проблемой реформирования ценностной иерархии, но графическая позиция этого фрагмента текста на обложке крупным шрифтом дает противоположный эффект, закрепляя в сознании читателя саму возможность десакрализации ценностей.

Аналогичные процессы – *пейоративация и десакрализация* базовых ценностей, а также реформирование восприятия определенных сегментов действительности за счет лингвоцинизмов, тактики вытеснения и подмены иллюстрируют следующий пример потребительской рекламы: *Вязанка – вот что нас связывает* (Рен ТВ) – реклама колбасы, в которой используется тактика *подмены* духовных ценностей потребительской корзиной, и в системе коммуникации *человек – человек* появляется промежуточное звено – вещь, продукт питания, вытесняющий ядро

исходного прецедентного текста – духовную связь между людьми, вследствие чего происходит минимизация концепта семьи, межличностных отношений.

Следующие примеры, содержащие концептуальные онтологические метафоры – *коронавирус Китая заражает мировую экономику, коронавирус замедляет товарооборот с Китаем, коронавирус вовсю гуляет по Европе, коронавирус отменяет веселье* (показ мод без зрителей, закрытие театров, музеев и т.д.) (Рен ТВ, Москва 24) – иллюстрируют полярные варианты моделирования вторичной реальности. При этом в первом случае происходит отождествление источника бедствий с одним государством за счет конкретной номинации обобщенного субъекта, следствием чего является формирование конфликтной ситуации в мировом масштабе: Китай и весь остальной мир. В других новостных заголовках моделируется противостояние всего мирового сообщества и источника конфликта (коронавируса), при номинации которого используется прием демонизации, гиперболизации образа врага, который в ряде случаев сопровождается лингвоцинизмами – ирония на фоне угрозы жизни и здоровью.

В моделировании события участвует и пресуппозиция событий, выборка фрагментов события, формирующая нужный ракурс восприятия целого, а также поддержание необходимого восприятия факта рядом аналогичных (параллельные события в других странах и/или другое время), закрепляющих соответствующую оценку через формирование стереотипных представлений в рамках этноспецифичного культурно-идеологического контекста [Добросклонская, 2016].

Таким образом, медийный дискурс затрагивает через интерпретацию фактического поля действительности все значимые концептосферы картины мира: внешнюю и внутреннюю политику, экономику, финансовую сферу, социальные и бытовые отношения (пенсионная реформа, спорт, туризм), семейные ценности, патриотическое, историческое наследие.

При интерпретации факта события используются разные пресуппозиции – от идентичностей автора, национальных интересов до интертекстуальности, концептуальной метафоры, местоимений и др. других особенностей номинации субъекта как носителя определенной системы ценностей, когнитивных и поведенческих установок. При этом медийный дискурс становится универсальным механизмом, способным формировать ценностные установки.

Список литературы

Анненкова И.В. Риторика для журналистов. Историко-культурный, теоретический и практический аспекты. М., 2006.

- Добросклонская Т.Г.* Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Белгород, 2016. С.13-22.
- Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста. М., 2008.
- Коньков В.И.* Речевая практика СМИ и интернета в аспекте стилевого взаимодействия // Медиалингвистика. 2017. № 2 (17). С. 134-136.
- Ремчукова Е.Н.* Прагматическая и эстетическая ценность «массового» лингвокреатива // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7. № 7. С. 157-168.
- Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика / Пер. с англ. Е.И. Негневицкой; под общ. ред. с предисловием А.А. Леонтьева. М., 1976. 336 с.
- Стародубова О.Ю.* Геном Гомера как механизм преодоления барьера в межкультурной коммуникации. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М., 2018. Вып.10 (803).
- Стародубова О.Ю.* Лингвокультурный аспект глобализации в медийном дискурсе // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 25 апреля 2019 г.: в 2 т. / под общ ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М., 2019.
- Цветова Н.С.* Эстетика медиатекста: медиалингвистический взгляд // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 91-93.

УДК: 81

У Юйцунцзы
Эвфемизмы как средство манипулирования сознанием
в политических блогах

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
 Россия, Москва, wuyucongzi95@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме манипулирования сознанием с помощью эвфемизмов. Автор анализирует воздействие эвфемизмов на массового адресата в китайских политических блогах. Выявлены особенности политического блога в Китае.

Ключевые слова: эвфемизм; современная коммуникация; манипулирование; политический блог.

Wu Yucongzi
Euphemisms as a means of manipulating consciousness
in political blogs

*Pushkin State Russian Language Institute,
 Russia, Moscow, wuyucongzi95@mail.ru*

Abstract. The paper focuses on the current problem of manipulating consciousness with the help of euphemisms. The author analyzes the impact

of euphemisms on the mass recipient in Chinese political blogs. The features of a political blog in China are revealed, with euphemisms viewed as a way of manipulating public consciousness.

Keywords: euphemism; modern communication; manipulation; political blog.

По мере изменения общественной жизни сфера деятельности языка расширяется. В современной коммуникации прослеживается тенденция появления новых эвфемизмов во всех сферах. По словам Д.П. Шмелева, эвфемизм употребляется в речи, чтобы воздержаться от использования неподобающих слов, как смягченное выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными и не вполне вежливыми, слишком резкими [Шмелев, 1977, с. 879]. В процессе развития языка эвфемизмы сохраняют естественную связь со средствами массовой информации. Эвфемизм, как правило, дает косвенное описание явлений, а язык СМИ характеризуется лаконичностью и точностью, поэтому данный лингвистический феномен, выражающий богатую импликацию посредством простой формы, привлекает внимание все большего числа лингвистов и носителей языка, особенно политиков. Например, *выход на заслуженный отдых* служит синонимичной трансформацией лексемы *пенсия*; *двойные стандарты* – двурушничество; *оптимизация численности персонала* – увольнение работников; *уйти в тень* – укрыться от уплаты налогов; *тайная операция по физическому устранению* – убить; *соответствующий ответ* – война.

Отношения между правительством и населением становятся все более демократичными, но время от времени возникают споры о ценностях общества. В Китае такая тенденция тоже существует. Таким образом, на высокоинформативной стадии общества язык коммуникации для смягчения, политкорректности речи должен быть эвфемистичным. Наиболее острую потребность в эвфемизмах испытывают политические деятели и составители агитационных текстов, поскольку политическая жизнь с ее борьбой за власть предполагает, что за языковым выражением всегда стоят какие-либо интересы, цели, чья-то точка зрения [Брусенская, Беляева, Высоцкая и др., 2004, с. 48]. Политики обязаны убедительно излагать свою точку зрения одновременно с соблюдением норм публичной коммуникации. Российские и зарубежные ученые – английские лингвисты Дж. Ниман и К. Сильвер, авторы «Тезауруса эвфемизмов» (1990), и русские ученые Л.П. Крысин (1996) и Н.С. Арапова (1998) – выделяют особую группу эвфемизмов, используемых для искажения или маскировки истинной сущности обозначаемого. О.В. Обвинцева отмечает, что такие эвфемизмы

используются с целью избегания прямого наименования всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации, вызвать какие-то негативные последствия для адресанта политической коммуникации [Обвинцева, 2003, с. 63].

Средства распространения информации, лежащие в основе технологических изменений, бесспорно, становятся движущей силой социального прогресса и триггером политического прогресса. Экология традиционной мировой политики находится под влиянием эры «мы-медиа», блоги представляют собой определенную силу в политической жизни, становясь новым способом вовлечения населения в политику. Лидер мнения в Сети – это личность, которая активно участвует в политической жизни страны и открыто выражает свою позицию, тем самым воздействуя на своих подписчиков, формируя у них определенное мнение, к примеру, о происходящих политических событиях, побуждая их к политической активности [Зуйкина, 2017, с. 47].

Так как в Китае существует огромное количество пользователей Интернета, изменения, которые спровоцированы авторами политических блогов, наиболее заметны. В соответствии с китайской национальной ситуацией политические блоги могут развиваться по двум основным причинам. Во-первых, развивающееся самосознание граждан. По мере того, как китайская политика социальной демократии строится более глубоко, политическое участие китайских граждан стимулируется гражданским сознанием. В частности, в интернете люди негативно относятся к пассивному получению информации и все больше и больше стремятся к активному типу коммуникации – самостоятельному участию. У массового адресата появилось желание прямого и полного участия в государственных делах, их требования также отражаются в процессе принятия решений правительством. Во-вторых, на современную коммуникацию влияет переход китайского правительства к правительству провозглашающему. Правительству нужен эффективный канал для проявления потребностей и требований общественности, а народ ожидает своевременных ответов на свои потребности. В то же время появление интернета как раз компенсирует информационные лакуны.

В свете этих социальных трендов политический блог становится формирующимся средством обмена и средством передачи информации. Коммуникационная модель блога, как правило, включает следующие основные характеристики:

- 1) виртуальность пространства

Политические блоги выражают и документируют поток «невидимой политики». В то же время личность субъекта блога в основном скрыта и

фрагментирована, что создает совершенно новую модель взаимодействия между людьми.

2) равенство аудитории

С точки зрения концепции общественного пространства, расширение и диверсификация субъекта деятельности политического блогера в полном смысле прорвали «пирамидальную» структуру традиционных субъектов, сформированную из социального положения, профессионального класса, и действительно обеспечили равенство прав голоса среди «блогеров».

3) публичность темы

Самое большое различие между политическими и обычными блогами заключается в яркой политической окраске, то есть публичности, на которую указывает контент.

Смысл и коннотация слов хранятся в системе понятий адресата как семантическое знание, которое активизируется в процессе принятия этих слов. Механизм речевого воздействия при употреблении эвфемизмов состоит в том, что адресант целенаправленно избегает или выбирает ту или иную коннотацию, чтобы изменить эмоциональную ориентацию людей на что-то и, следовательно, поведение массового адресата. Примером речевого воздействия послужили эвфемизмы, появившиеся в политическом блоге «Новости Центрального телевидения Китая».

В этом политическом блоге встречается наиболее типичный эвфемизм *незащищенные слои* («Новости Центрального телевидения Китая»): 10 年来，杭州图书馆对所有读者免费开放。来图书馆的乞丐越来越多，有市民无法接受，馆长褚树青说：“我无权拒绝他们来读书，但您有权离开”，“对弱势群体而言，图书馆可能是唯一可以消弭与富裕阶层之间在知识获取上鸿沟的机构”。2013 年 9 月 9 日央视新闻。/ *В течение 10 лет библиотека Ханчжоу была открыта бесплатно для всех читателей. Все больше и больше нищих приходят в библиотеку. Одновременно есть люди, которые не могут принять такое явление. Заведующий библиотекой Чу Шуцин сказал: «Я не имею права отказывать им в чтении, но вы имеете право уйти». «Для незащищенных слоев библиотека может быть единственным учреждением, которое может преодолеть разрыв доступа к знаниям по сравнению с богатыми классами»* («Новости Центрального телевидения Китая», 09.09.2013). Словосочетание *незащищенные слои* вместо *бедное население* заставляет устранить дискриминацию и подтолкнуть социум обращать больше внимания на людей, находящихся в трудной ситуации. В коннотацию эвфемизма *незащищенные слои* включена имплицитная информация об их слабом влиянии и отсутствии помощи от общества.

Данный эвфемизм содержит «модную» окраску в связи с все более выраженной тенденцией его употребления. «Модные» слова относятся не только к сфере моды – языковую моду диктует конъюнктура. Это современные слова, которые являются знаком осведомленности в тех сферах, которые необходимы человеку высокого социального статуса [Китанина, 2005, с. 59].

Кроме того, при описании политических событий, когда внимание акцентировано на обществе и государстве, нередко встречается такое выражение, как *макрорегулирование и макроконтроль*. 中国楼市会像日本一样崩盘吗？住建部部长陈政高：中国和日本城镇化水平不同，经济发展阶段不同，宏观调控措施也不同。2016年3月15日央视新闻。/ *Рухнет ли китайский рынок недвижимости, как Япония? Министр жилищного строительства Чэнь Чжэнкао: уровень урбанизации в Китае и Японии различается, этапы экономического развития различны, поэтому меры макрорегулирования в двух государствах тоже различаются* («Новости Центрального телевидения Китая» 15.03.2016). Вышеупомянутый эвфемизм использован для обозначения вмешательства правительства в экономическую сферу. Вмешательство и контроль вызывают отвращение, а использование единицы «регулирование» подчеркивает положительную роль правительства и позволяет смягчить ситуацию.

Когда речь идет о дипломатических отношениях, в данном политическом блоге широко используются эвфемизм *диалог*. Рассмотрим пример: 习近平强调，要坚持政治解决的大方向，各方要相向而行，保持对话缓和势头，这符合各方共同利益。2019年12月21日央视新闻。/ *Си Цзиньпин подчеркнул, что с целью сохранения общего направления политического урегулирования, все правительства должны идти навстречу друг другу и поддерживать стремление к диалогу, который отвечает взаимным интересам* («Новости Центрального телевидения Китая», 21.12.2019).

Таким образом, можно отметить, что в выборе эвфемизмов проявляются проблемы современного китайского общества, особенно в сферах политики и дипломатии. Эвфемизмы употребляют прежде всего с целью рационализации действий говорящего и манипулирования массовым сознанием, «то есть о манипулировании особенно охотно говорят тогда, когда поведение, на обеспечение которого оно направлено, представляется говорящим как противоречащее интересам манипулируемого» [Китанина, 2005, с. 48]. Эвфемизмы различной структуры и разных языковых уровней снижают степень отрицательной

оценки происходящего. Такая тенденция ведет к сокрытию истинного положения вещей для укрепления общепризнанной популярности у народа и развивается все заметнее в блогах китайских политиков.

Список литературы

- Брусенская Л.А. Беляева И.В., Высоцкая И.А., Китанина Э.А., Красникова И.Р., Ласкова М.В. Лазарев В.А. Прагматическая информация в лексике и грамматике: монография. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2004. 240 с.
- Зуйкина К.Л. Особенность политической коммуникации в блогосфере России и США: дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2017. 162 с.
- Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. дис. ...докт. филол. наук. Краснодар, 2005. 304 с.
- Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: монография Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2005. 416 с.
- Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским). дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 192 с.
- Шмелев Д.П. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 336 с.

УДК: 81

**Хамити И.
Специфика выступлений Си Цзиньпина**

*Московский государственный университет,
Россия, Москва, inkar0320@yandex.ru*

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования текстов выступлений китайского политического лидера Си Цзиньпина с целью выявления особенностей современного китайского политического дискурса. Автор анализирует семантические компоненты китайских иероглифов и их культурные коннотации в речах Си Цзиньпина, определяя роль концептов «дружбы» и «дерево» в китайском политическом дискурсе.

Ключевые слова: китайский политический дискурс; выступления Си Цзиньпина; языковые особенности; культурные коннотация.

**Hamiti Y.
Specifics of Xi Jinping's speeches**

*Moscow state University,
Russia, Moscow, inkar0320@yandex.ru*

Abstract. In present-day world the study of the speeches of political leaders helps identify both the features of the political discourse and language features and cultural meanings represented in such speeches. The paper examines the speeches of Chinese political leader XI Jinping in order to identify the features of the silk road discourse and generally present-day Chinese political discourse. The author analyzes the semantic components of Chinese characters that make up high frequency words and their cultural

connotations in XI Jinping's speeches, and looks at the concepts of friendship and tree in the Chinese political discourse.

Keywords: Chinese political discourse; XI Jinping's speeches; language features; cultural connotations.

Дискурс как научная категория, имеет междисциплинарный характер. Согласно определению М. Фуко, «дискурс – это совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996, с. 118]. «Особой разновидностью дискурса с точки зрения его институциональной принадлежности является политический дискурс» [Генералова, 2010, с. 98], который характеризуется как «транзитная станция», передающая информацию политиков и имеющая коммуникативную функцию.

В современном мире журналистика и СМИ – это четвертая ветвь власти, основой которой является информация о политике. В связи с этим можно утверждать, что политика имеет большое влияние на языковую сферу, так как анализ информации политического характера, например выступлений известных государственных деятелей, – это не только анализ новых политических веяний, но привнесение новшеств в языковую сферу, изучение особенностей данного языка и культурного смысла.

Ярким примером соотношения культуры языка и политики служат выступления Председателя КНР Си Цзиньпина. Стоит отметить, что в его выступлениях очень часто фигурирует слово «дружба». Например, «Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее», «Открыть новую яркую страницу китайско-узбекской дружбы», «Общими усилиями идти к новым успехам во имя китайско-таджикской дружбы».

В китайском языке слово «дружба» выражается иероглифами 友谊 и 友情, а «друг» – 朋友. Стоит отметить, что два этих слова в китайском языке имеют общий иероглиф 友. 友 – часто употребляемый иероглиф в китайском языке, с помощью него на китайские язык переводится как существительное «друг», так и глагол «дружить». В сочетании данного иероглифа с иными возможно получить новые слова или словосочетания. Например: 友情、友谊 (дружба), 友善的, (дружеский), 友好的 (дружелюбный), 挚友 (верный друг).

История иероглифа 友 берет свое начало из Цзягувэнь⁷. Согласно ей, иероглиф 友 изображается как две правые руки, находящиеся друг рядом с

---

⁷ Цзягувэнь – это древняя китайская письменность.

другом и символизирующие рукопожатие. «Друзья, протягивая руки, пожимают их друг другу, тем самым демонстрируя дружеские отношения. Данная традиция была незыблема как в древности, так и сейчас» [Чаохуа Ли, 2015, с. 44]. В книге «Shuowen Jiezi» («Объяснение и анализ иероглифов» II в. н.э) сказано: 友, 同志为友。友 переводится как друг, 志 переводится как стремление, цель, идеалы, а 同 – одинаково. Исходя из этого предложение переводится следующим образом: «Те, у кого одинаковые стремления, станут друзьями». Это означает, что в Китае слово *друг* имеет точное значение: друг – это тот, кто разделяет твои цели и стремления.

Таким образом, для китайцев дружба играет значимую роль, и выделение Председателем КНР вышеуказанных стран как друзей говорит о близости их духа.

Во многих документах можно отметить такие выражения, как *теплое братство, братские народы, добрый сосед, надежный партнер, указывающие на дружественные отношения стран.*

В Китае дружба, как правило, очень прочная и стабильная. Нередко люди дружат на протяжении всей жизни, что приводит к сотрудничеству во многих делах.

В китайском языке существует множество пословиц, посвященных дружбе. Например, 一个好汉三个帮/Один герой имеет трех помощников). Критерии дружбы у китайцев строги: настоящая дружба познается только в трудностях, о чем свидетельствует пословица 一生一死乃见交情 /Дружбу познаешь, когда переживешь момент смертельной опасности.

Все эти культурные особенности китайского языка, безусловно, находят свое отражение в текстах главы государства.

Метафора как мощный риторический инструмент убеждения, обладающий огромным перлокутивным эффектом, широко используется в политическом дискурсе [Миронова, 2013].

Немаловажное значение в своих текстах Си Цзиньпинь придает природе. В его речи часто фигурируют слова *дерево, река, гора* в качестве метафор: «Под девизом “друзья навек” наше сотрудничество будет и дальше уверенно продвигаться вперед, дерево китайско-кыргызской дружбы будет вечно зеленеть как ель-шленка на горах Тянь-Шань»; «Китай и Таджикистан соединяются общими горами и реками. Дружественные контакты между нашими народами своими корнями уходят в далекое прошлое»; «Как гласит китайская поговорка, персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянущихся к ним людей» и т.д.

В Китае концепт «дерево» имеет богатую коннотацию и оказывает значительное влияние на формирование и развитие культуры Китая. Формирование коннотации концепта «дерево» основано на культе растений. В древние времена, когда уровень производительности был крайне низок, люди не могли понять и победить природные явления, полагая, что все сущее находится под властью богов. Столкнувшись с постоянно меняющимся миром, люди начинают поклоняться природным явлениям и сверхъестественным силам. Для того, чтобы обрести благословение и избежать бедствия, они должны просить богов и совершать различные жертвоприношения. В китайских фамилиях названия растений широко представлены: 叶 (лист), 林 (лес), 花 (цветы), 梅 (слива).

В древней китайской культуре много красивых мифов, легенд и исторических историй связано с деревьями. Слово *дерево* в китайском языке имеет очень широкое значение, в том числе и значение «дружба». Существует старинная китайская легенда под названием 荆树复生 («оживший терновник»). По преданию, три брата, разделив отцовское имущество, решили разделить и единственный терновник, росший перед домом, но он мгновенно засох, не пожелав расстаться с общим корнем. Братья снова объединились в одну семью и терновник сразу же ожил. Теперь дерево является символом единства людей, стран. И как деревья растут и цветут веками, так дружба между людьми и странами длится много-много лет. В связи с этим часто в текстах Си Цзиньпина можно отметить такое выражение, как «Пусть вечно зеленеет дерево дружбы».

Речи Си Цзиньпина отражают определенную внешнеполитическую установку китайского лидера и государства в целом и позволяют на языковом уровне реализовать и укрепить современную концепцию «Один пояс – один путь».

Список литературы

- Генералова С.Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 5 (1). С. 95-101.
- Миронова Н.Н. Тенденции развития теории дискурса // Дискурс: гуманитарный контекст: Сб. науч. ст. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 55-64.
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- 李超华. 俄汉语言世界图景中“友谊”观念的对比研究. 南京: 南京大学俄语语言文学系. 2015.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА РЕЧИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

УДК: 81'42

Григолая И.В. Вербальные маркеры лжи на материале русских и английских текстов

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
Россия, Москва, Irikgrig@mail.ru*

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются способы обнаружения лжи в русско- и англоязычной речи. Русско- и англоязычные тексты сопоставляются с целью выявления универсальных и национально специфичных способов вербальной репрезентации лжи. Признаки, выделяемые исследователями, в работе условно разделены на 4 группы: собственно языковые, психологические, логические и юридические. Имеющийся фактический материал, интерпретируемый в рамках исследования, – письменные фрагменты допросов / допроса подозреваемых на английском и на русском языках. На основе анализа материала сделан вывод о том, что сильные отличия при сравнении выявленных симптомов лжи в англо- и русскоязычных текстах наблюдаются только при рассмотрении собственно языковых признаков, что объясняется грамматическими особенностями исследуемых языков.

Ключевые слова: вербальные маркеры лжи; речевая деятельность; мотив; психофизиологические проявления лжи; собственно языковые признаки; психологические признаки; логические признаки; юридические признаки.

Grigolaya I.V. Verbal markers of lying (based on the analysis of Russian and English-language texts)

*Military university with the Defense Ministry,
Russia, Moscow, Irikgrig@mail.ru*

Abstract. The subject of this study is to develop ways of detecting deceit in Russian and in English speech. In this article Russian and English texts are compared in order to identify universal and nationally specific ways of verbal representation of deceit. The verbal clues identified by the researchers are divided into 4 groups: linguistic, psychological, logical, and legal. The available material considered in the study includes written fragments of suspects' interrogations in English and in Russian. Based on the analysis of the material, we've come to the conclusion that significant differences in comparing the detected indications of deceit in English and Russian texts are observed only when considering the linguistic clues,

which is explained by the specific grammatical features of the studied languages.

Keywords: verbal clues of deceit; speaking activity; motive; psychophysiological manifestations of deceit; linguistic signs; psychological signs; logical signs; legal signs.

Цель исследования состоит в выявлении вербализованных признаков лжи в речи допрашиваемых. Под вербализованными признаками в данном случае мы понимаем не только собственно языковые средства представления определенного содержания, но и поведенческие признаки, обнаруживающие ложь, зафиксированные вербально.

Имеющийся фактический материал, интерпретируемый в рамках исследования, – 24 письменных фрагмента допросов / допроса подозреваемых на английском языке и 22 письменных фрагмента допросов / допроса подозреваемых / подсудимых на русском языке. Отбор фрагментов производился с учетом следующего условия: вина подозреваемого должна была очевидна либо ввиду его чистосердечного признания, либо ввиду признания его виновным в суде.

Вербальные признаки лжи в англоязычных текстах

Собственно языковые признаки

1. Отсутствие местоимения 1 лица единственного числа.

Обвиняемый в совершении преступления, рассказывая о событии преступления, намеренно избегает использования 1 лица единственного числа, стараясь таким образом подчеркнуть непричастность к событию преступления.

М. Макклиш в своей книге “Don’t be deceived: The Definitive Book on Detection Deception” [McClish, 2012] также выделяет этот маркер лжи и приводит в пример высказывание Президента Билла Клинтона, старающегося скрыть истинные причины появления царапин у него на лице: *I got this playing with my daughter, I’m ashamed to say. Rolling around acting like a child again. I reaffirmed that I am not a kid anymore* / Стыдно признаться, но они (царапины. – И.Г.) появились из-за того, что я играл с дочерью. Покатывался со смеху, вел себя как ребенок. Я вновь подтвердил, что я уже не ребенок (сделав это заявление – И.Г.). М. Макклиш поясняет, что Президент представляет слишком обобщенную историю, субъектом которой может быть любой человек. Тем самым говорящий, по сути, не рассматривает себя как участника некоего *реального* события – он лишь представляет рациональную версию появления царапин на лице, привычную и понятную всем [Ma, Lin, 2015].

Аналогично ведут себя подозреваемые и обвиняемые в судебном процессе и на досудебной стадии расследования преступлений. Так, человек, подозреваемый в краже денег на работе, использует личные

местоимения, описывая свой день до и после работы, однако не употребляет их, описывая период, когда произошла кража: *I got out of bed and went into the bathroom. I brushed my teeth, showered, and got dressed. I went downstairs ate breakfast and went to work. **Punched in** at 8:30 and **worked** the register till noon. **Went** to lunch until 1 pm and then **went** back and **ran** the register until 5 pm. Then I **punched** out and went home.* / Я встал с кровати и пошел в ванную. Я почистил зубы, принял душ и оделся. Я спустился вниз, позавтракал и отправился на работу. Записался в журнал о приходе на работу в 8:30 и до полудня работал в регистратуре. До 13 часов был на обеде, затем вернулся и до 17 часов продолжил работу в регистратуре. Затем я отметил время ухода с работы и пошел домой.

Скотт Питерсон, признанный виновным в убийстве своей жены, при ответе на вопрос детектива: *You drive straight home?* / Вы сразу поехали домой? сообщил: *To the warehouse, **dropped** off the boat* / На склад, оставил там лодку, не используя личных местоимений вообще, то есть не ассоциируя себя при этом с действием, о котором идет речь.

2. Отказ от употребления глаголов во времени Past Simple

Такая глагольная форма обозначает повторяющиеся или единичные действия в прошлом; действия, происходящие в течение некоторого периода времени, начавшиеся и закончившиеся в прошлом; последовательные действия в прошлом; действие в определенный момент в прошлом (если речь идет о статальных и непредельных глаголах) [Крылова, Крылова, 1989, с. 31-34]. Таким образом, интегративным признаком глагольного действия формы Past Simple является действие, имевшее место в прошлом.

Исследования показывают, что люди, говорящие правду о произошедших событиях, используют в повествовании форму Past Simple [Ma, Lin, 2015]. Использование других форм может свидетельствовать о нежелании обвиняемых или подозреваемых говорить правду, о стремлении дистанцироваться от события преступления. (Одновременно нельзя исключать, что замена форм времени может быть вызвана низким уровнем языковой компетентности индивида, что вполне характерно для людей, близких криминальному миру или входящих в него).

Рассмотрим пример:

*It happened Saturday night. I went out on my back deck to water plants. It was almost dark. A man **runs** out of bushes. He **comes** onto the deck, **grabs** me and **knocks** me down* / Это произошло в субботу вечером. Я вышел на веранду, выходящую во двор, чтобы послить цветы. Почти совсем стемнело. Из кустов выбегает человек. Он поднимается на веранду, хватая меня и валит с ног.

Отметим, что в процессе рассказа подозреваемый переходит на настоящее время, и это может свидетельствовать о том, что он не

вспоминает о прошедших событиях, а придумывает событие по ходу допроса.

3. Отказ от употребления притяжательных местоимений

Притяжательные местоимения означают принадлежность определяемого ими предмета какому-либо лицу. Как и в случае с опущением подлежащего, виновный в совершении преступления, не употребляя притяжательные местоимения, говоря об объекте своего преступления, будет стараться дистанцироваться от этого объекта. Сьюзен Адамс приводит в качестве примера высказывание человека, пистолет которого произвел случайный выстрел: *I was cleaning my gun. I was putting my gun away. **The** gun discharged / Я чистил свой пистолет. Я отложил свой пистолет в сторону. Пистолет произвел выстрел [Adams – URL]. Владелец пистолета пытается снять с себя ответственность за производство выстрела, дистанцируясь от пистолета, который «перестал быть его».*

4. Использование личных местоимений вместо имен существительных

Местоимения – слова, не имеющие конкретного значения, но часто заменяющие собой существительные и прилагательные и приобретающие значение в контексте [Крылова, Крылова, 1989, с. 181]. Человек, используя местоимение, отказывается говорить о конкретном объекте и тем самым пытается дистанцироваться от него.

Подозреваемый в убийстве своего ребенка при описании событий дня до «несчастливого случая» называет ребенка *the baby*, во время «несчастливого случая» использует личное местоимение *he*, а после – называет его по имени *Jimmy*:

*«**The baby** was on my lap with my left arm under his head or back of the neck. I began feeding **the baby** with my right hand. I put almost all of the food into **the baby's** mouth. <...> **He** was crying whenever I spilled it on his mouth. The third time I dropped it on **him** and also the fifth time I dropped it on **him**. I kept cleaning **him** off each time I spilled it on **him**. **He** was still crying. <...> They must have taken **the baby** off the couch and layed **him** on the table. They were ripping open packets of stuff and shining a light down **his** throat. <...> There was nothing I could do for **Jimmy** while he was at the hospital except pray» / Ребенок был у меня на коленях, моя левая рука поддерживала его голову или шею. Я начал кормить ребенка правой рукой. Я положил ребенку в рот почти всю смесь. <...> Он плакал каждый раз, когда я проливал смесь на его лицо. Я пролил ее на него в третий, в пятый раз. Он все еще плакал. <...> Должно быть, они подняли ребенка с дивана и переложили его на стол. Они открывали пакеты с разными приборами и светили ему в горло. <...> Я ничего не мог сделать для Джимми, пока он был в больнице, я мог только молиться за него.*

В данном случае такое частое употребление местоимений значимо, так как их основная функция – замена имен существительных с целью избегания тавтологии – не реализуется.

5. Использование эвфемизмов при описании совершенного преступления.

Подозреваемый в краже (чью вину признали) при ответе на вопрос, из-за чего, по его мнению, проводится расследование, говорит: *It's about some money they think may be missing* / Это из-за денег, которые, кажется, пропали, в то время как другой (невиновный) подозреваемый по этому же делу на тот же вопрос ответил: *Because somebody stole some money from our firm* / Потому что кто-то украл деньги у нашей компании. Подозреваемый по делу о растлении малолетних при ответе на такой же вопрос сказал: *I don't know what it's about. I don't know* / Я не знаю, из-за чего. Не знаю.

6. Использование модальных глаголов и фраз, выражающих сомнение.

Подозреваемый по делу о растлении малолетних, отвечая на вопрос «К чему приведет расследование в отношении Вас?», использовал форму *should*, которая в отличие от глагола *will*, означающего уверенность, выражает вероятность: *It should turn out good* / Должно быть, все будет хорошо.

Тот же подозреваемый при ответе на вопрос, что, по его мнению, должно быть с человеком, виновным в этом преступлении, употребил еще одну модальную фразу *I guess* / Наверное: «*I guess they should be prosecuted* / Наверное, подать на них в суд.

Психологические признаки

1. Оправдание человека, совершившего преступление

Подозреваемый в поджоге при ответе на вопрос, стоит ли дать человеку, совершившему преступление, второй шанс, сказал: «*If he had a good reason to start it, yeah*» / Если у него правда есть достаточные причины устроить пожар, да, указав на то, что, по его мнению, преступнику можно дать второй шанс, если у него была определенная причина, которой можно оправдать такой поступок.

Напротив, подозреваемые, говорящие правду, в большинстве случаев не готовы были дать преступнику второй шанс и считали, что ему нужно понести соответствующее наказание: *No Sir. ... If they done it once, they might do it again. No because they didn't come up front and say it first. I think they should be fired and I think they should have to pay for what they damaged.* / Нет, сэр. Если он сделал так один раз, то это может повториться. Нет, потому что он не признался в том, что сделал. Думаю, его стоит уволить. Также он должен будет заплатить за причиненный ущерб.

2. Проговорки

Подозреваемый в убийстве своего друга при ответе на вопрос, были ли они на машине той ночью, сказал: *We were **all** on foot* / Мы все шли пешком. Согласно его версии событий, их было двое, а убитый так и не пришел на встречу со своими друзьями, однако подозреваемый использует местоимение *all*, которое подразумевает наличие более двух человек. На самом деле было доказано, что друзья виновны в смерти товарища, и их на тот момент было трое.

3. Повтор заданного вопроса с целью получить больше времени на обдумывание ответа

Для того чтобы понять, не является ли это психологической чертой говорящего, необходимо проанализировать иные высказывания. Если этот случай единичный, то его следует признать значимым.

Подозреваемая в растлении малолетних на вопрос *Would there be any reason evidence would turn up indicating you did do this?* / Могут ли по какой-либо причине обнаружиться доказательства, указывающие на то, что виновны Вы? ответила *Would there be any reason? No, there is no evidence. There can't be any evidence for something that never happened* / По какой-либо причине? Нет, нет таких доказательств. Не может быть доказательств того, чего никогда не было.

4. Уклонение от ответа на другой вопрос, перевод темы.

Молодой человек, подозреваемый в убийстве своей девушки, при ответе на вопрос: *Do you remember any of your last conversations with her?* / Помните ли Вы, о чем Вы с ней говорили в последний раз перед ее исчезновением?» сказал: *I don't know **where she is**, that's all, I don't know* / Я не знаю, где она, вот и все. Я не знаю, игнорируя исходный вопрос и при этом отвечая на еще не заданный. Он понимает, что последний их диалог был непосредственно перед тем, как он ее убил. Следовательно, он не может дать правдивого ответа на заданный вопрос и пытается заполнить образовавшуюся лауну, отвечая на другой вопрос.

Логические признаки

1. Пропуск временного отрезка

Пропуская определенный отрезок времени, говорящий либо хочет скрыть события, происходившие в этот период, либо не считает эти события относящимися к делу. Фактически умолчание не является ложью, однако может быть признаком сокрытия информации.

Подозреваемый в поджоге произносит фразу *After a couple minutes* / Через пару минут, что говорит о пропуске информации, которую подозреваемый не хочет сообщать следователю (именно тогда и произошел поджог): *Went in the store to answer the phone. When I went in the store the phone stopped ringing. **After a couple of minutes** went back out, locked the door and everyone went home* / Вошел в магазин, чтобы ответить.

Когда зашел в магазин, звонить перестали. Через несколько минут снова вышел, закрыл дверь, и все отправились домой.

2. Сообщение нерелевантной информации с целью компенсировать малое количество информации о релевантных событиях.

Подозреваемый в убийстве своего ребенка начал описание событий дня, в который ребенок был убит, с рассказа об игре в бинго. Тем самым подозреваемый пытался наполнить свой рассказ информацией, не относящейся непосредственно к расследуемому делу: *I would say around 2:00 p.m. Jessica left the apartment to go to her sister's. She went to Mary's and both Mary and Jessica walked up. They were going to play bingo that night. They go quite often. Jessica goes 4 or 5 times per week; her mother goes every day. When Jessica left she left me and the baby and my dog / Кажется, где-то в 14 часов Джессика вышла из квартиры и пошла к своей сестре. Она пошла к Мэри, и они обе собрались играть в бинго в тот вечер. Они довольно часто туда ходят. Джессика играет 4 или 5 раз в неделю, а ее мама – каждый день.*

3. Наличие противоречий в высказывании.

Зарезавший всю свою семью Джеффри Макдональд, рассказывая следователям о произошедшем, сначала говорил о том, что слышал крики своей жены и старшей дочери, но позже утверждал, что слышал крики Кимми – младшей дочери: *I heard some screaming, at least my wife; but I thought I heard Kimmie, my older daughter, screaming also. I think I heard Kristy said: "Daddy", saying: "Daddy, Daddy, Daddy" / Я услышал крики, точно крик жены, но мне казалось, что я также слышал крик Кимми – моей старшей дочери. Мне кажется, я слышал, как Кристи сказала: «Папа», она повторяла: «Папа, папа».*

Вербальные признаки лжи в русскоязычных текстах Собственно языковые признаки

1. Ошибки

Ошибки речи становятся более частотными, когда субъект сталкивается с вопросом, на который он не имеет продуманного ответа. Это выражается, например, в отсутствии четкой структуры предложения, затруднении в подборе необходимого слова.

Затруднение в вербализации действий:

Так, подозреваемый в соучастии в убийстве из-за сильного стресса не может подобрать слова и использует фразы «как сказать», «как бы это сформулировать попроще»: *Просто он их наносил в разных плоскостях и в разных...как сказать...я вообще не понял, что...что это...иии...сначала, даже, что нож – не понял.; Как бы это сформулировать так попроще... К.А.М. всю дорогу со мной говорил о том, что это мы...вместе в этом замешаны по уши, то есть это...*

Отсутствие структуры в предложении:

В следующем примере подозреваемый не в состоянии завершить мысль, он сразу переходит к другой, что делает предложения обрывочными и не имеющими никакого смысла. Незаконченность предложений также готовит о сильном стрессе, испытываемом говорящим: *Ну, когда он все это выбросил туда, тогда я вообще не понимаю, что происходит, не понял, что дальше мне делать самому, как бы небольшой такой это...ну, не то, что я не девочка, конечно, не теряю сознание, но вопрос в том, что...я присел и В.В.Н. еще что-то начала говорить.*

Собственно речевые ошибки:

Собственно речевые ошибки могут и не являться признаками лжи, они могут просто указывать на низкий уровень грамотности говорящего. В приведенном ниже предложении, например, выражение допрашиваемого «втыкал удары» является явной контаминацией фраз «наносить удар» и «втыкать нож». Это может говорить либо о неграмотности допрашиваемого, либо о высоком уровне испытываемого им стресса. Таким образом, это не является явным признаком лжи: *Не то, что я не могу точно сказать, куда он ей втыкал эти удары.* Однако во фразе *От него пахло алкоголем, он так близко подошел ко мне, и он слабо пахло алкоголем* содержится явная речевая ошибка, свидетельствующая о том, что человеку тяжело сконцентрироваться и верно строить предложения.

2. Эвфемизмы

Подозреваемый, который лжет, пытается отдалиться от происходящего, использует эвфемизмы. Например, в следующем фрагменте подозреваемый, являющийся соучастником в убийстве, говорит: *Я считаю, что я...соучастник уже в этом...*, не желая называть совершенное им преступление.

3. Частое употребление слов, выражающих неуверенность

При рассмотрении данного признака необходимо обращать внимание именно на частотность употребления подобных слов, так как единичное их использование не является маркером лжи. Примерами могут послужить такие слова, как *наверное*: *А когда, я не знаю, он ее переворачивал или не переворачивал, но...когда вот так вот она лежала лицом кверху, вот так вот...вот так, ну...сюда, наверное, вот так как-то. Наверное, как-то вот так.* Кроме того, в этом фрагменте использован союз *или*, также демонстрирующий неуверенность говорящего в том, состоялось ли действие.

Психологические признаки

1. Неопределенность, неконкретность сведений, содержащихся в показаниях

Например, на вопрос следователя о том, разговаривал ли он о чем-то с жертвой, подозреваемый ответил: *Вообще не помню, абсолютно, ну не...незначительно о чем-то, может, а, может, и не говорили даже.* В другом случае подозреваемый, отвечая на вопрос, оказывала ли жертва сопротивление, ответил: *может, она хваталась, может, она...я не знаю, понимаете? Я этого не видел. Это было спиной скрыто от меня...*

Говоря о своем «незнании» или о невозможности увидеть своими глазами произошедшее, подозреваемый пытается дистанцироваться от произошедшего и таким образом уменьшить количество информации, которое он может знать о произошедшем. В нашем экспериментальном исследовании было установлено, что одной из самых популярных стратегий, к которой прибегали испытуемые, пытаясь соврать об убийстве, являлось утверждение о том, они не видели, что именно произошло.

2. Уклонение от ответа на прямой вопрос

Уклонение от ответа на прямой вопрос указывает на желание допрашиваемого скрыть от следователя определенную информацию. Это происходит в тех случаях, когда подозреваемый не был готов к вопросу и заранее не продумал, как ответить, чтобы звучать правдоподобно. Например, на прямой вопрос следователя: *А почему Вы взяли Н. за ноги и стали помогать М. своими действиями?* подозреваемый начал описывать лицо жертвы: *Я...не знаю, почему я это сделал, но я просто видел, что у нее все лицо разбито, я сначала не понял, что произошло. У нее было не то, что разбито, оно было распухшим. Понимаете?* На дальнейший вопрос следователя, как это может быть связано, подозреваемый ответил: *Я не знаю, как это связано, может быть это никак не связано. М. меня попросил это сделать, я это сделал.*

3. Отсутствие эмоциональной окрашенности

Как правило, свидетели преступления испытывают сильные эмоции, вспоминая произошедшее, что отражается на их речи. Виновные же могут подчеркнуто равнодушно относиться к преступлению, стараясь не отождествлять себя со случившимся и не испытывать чувства сострадания к жертве. Подозреваемый в соучастии в убийстве спокойно сообщает о том, почему он помог убийце переместить тело жертвы: *М. меня попросил это сделать, я это сделал.*

4. Оправдание человека, совершившего преступление

Подозреваемый объясняет, почему он сам не сообщил полиции о произошедшем: *Доказательств никаких нет, в принципе, я считал, что, если что-то найдется, то в любом случае не мое, так как я этого не совершал. Я считаю, что экспертиза должна была найти хотя бы отпечатки пальцев или, не знаю, генетическая экспертиза должна была кровь найти М., не знаю. Я считал, что это и все поставит на свои*

места. Должно было, по крайней мере, на мой взгляд, поставить все на свои места. Таким образом человек оправдывает свои действия, не признавая своей вины в случившемся.

Логические признаки

1. Наличие противоречий в высказывании

Наличие противоречий в высказывании может указывать на то, что описываемое допрашиваемым не было пережито им на самом деле и поэтому не закрепилось в памяти, либо на то, что во время допроса говорящий испытывает сильный стресс. Сначала подозреваемый так сообщает о последовательности нанесенных им ударов: *Он нанес мне удар правой рукой. Я его руку отбил своей левой, как стоял и бросил, у меня был пакет, бросил. Сразу нанес ему удар в голову, справа, потом левой...левой куда-то в корпус, еще раз в корпус и еще раз левой или в голову, или в плечо.* Сначала эти слова подтверждаются: *Первый раз – правой, потому что левой я просто отбил его руку,* однако затем, когда подозреваемого попросили повторить последовательность действий, он ответил иначе: *Понятно?левой, правой, левой, правой и левой, он упал на одно колено, вот так.*

2. Отсутствие привязки ко времени события

Отсутствие привязки ко времени и месту события может быть признаком того, что событие, рассказанное говорящим, не происходило на самом деле. Например, подсудимый путался в показаниях, данных на разных судебных заседаниях. Он не мог указать точное время происшествия: сначала он утверждал, что все произошло в 12-13 часов, затем на следующем заседании заявил, что избивение произошло с 13 до 15 часов, подстраиваясь под показания свидетелей.

3. Пропуск временного отрезка

Пропуск временного отрезка означает, что говорящий либо хочет скрыть события, произошедшие в этот временной период, либо не считает эту информацию важной. Таким образом, данный признак не обязательно является прямым указанием на содержание лжи в высказывании, однако является сигналом, на который необходимо обратить внимание и задать дополнительный вопросы. Примером такого пропуска временного отрезка служит фраза: *Я зашел в свою комнату...минут через...десять...услышал шум в коридоре.*

На основе приведенного в исследовании анализа англо- и русскоязычных текстов мы можем заключить, что в разных языках были актуализированы различные симптомы лжи, что в первую очередь связано с различиями в грамматическом строе рассматриваемых языков. Особенно это проявляется при рассмотрении собственно языковых признаков.

Психический механизм порождения лжи схож у носителей обоих языков, и в связи с этим психологические симптомы лжи в большинстве

своим совпадают. Лжецы определенным образом выстраивают структуру своего высказывания, что отражается в актуализации почти одинаковых логических признаков лжи. Юридические признаки были выявлены только в рамках экспериментального исследования на русском языке, поэтому данное исследование не позволяет нам сделать вывод о различии в их появлении в русском и английском языках. Однако надо отметить, что большинство юридических признаков, а именно: противоречие высказывания другим собранным по делу доказательствам; совпадение в мельчайших деталях показаний нескольких допрашиваемых; различное объяснение одних и тех же событий на разных допросах; сокрытие фактов, которые, по мнению следователя, хорошо известны допрашиваемому; являются очевидными признаками лжи, что, при возможности, было бы отмечено в обоих языках.

Список литературы

- Крылова И.П., Крылова Е.В.* Английская грамматика для всех. М.: Высшая школа, 1989. 271 с.
- Adams S.H.* Statement Analysis: What Do Suspects' Words Really Reveal? // Crime & Clues: The Art and Science of Criminal Investigation. URL: <https://crimeandclues.com/2013/03/02/statement-analysis-what-do-suspects-words-really-reveal/>
- Ma D., Lin D.* Statement Analysis of Deception Detection // Scientific Research. Vol.02 No.10(2015), Article ID:68659. URL: https://www.scirp.org/html/68659_68659.htm
- McClish M.* Don't Be Deceived: The Definitive Book on Detection Deception. Winterville, The Marpa Group, Inc., 2012. 307 p.

УДК: 81

Китанина Э.А., Цзэн Ялинь **Лингвистическая характеристика политика** **по текстам интервью в газете «Женьминь Жибао»**

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Россия, Москва, ella_kitanina@mail.ru, yalin0916@126.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу коммуникативных аспектов политического интервью – одного из популярных жанров современного медийного дискурса. Материал исследования – интервью министра иностранных дел КНР Ван И, опубликованные на сайте «Женьминь Жибао».

Ключевые слова: политическое интервью; лингвистическая характеристика личности; коммуникативный прием; языковая личность; прагматика.

Kitanina E.A., Zeng Yalin
Linguistic characteristics of a political leader
based on interviews in «People's Daily»

*State Institute of the Russian Language A.S. Pushkin,
Russia, Moscow, ella_kitanina@mail.ru, yalin0916@126.com*

Abstract. The paper focuses on the analysis of communicative aspects of a political interview, which is considered to be one of the most popular genres in modern media discourse. Interviews with Chinese Foreign Minister Wang Yi, which were published on the website of the Chinese newspaper "People's Daily", were selected as research material.

Keywords: political interview; linguistic characteristics of a personality; communicative technique; linguistic personality, pragmatics.

Введение

Обращение политических лидеров к массовой аудитории через СМИ впервые было зафиксировано в 1923 году, когда кандидаты на пост президента США Дж. Дэйвис и К. Кулидж оплатили эфирное время для радиотрансляции своих речей. Сегодня же политический маркетинг интенсивно погружается в цифровую среду массовых коммуникаций, управляя общественным мнением, убеждая целевые группы в достоинствах той или иной политической идеи. На первый план выступает языковая личность, о которой писал в своих трудах В.В. Виноградов.

Термин *языковая личность* стал активно функционировать в лингвистике в 80-90-е гг. XX в.а, когда языковая личность становится объектом лингвистического исследования, что позволяет рассматривать во взаимодействии все свойства языка, учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Тесная связь между политикой и языком отражена в политическом дискурсе. Изучение политического дискурса привлекает к себе пристальное внимание исследователей по всему миру. Российские и зарубежные ученые ведут систематические и всесторонние исследования многоаспектно, в междисциплинарном русле. Применительно к политическому дискурсу исследования ведутся в рамках прагматики, функциональной грамматики, критического дискурс-анализа, когнитивной лингвистики и риторики.

Т.Г. Добросклонская подчеркивает, что «в связи с интенсивной медиатизацией политических коммуникаций роль СМИ в формировании политического дискурса неизмеримо возросла» [Добросклонская, 2012, с. 741]. Л.И. Гришаева отмечает важность отбора языковых средств и стратегий. По мнению исследователя, в медийном дискурсе неизбежно происходит тщательный отбор языковых средств, которые позволяют

адресанту максимально успешно реализовывать свои дискурсивные стратегии [Гришаева, 2009, с. 58].

Политическая коммуникация, как известно, ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны, побуждение их к политическим действиям. Главной интенцией, базой политического дискурса являются вопросы приобретения и сохранения власти [Шейгал, 2000, с. 43], т.е. главная функция данного вида коммуникации – борьба за политическую власть в процессе коммуникативной деятельности.

Интервью считается одним из самых продуктивных и эффективных жанров в медийном дискурсе, поскольку коммуникация между журналистами и политиками удовлетворяет возросшему интересу массовой аудитории к деятельности политика, к его языковой, или, как сейчас принято говорить, дискурсивной личности. В настоящее время интервью стало сферой коммуникации, в которую вовлечены не только непосредственно заинтересованные журналисты и респонденты, но и все те, кто читают и смотрят интервью, поэтому в интервью политикам необходимо тщательно выбирать коммуникативные приемы и языковые средства, чтобы лучше реализовать свои стратегии.

По словам В.И. Карасика, наиболее существенными оказываются коммуникативные стратегии, используемые в общении [Карасик, 2019, с.302]. Пристальное внимание к исследованию коммуникативных стратегий и приемов проявляют многие лингвисты.

Образ и имидж политика, создаваемый языковыми средствами, обладает определенной спецификой. Согласно Ю.Н. Караулову, структура языковой личности состоит из трех уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического [Караулов, 1989, с. 3]. В связи с этим изучение текстов интервью политика в прагматическом аспекте имеет актуальное значение. Как известно, прагматически ориентированные исследования позволяют глубже постичь специфику языка в его реальном употреблении [Китанина, 2005, с. 36].

Методика исследования

Для подробного лингвопрагматического анализа взяты материалы, размещенные на сайте китайской газеты «Женьминь Жибао», – интервью министра иностранных дел КНР Ван И на разноуровневых пресс-конференциях.

Одним из таких материалов послужило интервью от 8 марта 2019 г. с министром иностранных дел Китая Ван И, который был приглашен на пресс-конференцию 13-го Всекитайского собрания народных представителей, чтобы ответить на вопросы китайских и иностранных журналистов на тему «Внешняя политика Китая и международные отношения». В интервью министр употребляет разноплановые

коммуникативные приемы, которые можно классифицировать следующим образом.

1. В речи встречается нетрадиционное для китайского политика употребление иноязычных заимствованных лексем.

По мере развития человеческого общества язык изменяется. Самым прямым отражением такого изменения являются новые, чаще заимствованные слова, представляющие собой распространенный процесс в большинстве языков, в разных дискурсах, в том числе и в политическом. Заимствование из одного языка в другой по сути своей может служить иллюстрацией того, как нечто «чужое» может постепенно становиться «своим», как «чужое» ассимилируется «своим», если начинает связываться с чем-то жизненно важным и существенным [Китанина, 2005, с. 15]. Политический дискурс тоже характеризуется ярко выраженным наличием бинарной оппозиции «свой – чужой». Так, министр Ван И в своем выступлении на церемонии открытия Форума по экономическому и торговому сотрудничеству Китая и Латинской Америки отметил, что «推动中国经济发展的三驾马车中, 第三产业已经占据半壁江山, 成长为中国最大的产业, 远远超过第一和第二产业» («Среди **тройки**, которая способствует экономическому развитию Китая, третья отрасль народного хозяйства заняла половину и превратилась в крупнейшую отрасль Китая, намного превышающую первую и вторую индустрии»⁸). «三驾马车» на самом деле является заимствованной лексемой. В англо-китайском словаре нетрудно найти слово «troika», которое переводится как «тройка» или «экипаж с тройкой лошадей», и в метафорическом значении – три человека или вещи, тесно связанные друг с другом. В последние 30 лет это слово часто употребляется в экономической сфере в Китае. Экономическая тройка относится к трем основным источникам государственных бюджетных доходов: инвестиции, потреблению и экспорту. Тройка лошадей, запряженных в один экипаж в значительной степени соответствует данной ситуации и в образном виде показывает тесные связи между факторами, способствующими увеличению государственного бюджета.

Отвечая на вопросы журналистов в совместном интервью с министром иностранных дел Ирана Зарифом, министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что «谈判进入最后阶段时, 关键是坚定信心, 相向而行, 克服困难, 全力跑好**马拉松**最艰难的“最后一公里”, 避免功亏一篑» («Когда переговоры вступают в заключительную стадию, ключевым моментом является укрепление доверия, движение навстречу друг другу, преодоление трудностей и прохождение самого трудного “последнего

---

⁸ Здесь и далее перевод с китайского языка на русский наш. – Э.К., Я.Ц.

километра” **марафона** с полной силой, чтобы не сорвать дело на пороге успеха»). «**马拉松**» распространенное и в других языках заимствование английского *marathon*.

Хотя заимствованное слово является выражением «чужого», заимствованное слово может постепенно стать «своим».

2. Китайские политики используют фразеологизмы как приемы воздействия.

Образ и имидж политика отражает его когнитивно-речевые стратегии. Важно, чтобы образ был узнаваемым, чтобы комплекс составляющих его языковых и речевых средств вызывал определенную когнитивную и эмоциональную реакцию аудитории. В интервью министра Ван И часто встречаются разнообразные фразеологизмы, с помощью которых отчетливо и с особенной выразительностью отражается языковая позиция политика, например, отвечая на вопросы журналиста о китайско-французских и китайско-европейских отношениях, министр сказал: «2018 год – 15 годовщина установления всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и ЕС. В начале года президент Франции Макрон совершил государственный визит в Китай, и в китайско-французских отношениях демонстрируется облик **«полон сил и энергии, с боевым задором»**). Впоследствии нас посетил британский премьер-министр, и китайско-британские отношения создали расширенную версию **«золотого века»**.

15 февраля 2020 года министр иностранных дел КНР Ван И дал интервью заместителю главного редактора агентства Reuters в Берлине. Отвечая на вопрос о мерах, принятых Китаем для предотвращения эпидемии коронавируса и борьбы с ней, министр указал, что «**中国有句话, “烈火炼真金”**。我们相信, 经过这场疫情考验, 中国人民将会更加坚强团结, 中国经济将更加稳健可持续, 全体中国人民会以更坚实步伐, 实现全面小康, 迈向现代化进程» (В Китае древняя мудрость гласит: **«настоящее золото выдержит плавку в пылающем огне»**). Мы верим, что после испытания эпидемией китайский народ станет сильнее и сплоченнее, китайская экономика станет более стабильной и устойчивой, и все китайцы пойдут вперед более уверенными темпами, чтобы достичь всеобъемлющего благосостояния и перейти к динамичному процессу модернизации).

24 мая 2020 г. министр иностранных дел КНР Ван И провел онлайн-конференцию. Вопросы были связаны с «внешней политикой Китая и международными отношениями». Корреспондент China Daily спросил: «Китай оказывает противоэпидемическую поддержку и помощь многим

странам, но есть сомнения по этому поводу. Что Вы об этом думаете?» Отвечая на этот вопрос, министр отметил, что «我们愿做及时雨，是在朋友危难时同舟共济的真诚伙伴。我们愿意继续向有需要的国家提供力所能及的帮助，深入开展国际抗疫合作，共同迎接这场人类抗疫斗争的最终胜利» (Как своевременный дождь, мы готовы быть искренним партнером и **действовать в одном направлении**, когда наши друзья находятся в кризисе. Мы готовы продолжать оказывать посильную помощь нуждающимся странам, осуществлять углубленное международное противоэпидемическое сотрудничество и совместно приветствовать окончание этой человеческой противоэпидемической борьбы).

Таким образом, фразеологизмы, с помощью которых можно лаконично и четко выразить свои мнения и взгляды, играют важную роль в высказываниях министра Ван И.

3. Использование метафор как приемов воздействия.

А.П. Чудинов отмечает, что «метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов, 2013, с. 23]. В качестве важного средства воздействия на адресата и магического лингвистического феномена метафора оказывает огромное влияние на мышление коммуниканта, пробуждает ассоциации у реципиента. Как справедливо заметила Н.Д. Арутюнова, «в применении к метафоре говорят о присутствии у нее двух субъектов – основного и вспомогательного. Вспомогательный субъект служит базой для создания образа, основной – точкой его приложения... В рамках метафоры сосуществуют две категории – образ и “вылущенный” из него смысл» [Арутюнова, 1990, с. 81].

В речи министра Ван И можно найти много подобных примеров. На пресс-конференции корреспондент спросил, наращивают ли США и Китай свое влияние на Латинскую Америку и Карибский бассейн? Министр ответил: «中拉合作是发展中国家之间的相互帮助和相互支持，不针对和取代谁，也无意动谁的奶酪。中拉合作之所以发展这么快，是因为符合拉美国家的需求，改善了拉美国家的民生，提高了拉美国家的自主发展能力» (Сотрудничество между Китаем и Латинской Америкой – взаимопомощь и взаимная поддержка между развивающимися странами, оно никого не преследует и не заменяет, и при этом оно не намерено **«трогать чей-либо сыр»**. Причина, по которой китайско-латиноамериканское сотрудничество развивается так быстро, заключается в том, что оно отвечает потребностям латиноамериканских стран, улучшает народное благосостояние и повышает потенциал для независимого развития латиноамериканских стран).

Отвечая на вопросы о том, как китайская дипломатия служит внутреннему развитию, министр Ван И сказал, что перед лицом новых исторических миссий и требований времени Министерство иностранных дел КНР будет более активным и многообещающим, чтобы служить внутреннему развитию в соответствии с единым развертыванием центрального правительства. «总之, 推进新时代中国特色大国外交, 我们既要当对外工作的‘排头兵’, 也要做服务发展的‘实干家’» (Короче говоря, чтобы продвигать дипломатию великой державы с китайской спецификой в новую эпоху, мы должны быть как **“авангардом”** для внешней работы, так и **“практиками”** для развития услуг в стране). С помощью метафор «авангард» и «практика» адресатам не трудно иметь представление о том, что с одной стороны, китайская дипломатия играет заметную роль в иностранных делах, а с другой стороны, МИД КНР тоже акцентирует внутреннее развитие Китая.

Отвечая на вопрос о видении Китая в отношениях с АСЕАН, министр Ван И заявил, что «将继续把东盟放在对外合作议程的首页, 打造更高水平的战略伙伴关系, 构建更紧密的命运共同体» – (АСЕАН будет и впредь **размещаться на первой странице повестки дня** в области иностранного сотрудничества Китая, чтобы вывести отношения Китай-АСЕАН на новый уровень и создать более тесное сообщество с единой судьбой). Очевидно, метафорический образ «первая страница повестки дня» ярко подчеркивает важный статус сотрудничества между Китаем и АСЕАН. С помощью различных метафор министр позволяет адресатам более естественно понять и принять свои взгляды.

Метафоры в политических текстах имеют и другие функции: «метафора часто используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям [Чудинов, 2013, с. 24]». Приведем еще один пример, который связан с самой актуальной темой на сегодняшний день – эпидемией коронавируса. В интервью главного редактора Reuters министр подчеркнул, что «在共同抗击疫情的斗争中, 中国同各国之间的友谊和信任将得到加强和深化。各国都会意识到, 我们身处一个**地球村**, 国与国的命运已经紧密地联系在一起» (В совместной борьбе с эпидемией коронавируса дружба и доверие между Китаем и другими странами будут укрепляться и углубляться. Каждая страна поймет, что мы находимся в **мировой деревне**, и судьбы всех стран были тесно связаны). Здесь метафора «деревня» свидетельствует о том, что каждая страна в мире тесно связана с другими и все страны должны вместе сотрудничать в борьбе с коронавирусом, как добрые соседи.

4. Умение понять в обстановке публичного выступления позицию адресата, инакомыслящего, проявить интерес к его личности.

Как справедливо указывает Т.А. ван Дейк, «участник коммуникации должен фокусировать внимание на специфических особенностях речевой ситуации, которые могут оказаться полезными для правильного понимания не только значения / референции, но и прагматических целей / интенций» [ван Дейк, 2000, с. 17]. Министр иностранных дел КНР Ван И умеет учесть позиции коммуникантов в своих интервью. В начале пресс-конференции он поблагодарил всех журналистов и присутствующих, выразил благодарность всем иностранным журналистам, которые испытывают интерес к китайской дипломатии и поддерживают ее. «因为中国外交取得的成绩当中有大家付出的一份辛劳和贡献» (потому что достижения китайской дипломатии неотделимы от вашей тяжелой работы и вклада). Министр поблагодарил журналистов-женщин: «首先我还是要再次向在座的女士们, 向所有女同胞们致以节日的祝福, 今天是三八妇女节, 是你们的节日» (Прежде всего, мне хотелось бы передать мои праздничные благословения всем присутствующим здесь дамам, всем женщинам-соотечественницам. Сегодня 8 марта – ваш праздник).

5. Умение ставить себя на коммуникативную позицию адресата.

При анализе дискурсивных характеристик политической коммуникации А.П. Чудинов отметил, что «организация текста в значительной степени зависит от его адресата» [Чудинов, 2012, с. 54]. Для того, чтобы подробно анализировать данный аспект, приведем в пример еще один фрагмент: на пресс-конференции корреспондент Российского международного информационного агентства спросил: «Российские выборы состоятся 18 марта, что Вы ожидаете? В этом контексте мне также хотелось бы поднять вопрос о китайско-российских отношениях. В последние годы различные стороны по-разному смотрят на Россию и ее международный статус, и Россия подвергается жесткой критике и экономическим санкциям. В то же время Китай стал второй по величине экономикой в мире. Все стороны считают, что Китай заменит лидерство США в международной политике. Как Китай относится к развитию российско-китайских отношений?»

Отвечая на этот вопрос, министр высоко оценил руководство президента В.В. Путина и плодотворную работу русского народа. Он сказал: «俄罗斯总统选举是俄罗斯国家和人民的大事。我们看到, 在普京总统的领导之下, 近年来俄罗斯的国家发展取得了重要成就, 普京总统始终得到了俄罗斯人民的坚定支持。我们相信, 俄罗斯人民一定会再次做出正确的选择, 俄罗斯民族也一定会在国家振兴道路上继续阔步前行。俄罗斯是一个有韧性、有坚持, 也能抗压的民族, 我们祝福俄罗斯, 也祝福俄罗斯人民» (Президентские выборы в России являются важным событием для российского государства и народа. Мы видим, что под руководством

президента Путина в последние годы Россия добилась важных достижений в области национального развития, и президент Путин всегда получает твердую поддержку русского народа. Мы верим, что русский народ обязательно сделает правильный выбор, и безусловно, продолжит добиваться больших успехов на пути к национальному возрождению. Русский народ – упорный и настойчивый). Министр поставил себя на место друга данного корреспондента и сказал: «请你向俄罗斯的朋友们转达一句话：中俄深化合作没有止境，中俄关系没有最好只有更好» (Пожалуйста, передайте следующие слова Вашим друзьям в России: углублению китайско-российского сотрудничества нет предела, для китайско-российских отношений – только лучше и лучше, нет предела совершенства).

8 января 2020 года старейшая и крупнейшая в Египте газета «Пирамида» опубликовала письменное интервью с министром иностранных дел КНР Ван И. В интервью были упомянут следующий вопрос: «Различные международные платформы, такие как Организация объединенных наций и Совет безопасности, постоянно сотрудничают и проводят консультации по многим международным вопросам. Как Китай относится к инициативе по реформе Совета безопасности, которую недавно предложил президент Египта Абдель-Фаттах Халил ас-Сиси?». Отвечая на данный вопрос, министр отметил, что, и Китай, и Египет являются крупными развивающимися странами и имеют широкие общие интересы в содействии демократизации международных отношений и трансформации глобальной системы управления. Обе страны поддерживают тесное сотрудничество в рамках ООН и других международных платформ, особенно в Совете безопасности. Что касается реформы Совета Безопасности, президент Египта Абдель-Фаттах Халил ас-Сиси неоднократно подчеркивал необходимость исправления исторической несправедливости, от которой страдает Африка. Об этой проблеме министр дальше указал, что «中方对此完全支持，始终认为增加发展中国家特别是非洲国家的代表性和发言权，是安理会改革的唯一正确方向» (Китай **полностью** поддерживает это и **всегда** считает, что расширение представительства и голоса развивающихся стран, особенно африканских стран, является **единственным** правильным способом реформирования Совета безопасности). Министр также выразил готовность работать с Египтом и другими развивающимися странами, и заметил, что «我们愿同埃及在内的非洲朋友在联合国安理会改革政府间谈判等场合共同努力，推动改革朝着符合发展中国家共同利益的方向稳步发展» (**Мы готовы работать вместе с африканскими друзьями**, в том числе с Египтом, по случаю межправительственных переговоров по реформе

Совета безопасности ООН в целях содействия устойчивому развитию реформ в направлении общих интересов развивающихся стран).

6. Умение создавать обстановку доверительности, терпимости к другому коммуниканту.

Коммуникационная среда и атмосфера оказывают непосредственное влияние на результаты общения. Чтобы лучше достигать своих коммуникативных целей, политикам часто необходимо умение создавать атмосферу, погружаться в доверительную и толерантную среду, которая способствует продуктивному обмену мнениями всех сторон и помогает политикам полностью и всесторонне выражать свои взгляды и позиции, а также успешно достигать коммуникативной цели.

Отвечая на вопрос журналиста о китайско-французских и китайско-европейских отношениях, министр заметил, что «中欧之间也存在一些分歧, 但是双方都意识到, 应该多一些换位思考, 多一些开放包容, 多一些相互理解。就中方而言, 我们始终重视欧洲, 支持欧洲一体化, 看好欧洲发展前景, 愿意同欧洲携手合作, 为当今充满不确定性的时代注入更多稳定性和正能量» (Между Китаем и ЕС существуют некоторые различия, но обе стороны понимают, что необходимо больше пересмотра, большей открытости, терпимости и взаимопонимания. Что касается Китая, мы всегда придаем большое значение Европе, поддерживаем европейскую интеграцию, с оптимизмом смотрим на перспективы развития Европы и готовы работать с Европой, чтобы придать больше стабильности и позитивной энергии в данную эпоху, когда часто встречается неопределенность).

Приведем другой пример, который тоже отражает атмосферу доверительности, терпимости. Министр иностранных дел Ван И встретился с журналистами после встречи с министром иностранных дел Франции в Пекине. Отвечая на вопрос о взглядах Китая о текущей ситуации на полуострове, министр Ван И подчеркнул, что «中国人常说“危”中有“机”。在半岛紧张加剧之际, 我们也注意到, 包括重启对话谈判在内的一些理性声音开始回归。这正是我们努力寻找和应该抓住的机会。中方已经提出了...思路以及作为启动对话第一步的倡议, 中方愿将此进一步细化, 适时提出可操作的具体方案。同时也愿以开放态度, 接受各方的有益建议» (Китайцы часто говорят, что в «кризисе» есть «возможность». По мере усиления напряженности на полуострове мы также заметили, что некоторые рациональные голоса, включая возобновление диалога и переговоров, начали возвращаться. Это именно та возможность, которую мы пытаемся найти и которой следует воспользоваться. Китайская сторона выдвинула идею ... и инициативу в качестве первого шага для начала диалога. Китай готов к дальнейшему совершенствованию данной

инициативы и в надлежащее время выдвигает практические планы. В то же время готов принять полезные предложения всех сторон с открытой позицией).

С одной стороны, министр Ван И умеет поддерживать позицию китайских интересов, с другой – обладает умением создавать обстановку доверительности, терпимости к другому коммуниканту.

Заключение

Лингвистические характеристики политического интервью министра иностранных дел КНР Ван И строго структурированы. Он умеет не только эффективно воздействовать на массовую аудиторию и на конкретного адресата в обстановке публичного выступления, но и способен ориентироваться на позицию коммуникантов, вызывает интерес к своей личности. Кроме того, министр Ван И знает, как можно создавать атмосферу доверительности, терпимости, толерантности к другому коммуниканту и имеет значительный запас фразеологизмов и метафор, которые придают образность и убедительность речи, а также вызывают ассоциации и эмоциональный отклик реципиента. С помощью использования разнообразных коммуникативных приемов министр достигает планируемого прагматического эффекта, оказывая влияние на общественное мнение.

Список литературы

- Алтунян А.Г.* Анализ политических текстов: учебное пособие / А.Г.Алтунян. Москва: Логос, 2014. – 384 с.
- Антонова А.В.* Речевое манипулирование: природа и нравственная сторона // Вестник челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 1. С. 174-183.
- Арутюнова Н.Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res Philologica. Москва, Ленинград: Наука, 1990. С. 77-88.
- Асташова О.* Речевой портрет политика как динамический феномен. Lambert Academic Publishing, 2015. 248 с.
- Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. Санкт-Петербург: Питер, 1997. 336 с.
- Гаврилова М.В.* Политическая коммуникация XX века. Санкт-Петербург: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. 92 с.
- Грачев М.Н.* Политическая коммуникация // Вестник РУДН. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 24-39.
- Гринберг Т.Э.* Политические технологии. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2018. 272 с.
- Гришаева Л.И., Катанова Е.Н., Кашкина О.В., Бойко М.А.* Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. 319 с.
- Добросклонская Т.Г.* Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика. Москва, 2012.
- Карасик В.И.* Языковые мосты понимания. Москва: Дискурс, 2019. 524 с.
- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. Москва, 1989. С. 3-8.

- Китанина Э.А.* Прагматика иноязычного слова в русском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар: Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, 2005. 40 с.
- ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Чудинов А.П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 53-59. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-12.htm>
- Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 176 с.
- Шапочкин Д.В.* Политический дискурс: когнитивный аспект. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 259 с.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

УДК: 81

Панасюгина Л.Е.¹⁾, Добрякова М.В.²⁾

Ретроспективный обзор некоторых подходов к идентификации и диагностике иноязычного говорящего (криминалистический аспект)

¹⁾ *Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел РФ, Россия, Москва, lada-ple@mail.ru;*

²⁾ *Российский университет транспорта (МИИТ), Россия, Москва, litnora@yandex.ru*

Аннотация. В статье на материале французского языка рассмотрены некоторые подходы к проблеме идентификации и диагностики иноязычного говорящего. Представлен фрагмент исследования сегментного уровня американского варианта английского языка на основе микроанализа гласных звуков, отмечена зависимость между вербальной спецификой эксперта и возможностью идентификации говорящего на иностранном языке.

Ключевые слова: иноязычный говорящий; идентификация; диагностика; интерактивная автоматизированная система; субъектно-ориентированное слуховое восприятие.

Panasyugina L.E.¹⁾, Dobryakova M.V.²⁾

A retrospective review of some approaches to foreign-language speaker identification and diagnostic (forensic aspect)

¹⁾ *Forensic Science Center, MI of Russia, Russia, Moscow, lada-ple@mail.ru;*

²⁾ *Russian University of Transport, Russia, Moscow, litnora@yandex.ru*

Abstract. The article deals with some approaches to identification and diagnostic of a foreign-language speaker. A fragment of an American English segment level research on the basis of microanalysis of vowel sounds is provided. Based on the findings of the research held with the French-language material, the correlation between an expert's verbal specifics and the possibility of a foreign-language speaker identification are presented.

Keywords: foreign-language speaker; identification; diagnostic; interactive automated system; subject-oriented auditory perception.

Глобализация, развитие интернет-технологий, интернационализация преступных сообществ актуализируют проблему идентификации говорящего по голосу и речи, более того, в свете новых реалий происходит ее переосмысление. Еще несколько десятилетий назад специфика экспертной деятельности при работе с иноязычным материалом являлась одним из приоритетных направлений речеведения и находилась в центре внимания Международной Ассоциации по судебной фонетике [Потапова 2001б; Панасюгина 2005]. Она остается таковой и в наши дни, приобретая особую значимость в связи с революционными изменениями в сфере коммуникационных технологий, Интернета и технических возможностей передачи информации. Новая реальность в жизни социумов стирает границы в общении и открывает широкие возможности для криминального мира, выводя преступность на новый, транснациональный уровень, что заставляет научные и экспертные сообщества объединять усилия для решения назревших задач в области идентификации иноязычного говорящего по голосу и речи, для усовершенствования имеющихся разработок и поиска новых путей решения проблемных вопросов в этой области.

Идентификация и диагностика говорящего по голосу и речи предусматривает профессиональную (экспертную) слуховую оценку речевого сигнала и его инструментальную обработку.

Для целей проведения слуховой идентификации говорящего на иностранном языке требуется решение таких задач, как:

- формирование электронной базы данных звучащего материала на исследуемом иностранном языке в виде отдельных высказываний, текстов, диалогов, полилогов;

- создание системы лингвистических правил функционирования звучащего материала;

- определение фонетической специфики интерференции речевых признаков на сегментном и супraseгментном уровнях для родного и неродного языков применительно к идентифицируемому говорящему и идентифицирующему субъекту [Потапова 2005].

Экспертные исследования в области судебной фоноскопии проводятся с использованием автоматизированных систем. Одной из таких систем является созданная в нашей стране интерактивная экспертная система идентификации говорящего по голосу и речи «Диалект» [Панасюгина 2005]. Все виды акустического анализа в системе выполняются программно-математическими методами, при лингвистическом анализе используется хранящийся в системе банк качественных описаний и звучащих эталонов особенностей устной русской речи [Идентификация лиц..., 1996; Потапова, 2001а]. Первые исследования в области решения задачи идентификации говорящего на иностранном языке подтвердили, что система «Диалект» может быть адаптирована к иноязычной речи, в частности, ее фонетическим особенностям [Панасюгина, 2005]. Первичное «обучение» системы на уровне микроанализа звуков было проведено на материале американского варианта английского языка, территориального диалекта Inland Northern [Потапова, 2000; Панасюгина, 2005]. Позже работа в этом направлении была продолжена в диссертационном исследовании Л.Е. Панасюгиной [Панасюгина, 2005] при проведении сопоставительного исследования фонетического строя диалектов американского варианта английского языка и русского языка. Был сформирован фрагмент фонетической базы данных с учетом соответствующей лингвистической модели на материале американских диалектов для последующего применения в автоматизированной системе идентификации лиц по фонограммам устной речи «Диалект». На основе диалектных реализаций устных текстов был проведен акустический микроанализ гласных звуков американского варианта английского языка для включения в фонетическую базу данных акустических характеристик сегментного уровня с целью «обучения» системы [Панасюгина, 2005].

Экспериментальный материал был озвучен носителями американского варианта английского языка. Звучащий материал представлял собой образцы неподготовленного чтения двух фонетически сбалансированных публицистических текстов, каждый длительностью чуть больше пяти минут [Панасюгина, 2005].

Для исследования было отобрано шесть гласных звуков в ударной позиции начала фразы, в комбинациях ГС, СГС: гласные переднего ряда [i] – верхнего подъема, [æ] – нижнего подъема; гласные заднего ряда [ɔ] – среднего подъема, [u] – верхнего подъема; гласные среднего ряда [ʌ] – среднего подъема, [ɜ] – среднего подъема. Сегментация звучащего материала проводилась с опорой на перцептивное восприятие, осциллограмму и спектрограмму сигнала [Панасюгина, 2005, с. 184].

При проведении микроанализа звуков были сделаны замеры формант F_1 , F_2 , F_3 в начале, середине и конце каждой реализации

конкретного гласного. В задачу исследования входило проследить основные тенденции влияния консонантного окружения на формантную структуру соседнего гласного [Там же].

В качестве примера приведем одну из реализаций [Там же, с. 185]:

Текст А:

1. Слово: *means*

Звук: [i]

Позиция во фразе: вторая от начала фразы

Число слогов в слове: 1

Структура слога: закрытый

Минимальный фонетический контекст –

предшествующий согласный: [m]

Характеристики согласного: билабиальный сонант

Последующий согласный: [n]

Характеристики согласного: альвеолярный сонант

Характеристики гласного: переднего ряда, верхнего подъема, напряженный, нелабиализованный.

Последующий отбор реализаций проводился по аналогичной схеме.

В результате исследования были сформированы сводные таблицы трех первых формант шести гласных звуков.

Ниже приведена таблица с данными по звуку [i], реализованному в слове *means*.

*Таблица 1. Микроанализ звука [i] (means)
(по: [Панасюгина, 2005, с. 233])*

	F1			F2			F3		
	нач	сер	кон	нач	сер	кон	нач	сер	кон
Текст А <i>means</i> /min/									
Диктор 1	440	425	440	2024	2112	2009	2538	2596	2640
Диктор 2	377	435	420	2480	2596	2582	2915	2959	3002
Диктор 3	304	333	275	2190	2306	2234	2727	2712	2640
Диктор 4	348	348	275	2030	2016	2001	2524	2596	2495
Диктор 5	290	290	275	2437	2480	2466	2973	2915	3147

В результате проведения акустического анализа всех отобранных для этой цели гласных звуков были отмечены определенные тенденции относительно влияния консонантного окружения на формантную картину этих гласных.

Проведенное исследование показало потенциальную возможность адаптации автоматизированной системы идентификации лиц по фонограммам устной речи «Диалект» к иноязычной речи с включением иноязычных акустических параметров в фонетическую базу данных системы. [Панасюгина, 2005].

Исследование субъектно ориентированного слухового восприятия

Решение задач диагностики и идентификации говорящего на иностранном языке не ограничивается только систематизацией лингвистического материала и его исследованием инструментальными методами с использованием интерактивных автоматизированных систем. Чрезвычайно актуальной проблемой, имеющей огромное значение для решения прикладной задачи идентификации говорящего по голосу и речи, является исследование субъектно-ориентированного слухового восприятия иноязычной для аудитора речи [Потапова, 2005]. Решению данной проблемы на материале французского языка было посвящено диссертационное исследование М.В. Добряковой [Добрякова, 2003], в котором исследовалась возможность установления зависимости между вербальными характеристиками эксперта и возможностью проведения идентификации говорящего на основе иноязычного для аудитора звучащего материала, результаты которого рассматривались в работах Р.К. Потаповой [Потапова, 2005], В.В. Потапова [Потапов, 2006], Э.Б. Яковлевой [Яковлева, 2003]. Для исследования зависимости между вербальной спецификой эксперта и возможностью идентификации иноязычного говорящего были проведены эксперименты. В первом экспериментальном исследовании в качестве материала использовались две фонограммы с записанными на них интервью, которые были взяты у разных людей одним и тем же корреспондентом Radio France [Добрякова, 2003; Яковлева, 2003]. На данном этапе исследования анализировались:

а) возможность установления дословного содержания дискурсов на французском языке исследователем, владеющим этим языком как иностранным;

б) возможность исследования индивидуальных особенностей голоса и речи каждого из участников дискурсов – носителей французского языка.

Проведенный эксперимент показал следующее:

1. При установлении дословного содержания звучащего дискурса остались нераспознанными не более 1-1,5% слов. Было установлено, что общее количество нераспознанных слов не превышает обычную величину (1-5%) для фонограмм русской речи достаточно высокого качества, с зафиксированными на них спонтанными диалогами [Добрякова, 2003, с. 112]. Это позволило сделать вывод о том, что некоторое незначительное количество нераспознанных слов не влияет на возможность исследования индивидуальных особенностей голоса и речи.

2. Несмотря на близость к произносительной норме, спонтанная речь обладает значительным числом особенностей, относящихся к междикторской вариативности, которые поддаются изучению и в случае, когда исследователь владеет языком, на котором говорят информанты, как иностранным.

В следующем экспериментальном исследовании было проведено сравнение некоторых черт литературной разговорной речи и кодифицированного литературного языка на материале фонограмм французской и русской речи [Добрякова, 2003; Потапова, Добрякова, 2004; Потапова, 2005; Потапова, Потапов, 2006]. Данный этап исследования предполагал решение вопроса, присутствуют ли в речи дикторов, участвующих в исследуемом дискурсе, такие особенности литературной разговорной речи по сравнению с кодифицированным литературным языком, как:

- а) паузы хезитации с разными заполнителями;
- б) использование в речи любимых слов и выражений;
- в) компрессия в общеупотребительных словах;
- г) наличие в речи различных грамматических несогласований и оговорок;
- д) наличие в синтаксисе так называемого «принципа нанизывания», характерного для литературной разговорной речи [Добрякова, 2003, с. 127].

Результаты экспериментального исследования показали, что в речи всех участников имеется ряд черт, характерных для литературной разговорной речи, и отличающих ее от кодифицированного литературного языка, причем эти черты одинаково присущи как русскому, так и французскому языкам. Некоторые особенности, свойственные разговорной речи, имеют значительную междикторскую вариативность и представляют лингвистическую группу индивидуализирующих признаков.

В более поздних исследованиях, которые проводились в период с 2011 года по 2016 год, были получены данные об универсальности этих признаков, присущих также английскому и немецкому языкам. Выявленная тенденция позволила предположить их возможную экстраполяцию на другие языки.

В данной работе был также проведен эксперимент, в котором участвовала группа аудиторов, не имеющих экспертного опыта и являющихся специалистами по французскому языку, и эксперты – специалисты в области идентификации говорящего по голосу и речи, владеющие иностранными языками, за исключением французского. Материалом для исследования послужили девять фонограмм с сопоставимыми по длительности фрагментами звучащего материала.

Аудиторы должны были прослушать предложенные фонограммы и дать орфографическую расшифровку дословного содержания каждой из них, а также представить подробный «речевой портрет» [Потапова, 2002] диктора на каждой из девяти фонограмм, в соответствии с разработанной инструкцией. Установить, имеются ли среди представленных фонограмм

такие, которые произнесены одним и тем же диктором и обосновать свой вывод. В задачу экспертов входило только определить, имеются ли среди девяти фонограмм такие, которые произнесены одним и тем же диктором [Добрякова, 2003, с. 138].

В результате проведенного эксперимента было выявлено, что полнота и точность установления дословного содержания на представленных фонограммах и описание аудиторами «портрета говорящего» находятся в прямой зависимости от образовательного уровня аудитора [Добрякова, 2003; Потапова, Добрякова, 2004; Потапова, 2005]. Оценка пола говорящего на представленном экспериментальном материале затруднений у аудиторов не вызвала, однако оценить верно возраст дикторов, их образовательный уровень и социальное положение оказалось более сложной задачей, с которой аудиторы не справились [Добрякова, 2003; Потапова, Добрякова, 2004; Потапова, 2005]. Эмоциональная окраска речи распознавалась аудиторами с достаточной точностью. Однако речь одного и того же диктора в разном эмоциональном состоянии приводила к ошибкам в его опознавании [Добрякова, 2003; Потапова, Добрякова, 2004; Потапова, 2005]. При представлении тех же экспериментальных фонограмм экспертам со стажем работы в области криминалистической идентификации говорящего по голосу и речи, все фонограммы (на одних речь принадлежала разным лицам, на других – одному лицу) были определены с высокой степенью точности [Добрякова, 2003; Потапова, Добрякова, 2004; Потапов, 2006]. Также проведенный эксперимент показал, что владение иностранными языками (английский и немецкий) и опыт экспертной работы позволили аудитору-эксперту правильно установить все случаи тождества и различия говорящих на представленном экспериментальном материале, несмотря на отсутствие владения данным аудитором французским языком [Добрякова, 2003; Потапова, Добрякова, 2004; Потапов, 2006].

Проведенная работа показала принципиальную возможность решения идентификационной задачи на иноязычном речевом материале. Было установлено, что задача идентификации говорящего на незнакомом для эксперта языке приобретает высокую степень объективности и научную обоснованность при совместной работе специалиста в области исследуемого языка и эксперта – специалиста в области криминалистической идентификации говорящего по голосу и речи [Добрякова, 2003, с. 145, 146].

Рассмотренные работы с представленными в них подходами к решению диагностических и идентификационных задач по распознаванию иноязычного говорящего: от создания многоязычной автоматизированной системы идентификации личности, к исследованию субъектно-

ориентированного слухового восприятия иноязычной речи, проводились на перспективу и не потеряли своей актуальности в настоящее время, поскольку и сегодня верен постулат о том, что «задача отождествления и атрибуции адресанта по признакам иноязычной устной речи является одной из приоритетных задач прикладного речеведения, требующей дальнейших изысканий с опорой на концептуальную базу фундаментальной науки о языке и речи» [Потапова, 2005, с. 46].

Список литературы

- Добрякова М.В.* Зависимость между вербальной спецификой эксперта и надежностью идентификации иноязычного говорящего: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 197 с.
- Идентификация лиц по фонограммам русской речи на автоматизированной системе «Диалект»: Пособие для экспертов / Попов Н.Ф., Линьков А.Н., Кураченкова Н.Б., Байчаров Н.В. / Под ред. А.В. Фесенко. Москва, 1996. 102 с.
- Панасюгина Л.Е.* Контрастивное исследование фонетических баз данных (применительно к русскому языку и американскому варианту английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 266 с.
- Потапов В.В.* Прикладные аспекты современной фонетики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2006. № 3. С. 147-152.
- Потапова Р.К.* Автоматизированная система идентификации говорящего по голосу и речи «Диалект» и ее адаптация к иноязычной речи // Материалы конференции Международной организации по судебной фонетике. Рим, 2000. С. 218-225.
- Потапова Р.К.* Материалы конференции Международной Ассоциации по судебной фонетике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2001а. № 1. С. 101-110.
- Потапова Р.К.* Реконструкция «портрета» говорящего по его фонетическим характеристикам // Языкознание в теории и эксперименте. Москва: Пробел, 2002. С. 435-461.
- Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. 2-е изд., доп. Москва: УРСС, 2001б. 568 с.
- Потапова Р.К.* Субъектно-ориентированное восприятие иноязычной речи // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 46-64.
- Потапова Р.К., Добрякова М.В.* Опыт перцептивно-слухового анализа иноязычной звучащей речи (применительно к задачам криминалистической экспертизы) // Материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. Москва: МГУ, 2004. С. 557-558.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. Москва: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
- Яковлева Э.Б.* Акустика речи и прикладная лингвистика // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2003. № 2. С. 81-93.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК:81'42

Исупова М.М.

Влияние национально-культурных факторов на когнитивные модели деловых писем

*Дипломатическая академия МИД,
России, Россия, Москва, marinaisupova@ya.ru*

Аннотация. В процессе деловой коммуникации между представителями различных стран осуществляется не только вербализация речевых стандартов разных лингвокультур и социокультурных стандартов разных стран, но и попытки адаптации своего делового текста к нормам деловых текстов коммуникантов. На примере делового письма-отказа автор сравнивает речевые ситуации, вызывающие необходимость данного вида делового письма, анализирует композицию, лексико-грамматические структуры, используемые при написании писем, и приходит к выводу, что в русском деловом письме-отказе прослеживается влияние англоязычной когнитивной модели делового письма.

Ключевые слова: речевая ситуация; деловая коммуникация; когнитивная модель; культурные стереотипы; культурно-языковая компетенция; эффективность общения.

Isupova M.M.

National and cultural factors as influencing cognitive models in business letters

*Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry,
Russia, Moscow, marinaisupova@ya.ru*

Abstract. The paper emphasizes that speech behavior is nation-specific. In business communication between people representing different countries speech standards of different languages and social and cultural standards of different countries. At the same time attempts are made to adapt their business text to the norms of business texts of the communicants. By analyzing a business refusing letter the author compares communicative situations that make this type of business letter relevant, looks at the composition, vocabulary and grammatical structures used in letters. The author concludes that along with a business refusing letter pattern which is characteristic of the Russian language, there is a visible influence of the English cognitive model of this type of business letter.

Keywords: speech situation, business communication, cognitive model, cultural stereotypes, cultural and linguistic competence, communication efficiency.

Национально-культурные факторы оказывают постоянное воздействие на организацию дискурса, поэтому описание коммуникативно релевантных компонентов дискурса должно преследовать цели выявления как их универсальных, так и идиоэтнических свойств.

Исследователи изучают проблему взаимоотношений дискурса и культуры в различных аспектах. При этом, как указывают многие ученые, с точки зрения языковой личности релевантными оказываются следующие положения: 1) коммуникация основывается на коммуникативной компетенции, включающей знания фактов, идей и ассоциаций общих для членов данного языкового сообщества; 2) коммуникативная компетенция состоит из рациональной и эмоциональной частей и выражается как вербально, так и невербально; 3) коммуникативная компетенция никогда эксплицитно не выражается в коммуникативных сообщениях; 4) непонимание, возникающее вследствие культурных несоответствий, может быть в некоторой степени компенсировано с помощью комментариев к культурным лакунам в тексте; 5) существуют первичные и вторичные культурно релевантные черты, отражаемые в дискурсе, эти черты имеют этническое и социальное измерения; 6) люди, говорящие на некотором языке, находятся под влиянием культурной модели этого языка.

Прагмалингвистическая модель дискурса основывается на понятии коммуникативной деятельности, которая осуществляется конкретными людьми в конкретных обстоятельствах и ситуациях. Любой человек существует в рамках определенной культуры, которая и составляет его бытие, поэтому программы речевого поведения производны от программ социального поведения, которые представлены образцами, предписаниями, знаниями, навыками, идеалами, ценностями и нормами деятельности, действующими в рамках данной культуры. Поэтому многие лингвисты акцентируют, что при составлении деловых писем необходимо учитывать национально-культурный компонент. Существует ряд работ, посвященных как частным проблемам изучения национально-культурных особенностей речевого поведения, так и работы общетеоретического характера. Утверждается, что речевое поведение сугубо национально по своей природе. Так, И.И. Токарева и О.А. Лещенко считают, что национальной спецификой характеризуются не только отдельные приемы, но и текстообразующие категории, и способы «переключения хода» при измерении отношений коммуникантов, и социальный символизм в речи, и ориентировка на этические ограничения [Токарева, Лещенко, 1987, с. 41].

Все эти параметры важны для достижения адекватности коммуникации. В разных языках существуют свои нормы поведения в каждой конкретной ситуации общения, свои «закономерные ожидания», причем для деловой коммуникации важен и речевой стандарт – несовпадение средств выражения эквивалентных значений и ситуаций, и социокультурный стандарт – несовпадение компонентов самих ситуаций, обусловленное социокультурными различиями в национальных коллективах. В процессе деловой коммуникации между представителями различных стран (что можно считать частным случаем межкультурной коммуникации) осуществляется не только вербализованная реализация речевых стандартов разных языков и социокультурных стандартов разных стран, но и осуществляются попытки адаптации своего текста к нормам текстов того же функционального стиля и «жанровой» принадлежности. Даже в практических пособиях по деловой коммуникации рекомендуется адаптировать свое речевое поведение к речевому поведению партнера. Так, в книге «Getting to Yes» рекомендуется: «В любых переговорах желательно чутко относиться к ценностям, представлениям, интересам, нормам поведения и настроению тех, с кем вы ведете дело» [Fisher, Ury, 2011, p. 166-167]. На практике же отступления от устоявшихся в англоговорящем мире шаблонов оформления деловых документов на всех уровнях (орфографическом, структурном, лексико-грамматическом, прагматическом) не приветствуются англоязычными коммуникантами, а попытки адаптироваться к нормам и традициям других культур со стороны англоговорящих коммуникантов отсутствуют. Р. Лесикар и Дж. Петит утверждают: «Культурные различия являются основным источником проблем, когда люди разных культур пытаются общаться. К сожалению, люди считают свою культуру нормой, а другие культуры неправильными, странными» [Lesikar, Petit, 2007, p. 546].

Следует отметить, что в современном мире при стабильной ориентации коммерческой корреспонденции неанглоязычных стран на устоявшиеся англоязычные образцы коммуниканты, для которых англоязычная культура не является родной, *объективно приносят в текст присущие их собственным культурам особенности*, которые отражаются на всех уровнях текста и в структурной организации текста, что не может не оказывать влияния на эффективность делового общения. Поэтому, рассматривая структурную организацию письма, обусловленную особенностями реализации когнитивного компонента разными коммуникантами, мы обращаемся к теории скриптов, которые являются схематической типизацией тех или иных стереотипов поведения или целенаправленных процедур. О.Л. Каменская отмечает, что совокупность скриптов представляет собой механизм, обеспечивающий использование прошлого опыта индивида в процессе коммуникации [Каменская, 1990,

с. 135]. Она же подчеркивает особую роль совокупности скриптов для понимания и построения текста. Принципиально важно то, что непонимание текста или его неадекватное понимание предполагает, что коммуниканты имеют разные совокупности скриптов, реализующие разные личностные экспликации данных об определенных фрагментах действительности. Именно совокупности скриптов формируют конкретную структуру текста.

С помощью деловых писем, как правило, осуществляется не столько межличностное, сколько межгрупповое общение, так как в большом количестве случаев деловая корреспонденция либо играет контактоустанавливающую роль, либо партнеры по коммуникации не столько представляют себя как общающиеся стороны, сколько свои организации как коллективный субъект общения. В случае международного делового общения коммуникантами реализуются определенные социальные и культурные стереотипы, присущие той культуре, носителями которой они являются.

Эффективность общения прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами, для достижения которого необходима некая совокупность инвариантных знаний, общих для всех коммуникантов.

В зависимости от уровня культурно-языковой компетенции и «включенности» в чужое культурно-языковое пространство, мышление будет распадаться на единицы в соответствии с правилами родного или чужого языка. Если даже говорящий умеет думать на чужом языке, это не означает, что он способен членить мир как носитель этого языка, т.е. происходит перекодирование сообщения с одного языка на другой, обусловленного внутренней социоментальной картиной мира.

В деловом письме когнитивное реализуется в двух планах: в плане наличия универсальных познавательных стратегий, стереотипно представляемых в языке, и в плане конвенциональных вербальных способов воздействия на адресата, также репрезентирующих определенные познавательные схемы.

Культурно-языковая компетенция личности вместе с языковой способностью являются базой межкультурной коммуникации, которая предполагает наличие у личности комплекса умений, позволяющих адекватно оценить коммуникативную ситуацию, соотнести интенции с имеющимся в мышлении индивида вербальными и невербальными средствами, реализовать коммуникативное намерение и верифицировать результаты коммуникативного акта реакцией адресата.

Культурно-языковая компетенция предусматривает верную «расшифровку» пресуппозиций, фоновых знаний, значений и форм данного языка и т.д. и отвечает за правильный отбор и компоновку

языковых средств, адекватных ситуации общения. Языковая способность активизирует механизмы психофизиологические и психические, стабильные когнитивные приемы и стратегии, необходимые для обеспечения эффективного процесса общения.

В речевой ситуации, обуславливающей необходимость **письма-отказа**, участвуют следующие компоненты: адресант, адресат и объем информации, которой владеет адресант/адресат и которую адресат / адресант отказывается принимать/передавать. Оформляется такая ситуация в особом виде делового документа – письме-отказе. Под объемом информации понимается любая коммерческая информация относительно товара и его реализации/приобретения.

Например, в ответ на коммерческое предложение фирмы «FARO», специализирующейся на производстве детских игрушек, фирма «М-Дюна», занимающаяся продажей детских товаров на российском рынке, направляет следующее письмо:

Письмо 1:   *Dear Ann,*
Thank you for the letter of 30 May.

I am sorry to tell you that as there is no market for articles of this type in the higher price ranges nowadays, our general director decided to postpone placing orders with FARO till new year.

Hope for future cooperation.
Best regards, ...

Фармацевтическая компания «ALSI-PHARMA», производящая и распространяющая лекарственные препараты, в ответ на письмо-заказ польской фирмы «Medicine-XXI» направляет письмо следующего содержания:

Письмо 2:   *Dear Sirs,*

We are very sorry indeed to have to inform you that as our factory is at present fully occupied with contract orders, we feel we must return your order with our apologies and thanks.

As soon as we are in a position to execute your order we will get in touch with you.

We look forward to doing business with you.
Yours faithfully, ...

Фирма «Aluminium Alloy», производящая алюминиевое оборудование и детали, в ответ на запрос фирмы «Металл-К» предлагает следующее письмо:

Письмо 3:   *Dear Sirs,*

We thank you very much for your order of 1. December.

We are sorry to inform you that regarding item no.6 of your order we do not manufacture this in aluminium.

Do let us have other enquiries at any time, and we assure you that they will be given prompt attention.

We look forward to hearing from you again.

Yours faithfully ...

Речевая ситуация, обусловленная наличием официального *письма-отказа*, осложняется значимыми компонентами коммерческой деятельности: адресант – потенциальный покупатель (фирма «М-Дюна» в Письме 1); продавец (фирма «ALSI-PHARMA» в Письме 2); фирма «Aluminium Alloy» в письме 3); адресат – владелец товара (фирма «FARO» в Письме 1); потенциальный покупатель (фирма «Medicine-XXI» – в Письме 2, фирма «Металл-К» – в Письме 3) и объем информации, имеющей коммерческий характер, которую отказывается предлагать (в Письмах 2, 3) / принимать (в Письме 1) адресат / адресант.

В результате анализа текстового материала выявлены типичные, устойчивые отношения между компонентами, что позволяет представить структуру когнитивной схемы «Отказ»:

где A_n – адресант, A_t – адресат, $O_{n=0}$ – объем предлагаемой / получаемой информации, равный нулю.

Рис.1 Схема коммуникативного процесса, репрезентированного в письме-отказе

Необходимо отметить, что, с одной стороны, объем предлагаемой / получаемой адресантом / адресатом информации равен нулю, так как отсутствует интерес в сотрудничестве в момент речевой ситуации, с другой стороны, адресант / адресат заинтересован в возможности будущего сотрудничества. Это проявляется в особых требованиях, предъявляемых письму-отказу: отказываясь от сотрудничества в данный момент, оно должно эксплицировать заинтересованность в будущем деловом сотрудничестве. Отказ должен быть изложен вежливо и однозначно, что отражается в высокой степени стандартизации языковых средств.

Стандартизованность текста находит выражение как в языковых средствах в письмах 1, 2 и 3, так и в их композиции: 1 абзац – повод написания; 2 абзац – сообщение о невозможности выполнить заявку или просьбу; 3 абзац – выражение надежды на будущее сотрудничество и заключительная вежливая фраза.

Такая композиция письма-отказа более частотна, что дает основание считать ее типичной.

Цель письма-отказа раскрывается во втором абзаце. Лексически она выражается в стандартной ключевой фразе *I/We am/are sorry to tell/inform you* (С сожалением сообщаю/сообщаем) и словах *to return* (возвращать), *to*

postpone (откладывать), которые и выявляют специфику информации письма-отказа. Стандартной грамматической структурой, характерной для письма-отказа, является употребление придаточного предложения причины с союзом *as* (так как). Необходимо также отметить имплицитные способы передачи заинтересованности адресанта в дальнейшем сотрудничестве: *our factory is at present fully occupied* (наша фабрика полностью загружена *в настоящий момент*), т.е. в будущем адресант будет рад выполнить заказ адресата (Письмо 2). *Do let us have other enquiries* – эмфатическое *do* перед глаголом усиливает просьбу обращаться с запросами в дальнейшем (Письмо 3).

Что касается третьего абзаца, он наименее стандартен в отношении выбора лексических и грамматических средств, что объясняется *не* конкретной заинтересованностью в *будущем* сотрудничестве, надеждой на такое сотрудничество, но неуверенностью в нем.

Модификаций когнитивной структуры «Отказ» в анализируемом материале не обнаружено, что свидетельствует о ее стабильности.

Речевая ситуация, вызывающая необходимость *письма-отказа* одинакова для англоязычной и для русской коммерческой переписки. Текстовый анализ русских писем-отказов позволяет разделить письма по эксплицитно выраженному признаку *заинтересованности/незаинтересованности* адресанта в дальнейшем сотрудничестве с адресатом на два типа. Первый тип представлен следующими письмами:

Фирма «Биосинтез», производящая субстанции для производства фармацевтической продукции, направляет фармацевтической компании «Алси Фарма» письмо-отказ.

Письмо 4: (Обращения нет)

На Ваш запрос сообщаем, что возможности поставить субстанцию нистатина – нет.

Заместитель директора ....

Фирма «Сырдел» направляет фирме «Атлантик» письмо-отказ:

Письмо 5: *Уважаемые господа!*

К сожалению, мы вынуждены сообщить, что не можем выполнить Ваш заказ от 14.11.01, т.к. наша фирма переориентирована на другой вид деятельности.

С уважением .....

Фирма «Бридж-Стоун», занимающаяся торговлей стройматериалами, направляет фирме «Спецстрой-МВ» следующее письмо-отказ:

Письмо 6: *В ответ на Ваше письмо от 20.05.02г. с сожалением сообщаем, что запрашиваемый Вами товар на складе отсутствует и новых поступлений до конца года не ожидается.*

С уважением ....

В момент речевой ситуации объем предлагаемой/получаемой адресантом/адресатом информации равен нулю и заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве не выражена ни эксплицитно, ни имплицитно. Отказ изложен однозначно, что отражается как в стандартной композиции, так и в высокой степени стандартизации языковых средств.

Композиционно письма-отказы первого типа состоят из одного абзаца, передающего повод написания и сообщение о невозможности выполнить заказ или просьбу. Завершается абзац стандартной вежливой фразой.

Цель письма-отказа представлена в следующих ключевых словах и фразах: *нет* (Письмо 4), *к сожалению, вынуждены, не можем* (Письмо 5), *с сожалением, отсутствует, не ожидается* (Письмо 6), которые образуют информативность письма-отказа.

Стандартной грамматической конструкцией писем-отказов первого типа является безличное предложение: *возможности нет* (Письмо 4), *новых поступлений не ожидается* (Письмо 6) или страдательный залог сказуемого: *фирма переориентирована* (Письмо 5). Такие конструкции, с одной стороны, вносят официальность в тон повествования, а с другой стороны, подчеркивают вынужденность отрицательного ответа, что должно смягчить отказ.

Ко второму типу писем-отказов можно отнести следующие письма:

Фирма «РОССЕР», производящая строительные материалы, отказывает фирме «Спецстрой-МВ» в снижении цены следующим образом:

Письмо 7: Уважаемый господин М.!

В ответ на Ваше письмо от 23.01.01 сообщаем, что мы, к сожалению, не можем снизить цену на Ваш заказ на 10%. 6% - это максимальная скидка, которую мы могли бы Вам предложить на сегодняшний день.

Надеемся, что Вы согласитесь с нашим предложением. С нетерпением ждем Вашего ответа.

С уважением....

Авторемонтная фирма «Парадиз» направляет фирме-поставщику «Антонов и К» следующее письмо:

Письмо 8: Уважаемые господа!

Благодарим за Ваше предложение от 10.03.2000 на поставку окрасочно-сушильной камеры "GELIOS" и сообщаем, что мы не заинтересованы в закупке вышеуказанного товара в настоящий момент.

Мы были бы рады, если бы Вы и в дальнейшем знакомили нас с Вашими новинками.

С уважением .....

Производственная компания «Станкорос» направляет фирме «Дельта» следующее письмо:

Письмо 9: *Уважаемый господин Н.!*

В ответ на Ваш запрос с сожалением сообщаем, что в настоящее время модель станка С117 снята с производства. Вместо нее мы выпускаем модель СА-227, которая значительно лучше старой модели по всем показателям.

Направляем Вам технические характеристики этой модели и каталог нашей продукции и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

С уважением .....

Композиционно эти письма состоят из двух абзацев. Первый абзац, аналогично структуре писем первого типа, содержит *повод* написания и сообщает о *невозможности выполнить* заказ или просьбу.

Но во втором абзаце адресант обязательно выражает заинтересованность в дальнейшем деловом сотрудничестве.

Цель письма-отказа второго типа, как и в письмах первого типа, раскрывается в следующих стандартных ключевых словах и фразах: *к сожалению, не можем* (Письмо 7), *не заинтересованы* (Письмо 8), *с сожалением сообщаем* (Письмо 9). Характерным для обоих типов является употребление глаголов с отрицательной частицей *не* и клишированной фразы *к сожалению/с сожалением*.

Отличие писем второго типа обнаруживается не только на композиционном уровне, но и на лексико-грамматическом, что определяется заинтересованностью адресанта в возможном сотрудничестве. Эксплицируется заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве словом *надеяться*: *надеемся, что Вы согласитесь* (Письмо 7), *надеемся на дальнейшее сотрудничество* (Письмо 9).

Кроме того, письмо-отказ акцентирует невозможность сотрудничества с адресатом только в данный момент, но обязательно подчеркивает заинтересованность адресанта в будущем сотрудничестве: *могли бы предложить на сегодняшний день* (Письмо 7), *в настоящий момент не заинтересованы* (Письмо 8), *Вы и в дальнейшем знакомили нас* (Письмо 8) (т.е. в будущем возможность большей скидки или приобретения товара сохраняется).

В письмах второго типа необходимо отметить отсутствие безличных предложений и сокращение числа пассивных конструкций: в трех письмах встречается только одна пассивная конструкция – *модель снята с производства* (Письмо 9), что подчеркивает *вынужденность* отказа и вместе с тем говорит о стремлении адресанта к *смягчению* отказа. Отсутствие безличных предложений и минимальное количество пассивных конструкций, кроме того, приводят к снижению официальности (категоричности) тона повествования. Это достигается

также употреблением глаголов в сослагательном наклонении: *могли бы предложить* (Письмо 7), *были бы рады* (Письмо 8), *если бы вы ... знакомили* (Письмо 8). Следует отметить, что для русского официально-делового стиля не характерно употребление сослагательного наклонения. Появление таких конструкций в русском письме позволяет предположить влияние английского делового языка. Об этом влиянии говорит также типичная для английского делового письма концовка: *С нетерпением ждем ответа* (Письмо 7) – *We are looking forward to your reply (hearing from you / your letter)*.

Анализ англоязычных и русских писем-отказов позволяет сделать вывод о том, что в русских коммерческих письмах данного вида встречаются письма двух типов:

- письмо-отказ первого типа передает цель письма в традиционном русском официально-деловом стиле с соблюдением традиционных норм письма: официальность, безэмоциональность, лаконичность;
- письмо-отказ второго типа передает цель письма менее официально (категорично), что указывает на влияние устойчивых структур английского делового письма данного вида, а именно: 1) слов и фраз, имплицитно передающих заинтересованность адресанта в дальнейшем сотрудничестве; 2) глаголов в сослагательном наклонении; 3) дополнительного абзаца, эксплицитно передающего заинтересованность адресанта в сотрудничестве; 4) этикетных форм вежливости.

Вместе с тем стремление к снижению официальности приводит к развитию собственных способов достижения этой цели в русских письмах-отказах, например, к сокращению числа пассивных конструкций и безличных предложений.

Произведенный анализ позволяет говорить о том, что в современной русской деловой речи прослеживается влияние делового английского языка. Так, это проявляется в дополнении когнитивной структуры русского письма-отказа, устойчивым информационным компонентом которой является *только* отказ от предоставления информации, когнитивной структурой, характерной для англоязычных писем-отказов, передающей *заинтересованность* адресанта в *дальнейшем сотрудничестве* с адресатом.

В структуре коммерческих писем вербально закрепляются национально специфические компоненты поведения, социально значимые нормы. В процессе деловой коммуникации между представителями различных этносов осуществляется не только вербализованная реализация речевых стандартов разных языков и социокультурных стандартов разных этносов, но и осуществляются попытки адаптации своего текста к нормам текстов того же функционального стиля и жанра другого этноса.

Список литературы

- Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высш. школа, 1990. 152 с.
- Токарева И.И., Лещенко О.А. К основаниям контрастивной прагмалингвистики (уровень высказывания) // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Краснодар, 1987. с. 33-42.
- Fisher R., Ury W. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. 3rd ed. N.Y.: Penguin Books, 2011. 200 p.
- Lesikar R.V., Petit J.D. Business Communication. London (7th ed.) Homewood; Richard D. Irwin, 2007. 761 p.

УДК: 81'25(063)

Коннова М.Н.

Индивидуально-авторский темпоральный опыт и особенности его отражения в процессе перевода (на материале поэтических текстов)

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, Калининград, mkonnova@kantiana.ru*

Аннотация. Анализируются образные языковые средства актуализации внутреннего темпорального опыта в стихотворении Б.Л. Пастернака «Когда разгуляется», выявляются особенности интерпретации темпоральных смыслов в англоязычном переводе Л.Л. Пастернак-Слейтер («When it clears up»). Доказывается, что посредством авторских метафор, окказиональных метонимических ассоциаций, контекстуально переосмысленных фразеологических оборотов поэт передает мысль о теснейшей сопряженности времени и вечности. Делается вывод, что при переводе хромотопическая структура стихотворения подвергается трансформациям, которые приводят к неполному отражению символических смыслов оригинального текста.

Ключевые слова: темпоральный опыт; время; вечность; межкультурная коммуникация; художественный перевод; Б.Л. Пастернак.

Konnova M.N.

Individual temporal experience and its linguistic representation in original and translated poetry

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Russia, Kaliningrad, mkonnova@kantiana.ru*

Abstract. The paper focuses on figurative language means that actualize the author's inner temporal experience in Boris Pasternak's 1956 poem «Kogda razguliayetsya» and analyzes certain aspects of its cross-cultural interpretation in the English translation by Lydia Pasternak-Slater («When it Clears up»). It is held that making extensive use of vivid original

metaphors, occasional metonymic associations, contextually re-conceptualized idiomatic expressions Boris Pasternak conveys the idea of a deep implicit convergence of time and eternity in Orthodox Easter. It is shown that conceptual and linguistic shifts in the translation result in the poem's complex temporal structure being distorted and its inherent symbolism only partially reflected in the English text.

Keywords: temporal experience; time; eternity; cross-cultural communication; literary translation; Boris Pasternak.

Введение

Темпоральный опыт пронизывает все виды взаимодействия человека с миром. Во временных координатах воспринимается все сущее, все доступное человеческому уму и истолкованию; все, презентуемое сознанию и репрезентируемое в нем, имеет некие темпоральные характеристики [Кубрякова, 1997, с. 5]. Многообразие темпорального опыта находит свое отражение как на уровне языка – в системе языковых единиц и вербально-ориентированных категорий, так и на уровне речи, в дискурсе, где отдельные средства репрезентации временных смыслов функционируют как единое и нераздельное целое.

Временное начало имеет всепроникающий характер в литературно-художественном дискурсе, где оно являет собой и объект, и субъект, и средство изображения [Лихачев, 1997, с. 5]. Время в художественном произведении «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым» [Бахтин, 2000, с. 10], концентрированно выражая различные темпоральные реальности: историческое время, время человеческой жизни, представления о вечности [Горин, 2003, с. 29]. В этом авторском видении сложным образом переплетается индивидуальный и национальный темпоральный опыт, личностное и сверхличностное, новаторское и традиционное.

Индивидуально-авторские особенности темпорального опыта, отражающиеся в художественных текстах, с особой отчетливостью проявляются в процессе межкультурной коммуникации. Культура многомерна, и ее актуализации в значительной мере способствует взаимодействие с другими культурно-историческими системами [Фурманова, 2009, с. 6]. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом» [Бахтин, 1986, с. 354].

Среди различных форм межкультурной коммуникации особое место занимает художественный перевод, выполняющий «функцию трансмиссии сведений об одной культуре в литературно-культурную сферу жизни другого этноса» [Художественный перевод..., 2016, с. 199]. Каждый перевод художественного текста – «это всегда попытка одной

культуры освоить другую национальную культуру, перевести ее на язык своего времени, руководствуясь потребностями современного перевода ... общества» [Оболенская, 2013, с. 248].

Перевод вводит текст оригинала в другую культурную систему, для которой характерны иные «оси координат». Литературное произведение и его перевод находятся в отношении диалектического единства, основанного на взаимовлиянии двух языковых и художественных систем и двух авторских концепций действительности [Там же, с. 7, 16]. Форма и содержание словесного сообщения, создаваемого на иностранном языке в процессе перевода, несут на себе отпечаток картины мира, сформировавшейся у переводчика в родной культуре [Макарова, 2005, с. 12].

Понимание литературного произведения, неотделимое от самопонимания реципиента, происходит через «сплавление горизонтов» интерпретируемого (текста) и интерпретатора [Молчанов, 2007, с. 66]. Глубина проникновения переводчика в содержание художественного текста зависит от его культурного, исторического, жизненного опыта, его знания возможных кодов и его общекультурной (межтекстовой) компетентности [Арнольд, 1993, с. 7]. Интерпретация оригинала, всегда предшествующая переводу, осложняется многослойностью вербально-художественной информации, и в коммуникации с использованием художественного перевода «присутствует гораздо больший риск псевдоидентификаций по сравнению с коммуникацией в рамках автохтонной культуры» [Макарова, 2005, с. 12].

Сложность интерпретации художественного произведения, осуществляемой в процессе перевода, обуславливается, в частности, тем, что текст представляет собой «диалог автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой. Он несет на себе следы этого диалога в виде аллюзий, цитат, реминисценций. <...> При отсутствии узнавания “другого голоса” текст оказывается непонятым или понятым только поверхностно» [Арнольд, 1993, с. 8]. Еще одна трудность реконструкции содержания переводимого текста возникает вследствие ориентации переводчика на некоего «среднего» читателя, нередко незнакомого с данной инокультурной традицией.

Осуществляя перевод художественного произведения, переводчик воспроизводит чужой темпоральный опыт, эксплицированный в тексте в сложной системе взаимодополняющих образов. Основанием для адекватного понимания концептуального содержания, воплощенного в художественном тексте, является наличие у автора и переводчика тождественного или подобного опыта.

Методика исследования

Целью настоящей статьи выступает исследование особенностей актуализации внутреннего темпорального опыта в художественном тексте и рассмотрение специфики интерпретации темпоральных смыслов в процессе перевода. Анализ проводится на материале стихотворения Б.Л. Пастернака «Когда разгуляется» (1956) и его англоязычного перевода Л.Л. Пастернак-Слейтер («When it clears up») [Friends, Partners, 2013].

Результаты исследования

Анализируемое стихотворение дало название последней, итоговой поэтической книге Б. Л. Пастернака, густо пронизанной темпоральностью (ср. [Жолковский, 2011, с. 152]). Время в них «предельно насыщено – это и яркий образ, и ведущая тема, и особая мера смысла целого» [Данилина, 2010, с. 290].

Заглавие стихотворения «Когда разгуляется» представляет собой «свободное придаточное времени / условия» и, «будучи открытым формально и семантически, размыкается в будущее» [Малеваная, 2009, с. 71]. Энергоцентричный характер возвратной глагольной формы разгуляется, оттеняющей неконтролируемость, спонтанность действия [Петрухина, 2007, с. 87-90], указывает на непостижимость, над-мирность грядущего. Ценностное наполнение глагола разгуляться в идиостиле поэта раскрывается в сопоставлении с предельно высоким контекстом употребления синонимичного глагола распогодиться в заключительной строфе стихотворения «На Страстной» (1946 год, цикл «Стихотворения Юрия Живаго»): «Но в полночь смолкнут тварь и плоть, // Заслышав слух весенний, // Что только-только распогодь – // Смерть можно будет побороть // Усильем воскресенья».

По мысли А.Д. Синявского, «Воскресение Христово <...> присутствует в стихах как высшая тема Пастернака, хотя она <...> и не реализована полностью в образах и словах» [Boris Pasternak..., 1979, с. 426]. Проследим, как постепенно раскрывается эта «высшая тема» в стихотворении «Когда разгуляется».

В содержательной ткани начальной строфы прикровенно звучит мотив ожидания: «Большое озеро как блюдо // За ним – скопление облаков, // Нагроможденных белой грудой // Суровых горных ледников». Непредикативный характер строфы оттеняет неопределенность времени. Сравнение *большое озеро как блюдо* привносит ассоциации с неподвижной плоскостью замкнутого пространства, покрытого снегом; синонимичные метафоры *скопление облаков, нагроможденных грудой* указывают на отсутствие солнца и широкой перспективы. Замена при переводе цветового определения *белый* («...*белых* облаков») прилагательным световой семантики *dazzling* («ослепительный») вводит не свойственный оригиналу мотив яркого света.

Во второй строфе мотив ожидания усиливается: «По мере смены освещенья // И лес меняет колорит. // То весь горит, то черной тенью // Насевшей копоты покрыт». Однородные личные формы настоящего времени *меняет*, *горит* подчеркивают стремительность перемен в природе, связанных с появлением солнечного света (*освещенья*) и рождаемого им цвета (*колорит*). Оксюморонное соположение контрастных метафор «лес ... горит», «черной тенью насевшей копоты покрыт» вводит мотив «весны черной», который в идиолекте поэта соотносится с образом Великого поста. Впервые возникший в стихотворении 1912 года «Февраль! Достать чернил и плакать», этот образ впоследствии актуализируется неоднократно. Ср.: «Февраль. Достать чернил и плакать! // Писать о феврале навзрыд, // Пока грохочущая слякоть // Весною черною горит» («Февраль...»), «Весна! <...> Чернеющие улицы, – / Им, ветреницам, холодно. / По ним плывут, как спички, / Сгорая и захлебываясь, / Сады и электрички <...> / По городу гуляет грех / И ходят слезы падших» («Весна», 1914 год) (подробнее см. [Грешных, Коннова, 2012]).

В английском варианте замена метафоры *меняет колорит* генерализацией *never stays the same* (букв. «никогда не остается прежним») и опущение хроматического определения «черной [тенью]» приводит к утрате цветовой символики. Ключевым становится контраст темноты и света: *clad in sooty shadows* (букв. «покрыты тенями цвета сажи»), *are all aflame* (букв. «все горят»).

Третья строфа наполнена иными смыслами. В ней предстает во всей внезапности образ преображенного мира – нового неба и новой земли: «Когда в исходе дней дождливых // Меж туч проглянет синева // Как небо празднично в прорывах, // Как торжества полна трава!».

Именной оборот *в исходе* совмещает в своем значении указание на «завершение, конец» одного этапа и мысль о переходе к другому. В контексте Священного Писания слово *Исход*, название второй библейской книги пророка Моисея, синонимично имени *Пасха* (евр. *phesach* – «переход»). Праздник ветхозаветной Пасхи как воспоминание об освобождении из египетского рабства является прообразом Пасхи новозаветной – Воскресения Христова как перехода «от смерти к жизни, и от земли к небу» [Дьяченко, 2007, с. 409-410]. «Наша таинственная *Пасха исхода*, – пишет святитель Филарет (Дроздов), – будучи событием древних прообразований, сама есть токмо новое пророчество и ожидание торжественной Пасхи входа <...> в вечность» [Святитель Филарет, 2003, с. 143]. В контексте стихотворения обстоятельственная конструкция *в исходе* имплицитно намечает грань между двумя темпоральными планами – временем Великого Поста и праздником Пасхи.

В образах преображенной природы третьей строфы сквозит «предчувствие Воскресной весны» [Флоровский, 1991, с. 125]. Глагол *проглянуть* и отглагольное существительное *прорыв*, объединенные общей приставкой «сквозной» семантики *про-*, подчеркивают мысль о моментальности, о «точечном переходе к новому качеству» [Петрухина, 2009, с. 79].

Третий и четвертый стихи строфы созвучны пасхальным церковным песнопениям, которые Б.Л. Пастернак хорошо знал и красотой которых восхищался [Пастернак, 1997, с. 627]. Двойное восклицание «*Как небо празднично в прорывах, // Как торжества полна трава!*» содержательно (синонимическим повтором «*празднично*» – «*торжества полна*»), мелодически (аллитерацией «*празднично в прорывах*», «*торжества <...> трава*») и структурно (синтаксическим параллелизмом) сближается со словами Пасхального канона: «*Праздников праздник, и торжество есть торжество*» (8 песнь, ирмос). Весна становится в стихотворении символом, «знамением» всеобщего будущего воскресения (ср. [Святитель Тихон Задонский, 2010, с. 231-233]).

В английском переводе внезапность новизны, передаваемая причастной формой *burst (to burst* – «разрываться, лопаться»), усиливается пространственным прилагательным *open* («открытый»), что в совокупности создает образ «распахнутого» праздничного неба («*How festive is the sky / Burst open*»). Лексема *triumph* («торжество») вносит в эту картину ликующей природы дополнительный оттенок победы («*How full of triumph of is the lawn*»). Отчасти утраченной оказывается, однако, темпоральная символика начала строфы: нейтральный союз последовательности *after* («после») не передает глубинных иносказательных смыслов синкретичной конструкции в исходе. Несколько смещена и пространственная образность строфы: перевод слова *трава* гиперонимом *lawn* («лужайка, газон») сужает пространственную перспективу строфы до близкого круга «своего», «человеческого» мира.

Торжественно-ликующее звучание третьей строфы сменяется светлой мирной тишиной четвертой: «*Стихает ветер, даль расчистив, // Разлито солнце по земле...*». Картина залитой солнцем *дали* приходит на смену замкнутости холодного пространства первой строфы. Приставочная форма *расчистив* оттеняет широту, «простор» мира. Глагольная форма *разлито* генетически близка церковнославянскому глаголу *излияти*, многократно употребляемому в гимнографии пасхального цикла праздников. Она иносказательно указывает на творческую силу Божию, входящую в мир с воскресением Христа – «*Солнца правды*» и обновляющую всю вселенную в день Святой Троицы.

В английском варианте существительное *sunshine* («солнечный свет») придает тексту беззаботно-радостное звучание, не выражая, однако, предельно высокого переносного значения слова солнце. Глубоко символический глагол «водной» семантики разливаться переводится посредством нейтрально-констатирующей лексики *to spread* (букв. «распространяться»). Многозначное слово земля заменяется метонимически смежным, но более конкретным существительным *grass* («трава»). Происходящая при этом утрата отдельных аксиологических смыслов ограничивает темпорально-бытийную перспективу строфы.

В третьем и четвертом стихах – «Просвечивает зелень листьев, // Как живопись в цветном стекле» – сравнение *как живопись в цветном стекле* привносит в смысловую ткань стихотворения оттенок тайны. Выполняя дейктическую функцию соотнесения содержания строфы с концом апреля – началом мая, когда в тонкой ткани листьев только угадывается *живой* рисунок (*живопись*), это сравнение помещает видимый мир природы «в рамку иного мира» [Гаспаров, Подгаецкая, 2008, с. 92].

При переводе на английский язык обобщенное *живопись* заменяется контекстуальным гипонимом *figures* (букв. «изображения»). Генетически связанное с идеей творчества (лат. *figurare* – «формировать, лепить») это существительное придает образу весенней листвы едва уловимый оттенок искусственности, рукотворности.

В пятой строфе, являющей собой структурно-семантическое завершение четвертой, приоткрывается тайна присутствия в земном мире реальности небесной: «В церковной росписи оконниц // Так в вечность смотрят изнутри // В мерцающих венцах бессонниц // Святые, схимники, цари». Наречие тождества *так* оттеняет глубинное значение образов весенней природы четвертой строфы. Видимое («*Просвечивает* зелень листьев...», 4-я строфа) символизирует невидимое («*Так* в вечность *смотрят* изнутри <...> // Святые, схимники, цари», 5-я строфа). Эта взаимосвязь подчеркивается глаголом *просвечивает*, возвратная форма совершенного вида которого (*просветиться*) отличается предельно высокой ценностной отнесенностью: «Тогда праведницы *просветятся* *яко* *солнце* в Царствии Отца их» (Мф. 13: 43).

Слова-символы *святые*, *схимники*, *цари* высвечивают сугубо личную природу высшей одухотворенной действительности. Существительное *святые* собирательно называет здесь тех, кто в земной жизни стяжал Духа Святого и стал «начатком будущего всеобщего и полного освящения» [Осипов, 1995, с. 19]. Слово *схимники*, обозначающее тех, кто «дал особые обеты в <...> достижении идеала христианской святости», подчеркивает светлую «инаковость» святых, которые «в мире, но не от мира» [Там же, с. 14-15]. Синкретичная лексема *цари*, указывая на царей земных, в самом временном служении своем приблизившихся к святости, иносказательно

именует всех уверовавших во Христа как избранных для вечности Царства Небесного [Дьяченко, 2007, с. 423].

Метафора *мерцающие венцы бессонниц*, актуализирующая иносказательное значение – «нимб, ореол» в изображении святых (в *церковной росписи*), может имплицитно указывать на преодоление «вечного сна», смерти. Сближаясь своим аксиологическим наполнением с устойчивыми сочетаниями *венец жизни* («бессмертие»), *венец живота* («Царство Небесное») [Клименко, 2008, с. 114], она становится в контексте стихотворения символом совершившейся в Воскресении Христовом победы жизни над смертью.

В английском переводе первый стих пятой строфы – *Thus from the church's narrow windows* – вводит образ традиционного для западноевропейской архитектурной традиции стрельчатого (*narrow*, букв. «узкого») окна, тем самым приближая текст к восприятию англоязычного читателя. Меняется при переводе и заключительный стих строфы, где в едином ряду предстают различные чины святых (*saints*): *hermits* («отшельники»), *prophets* («пророки»), *angels* («ангелы»), *kings* («короли, цари»). В результате ускользает глубоко символичная троичность строения русскоязычного текста (*святые, схимники, цари*).

Замена существительного *вечность* («Так в вечность смотрят изнутри...») антонимом *time* («время») изменяет темпоральную структуру строфы. «Из узких храмовых окон» (*from the church's narrow windows*) святые «пристально вглядываются во время» (*gaze into time*), метонимически обозначаящее пространство земного бытия. Существительное *vigil*, восходящее к многозначному латинскому *vigilia* («ночное богослужение; неусыпные заботы; бессонница»), сочетает смысловые компоненты бодрствования и молитвы, подчеркивая взаимосвязь дóльного и гóрного. Тем самым усиливается мотив тесной связи между двумя мирами, земным и небесным.

В шестой строфе пространственно-временные образы приобретают предельно высокую ценностную отнесенность: «Как будто внутренность собора – // Простор земли, и чрез окно // Далекий отголосок хора // Мне слышать иногда дано». Многозначное слово *собор* («собрание; храм») высвечивает мысль об освященной природе земного бытия. Метафора *окна* продолжает мотив проникновения в *иное*, намеченный в третьей («небо празднично в прорывах»), четвертой («просвечивает <...> в цветном стекле») и пятой («в церковной росписи оконниц») строфах стихотворения.

Многозначная метафора «Далекий отголосок хора // Мне слышать иногда дано» иносказательно указывает на сопряжение в темпоральном опыте поэта временного и вечного [Бердяев, 1990; Мечев, 2001, с. 159-160]. Смысловой ряд «мир» (*простор земли*) – «единство» (*собор*) –

«славословие» (*отголосок хора*) привносит ассоциации с песнопениями Пасхи, ср.: «Воскликните Господеви *вся земля, пойте* же имени Его, дадите славу хвале Его» (Антифон Пасхи, гл. 2). Имплицируемая словом *хор* мысль о стройной гармонии одухотворенного пения высвечивает торжествующе-радостный характер этой иной, надмирной реальности. Пассивная конструкция «*мне слышать ... дано*» подразумевает того, кто дает, или кем дается. Бог остается здесь, по словам М.Л. Гаспарова, «*благоговейно неназванным*» [Гаспаров, Подгаецкая, 2008, с. 92].

Синкретичное наречие «*иногда*», указывая на повторяемость события, сохраняет вместе с тем генетическую связь с прилагательным *иной* (*иногда* – «в *иное* время»). В контексте стихотворения наречие *иногда* указывает на иное, особое – пасхальное, праздничное – время, которое, по мысли Г.-Г. Гадамера, останавливает обычное течение времени (ср. [Гадамер, 1991, с. 311]).

В английском варианте шестой строфы – *The whole wide world is a cathedral* – эмфатическое пространственное словосочетание *the whole wide world* (букв. «вся широта мира») оттеняет мысль о величии мироздания; синкретичный модальный союз-частица *как будто* при этом опускается, в результате чего ускользает присущий оригиналу оттенок некоей тайны. Лексема *cathedral* привносит ассоциации с торжественным богослужением (от лат. *cathedra* – «епископская кафедра»), но не передает идеи всеобщности и единства, лежащей в основе отглагольного существительного *собор*.

Дополнительная конкретизация при переводе второго стиха – *I stand inside, the air is calm* (букв. «Я стою внутри, воздух тих») – ограничивает смысловое пространство стихотворения рамками «малого» мира отдельного человека. Утрачивается и слово-символ *окно*. Заменяющее его наречие *afar* («издалека») не раскрывает мысли об устремленности вовне и ввысь. Темпоральное наречие *at times* («временами»), приходящее на смену многозначному «*иногда*», указывает на обычную повторяемость события.

В кульминационной седьмой строфе звучит мотив благоговейного предстояния человека и всей вселенной в «едином и вечном славословии» [Мечев, 2001, с. 160]: «Природа, мир, тайник вселенной // Я службу долгую твою // Объятый дрожью сокровенной, // В слезах от счастья, отстою». Отчетливая адресованность строфы свидетельствует «о расширенных масштабах восприятия вообще, о необычном диапазоне видения и о необычно глубокой связи поэта с миром» [Ковтунова, 1986, с. 100, 113]. Образ служения природы Творцу, впервые намеченный в посвященном Троицыному дню стихотворении «Воробьевы горы» («Дальше *служат сосны*. <...> *Дальше воскресенье*», 1917 год), приобретает здесь необычайную широту. В служении (*службе*) Творцу

участвует все мироздание – мир видимый («природа») и невидимый («тайник вселенной»). Человек предстает на грани двух миров – физического и духовного, «соединяясь с одним своим видимым телом и восходя к другому через свой невидимый бессмертный дух» [Мечев, 2001, с. 202].

Эмфатически выделенная в конце строфы глагольная форма отстою («В слезах от счастья отстою») указывает на слияние планов настоящего и будущего: выражаемое действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате» [Петрухина, 2009, с. 164]. Открытое завершение, свидетельствующее о конечном преодолении временных и пространственных границ, высвечивает символические смыслы названия всего стихотворения. Обращенная своей семантикой в будущее темпоральная конструкция «Когда разгуляется» иносказательно указывает на тот таинственный миг последнего свершения времен, когда в открывающейся вечности «вся совокупность мироздания войдет в полное единение с Богом» [Лосский, 2004, с. 305]. Выразившаяся в этом метафорическом образе вера в Бога Живаго, ставшая для Б.Л. Пастернака «делом опыта» [Мечев 2001, с. 266], объединяет стихотворение «Когда разгуляется» с лучшими образцами русской духовной поэзии XVIII-XIX веков. Ср., в частности, завершение оды Г.Р. Державина «Бог» (1784): «...слабым смертным невозможно // Тебя ничем иным почитать, // Как им к Тебе лишь возвышаться, // В безмерной радости теряться // И – благодарны слезы лить».

В английском переводе – World, Nature, Universe's essence (букв. «Мир, природа, сущность вселенной») – единство мироздания оттеняется внутренней формой лексемы universe («мир», от лат. universus – «всеобщий; целый; полный»). Существительное essence («суть») подчеркивает центральное значение земного мира («world») для бытия всей вселенной. Вместе с тем, добавление эпитета moving [service] («трогательная [служба]») привносит чуждый оригиналу оттенок сентиментальности.

Заключение

На основании проведенного анализа можно заключить, что в стихотворении «Когда разгуляется» находит свое выражение глубинное основание темпорального опыта Б.Л. Пастернака – его христианское мировидение (см. подробнее [Заботкина, Коннова, 2016; Коннова, 2019]). Доминантой смысловой структуры текста является образ всеобъемлющего пасхального торжества. Посредством авторских метафор, ярких окказиональных метонимических ассоциаций, контекстуально переосмысленных фразеологических оборотов поэт передает мысль о теснейшей сопряженности времени и вечности. Аллюзии на библейские и

гимнографические тексты выступают «тематическим ключом» к пониманию своеобразия авторского темпорального опыта. Строящий «свою творческую личность на основании глубоко осмысленной – но при этом тщательно избегающей заявлять о себе! – философской позиции» [Гаспаров, 2013, с. 60], поэт наделяет образы природы ассоциативно-символическими, метафизическими смыслами. В этой способности мира видимого отсылать к миру невидимому воплощается ключевое для христианского мировосприятия убеждение, что «вечное является во времени, вечное может быть во времени воплощено» [Бердяев, 1990, с. 405]. Во вневременном пространстве праздника приоткрывается «подлинная и пребывающая» [Там же, с. 56] реальность иного бытия – «вечная весна богозданного мира» [Флоровский, 1991, с. 125].

Сопоставительное исследование оригинального и переводного текстов стихотворения позволяет заключить, что при всей красоте и гармоничности англоязычного варианта, хронотопическая структура стихотворения подвергается трансформациям. Переводческая интерпретация оригинала, направленная на объяснение текста, сопровождается смысловым сужением, которое не всегда оставляет возможность для символического прочтения стихотворного текста. Логические дополнения, интеллектуализирующие текст, приводят к ослаблению концентрации выражения мысли – «напряжения между мыслью и ее выражением» [Левый, 1974, с. 163]. Как следствие, те глубинные пласты индивидуально-авторского темпорального опыта, где время пронизано элементами вечности, оказываются объективированы только отчасти.

Список литературы

- Арнольд И.В.* Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб., 1993. С. 4-12
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.
- Бахтин М.М.* Эпос и роман. СПб., 2000. 304 с.
- Бердяев Н.А.* Время и вечность // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 402-410.
- Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991. 367 с.
- Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю.* «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М., 2008. 192 с.
- Гаспаров Б.М.* Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт). М., 2013. 272 с.
- Грешных В.И., Коннова М.Н.* «Февраль» Б. Пастернака: образ времени (оригинал и перевод на английский) // Вестник государственного университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 128-132.
- Горин Д.Г.* Пространство и время в динамике российской цивилизации. М., 2003. 280 с.
- Данилина Г.И.* «Неуловимая поэтика времени» в книге Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» (размышления над страницами последней книги С.Н. Бройтмана) //

- Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 11. С. 288-303.
- Дьяченко Г.*, свящ. Полный церковно-славянский словарь. Москва, 2007. 1120 с.
- Жолковский А.К.* Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М., 2011. 608 с.
- Клименко Л.П.* Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Н. Новгород, 2008. 448 с.
- Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986. 207 с.
- Левый И.* Искусство перевода. М.а, 1974. 396 с.
- Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы. М., 1997. 584 с.
- Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004. 504 с.
- Макарова Л.С.* Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода: Автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 39 с.
- Малеваная Д.* Книга стихов Б. Пастернака «Когда разгуляется»: итог творческого пути // Балтийский филологический курьер. 2009. № 7. С. 70-82.
- Мечев Сергей*, свящ. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М., 2001. 383 с.
- Молчанов В.И.* Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. 456 с.
- Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Москва, 2013. 264 с.
- Осипов А.И.* Святые как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 9-32.
- Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997. 728 с.
- Петрухина Е.В.* Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира // Концептуальный анализ языка: современные направления следования. М. Калуга, 2007. С. 80-94.
- Петрухина Е.В.* Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009. 208 с.
- Святитель Филарет*, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. В 5 т. Т. 1, 1803-1821. М., 2003. 303 с.
- Святитель Тихон Задонский.* Сокровище духовное, от мира собираемое. Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2010. 672 с.
- Флоровский Г.*, протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.
- Фурманова В.П.* Межкультурная коммуникация в теории и практике преподавания иностранных языков в вузе. Саранск, 2009. 164 с.
- Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации / Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитоновна Е.Л. М., 2016. 224 с.
- Boris Pasternak. 1890–1960. Colloque de Cerisy-la-Salle. Paris, 1979. 557 p.
- Friends & Partners: Linking US-Russia Across the Internet: URL: <http://www.friends-partners.org/newfriends/ourstory/paper.html>

Мулляджанова Н.С.
Паузация при устном переводе

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Россия, Новосибирск, nataliachernikova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена экспериментальному исследованию функций пауз в устном последовательном переводе на материале учебных переводов студентов старших курсов направления «Лингвистика» ГИ НГУ. По итогам работы предлагается дополнение к классификации типов пауз в контексте теории перевода.

Ключевые слова: устный перевод; паузация; психолингвистическая модель перевода; ИЯ; ПЯ.

Mullyadzhanova N.S.
Functions of pauses in the interpreting process

*Novosibirsk State University,
Russia, Novosibirsk, nataliachernikova@yandex.ru*

Abstract. This paper studies the functions of pauses in consecutive interpreting. This work is an experiment based on the students' translations during their course in interpreting. The results present a modified classification of types of pauses within the framework of translation studies.

Keywords: interpreting; translation studies; ST; TT; pauses; psycholinguistic model of translation.

Устный перевод – это сложный психолингвистический процесс, в ходе которого устная речь воспринимается, декодируется, усваивается и перекодируется на язык перевода (ПЯ). При этом паузы являются неотъемлемой и значимой частью этого процесса.

С одной стороны, паузы необходимы, поскольку именно за счет них происходит смысловое членение речи. Хороший перевод включает в себя употребление пауз в тех местах, где это необходимо, так как паузы делают речь переводчика понятной для слушателя и позволяют ему следовать дальше за оратором [Domínguez Araújo, 2013, с. 214-215]. Таким образом, паузы отделяют одно высказывание от другого, а также служат для того, чтобы переводчик мог перевести дыхание. С другой стороны, как отмечают исследователи, незапланированные паузы при переводе способны испортить впечатление от выступления. Переводчику следует избегать немотивированных пауз, поскольку они могут означать, что переводчик испытывает трудности в восприятии или передаче текста оригинала [Алексеева, 2004; Комиссаров, 2002].

Однако не следует забывать, что перевод – это сложный психолингвистический процесс. В этом контексте паузы при переводе следует рассматривать как «приспособительные механизмы» переводчика для обработки информации [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 181]. Любому переводчику требуется определенный минимум пауз в собственной речи для анализа речи оратора. При отсутствии пауз некоторые фрагменты речи могут быть утеряны или переданы некорректно [Ширяев, 1979]. Во время пауз переводчик «перерабатывает» полученное сообщение и прогнозирует дальнейшее развитие речи оратора. Г.В. Чернов для обозначения этого процесса ввел термин «вероятностное прогнозирование». Вероятное прогнозирование заключается в умении переводчика предсказать дальнейшее развитие вербальной или смысловой ситуации, опираясь на собственные знания и на сказанное оратором ранее. Г.В. Чернов отмечал, что данный процесс возможен благодаря встречной активности мозга при восприятии речи [Чернов, 1978, с. 55-56].

При вероятностном прогнозировании переводчик опирается на «единицы ориентирования», т. е. осмысленный отрезок исходного текста, который необходим переводчику для поиска переводческих решений [Ширяев, 1979, с. 18]. Размеры единиц ориентирования зависят от структуры исходного текста и условий перевода, а также от некоторых особенностей встречной активности самого переводчика [Ширяев, 1979]. Известно, что процесс перевода можно разделить на несколько этапов. Большинство исследователей выделяют три основных этапа: восприятие, осмысление, перевыражение (возможны разные термины для обозначения этих этапов), при этом единица ориентирования возникает на втором этапе – фазе осмысления. В рамках психолингвистической модели перевода выдвигается предположение о том, что переводчик сначала преобразует свое понимание содержания оригинала во внутреннюю программу – «язык мозга», а затем развертывает эту программу в текст перевода [Ширяев, 1979]. Единица ориентирования связана с внутренней программой, т.е. переводом воспринимаемой информации на внутренний код. При последовательном переводе переводчику доступно гораздо больше времени на осмысление сказанного оратором, так как длина паузы между речью переводчика равна высказыванию оратора. Следовательно, осмысление исходного текста всегда требует использования пауз. А их длина может варьироваться в зависимости от вида перевода, профессионализма переводчика и самого исходного текста [Гарбовский, 2004, с. 257-258].

Как отмечал Г.В. Чернов, переводчику необходимо делать паузы для восприятия речи оратора целиком при устном переводе. В противном случае переводчик может потерять нить повествования оратора или упустить ее важные компоненты. Однако среди исследователей нет

однозначного мнения касательно паузации в переводе. Некоторые ученые связывают использование пауз с восприятием текста и выделяют паузы, связанные с восприятием речи и ее воспроизведением на языке перевода. Более длинные паузы соответствуют процессу прогнозирования, а короткие – говорения, т.е. разворачиванию внутренней программы в высказывание на языке перевода. Следовательно, паузы необходимы для качественного выполнения этих процессов. Однако чрезмерное употребление пауз может сделать речь неестественной, поэтому при переводе необходимо внимательно подходить к расстановке пауз [Чернов, 1978]. Паузы в переводе имеют определенные функции.

Для того, чтобы разобраться с функциями пауз при переводе, необходимо рассмотреть литературные данные о типах пауз в речи. Одна из наиболее полных и интересных классификаций представлена в работе Г.Н. Ивановой-Лукьяновой «Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм». Автор предлагает выделять грамматические и неграмматические паузы. Грамматические паузы стилистически нейтральны и являются основой паузирования. Г.Н. Иванова-Лукьянова разделяет грамматические реальные (членение с перерывом в звучании) и нереальные (без перерыва в звучании) паузы. Неграмматические паузы она подразделяет на непреднамеренные и преднамеренные. К непреднамеренным паузам автор относит паузы хезитации, которые появляются в спонтанно произнесенных текстах, а к преднамеренным – дикторские и психологические паузы. Дикторские паузы необходимы для того, чтобы слушатель мог без затруднений слушать и усваивать информацию. С помощью психологических пауз говорящий выделяет определенные слова, чтобы выразить их значимость и экспрессивность [Иванова-Лукьянова, 2002, с. 96-103].

При устном переводе грамматические, а также преднамеренные дикторские и психологические паузы являются смыслоразличительными и желательными. Однако нас в рамках исследования интересовали неграмматические непреднамеренные паузы, среди которых в указанной классификации выделяются хезитационные паузы. Взяв за основу классификацию Н.Г. Ивановой-Лукьяновой, в рамках нашего исследования мы попытались дополнить категорию неграмматических непреднамеренных пауз, ведь именно они отражают сложный психолингвистический характер процесса перевода. Для этого нами были записаны учебные переводы студентов, которые выполнялись на занятиях, и проанализированы с точки зрения функций пауз, возникающих при устном переводе.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Иванова-Лукьянова Г.Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учеб. пособие. 4-е изд., М.: Флинта: Наука, 2002. 200 с.
- Комисаров В.Н.* Современное переводоведение. Учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства Обороны СССР, 1979. 183 с.
- Domínguez Araújo L.* Quality in Interpreting: Widening the Scope, 2013. 339 p.

УДК: 81

Раренко М.Б.

Прием адаптации при переводе медицинских текстов

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Россия, Москва, rarencо@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема перевода медицинских текстов, отражающих научную картину мира, требующую адаптации принимающей культурой.

Ключевые слова: адаптация; перевод; медицинский перевод; медицинский дискурс; медицинский текст; научная картина мира.

Rarenko M.B.

Adaptation in medical texts translation

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, rarencо@rambler.ru*

Abstract. The problem of translating medical texts is considered. Since medical texts reflect the so-called scientific picture of the world, i.e. scientific knowledge about the world, the translation requires their adaptation by the host culture.

Keywords: adaptation; translation; medical translation; medical discourse; medical text; scientific picture of the world.

Сегодня в научной литературе понятие «медицинский дискурс» трактуется довольно широко и разнообразно. Во-первых, под

«медицинским дискурсом» понимают все произведения речи в рамках медицинской тематики. Во-вторых, «медицинский дискурс» представляется как «форма выражения научной парадигмы медицинских знаний – одного из способов внутреннего выстраивания медицинского опыта», «как часть культурного пространства, выходящая за рамки собственно общения в медицинском учреждении: дискурс об исцелении, лечении, терапии, выражении страдания, дискурс идеологий» [Майборода, 2017, с. 64-65]. В-третьих, в зарубежных исследованиях преобладает использование термина «медицинский дискурс» в связи с развитием и распространением на Западе методик группового консультирования людей, страдающих расстройствами психики. При этом фактически подменяется термин «психотерапевтический дискурс» (более подробно см.: [Там же]).

В рамках данной работы мы будем понимать «медицинский дискурс» как «совокупность вербальных и невербальных структур, обладающих определенными прагматическими особенностями, функционирующих в медицинской среде для реализации функций лечения и профилактики» [Маджаева, 2015, с. 29], включающий в себя такие функции медицинской деятельности, как информативную, познавательную, регулятивную, коммуникативную функции, а также функцию трансляции социального опыта. Как таковой, медицинский дискурс представляет собой весьма интересное как в языковом, так и в социальном плане явление.

Современный медицинский дискурс представлен как письменными, так и устными текстами медицинской тематики, и их главной характеристикой является насыщенность медицинскими терминами и специальной лексикой медицинской направленности. В целом, медицинский дискурс справедливо признается исследователями институциональным (В.И. Карасик, С.И. Маджаева, Л.С. Шуравина и пр.) на том основании, что «институциональный дискурс проявляет себя в типичных ситуативно-коммуникативных актах, характерных для системы отношений и функционирования определенного социального института. В силу своей социальной принудительности институциональный дискурс несет на себе отпечаток нормативной заданности определенных общественных отношений и коммуникаций, выполняет функции упорядочения данных отношений и надзора за их нормативным соблюдением» [Шуравина, 2013, с. 66], а основным средством медицинского дискурса следует признать использование специальных лексических средств: «Медицинский дискурс, будучи разновидностью институционального дискурса, во многом создается при помощи соответствующей терминологии» [Маджаева, 2015, с. 29].

В медицинских текстах находит отражение так называемая научная картина мира, т.е. «вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [Корнилов 2006, с. 9]. «НМК — это отражение коллективного знания о мире, который включает и природу, и общество, и человека как общественное существо. Первоначально возникнув в результате стремления людей создать в своем сознании и воображении модель природы, она различна на каждом этапе развития человечества, изменяется по мере накопления новых знаний и изменения представлений об окружающем мире, т.е. НМК эволюционирует по мере познания мира. Иными словами, научная картина мира – это инвариант научного знания о мире на каждом конкретном этапе развития человеческого общества, результат отражения пространственно-временного континуума коллективным научным сознанием. НМК можно считать парадигмой миропонимания. Смена парадигм означает коренное изменение представлений о мире, т.е. научную революцию» [Корнилов, 1999, с. 9-11].

Несмотря на то, что научные знания не зависят от конкретного языка и менталитета, национальных традиций, морально-этических норм, бытующих в обществе, научные знания о мире могут быть оформлены по-разному в национальном языке.

Специфика научной картины мира народа ярче всего проявляется при ее сопоставлении с научной картиной мира другого, как это происходит при переводе, например, медицинских текстов с одного языка на другой, в связи с чем оказываются особо актуальными сопоставительные исследования в области научной коммуникации, способствующие повышению эффективности как непосредственной, так и опосредованной межъязыковой научной коммуникации [Нотина, 2013].

Медицинский перевод занимает особое положение среди других видов научно-технического (специального) перевода, так как помимо языкового аспекта необходимо принимать во внимание множество других, поскольку в процессе перевода затрагиваются вопросы здоровья, жизни и соблюдения прав пациента.

При переводе текстов медицинской тематики необходимо принимать во внимание особенности медицинских научных картин мира разных национальных сообществ, различия между которыми чаще всего проявляются в лексике. Так, известное в англоязычной медицинской практике заболевание *Grave's disease* известно в российской медицинской практике как «диффузный токсический зоб», а не болезнь Грейвса, *Angina* – стенокардия (не ангина), *Early death* – преждевременная смерть (не ранняя смерть), *Surgical tape* – медицинская лента (не хирургическая лента), *Physical examination* – медицинский осмотр (не физический

осмотр), *Normal/abnormal findings* – результат рентгенографии: без патологий /с патологией (не нормальный/ ненормальный), *Active/inactive TB* – открытая/закрытая форма туберкулеза (не активная/неактивная), *Hilar/Mediastinal adenopathy* – лимфаденит (не аденопатия), *Multiple Sclerosis (MS)* – рассеянный склероз (РС) (не множественный), *Kidney Judgment risk* – ухудшение способности критического анализа (не риск критического анализа), *Cellulitis* – флегмона (не целлюлит), *Cystic fibrosis* – муковисцидоз (не кистозный фиброз) и др. [Сухарева, Черникова, 2014].

Перевод единиц измерения также вызывает определенные сложности, связанные с тем, что в разных странах существуют свои медицинские стандарты. Так, в Англии уровень гемоглобина в крови измеряется в граммах на децилитр, а в России – в граммах на литр, поэтому при переводе чаще «адаптируют» показатели: 13 г/дл = 130 г/л [Ширинян, Шустова, 2018].

«Диалог культур может осуществляться либо напрямую, если один из участников межкультурного общения способен мыслить категориями другой культуры, либо через перевод» [Быкова, 2004, с. 11]. Именно таким задачам служит прием адаптации, используемый при переводе медицинских текстов с одного языка на другой.

Список литературы

- Быкова И.А. Коммуникативное сознание, имплицитный смысл и перевод // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2004. № 1. С. 11-17.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999. 341 с.
- Маджаева С.И. Специфика медицинских терминов в медицинском дискурсе // Научный результат. Серия: вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 3(5). С. 27-32.
- Майборода С.В. Медицинский дискурс: Современные теоретико-методологические походы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63-74.
- Нотина Е.А. Национальная научная картина мира и сопоставительные исследования // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 2. С. 95-100.
- Сухарева Е.Е., Черникова Н.С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 115-120.
- Ширинян М.В., Шустова С.В. Трудности медицинского перевода и способы их преодоления при обучении студентов неязыковых вузов // Язык и культура. 2018. № 43. С. 295-316.
- Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 65-67.

Свердлова Н.А.
К вопросу о моделировании процесса
межъязыкового взаимодействия

*Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, Иркутск, nsverdlova@yandex.ru*

Аннотация. В статье описана модель межъязыкового взаимодействия как контакта языков в сознании говорящего, акцентируется динамическая языковая ноосфера, структурные элементы которой являются результатом сложного когнитивного процесса. Языковая ноосфера билингва, в отличие от модели родного языка, имеет менее упрощенную схему, менее устойчива, более приближительна, имеет эвристический потенциал.

Ключевые слова: межъязыковое взаимодействие; моделирование; билингв; языковая модель; языковая картина мира; интерференция; усвоение языка.

Sverdlova N.A.
Towards modeling interlanguage interaction

*Irkutsk Scientific Center Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences, Russia, Irkutsk, nsverdlova@yandex.ru*

Abstract. The paper offers a description of the model which conveys the process of language interaction related to the manifestation of the contact of languages in the consciousness of a speaker. In the process of modeling interlanguage interaction, we find a dynamic linguistic noosphere, the structural elements of which are the result of a complex cognitive process, do not meet the binary principle. The linguistic noosphere of bilingualism, in contrast to the model of the native language, has a less simplified scheme, is less stable, more approximate, and has a heuristic potential.

Keywords: language interaction; modeling; bilingual; language model; language picture of the world; interference; language acquisition.

Национально окрашенное образное представление действительности наполняет языковую картину мира специфическими составляющими, которые отличают мировидение одного народа от другого. Структурирование всего этнического многообразия форм мира отражается в «доме бытия» (по М. Хайдеггеру) и связано с понятием лингвистического моделирования. Моделирование языка предназначено главным образом для описания и интерпретации внеязыкового содержания мира этноса с целью понять пути отражения объективной действительности. Соединяя универсальное и специфическое, модель

обладает «объяснительным» свойством, раскрывает особенности изучаемого объекта.

Цель предлагаемого исследования – смоделировать лингвокогнитивный механизм межъязыкового взаимодействия в сознании языковой личности (билингва).

Обращение к моделированию языка не является новым приемом в лингвистике. В 60-70 годах XX века появлению понятия лингвистической модели способствовало проникновение математических методов в лингвистику. Но интерес к формализации был обозначен еще в структурном подходе к изучению языка американскими дескриптивистами. В период американского дескриптивизма (1925-1976) в работах представителей американского лингвистического общества (Л. Блумфильд, М. Джос, Б. Блок, З. Хэррис, Р. Холл-мл. и др.) появились образцы описания языков, которые фиксировали факты языка без объяснения: обращаясь к регулярностям речи, американские ученые не говорили о взаимосвязи уровней языка, не рассматривали связь языка и общества [Березин, 2001]. Такие исследования стали исследовательской основой для формирования техник лингвистического исследования и в большей степени относились к структурной антропологии. Определяя свою задачу в описании моделей языка, американские дескриптивисты сосредоточились на процедурах для описания, что не способствовало изучению механизма функционирования языка.

Из американских ученых первой половины XX века Б. Уорф был наиболее близок к пониманию роли экстралингвистических факторов в изучении языка и, несмотря на то, что он уводит область значений только в грамматику языка и описывает способы их представления (членения) в языке [Уорф, 1960, с. 192], подчеркнутая им связь языка и мышления, языка и культуры предопределила в трансформационной генеративной грамматике различие между «компетенцией» и «употреблением» в части понимания объекта лингвистики [Хомский, 1972, с. 9] и последующий во второй половине XX века интерес к социо- и этнолингвистическим исследованиям.

Имея в виду идеального говорящего и слушающего в качестве порождающего устройства при рассмотрении языка (по Н. Хомскому), исследователь оперирует неким инвариантом родного языка в системе грамматических правил и синтаксических взаимосвязей. При моделировании языкового процесса в условиях билингвизма мы, вероятно, будем иметь дело с исходной языковой системой (далее ИЯС – *Н.С.*), которая, проходя трансформационные пути, преобразуется в некий ноосферный континуум под воздействием внеязыковой действительности и особенностей контактирующего в сознании носителя языка. Имеющийся опыт познания, заключенный в ИЯС (порождающий языковой механизм),

входит во взаимодействие с приобретенным «чужим» опытом познания в виде иного (приобретенного) механизма. В варианте языка, который реализует в речевой деятельности говорящим в определенной ситуации общения, мы наблюдаем межъязыковые взаимовлияния, которые описываются в терминах интерференции (в контексте проблемы усвоения языка) и переключения кодов (в случае явных и скрытых использований элементов одного из языков). Описание взаимовлияний данного характера указывает на возможность преднамеренного и непреднамеренного переключения кодов, которое происходит осознанно со стороны говорящего [Сеноз, 2000]. Процесс семиотизации фактов «иной», «чужой» реальности происходит параллельно с нарушением гомогенности языкового сознания говорящего [Свердлова, 2017]. Уровень и степень сближения понятий моделирует семиотическую сферу языковой личности билингва. Очевидно, что получившийся языковой субстрат наполнен отклонениями от нормы (девиантами – прим. автора) родного языка (далее Я1), которые, следуя традиционным представлениям в теории усвоения языка, отнесем к интерференции с отрицательной коннотацией, как конфликтное взаимодействие когнитивно-речевых механизмов, проявляющееся в отклонениях от языковых, дискурсивных, социокультурных норм одной лингвокультуры под влиянием другой. Естественность и конечность этого процесса подтверждается разным объемом интерферентных единиц в речи говорящего.

Объем взаимовлияния таким образом напрямую зависит от когнитивных процессов человека, способов, условий познания им новой действительности и новой картины мира, заключенной в неродном языке (далее Я2 – *Н.С.*), находящемся в процессе усвоения. Когнитивные процессы становятся ведущими в построении модели межъязыкового взаимодействия билингва. Этот факт подчеркивает динамический характер модели, подвижность которой определяется скоростью интериоризации новых ценностных смыслов билингвом. Сам процесс интериоризации «связывает личность билингва и новую социальную реальность, задает направленность его внутренней и внешней активности» [Свердлова, 2019, с. 174]. Восприятие внешнего мира, обновление мышления, как психические функции, приобретают интрапсихический характер в результате овладения новой системой знаков, символов новой реальности.

Исследование внутренних механизмов, обуславливающих объемы взаимопроникновения языков, может быть построено на изучении поведения человека в условиях поиска новых смыслов и символов. Философское осмысление взаимодействия языков в сознании билингва в рамках постмодернизма [Свердлова, 2019] указывает на возможность временного сосуществования знаков разных систем, разрушения некогда

существовавших естественных связей в пределах одной системы «мира децентрированного». Данное обстоятельство делает процесс концептуализации отношения «знак/объект» практически бесконечным.

Регулярность процесса наполнения и переформатирования сознания человека в условиях познания новых реалий языка и культуры («... представление о мире, и образ мышления – результаты идущего в языке постоянно процесса мирозидания, познания мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе» [Вайсгербер, 1993]) позволяет убедиться в существовании лингвокогнитивного механизма языкового взаимодействия на определенном этапе социального и психологического самоопределения билингва. Если, вслед за В. фон Гумбольдтом, определить «место» языка как *промежуточный мир* между мышлением и действительностью, а картину мира характеризовать как динамичную сущность, образуемую из языковых вмешательств в действительность, то сознание человека в условиях вариативности языков и культур, приводится в движение языковой деятельностью и, действительно, переформатируется в новой социокультурной реальности.

Сложная структура языкового сознания билингва обусловлена его двуязычным миром. Деконструкция языкового сознания (обнаружение первоначальных смыслов на уровне знаковых подсистем) представителя того или иного этноса позволяет говорить как о грамматических и когнитивных психоглоссах («смысловые образования, которые <...> могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами языковой личности [Шапошникова, 2017, с. 127]), так и о мотивационных, которые формируют отдельное семиотическое пространство – языковую семиосферу.

Уходя от идеального конструкта, картины модели отдельного языка, от вербализации на ментальном уровне закодированного опыта познания на родном языке и осмысления приобретенного опыта на неродном языке в моделирование процесса межъязыкового взаимодействия, мы обнаруживаем динамическую языковую ноосферу, структурные элементы которой являются результатом сложного когнитивного процесса, не отвечают принципу бинарности.

Языковая ноосфера билингва, в отличие от модели родного языка, имеет менее упрощенную схему, менее устойчива, более приближительна. Полнота описания свойств языковой ноосферы как модели зависит от анализа опыта, вербализированного билингвом. Сам процесс вербализации находится в исключительной взаимосвязи с социокультурными, психологическими установками и ориентирован на успешность и эффективность разных коммуникативных ситуаций, участником которых является билингв.

Список литературы

- Березин Ф.М.* Основные этапы развития лингвистики в XX веке // Американские лингвисты XX века. No 1. 2001. С. 4-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-razvitiya-amerikanskoy-lingvistiki-v-hh-v/viewer>
- Вайсгербер Й.Л.* Язык и философия // Вопросы языкознания. №2. 1993. С.111-112.
- Свердлова Н.А.* Билингвизм как социальное явление в свете идей постмодернизма [Электронный ресурс] // Вестник МГЛУ Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 172-178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-kak-sotsialnoe-yavlenie-v-svete-idey-postmodernizma>
- Свердлова Н.А.* Онтологический статус языковой ноосферы билингва. М.: Материалы международной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме-6», Москва, 26-27 мая 2017г. М.: «Канцлер», 2017. С. 63-65.
- Свердлова Н.А.* Лингвопсихологические особенности формирования языковой личности билингва // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_797.pdf
- Уорф Б.* Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып.1. 1960. С. 183-198.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972. 35 с.
- Шапошникова И.В.* Мотивационная база реформы образования и профессио-нальная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. No 4(34). С. 124-145.
- Bloch D., Trager G.* Outline of linguistic analysis. Baltimore, 1942. 82 p.
- Cenoz J.* Research on multilingual acquisition // English in Europe: The Acquisition of a Third Language / J. Cenoz, U. Jessner (eds.). Clevedon: Multilingual Matters, 2000. P 39-53.
- Derrida J.* Positions. P., 1972. 136 p.
- Harris Z.* (Rec. ad. op.). A Leonard Bloomfield anthology // Intern. j. of Amer. linguistics. - N.Y., 1973. Vol. 39. P. 252-255.
- Hall R., jr.* American linguistic: 1925-1962. Darmstad, 1967. 97 p.

УДК: 81'23 + 81'25

Шипулин А.Г. Обработка вербальной информации и ментальное моделирование в процессе перевода

*Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского,
Россия, Брянск, alx.shipulin@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются процессы лингвистической обработки и ментального моделирования как промежуточного звена при создании текста перевода. Отмечена роль образов в процессе перевода. Поставлена проблема соотношения и взаимодействия образных и языковых когнитивных систем при понимании и переводе текстов. Выделены значимые модели для описания процесса перевода с учетом различий в когнитивных стратегиях перевода.

Ключевые слова: корпоральный подход; мысленный образ; обработка вербальной информации; ситуативное моделирование; встречное моделирование; когнитивные процессы при переводе.

Shipulin A.G.
**Verbal information processing and
mental simulation in translation process**

Abstract. The paper deals with linguistic processing and mental simulation as an intermediate link when creating a translation text. The author traces the development of ideas about the nature of mental images in cognitive science and their role in the translation process. The problem of the relationship and interaction of imaginative and linguistic cognitive systems when understanding and translating literary texts has been posed, and most relevant models in regard to the differences in cognitive translation strategies have been identified.

Keywords: embodied cognition; mental image; verbal processing situated simulation; anticipative modeling; cognitive processes in translation.

Перевод как сложная интеллектуальная деятельность представляет собой объект изучения многих научных дисциплин. Не только лингвистика, литературоведение и литературная критика изучают перевод. Некоторые аспекты переводческой деятельности изучаются психологией, социологией, религиоведением, кибернетикой, информатикой и другими научными дисциплинами [Гарбовский, 2004, с. 13]. Выделилась отдельная область переводоведения, которую часто называют когнитивная, или процессуальная транслатология, исследующая ментальные процессы перевода и стратегии, используемые переводчиками на различных этапах перевода [Алексеева, 2004, с. 49]. Исследования включают методики наблюдения за процессом работы профессиональных переводчиков, а также постановку экспериментов, в которых участвуют как профессионалы перевода, так и новички. Таким образом, в центре исследований процессуальной транслатологии стоит понимающий и порождающий текст человек. При этом известно, что человек воспринимает не слова, а стоящую за ними действительность [Жинкин, 1982; Чугунова, 2006]. Человек через текст взаимодействует с действительностью. Одна из основных проблем для изучения когнитивных процессов – это способ существования в сознании информации. На эту проблему существуют различные взгляды, и это неудивительно, учитывая, что содержание сознания недоступно непосредственно для внешнего наблюдения, а о верности теоретических представлений мы можем судить только по тому, насколько они согласуются с известными фактами.

Первое поколение когнитивистов (Н. Хомский, Дж. Фодор, З.В. Пилишин) постулировало представление информации в виде амодальных, абстрактных символов, сходных с вербальным языком общения. Их построения во многом опираются на аналогию между человеческим мозгом и цифровым компьютером. Согласно компьютерной или вычислительной модели сознания, когнитивные процессы могут быть описаны и объяснены как манипуляция формальными символами на языке мышления. Символические репрезентации формально не связаны со своими референтами во внешнем мире, также они нейтральны по отношению к сенсорным модальностям. Подобно словам естественного языка, символические репрезентации могут комбинироваться друг с другом, образуя сложные структуры, значение которых складывается из значения компонентов.

В соответствии с данным представлением большинство зарубежных теоретиков перевода 1960-х и 1970-х годов (Дж. Кэтфорд, О. Каде, А. Нойберт) понимали перевод как осуществляющийся по определенным правилам процесс преобразования символов одного кода в символы другого кода, и неслучайно его изучение было тесно связано с проектом создания систем машинного перевода.

Напротив, с позиций корпорального (телесного, сомато-центрического) подхода в современной когнитивной науке, познание возможно только на основе опыта, который включает движение телом [Чугунова, 2014]. Согласно корпоральному подходу к познанию ментальные репрезентации основываются на телесном опыте. Например, осознание человеком времени имеет корпоральную основу [Там же]. Корпоральный подход получил значительное нейронаучное обоснование; установлено, например, что нейронные субстраты перцептов и мысленных образов, которые мы помним или мысленно воссоздаем, в значительной степени совпадают, это же касается фактически выполняемых и мысленно моделируемых действий [Kosslyn, Moulton, 2009]. Существует также существенное эмпирическое доказательство участия сенсомоторных представлений в чисто интеллектуальных задачах, таких как понимание языка. Эти факты могут служить аргументом в пользу предположения Л. Барсалоу о том, что понимание осуществляется в результате перцептивного и моторного моделирования. Ментальные модели появляются как результат активации сенсомоторных участков коры головного мозга при отсутствии перцептивных стимулов и двигательных действий [Barsalou, 1999].

С точки зрения субъекта эти модели принимают форму перцептивных, моторных и интроспективных представлений. Более того, ментальные представления помещены в контекст определенных потенциально возможных ситуаций и таким образом подготавливают

субъект к ситуативно-обусловленной деятельности, предоставляя релевантную информацию об окружающих объектах, их свойствах и возможных действиях с ними. Соответственно, такие ситуативно-обусловленные модели представлены не в виде неких статичных структур, но являют собой живой динамический процесс, основанный на взаимодействиях мозга, тела и окружающей среды [Martín de León, 2017].

Таким образом, ментальные ситуативные модели в основе своей являются деятельностными, что сближает сомато-центрические модели когнитивных процессов с деятельностным подходом. Так, А.Н. Леонтьев уделял большое внимание «образному» аспекту сознания. По определению А.Н. Леонтьева, сознание-образ представляет собой превращенную форму деятельности субъекта, то есть «свернутую» «внешнюю» деятельность [Леонтьев, 1994, с. 256].

Теоретики и практики перевода неоднократно указывали на то, что построение мысленных образов может помочь переводчикам, особенно новичкам, лучше понять текст на исходном языке и избежать интерференции между языками. Большой вклад в теоретическое обоснование этого дидактического подхода внесла интерпретативная теория перевода, предложенная французскими переводоведами Д. Селескович и М. Ледерер. В противовес господствовавшим в то время пропозициональным взглядам на мышление, Д. Селескович (1968) разработала теорию смысла (*théorie du sens*), которую успешно применяла в преподавании устного перевода [Seleskovitch, Lederer, 2002].

Д. Селескович исходит из того факта, что в вербальной коммуникации говорящие, как правило, не запоминают языковую форму высказанных мыслей, а сохраняют в памяти лишь выраженный смысл. Отсюда задача переводчика состоит в передаче на другой язык смысла переводимого высказывания. Смысл при этом определяется как невербальная ментальная репрезентация, возникающая в сознании переводчика как результат взаимодействия языкового содержания высказывания с экстралингвистической информацией. Согласно Д. Селескович, извлечение смысла происходит мгновенно и интуитивно, и лишь этот извлеченный смысл передается затем в переводе. Обращение к языковому содержанию, к значениям языковых единиц оригинала только затрудняет и искажает понимание, а, следовательно, и перевод.

Изначально многообещающая теория интерпретативного перевода, однако, не получила должного систематического развития и эмпирического подтверждения своих исходных посылок. Несмотря на успешное применение в дидактике перевода, теория грешит идеализированным взглядом на процесс перевода, постулируя четкое разделение двух языков в сознании переводчика. Существуют сильные аргументы и экспериментальные данные в пользу того, что при

порождении речи на одном из языков в сознании билингов, даже достаточно компетентных, какими являются переводчики, активируются оба языка [Kroll et al., 2008]. Ряд переводоведов также указывают на то, что они в первую очередь склонны рассматривать формальные соответствия и прибегают к другим методам только при неудовлетворительном результате буквального перевода [Tirkkonen-Condit, 2005]. Как установила С. Тиркконен-Кондит, лингвистические структуры оригинального текста оказывают влияние не только на новичков, но и на профессиональных переводчиков. С большой вероятностью, при переводе смысл не обособляется полностью от языковой формы, и девербализация таким образом не является неизменным условием для создания текста перевода.

Предположение, что языковая структура исходного текста влияет на процесс перевода, эмпирически обосновано. Известно, что переводчики-синхронисты начинают переводить через несколько секунд после прослушивания исходного текста, а многие письменные переводчики очень часто выполняют перевод после прочтения текста, поэтому маловероятно, что они полностью отвлекаются от лингвистической формы исходного текста [Mossop, 2003]. Анализ переводных текстов также показывает, что они сохраняют некоторые особенности, в большей степени свойственные языку оригинала, чем языку перевода. Так, изучение немецких переводов с английского языка показало, что в них используется больше пассивных конструкций, чем в аналогичных оригинальных текстах на немецком языке [Teich, 2003].

Исходя из этих фактов была предложена «мониторинговая модель», согласно которой переводчики применяют метод «буквального перевода», отказываясь от него только тогда, когда внутренний контролер обнаруживает проблему и запускает сознательное принятие решения (см., например, [Tirkkonen-Condit, 2005]). Мониторинговая модель, однако, критиковалась за модульный, механистический взгляд на когнитивные процессы под влиянием компьютерной метафоры [Muñoz, 2016]. Р. Муньос предлагает альтернативную версию процедуры перевода по умолчанию: при выполнении задачи, которая потенциально требует больше когнитивных ресурсов, чем доступно, переводчики стремятся к максимальному эффекту с минимальными усилиями. При этом не существует какой-то особой мониторинговой структуры. Концептуальная система у человека только одна, но доступ к ней возможен через разные языки и при помощи разноуровневых связей, в том числе субсимвольных, таких как грамматические характеристики, регистр и языковая принадлежность. Воспринимаемые языковые формы способствуют активации всех возможных связанных с ними паттернов нейронной активности. Перевод по умолчанию не обязательно подразумевает

пословный подстановочный перевод; самые частые формулировки «по умолчанию» могут состоять из крупных многословных блоков.

Особенно значимой для исследования интерпретативных процессов представляется теория языка и ситуативного моделирования (Language and Situated Simulation Theory), учитывающая вышеприведенные факты. Согласно теории, в процессе когнитивной обработки информации участвуют два вида систем – языковые и модальные. Языковые системы включают образы языковых форм. Модальные – создают динамические модели, воссоздающие в мультимодальной форме содержание высказывания или текста. При обработке текстовой информации в первую очередь активируются ассоциативные интер- и интралингвистические связи (на основе фонетических, таксономических признаков, частотности и др.), и лишь затем, если обнаруженная в этой системе информация оказывается несоответствующей выполняемой задаче, происходит ситуативное моделирование при помощи модально-специфических церебральных систем. Ситуативные модели в свою очередь вновь активируют лингвистические формы, и таким образом оба типа когнитивных систем взаимодействуют и циклично сменяют друг друга в процессе интерпретации текста [Barsalou, 2008].

Теория языка и ситуативного моделирования также имеет много общих моментов с разрабатываемой в отечественной психолингвистике теорией идентификации слова как «встречного моделирования»: «языковые знания направляют встречное моделирование ситуаций и их составляющих, признаков последних и т.д., а те, в свою очередь, подкрепляют или заставляют уточнить вовлекаемые языковые знания» [Залевская, 2014, с. 63].

Таким образом, корпоральный подход к изучению ментальных образов представляется наиболее обоснованным теоретически и экспериментально, однако до сих пор он недостаточно применялся к изучению процессов восприятия и интерпретации связных текстов, в том числе к процессу перевода. Значимыми в этой связи представляются идеи ситуативного моделирования и циклического взаимодействия вербальных и моделирующих когнитивных систем. При ведущей роли последних важно отметить также изучение восприятия текста как вербального объекта, при помощи которого автор способен запечатлеть, а читатель – воссоздать определенную речевую реальность в своем специфическом лингвистическом воплощении.

Список литературы

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 325 с.*
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
- Залевская А.А.* Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон: IASHE, 2014. 180 с.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М.: МГУ, 1994. 228 с.
- Чугунова С.А.* Время в языке и сознании: сомато-центрический подход // Вестник Брянского государственного университета, 2014. С. 415-419.
- Чугунова С.А.* Мысленный образ ситуации как медиатор понимания художественного текста. Брянск: Брянский государственный университет, 2006. 158 с.
- Barsalou L.W.* Grounded cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 617-645.
- Barsalou L.W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22. P. 577-660.
- Kosslyn S.M., Moulton S.T.* Mental imagery and implicit memory // Markman K.D., Klein W.M.P., Suhr J.A. (Eds.). Handbook of Imagination and Mental Simulation. New York: Psychology Press, 2009. P. 35-51.
- Kroll J.F., Bobb S.C., Misra M., Guo T.* Language selection in bilingual speech: Evidence for inhibitory processes // Acta Psychologica. 2008. Vol. 128. P. 416-430.
- Martín de León C.* Mental Representations // The Handbook of Translation and Cognition. Wiley Balckwell, 2017. P. 106-126.
- Muñoz M.* Reembedding Translation Process. Research. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2016. 218 p.
- Seleskovitch D., Lederer M.* Pédagogie raisonnée de l'interprétation Paris: Didier érudition, 2002. 388 p.
- Teich E.* Cross-Linguistic Variation in System and Text. De Gruyter Moulton, 2003. 276 p.
- Tirkkonen-Condit S.* The monitor model revisited: Evidence from process research // Meta, 2005. Vol. 50(2). P. 405-414.

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК: 81`33

Галяшина Е.И.

Поликодовый текст интернет-коммуникации как объект судебной лингвистической экспертизы¹³

*Университет имени О.Е. Кутафина,
Россия, Москва, eigalyashina@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются особенности поликодового текста в интернет-коммуникации как результата речевой деятельности, выступающего в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с экстремизмом. Делается вывод о том, что в основе выделения поликодовых, креолизованных и мультимодальных текстов в компьютерно опосредованной коммуникации лежат разные подходы, оказывающие влияние на выбор методов и методик исследования при решении экспертных задач диагностики признаков экстремистских материалов.

Ключевые слова: поликодовый текст; мультимодальный текст; диалогичность; семиотическая неоднородность; экстремистский материал; аудиовизуальное речевое произведение.

Galyashina E.I.

Polycode text in Internet-mediated communication as an object of forensic linguistic examination

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Russia, Moscow, eigalyashina@gmail.com*

Abstract. The paper analyzes the features of a polycode text as a result of speech activity in Internet-mediated communication, which acts as an object of forensic linguistic expertise in cases related to extremism. The study is based on 5014 speech products included in the Federal list of extremist materials based on court verdicts. It is concluded that the concept of a polycode text is not equivalent to the concepts of "creolized text", "multi-modal text", because these phenomena are based on different categorical approaches in relation to computer-mediated communication in the mass media, which influence the choice of research methods and techniques for solving expert tasks of detecting signs of extremism.

Keywords: polycode text; multi-modal text; dialogicity; semiotic heterogeneity; extremist material; audio-visual speech work.

---

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 20-011-00190.

Введение

Судебная лингвистическая экспертиза сегодня одно из самых актуальных, востребованных и нередко вызывающих бурные научные споры и дискуссии направлений судебно-экспертной деятельности. К ней приковано внимание юристов, лингвистов, журналистов, пользователей социальных сетей, блогеров, общественных и политических деятелей, руководителей различного ранга, граждан, должностных и юридических лиц. Заключение лингвистической экспертизы по резонансным делам, особенно связанным с экстремизмом, публикуются в полнотекстовом формате на различных информационных площадках сети Интернет, привлекают пристальное внимание широкой (и далеко не только научной) общественности, становятся объектом лингвистической аналитики и нелицеприятной критики *amicī curiāe*, становятся инструментом манипулятивного воздействия, дабы подвергнуть публичному остракизму лингвистов-экспертов, чтобы дозвонить на общественное мнение.

Значение лингвистической экспертизы во многом определяется тем, что ее объектом является мысль, материализованная при помощи языка и речи в Слове. Речь – уникальное явление, данное человеку природой. Только человек может выражать свои мысли, чувства, эмоции словами.

Слово является мощным средством воздействия на массовое и индивидуальное сознание, способом формирования общественного мнения, оружием массового поражения в глобальной информационной войне, источником информации и дезинформации, средством пропаганды и агитации.

Слово – самый эффективный инструмент и созидающего, и разрушительного влияния. Словами можно поднять в атаку, позвать на баррикады, повести за собой, посеять страх, панику и хаос, обидеть, унижить и оскорбить, уничтожить, восхвалить и разрушить, можно обмануть, соблазнить, ранить в самое сердце и даже убить. Слово, будучи порожденным человеком как средство передачи информации, для своего существования требует того, кто его услышит или прочтет. Известный нейролингвист Татьяна Черниговская заметила: «Если перед нами будет лежать древнейший папирус, и не будет человека, который умеет его прочитать, то это никакая не информация. Это просто физический объект. То, что я вычитаю оттуда, зависит от того, какое у меня образование, какие у меня планы, зачем я это читаю» [В мире рухнуло... – URL]. В связи с этим в любой коммуникации так важен эксперт-лингвист, извлекающий при помощи лингвистических методов из текста, вызывающего неоднозначное прочтение, объективную информацию.

Судебно-экспертный контекст

Судебная лингвистическая экспертиза специфична. Она не похожа на другие разновидности экспертиз. С одной стороны, каждый говорящий или пишущий по-русски, не говоря уже о лицах, получивших филологическое образование, полагает себя сведущим лицом в вопросах родного языка, а с другой, правоприменитель не может устоять перед искушением «переложить» на лингвиста свои процессуальные функции, с тем чтобы получить от эксперта оценку речевого деяния с позиции права. Ведь заключение по судебной лингвистической экспертизе выступает в судопроизводстве не только как средство установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, но и является после оценки доказательств аргументом обоснования конечных выводов суда в процессуальном решении (судебном акте).

Изучать словесную материю, обладающую как планом выражения, так и планом содержания, в аспекте ее судебно-экспертного исследования крайне сложно при том, что естественный язык как система знаков является издревне объектом научного изучения языковедами. Немецкий философ Гегель говорил, что привычное, известное далеко не всегда является понятным. При интуитивной понятности рядовому носителю языка привычных значений слов и передаваемых текстом смыслов (в противном случае коммуникация на языке была бы попросту невозможна) для установления юридически значимых фактов и обстоятельств в случае спора о содержательно-смысловой направленности текста для его адекватного понимания уже требуется профессиональное экспертно-лингвистическое исследование.

Кажущаяся простота толкования спорного текста в силу его понятности адресату оказывает лингвистам, неискушенным в юридических дебрях судебной экспертизы, «медвежью услугу», позволяя, перефразируя исходные, вольно толковать их смыслы или «вкладывать» в уста говорящего свою собственную интерпретацию положения вещей.

Ситуация усугубляется тем, что на сегодня отсутствует консенсус среди судебных экспертов-речеведов, лингвистов-аналитиков, юристов-правоведов в отношении единого научно-методического подхода к экспертным специализациям, методикам и экспертной практике. Существующие методики экспертного исследования спорных текстов имеют концептуальные отличия, что порой ведет к противоположным выводам по результатам исследования одних и тех же продуктов речевой деятельности, оставляя для правоприменителя широкую дискрецию принятия процессуального решения.

В связи с этим для судебной лингвистической экспертизы так важно определить базовые понятийные категории, к числу которых относится и понятие поликодового текста как объекта судебно-экспертного

лингвистического исследования информационных материалов экстремисткой направленности.

Поликодовые тексты

Анализ жанрового своеобразия информационных материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов, формируемых на основании поступающих в Минюст России копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими [Экстремистские... – URL], показывает, что из числа проанализированных нами 5014 материалов большинство составляет поликодовый тип текста, представленный аудио-визуальными произведениями, размещенными в сети Интернет. Наиболее часто встречаются сочетания вербального и динамического или статического визуального компонента (например, видеофонограммы, в том числе в сопровождении текстовых комментариев). Интеграция визуального и аудиального каналов кодирования и декодирования информации выполняет функцию дополнительного воздействия на адресата.

Для обозначения поликодовых объектов судебной лингвистической экспертизы в научно-методической литературе используются различные названия: «креолизованные тексты», «мультимодальные тексты», «семантически обогащенные тексты», «негомогенные тексты» и т.д. Для судебной лингвистической экспертизы существенными признаками, конституирующими текст (в широком смысле слова) как объект исследования в интересах судопроизводства, являются целостность, связность и завершенность, его индивидуально-конкретная определенность и «запечатленность» на материальном носителе.

Анализ поликодовых текстов, содержание которых признано судами в результате экспертиз экстремистским, показывает, что такое решение появляется не в результате сложения, перемножения, пересечения вербальных и невербальных знаков, участвующих в создании поликодового текста, но в результате понимания реципиентом (в роли которого выступает адресат в широком смысле слова, включая и правоприменителя и эксперта-лингвиста) смысла сообщения, кодированного при помощи языкового и неязыковых (изобразительных, акустических, символных и т.д.) кодов, как единого целого.

В связи с этим существенным для диагностики, в частности, экстремисткой направленности, свойством поликодового текста, в котором сочетаются вербальный и невербальный компоненты, является формирование одного визуального, структурного, смыслового и функционального целого, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата [Анисимова, 1992, с. 73].

Для понимания семантической сущности поликодового текста в аспекте судебной лингвистической экспертизы прежде необходимо рассмотреть различие между понятиями «код», «знак» «текст» в пространстве семиозиса, где каждый знак может рассматриваться как свернутый текст, а всякий текст как элемент дискурса или «диалога» (по М.М. Бахтину).

Е.С. Никитина справедливо указывает на то, что при использовании понятия «код» в технике, информатике, генетике не требуется обращение к смыслу кодированных сообщений. «Можно человекочитаемый текст закодировать телеграфным кодом, и содержание текста при этом не изменится. Аналогично звуковую речь можно закодировать письменами. <...> Во всех случаях происходит изменение внешней, материальной формы знака или текста, а внутренняя, смысловая его сторона сохраняется постоянной. Трансформируется “тело” знака, а не его смысл» [Никитина, 2019, с. 69].

В связи этим необходимо разграничить понятия «поликодовый» и «креолизованный» текст.

Исследованию креолизованного текста как особой знаковой системы, имеющей интегративный коммуникативный эффект, посвящена, например, работа Ю.А. Сорокина и Т.Ф. Тарасова, которые определили, что «креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, 1990, с. 180].

Л.С. Большакова под вербальным поликодовым текстом понимает текст, предназначенный только для зрительного восприятия, в то время как мультимодальный поликодовый текст представляет собой единый поток информации, который воспринимается сразу несколькими модальностями, сенсорными каналами, например, визуальным и аудиальным. Креолизованный текст, в свою очередь, может считаться примером дикодового текста, «нелинейного гомогенного образования, включающего коды двух знаковых систем» [Большакова, 2008, с. 21].

И.В. Вашунина в отношении компонентов в поликодовом тексте выделяет равнозначные отношения (объемы понятий при этом совпадают), отношения логического подчинения (объем одного из понятий составляет часть от объема другого), перекрещивающиеся отношения или понятия (в объеме таких понятий имеются общие элементы, но в составе каждого содержатся и такие элементы, которые не входят в состав другого), отношения противоречия (одно понятие содержит такие признаки, которое не включает другое понятие), противоположные понятия или отношения (одно понятие имеет такие признаки, которые не совместимы с признаками другого понятия),

отношения соподчинения (несколько неперекрещивающихся понятий, которые подчинены общему для них понятию) [Вашунина, 2009, с. 28].

Вербальная и невербальная части поликодового текста «монтируются» в процессе его мультимодальной перцепции. Ассоциативно-образный монтаж как способ компоновки содержания и смысла нового семиотически неоднородного произведения заключается в способности адресанта мысленно сопоставить и соединить в последовательную цепочку вербальные, акустические и / или изобразительные компоненты так, чтобы они были логически связаны, а реципиент видел и понимал эту связь [Беляков, 2009, с. 46]. Сопоставление содержания языковых и неязыковых кодов играет ключевую роль в формировании восприятия такого сложного семиотического феномена как поликодовый текст. Монтаж – метод осуществления мыслительных операций нашего сознания для создания целостного смыслового образа или контекста сообщения, реализующего замысел «режиссера», который взяли на вооружение современные создатели аудиовизуальных и электронных поликодовых текстов. Соединяя изобразительный и звуковой ряды создаются сложные полифонические тексты, где слово, звук и изображение воздействуют одновременно как на сознание, так и подсознание [Утилова, 2004, с. 43].

Авторы методического пособия по семантическим исследованиям не рассматривают понятия поликодового и креолизованного текста как синонимы [Семантические исследования... 2018, с. 13-16]. Они отмечают, что и вербальный, и невербальный компоненты в рамках креолизованного текста работают на передачу одного и того же смысла, но достигается это разными «отношениями», в которые они вступают. Эти отношения подразделяются на интегративные отношения, при которых компоненты невозможно отделить друг от друга без потери смысла для всех компонентов; дополнительные отношения, при которых компоненты поясняют друг друга, конкретизируют смысл; оппозиционные отношения, при которых значения компонентов креолизованного текста противоречат друг другу; отношения двойного (или тройного) кодирования, при которых содержания компонентов текста дублируют друг друга; смешанные отношения, когда частично компоненты вступают в интегративные отношения, частично – в дополнительные [Ариас, 2011, с. 63-64].

Заложенная в поликодовый текст информация (вербальная, звуковая, иконическая), воспринимаясь человеком, преобразуется в универсально-предметном коде мышления. Универсальность данного кода связана с тем, что он есть у каждого носителя языка, но различен у каждого индивида в связи с разным жизненным опытом. Анализ системы параллельно употребляемых в современной науке терминов позволяет утверждать, что

для характеристики текста интернет-коммуникации, выступающего в качестве объекта судебной экспертизы по делам экстремистской направленности в качестве обобщающего термина целесообразно использовать термин «поликодовый текст».

Заключение

Поликодовым текстом можно назвать не только креолизованный, но и такой текст, в котором вербальные и невербальные составляющие соединяются ассоциативно-образным монтажом для достижения определенных коммуникативных целей, формируя единый перцептивный образ с его основными характеристиками – пространственно-временной структурой, модальностью и целостностью. Такой текст несет не просто информацию о каких-либо событиях, но и цель (смысл) передачи этой информации в определенный временной отрезок – в конкретной коммуникативной ситуации. Восстановление этого «намерения» текста и есть его смысловой аспект.

Список литературы

- «В мире рухнуло сразу все». Татьяна Черниговская о цивилизации праздности и недоверии к информации. URL: https://pikabu.ru/story/v_mire_rukhnulo_srazu_vsyo_tatyana_chernigovskaya_o_tsivil_izatsii_prazdnosti_i_nedoverii_k_informatsii_6589500
- Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71-78.
- Ариас А.-М.* Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия СПбГЭУ. 2011. № 6. С. 62-64.
- Беляков И.В.* Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 164 с.
- Большакова Л.С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 48-51.
- Вашунина И.В.* Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2009. 511 с.
- Никитина Е.С.* Психосемиотика. Изд. 2-е испр. и доп. Москва: Ленанд, 2019. 304 с.
- Никитина Е.С.* Смысловой анализ текста: Психосемиотический подход. Москва: Ленанд, 2016. 200 с.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др.; Под ред. С.А. Смирновой. Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
- Сергеева Ю.М., Уварова Е.А.* Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. 2014. № 4. С. 128-134.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р.Г. Котов. Москва: Наука, 1990. С. 180-186.
- Утилова Н.И.* Монтаж. Москва: Аспект Пресс, 2004. 171 с.
- Экстремистские материалы. URL: <https://minjust.ru/ru/extremist-materials>

Масленникова Е.М.

Поликодовость вторичного текстового мира и культурное знание

*Тверской государственный университет,
Россия, Тверь, e-maslennikova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается иллюстративно-визуальный ряд как один из факторов, определяющих текстовосприятие и текстопонимание. Выделены основные трудности работы с поликодовыми, визуально осложненными художественными текстами. Определены их основные переводческие стратегии (опора на авторский прием; опора на представленный рисунок или иллюстрацию; опора на ситуацию).

Ключевые слова: художественный текст; межкультурная коммуникация; понимание; перевод; поликодовость.

Maslennikova E.M.

Polycode phenomena in secondary text worlds and cultural knowledge

*Tver State University,
Russia, Tver, e-maslennikova@inbox.ru*

Abstract. The paper focuses on the polycode phenomena in fiction. Texts are seen as a number of cultural codes multiplied in a number of pictures. Polycode phenomena determine text perception and text understanding. The realization of these codes makes the translators' work more complicated. The paper deals with the main translation strategies that can be helpful when working with multimodal texts.

Keywords: literary text; intercultural communication; understanding; translation; multimodal fiction; polycode phenomena in texts.

Текстовая коммуникация обладает такими чертами как поликодовость, интертекстуальность и интердискурсивность, а поскольку «вербальное не единственный медиум для выражения связанных с текстом смыслов» [Чернявская, 2010, с. 123], то изучение текста как целостного (лингво)семиотического объекта требует широкого и комплексного рассмотрения. Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов предложили называть семиотически осложненные тексты креолизированными, определяя их как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180]. В художественном тексте поликодовость (или мультикодовость) часто является дополнительным авторским способом смыслопорождения.

Иллюстративно-визуальный ряд является одним из факторов, задающих и направляющих восприятие и понимание текста. Аллегорическая сказка А. Сент-Экзюпери «Le Petit Prince» / «Маленький принц» (1943) обычно издается с авторскими рисунками в «книжном» формате (Галь, 1959), поскольку авторские рисунки к тексту и сам текст являются фактически неделимым целым. Другим примером креолизованного текста являются лимерики, ботаники и алфавиты поэта и художника-анималиста Э. Лира (1812-1888), где объединенные вербально-визуальными связями текст и авторский черно-белый рисунок взаимно включены друг в друга. Для изображения эмоций Э. Лир также использует средства, сходные с современными комиксами (жесты, мимика, слезы, открытый рот и т.д.).

Иллюстративно-визуальный ряд может создаваться непосредственно самим автором текста или профессиональным художником-иллюстратором, который иногда имеет возможность консультироваться с ним по поводу его видения персонажей. В переписке с художником-карикатуристом Дж. Тенниелом (1820-1914) писатель Л. Кэрролл (1832-1898) обсуждал варианты изображения героев для первых изданий «Alice's Adventures in Wonderland» (1865) и «Through the Looking-glass» (1872).

В 1959 году Р.О. Якобсон выделил в отдельный вид перевода межсемиотический перевод, под которым понимается интерпретация вербальных знаков через невербальные знаки. Трудности перевода, вызванные необходимостью сохранить визуальную (или визуализированную) составляющую текста, связаны с: 1) внешним приемом, когда автор прибегает к использованию дополнительных ассоциативных связей слова в создании художественной образности; 2) наличием рисунка или иллюстрации (в особенности – авторских); 3) спецификацией самого текста.

Визуальная составляющая и внешний прием

Названия карточных мастей становятся отправной точкой при создании эпизода про игру в крокет из книги «Alice's Adventures in Wonderland», в котором Л. Кэрролл обыгрывает омонимы, выстраивая дополнительные ассоциативные связи. Прагматической установкой автора будет создание ключей-предпосылок для читателя, позволяющих ему в результате преобразования контекста дешифровать суть каламбура. Автор использует слова, разные по значению, но сходные по звучанию. Наряды и украшения участников торжественного выхода Королевы зависят от их масти.

First came ten soldiers carrying clubs; these were all shaped like the three gardeners, oblong and flat, with their hands and feet at the corners: next the ten courtiers; these were ornamented all

over with diamonds, and walked two and two, as the soldiers did. After these came the royal children; there were ten of them, and the little dears came jumping merrily along hand in hand, in couples: they were all ornamented with hearts. Next came the guests, mostly Kings and Queens <...>. Then followed the Knave of Hearts, carrying the King's crown on a crimson velvet cushion; and, last of all this grand procession, came THE KING AND QUEEN OF HEARTS. L. Carroll. Alice's Adventure in the Wonderland

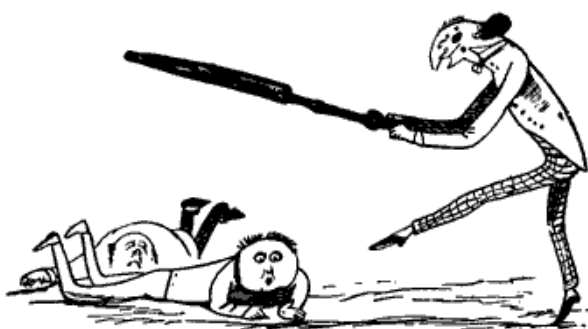
Чтобы понять, что украшает именно одежду придворных, необходимо не только посмотреть на иллюстрацию, но и помнить, что в английском языке *diamond*, кроме привычного значения ‘алмаз, бриллиант’, также в геральдике обозначает ‘черный цвет’, в математике – это ‘ромб’, а во множественном числе существительное *diamonds* – это название красной карточной масти ‘бубны’, изображаемой на картах именно как ромб (♦). На картах красной масти *черви* рисуются сердечки (♥), поэтому одежда членов королевской семьи (*the royal children*) украшена сердечками (*hearts*). Кроме значений ‘дубинка, клюшка (в хоккее, гольфе)’ или ‘приклад ружья’ существительное *club* в форме множественного числа дает карточную масть *clubs* ‘трефы’ или в просторечии *крести*, так как на них стилизованно изображены кресты в виде трилистников (♣). Полная омонимия слов *clubs* позволяет дать солдатам в руки *clubs* ‘пики’ (♣). Перейдя в другую часть речи, существительное *spade* ‘лопата, заступ’ стало глаголом *spade* ‘копать лопатой’, но взятое в форме множественного числа – это карточная ‘пиковая масть’ (*spades*), что позволяет читателю с легкостью определить масть садовников как *spades* (♠). Ассоциативные связи с формой *лопаты* легко прослеживаются в этимологии английского слова *spade*, ведущего происхождение от итальянского слова *spada* ‘sword’ через латынь *spatha* и греческий язык *spathe* , поскольку на игральных картах черной масти *пики* сначала изображалось стилизованное изображение меча или наконечника копья (♠). Валет Червей (*the Knave of Hearts*), а *черви* – красная карточная масть, торжественно выносит на подушке темно-красного (или малинового) бархата королевскую корону (*the King's crown on a crimson velvet cushion*). Таким образом, даже цветовая гамма эпизода подготавливает читателя к появлению королевской четы, титулы которых, кстати, выделены в тексте заглавными буквами: THE KING AND QUEEN OF HEARTS.

Переводчики вынуждены отталкиваться не только от названия карточных мастей и иллюстрации, но и от культурного знания своих читателей. В анонимном переводе (1913) королевская корона (*the King's*

crowн) превращается в отдельные знаки монархической власти – это *скипетр, держава, цепь и пояс*. Для сохранения авторского каламбура, основанного на одинаковой звуковой форме слов, В. Набоков (1923) вводит в качестве новых участников процессии *шутов с бубнами*, что позволяет ему сохранить признаки карточных мастей: у действительного *бубен* ‘ударный мембранный музыкальный инструмент’ форма множественного числа *бубны* совпадает с названием красной карточной масти *бубны*. Но если эти формы совпадают по звучанию, то они разные и реализуются в разных конструкциях, кроме этого в семантическом плане *бубен* как инструмент и *бубны* как карточная масть не имеют ничего общего. По краю *бубна* крепятся *бубенцы* или *бубенчики*, позванивающие при встряхивании *бубна*, которые также являются узнаваемым и опознаваемым атрибутом шутовского костюма. Л. Яхнина (1991) усиливает карнавальнй характер персонажей: появившиеся *музыканты в шутовских колпаках* стали бить в *бубны*.

Культурное знание, перевод и (авторская) иллюстрация

На авторской иллюстрации к лимерику «There was an Old Man with a roker» из сборника «A Book of Nonsense» (1845) Э. Лир изображает

худого джентльмена, одетого по моде середины XIX века в узкие и длинные клетчатые брюки и во фрак с короткой передней частью, чтобы подчеркнуть тонкую талию. Во время написания лимерика захватившая Англию подобная мода на клетчатые брюки постоянно высмеивалась в многочисленных карикатурах того

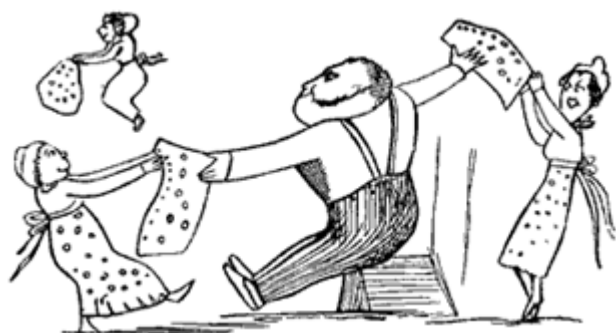
времени. В тексте сообщается о привычке героя красить свое лицо красной охрой (*painted his face with red oker*), т.е. сильно румяниться, что позволяет сделать вывод о смехотворных для окружающих его попытках выглядеть очень модным. Стоит иметь в виду, что к румянам активно прибегали щеголи XVII-XVIII веков, более известные как *macaroni* и ставшие предшественниками денди XIX века.

Услышав замечание (*You're a Guy!*), герой лимерика колотит окружающих кочергой (*a roker*). Является ли это замечание обидным? С точки зрения современных реалий – да, поскольку существительное *guy* (особенно в комбинации с прилагательным *gay*) часто используется по отношению к представителю нетрадиционной ориентации. Однако для современников Э. Лира прозвище *Guy* (*a Guy*), восходящее к имени собственному – *Guy Fawkes*, обозначало эксцентричного и смешно одетого человека. Кроме этого, сжигаемое 5 ноября в честь раскрытия «Порохового заговора» чучело, изображающее его главу Гая Фокса (*Guy*

Fawkes), также называется *a guu* ‘чучело’. Переводчики исходили из современной трактовки слова *a guu* и изменившегося восприятия голубого цвета, заставив старика *красить лицо в цвет голубой* (В. Левитин, 2015) или *уши и нос в голубое* (М. Фрейдкин, 2008). Примечательно, что Г. Кружков (2011) обыгрывает также изменившееся со временем значение прилагательного *другой* (*В душе я другой*). Нарумянив *шею и щеки*, старик из перевода С. Таска (2012) обижается на слова «*Ты ж не девка!*», что вполне понятно, так как в русском языке *девка* имеет просторечно-грубое значение ‘проститутка’. В переводе К. Атаровой (2003), где старик *лицо изукрасил золой*, показан конфликт поколений: он *кочергой больно лупит молодежь*. С. Шоргин (2003) просто называет героя *грязным человеком*.

Иногда для прочтения ситуации, представленной на рисунках Э. Лира, требуется обращение к широкому контексту и фоновым знаниям. Веселый старик (*cheerful Old Man*) из лимерика «*There was an Old Man in a*

rew» разорвал свой жилет (*he tore it in pieces*) и раздает его куски племянницам (*give to his Nieces*), что, с одной стороны, говорит о его экономии в отношении подарков, а, с другой стороны, о непритязательности одаряемых, обрадованных хоть каким-то

подарком от дяди. В середине XIX века мужчины носили бакенбарды, их жилеты с рисунком в цветочек (*waistcoat was spotted with blue*) шились из шелкового муара или из тех же тканей, что и дамские платья. Таким образом, становится понятным, почему на авторском рисунке раздаваемые куски жилета и юбки племянниц изображены одинаковыми. Кстати, на племянницах – платья с завышенной талией и традиционные легкие чепчики, соответствующие моде той эпохи.

Джентльмены XIX века разбирались в модных тенденция и тканях не хуже дам: герой романа «*Northanger Abbey*» (1803) английской писательницы Дж. Остен (1775-1817) не только быстро определяет стоимость ткани и ее непрактичность в стирке, поскольку покупает для сестры платья, но упоминает, что из неиспользованных остатков ткани или из неправильно раскроенного платья отлично выходят платки, чепцы и накидки.

But then you know, madam, muslin always turns to some account or other; Miss Morland will get enough out of it for a handkerchief, or a cap, or a cloak. Muslin can never be said to be wasted. I have heard my sister say so forty times, when she has been extravagant in buying more than she wanted, or careless in cutting it to pieces. J. Austen. Northanger Abbey (1803)

Именно по этой причине герой лимерика, явно являющийся холостяком, раздает куски своего жилета. Для усиления смехового эффекта переводчики объясняют причину щедрости дарителя его неуклюжестью и неряшливостью: *проповедник запачкал вареньем передник и раздал его дочкам на передники для кукол* (Г. Кружков, 2011), *старик посадил на жилетку пятно* (М. Фрейдкин, 2008), *старик измазал жилет в синей краске* (С. Шоргин, 2003). Только в «женском» переводе К. Атаровой (2003) остался *синий жилетик в горошек*.

Обратившийся к художественному тексту потенциальный (массовый) читатель необязательно будет обладать объемом знаний (языковых и фоновых), которые были изначально предусмотрены автором, а его эмоциональная оценка может (не) иметь совместимости с другими характеристиками объекта, предусмотренными автором.

Визуальный ряд и текст: оценочная концептуализация и оценочная категоризация

Текст отражает как языковую личность его создателя, так и национальную ментальность, подводя «итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [Кубрякова, 2009, с. 23]. Если «реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов», то «функциональную деятельность по становлению и интерпретации смысла» [Пищальникова 2003, с. 118] активизирует СЛОВО.

При реконструкции и реструктуризации Мира текста в процессе перевода как вторичной опосредованной деятельности выбор соответствующей категории и отнесении к ней предмета или объекта часто обусловлен разной степенью актуальности элементов из Мира текста для читателей из сферы переводящего языка и культуры. Одним из решающих факторов становится эмоционально-оценочная актуализация, направляющая процессы классификации и категоризации. Следуя сложившимся в принимающей культуре концептуальным образцам, в большинстве случаев неназванные породы деревьев (*tree*) как из детских стишков «Nursery Rhymes», так и из лимериков Э. Лира превращаются в *березы*, а *рыба (fish)* становится *селедкой*, *щукой* или *карасями*. Применяемые в подобных случаях стратегии доместикации и / или адаптации позволяют «встроить» получаемый вторичный текст в иную и новую для него систему культурных координат.

Изданную нью-йоркским издательством «G.P. Putnam's Sons» в историко-приключенческой серии книгу «Romance of Russia, from Rurik to Bolshevik» (1921) открывает черно-белая репродукция картины русского художника К.Е. Маковского (1839-1915) на историческую тему «Боярский свадебный пир» (1883). Изображение пышной боярской свадьбы с роскошно разодетыми гостями в богатых палатах «подготавливает»

читателя к тому, что его ожидает при чтении романа из «русской жизни», где переплетаются, как заявлено во введении, славянский дух, древние былины и наивное очарование сказок («the Slav spirit in the clang of the ancient bylinas, and the naive charm of the skazkas»). Картина, чье название передано как «Russian Wedding Feast» (буквально ‘Русский свадебный пир’), получила огромную популярность в США: оригинал использовался для привлечения денежных средств на благотворительные цели, а копии печатали на открытках, коробках конфет и т.д. Именно она подтолкнула к созданию книги. Американская писательница Э. Чампни (1850-1922) вольно обращается с эпизодами из русской истории, а смешение реальных персонажей с героями сказок и былин, «разбавление» прозаического текста переводами стихотворений русских поэтов в виде вставок-метатекстов придают изложению сумбурный характер. Так, показывая принцессе по имени *Vasilissa* подарок, полученный им от богини *Lada*, парень *Ilya* цитирует пушкинское стихотворение «Талисман», а потом он встречается с царицей *Тамарой* из стихотворения М.Ю. Лермонтова. Пушкинскую «Песнь о вещем Олеге» исполняет певец-менестрель (*minstrel*), наигрывая себе на гусях (*gusly*), которые, как следует из сноски, выглядят как *лира* (*lyre*). Таким образом, читатель получает ложное представление о реалиях из мира Текста, пытаясь их визуализировать.

Перед введением к книге «Romance of Russia, from Rurik to Bolshevik» напечатано небольшое стихотворение «Red Russia», чье название можно перевести как «Красная Россия» или «Кровавая Россия» в зависимости от точки зрения на русскую историю, а авторы специально оговаривают, что их задачей было показать черты национального характера на фоне различных исторических событий – от нашествия татар до революции 1917 года. Стихотворение задает общую кроваво-красную цветовую гамму всей книги: Рюрик объединяет кровавые племена (*bloody tribes in unity*), князь Владимир водружает над страной алый крест (*the crimsoned cross*), царь Петр I строит империю на крови (*an empire built of blood*), Екатерина II запятнала герб красными пятнами позора (*smirched its scutcheon red with shame*). Прилагательное *red* с широкой цветовой гаммой от обычного ‘красный, алый, багровый, багряный’ до ‘красный, революционный, советский, коммунистический’ и ‘окровавленный, обогранный кровью’ используется для создания прозвищ варяга Рюрика (*Red Rurik*) или царя Ивана Грозного (*the Red Tsar*) и для характеристики событий и явлений XX века (*the Red Terror, the Red Guard, the Red Tyrant of Bolshevism*). Отметим, что один из первых переводчиков русской поэзии на английский язык Дж. Бауринг (1792–1872), рассуждая о свойственной русским поэтической образности в предисловии ко второму тому своей антологии «Specimens of the Russian Poets» (1823), говорит, что

непереводимость поэзии обусловлена невозможностью передать связанные со многими словами и выражениями ассоциации, которые чувствует и ощущает русский читатель. В качестве примера непереводимости цветовых ассоциаций он приводит многозначное прилагательное *красный*, имеющее кроме «цветного» значения также значения ‘красивый, прекрасный’, ‘радостный, счастливый’.

Таким образом, приписываемые СЛОВУ характеристики отражают определенные эмоциональные состояния с их синхронно-диахронными изменениями, когда также меняется отношение к значениям СЛОВА в разные моменты, как его собственной истории, так и в истории носителей языка и культуры.

Языковая категоризация и концептуализация часто требуют специальных знаний, связанных с особенностями картины мира, в том числе индивидуально-авторской.

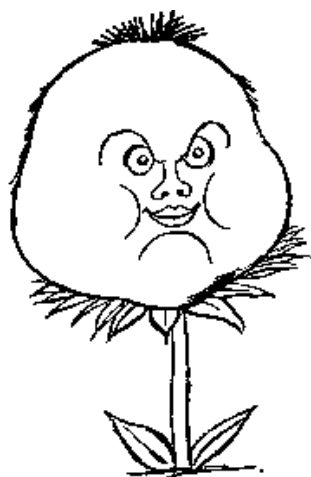
В художественном тексте даже термин может реализовываться как символ, а получив определенные коннотации, стать частью какого-либо особого кода (кода автора, кода литературного направления, кода эпохи). В подобных случаях переводчик сталкивается не только с научно-терминологическими трудностями, но и с литературно-стилистическими, когда ему приходится выбирать между точностью (и правильностью) термина относительно сложившейся в принимающем языке терминосистемы, но также ориентироваться на роль и функцию термина в Мире текста, учитывая при этом его нагрузку для отдельного эпизода или всей книги. Например, Ж.-К. Гюисманс (1848-1907) включил подобное каталогизированное перечисление различных драгоценных камней в четвертую главу своего знаменитого символистского романа «*À rebours*» (1884), где главный герой решает инкрустировать панцирь живой черепахи с тем, чтобы она гармонировала с цветом ковра и радовала его взгляд.

Перечисляемые драгоценные камни вызывают зрительные представления о том, как они выглядят. С формальной точки зрения по геммологической и ювелирной терминологии *перидоты* – это *оливины* ювелирного качества, *альмадин* – пурпурно-красная с лиловым оттенком разновидность граната, а его другая разновидность – редкий *уваровит*. Автор обыгрывает звуковое сходство между названиями камней, выбранными его героем для листьев в букете, и характерными для растений оттенками зелени: зеленовато-золотистый *хризоберилл* цвета зеленой спаржи (*de chrysobéryls vert asperge*), *перидоты* цвета зеленого лука-порей (*de péridots vert poireau*), оливково-зеленый *оливин* (*d’olivines vert olive*).

... les feuilles furent serties de pierreries d’un vert accentué et précis: de chrysobéryls vert asperge; de péridots vert poireau;

d'olivines vert olive; et elles se détachèrent de branches en almadine et en ouwarovite d'un rouge violacé... J.-K. Huysmans.
À rebours (1884)

Английские переводчики романа и русская дореволюционная переводчица сохраняют зрительную наглядность эпизода: *the chrysoberyls of asparagus green; the chrysolites of leek green; the olivines of olive green* (J. Howard, 1922); *chrysoberyls, asparagus green; peridots, leek green; olives, olive green* (Anonymous translation, 1928); *зеленые александриты цвета спаржи, зеленые перидоты цвета порея, зеленые оливины цвета оливы* (М.А. Головкина, 1906). Благодаря словообразовательным возможностям немецкого языка переводчик создает сложное прилагательное – *spargelgrün* ‘спаржево-зеленый’ хризоберилл, но затем останавливается на цветовых оттенках – *grün* ‘зеленый’ хризолит и *dunkelgrün* ‘темно-зеленый’ оливин (М. Carpius, 1897). Современный перевод на русский язык следует этой же стратегии *ярко-зеленый хризоберилл, зеленоватый перидот* и *оливковый оливин* (Е.Л. Кассирова, 1995). Для цветов были выбраны две разновидности хризоберилла: зеленовато-желтый «кошачий глаз» (*d'yeux de chat*) и золотисто-желтые с синеватым отливом цимофаны (*de cymophanes*). Что касается сапфиринов (*de saphirines*), то раньше это название применялось сразу к двум минералам: к обладающему светло-синим или темно-синим сапфироподобным цветом сапфирину (другое

Phatfacia Stupenda

название – голубой кварц) со стеклянным блеском и к голубовато-серым агатам. Автор, конечно, имел в виду агат с бурыми включениями. Дореволюционная переводчица М.А. Головкина (1906) правильно определяет камень как голубовато-серую разновидность агата – *синий халцедон*. В настоящее время термин *сапфирин* к агатам не применяется.

La saphirine qui allume des feux bleuâtres de phosphore sur un fond de chocolat, brun sourd. J.-K. Huysmans. À rebours (1884) ↔ ... *синий халцедон, зажигающий синеватые огни фосфора на шоколадном темно-коричневом фоне.* Ж.-К. Гюисманс. Наоборот (Перевод М.А. Головкиной, 1906); ... *сапфирин, фосфорной голубизны огоньки в шоколадно-коричневой гуще.* Ж.-К. Гюисманс. Наоборот (Перевод Е.Л. Кассировой под ред. В. М. Толмачева, 1995)

Таким образом, переводческий эквивалент как соответствие, не зависящее от условий контекста в пределах определенной отраслевой тематики, оказывается зависимым от культурного знания о текстовом Мире.

Визуальный ряд и непереводаемость текста

Современная теория перевода опирается на принципиальную переводаемость любого текста и исходит из того, что непереводаемость возникает в виде непереводаемых языковых, стилистических и тематических явлений, но устраняется на уровне целого текста. А.Д. Швейцер [Швейцер, 1992] указывает, что переводаемость на уровне текста обусловлена его параметрами (стиль, жанр, тип), а непереводаемость связана с металингвистической функцией. При переводе рассказа А. Конан Дойля (1859-1930) «The Adventure of the Dancing Men» (1903) / «Пляшущие человечки» (1946) М. и Н. Чуковским пришлось заново создать шифр в виде пляшущих человечков применительно к русскому алфавиту. Из-за различий между алфавитами часть исходного текста оказалась пропущенной.

Создавая научнообразные подписи к вымышленным растениям из своих «Чепуховых ботаник» («Nonsense Botany»), Э. Лир опирался на принцип словосложения или контаминации, пародируя предложенную К. Линнеем биномиальную номенклатуру для классификации растительного и животного мира. Например, за подписью «Phattfacia Stupenda» к рисунку из сборника Э. Лира «Nonsense Songs, Stories, Botany and Alphabets» (1871) угадывается ‘A stupid fat face’. Г. Кружков (2011) следует авторской модели – *Глупендус круглолицый*, а Б. Архипцев (2016) предлагает вариант *Толсторожия изумительная*. Воссоздание авторских окказионализмов средствами другого языка в случае, когда иллюстрация является вербально-зависимой частью текста, требует креативности (о типах креативности в [Sternberg, 2006]) и способности отойти от простого копирования модели. Несмотря на их кажущуюся непереводаемость ботаники и чепуховые алфавиты Э. Лира продолжают пользоваться интересом у переводчиков и у читателей. Их фантазийные образы продолжают переосмысливаться в иной культурной традиции. Так, на сайте «Абсурдопедия», пародирующем статьи из сетевой энциклопедии «Википедия», имеется статья «Лекарственные растения» [Лекарственные... – URL], где для всех созданных Э. Лиром растений названы места их произрастания и показания к применению: оказывается, растение *Phattfacia Stupenda* или *Нагломордия дурацкая* растет при ЖКХ и оказывает лечебный эффект при хамстве.

Выводы

В случае визуально осложненного текста основными переводческими стратегиями при выборе ориентиров становятся опора на прием (игра слов и т.д.); опора на представленный рисунок или иллюстрацию; опора на ситуацию.

Список литературы

- Лекарственные растения. URL: [https://absurdopedia.wiki/Лекарственные растения](https://absurdopedia.wiki/Лекарственные_растения)
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 11-24.
- Пищальникова В.А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград, 2003. С. 117-120.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180-186.
- Чернявская В.Е. Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2010. С. 113-124.
- Швейцер А.Д. Еще раз к вопросу о переводимости // Литература и перевод: проблемы теории. М., 1992. С. 154-159.
- Sternberg R.J. The Nature of Creativity // Creativity Research Journal. 2006. Vol. 18. №. 1. Pp. 87-98.

УДК: 811-027.63:378.091.31

Шенлебен М.М.

Анализ лингвистических особенностей современных рекламных текстов в целях преподавания русского языка как иностранного

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, slammi@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализирован опыт использования рекламных текстов при обучении студентов-инофонов на занятиях по культуре речевого общения первого / второго иностранного языка. Рассматриваются характеристики рекламных текстов как лингвокультурного феномена и лингводидактического материала. Статья содержит рекомендации по отбору учебных рекламных текстов и по учебной работе с этим видом текстов.

Ключевые слова: обучение русскому как иностранному; лингвистический анализ текста; рекламный текст; рекламный дискурс; типы рекламных текстов.

Schoenleben M.

Analysis of linguistic specifics of modern advertising texts in the framework of teaching Russian as a foreign language

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, slammi@mail.ru*

Abstract. The paper describes classroom experience of using advertising texts in teaching foreign students of the academic programme "Journalism". In this regard, the characteristics of advertising texts as a linguocultural phenomenon and linguodidactic material are considered. The

paper contains recommendations on the selection of educational advertising texts and methods of work with such texts.

Keywords: Russian as a foreign language, linguistic analysis of the text, advertising text, advertising discourse, types of advertising texts.

Актуальность исследования

Иностранные студенты, изучающие русский язык, заинтересованы в знаниях о новейшем русском языке, с помощью которого в итоге они могли бы читать, а также производить публицистические тексты на русском языке. Однако, это возможно только на продвинутом уровне владения русским языком как иностранным. И если неадаптированные публицистические тексты для этого контингента учащихся еще сложны для понимания, то рекламные тексты (далее РТ) представляют собой тексты «живого русского языка», и их можно использовать в существующей форме.

РТ имеют ряд достоинств, к которым относятся доступность, емкость, лаконичность, экспрессивность, описание средствами изучаемого языка товаров и услуг, иногда уже хорошо знакомых иностранной аудитории.

Кроме того, наблюдается некоторая общность между особенностями написания рекламных слоганов и креативных газетных заголовков. И те и другие отличаются перечисленными выше признаками, в них часто используется прием языковой игры. Они выполняют конкретную функцию привлечения внимания и представляют собой полноценные аутентичные тексты.

Кроме того, РТ могут являться хорошим вспомогательным учебным материалом для актуализации знаний иностранных учащихся о разных стилях речи, особенно разговорном и официально-деловом. В то же время появляются идеи о том, что РТ и PR-тексты относятся к особому «рекламному стилю речи», в котором концентрируются речевые средства всех функциональных стилей [Теория и практика рекламы, 2006, с. 414], и выделяется такое понятие как «рекламный дискурс». Е.С. Кара-Мурза утверждает, что «характер функционирования рекламы в нынешних российских средствах массовой коммуникации уже позволяет... делать выводы относительно сложившихся функционально-стилистических особенностей ее текстов на фоне других стилевых разновидностей русского языка». Автор полагает, что это позволяет выделить рекламный стиль в отдельный стиль речи, в котором актуализируются ключевые языковые особенности всех функциональных стилей русского языка [Кара-Мурза, 1997, с. 65].

Реклама, с одной стороны, является частью межнационального общения, диалога культур, а с другой – имеет национальные особенности

создания и восприятия, отражает черты национальной картины мира. Анализ РТ на занятиях по РКИ открывает большой лингводидактический потенциал. РТ помогают созданию интертекстуальности, и в этом смысле они сами могут рассматриваться как лингвокультурный феномен. Эта особенность также может быть полезна в обсуждении со студентами-иностранцами в целях формирования межкультурной компетенции учащихся.

Лингводидактический потенциал РТ

Как отмечает Квон Сун Ман, «РТ привлекают прецедентные феномены, интертекстуальные связи, концентрирует эксплицитную и имплицитную информацию о культуре, истории, менталитете, фоновой информации, содержащейся в сознании большинства носителей языка и культуры» [Квон Сун Ман, 2006]. Вследствие этого автор предлагает использовать учебные задания репродуктивного, реконструктивного и продуктивного характера, однако широко эту мысль не развивает.

К лингвометодическим причинам включить РТ в изучение на уроках РКИ автор диссертации относит «опору РТ на широкий круг национально-культурных единиц (фразеологизмов, пословиц, национально-культурных стереотипов, устойчивых словоупотреблений, отсылок к прецедентным феноменам: именам, текстам, событиям, фактам, знаниям и пр.). Являясь средством массовой коммуникации, РТ неизбежно испытывают воздействие других текстов этого культурного пространства, вступая с ним в разнообразные межтекстовые связи и аккумулируя их смыслы [Стародубова, 2019, с. 101-113], представляющих особую ценность для обучения языку, рассматриваемому в контексте диалога культур, межкультурной коммуникации» [Квон Сун Ман, 2006].

Говоря о природе лингвокультурных феноменов, широко используемых или обыгрываемых в РТ, можно выделить следующие.

1. Культурно-исторические реалии. В РТ и в торговых наименованиях довольно активно употребляются слова или словосочетания, обозначающие исторические реалии, значимые для россиян факты культуры (например, «*Василиса*», название торговой марки компании «ГДЛ Текстиль»).

2. Прецедентные имена. Нередко рекламисты прибегают к использованию имен деятелей русской истории и культуры для придания авторитетности рекламируемому объекту. Имена российских исторических деятелей широко употребляются в названиях торговых предприятий (например, конфеты «*Екатерина Великая*» и «*Петр I*», кстати, выпускаемые под единым слоганом «*Виват, Россия!*»)

3. Национально-культурные реалии. Особую теплоту восприятия рекламируемым объектам придает употребление названия предметов или понятий традиционного быта, образа жизни, как правило, из давнего

прошлого или недавно ушедшего, и задержавшегося в памяти русских, прошлого: *«Хорошо иметь Домик в деревне»*. А также *«Сметана Домик в деревне. Вкус традиций»* / *«Урал не Сахара – одевайтесь в O'hara»*.

4. Использование формул речевого этикета соответствует самой природе РТ, для которых обращение является одним и способов установления непосредственного контакта с реципиентом.

«Дорогая, я перезвоню» (название кафе).

«“Добрый” с добрыми пожеланиями» (сок «Добрый»).

«Какая блестящая идея, дорогой!» (реклама ювелирного магазина).

5. К новым тенденциям в рекламе принадлежит также **ситуативный маркетинг**, в результате которого в РТ обыгрываются текущие новости, события сегодняшнего дня. Например, *«Конкуренты, но вы держитесь! Хорошего вам настроения, здоровья!»* Tele2. (видоизмененная фраза российского политика). Кроме того, компании используют для своей рекламы праздники и громкие информационные поводы: Новый год, День Победы, запуск реакций в Facebook и другие события: *«Подарок на Рождество после Рождества»* (дешевые авиабилеты «Трансавиа»).

Исследователи говорят о том, что уже создан определенный корпус русскоязычных РТ, обращенных к знаковым текстам / фигурам русской культуры, которые получили название национально-прецедентных.

Рекламисты опираются в создании новых слоганов на следующие **источники прецедентных текстов**.

1. Художественная литература. Используются все элементы текстов – от заглавия, имен персонажей до цитат и даже целых фрагментов (в частности, стихотворные строфы). В основном, обыгрываются произведения русской литературы. Иногда для создания комического эффекта используется диссонанс – смешение высокого стиля (поэтической речи, обычно цитаты из классиков 19 в.) и незначительности самого рекламируемого товара (из потребительской сферы). Например: *«Кредит за чудное мгновенье...»* (восходит к строкам А.С. Пушкина *«Я помню чудное мгновенье...»*), в наружной рекламе банка «Хоум Кредит» сопровождалось портретом поэта). *«Банк «Открытие». Надежный банк нашего времени»* (перефразировано название романа *«Герой нашего времени»* М.Ю. Лермонтова).

2. Фольклор. Открывается большой простор для преподавателя РКИ познакомить студентов со сказками, былинами русского народа. В этом случае РТ также могут использоваться как дополнительный материал. *«Sunsilk. Прямо пойдешь красоту найдешь»* (ср. Надписи на былинном камне, перед которым в задумчивости останавливается богатырь из русских народных сказок: *«Прямо пойдешь – счастье найдешь»*).

3. Очень широко представлены **пословицы и поговорки**. Вообще, нужно отметить, что в русском языке они используются достаточно часто. Они легко узнаваемы представителями разных поколений. В то же время, практика показывает, что инофоны проявляют интерес к их изучению, и корректно используют в своей речи. В связи с этим включение РТ, содержащих пословицы и поговорки, может помочь закрепить эти знания. Например: *«Язык до Лондона доведет» / «Береги зубы смолоду» / «Красна изба пирогами»*.

4. Афоризмы. Как отмечалось ранее, речь может идти как о русских, так и международных крылатых словах и выражениях, которые могут быть уже знакомы учащимся. В последнем случае, одним из упражнений может стать задание самостоятельно найти источник. Например, *«В здоровом теле — здоровые продукты»* (сеть магазинов «Перекресток», ср. афоризм «в здоровом теле здоровый дух»).

5. Фразеологизмы. Существует большое количество научных работ, посвященных употреблению фразеологических единиц в рекламе. Частотность их использования объясняется такими признаками фразеологизма, как образность, эмоциональность и оценочность. Фразеологизмы образуются в результате метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний, и поэтому сами могут стать богатым источником для создания рекламных слоганов.

К популярному в последнее время явлению в сфере создания РТ можно отнести прием снятия закрепленного значения фразеологизма, то есть использование каждого слова, входящего в него, в прямом смысле. Это противоречит самой природе фразеологизма, однако служит хорошим методом создания комичности, вследствие чего достигается привлечение внимания читателя. Например, *«Читайте по губам: Ал-Ло-Ме-Дин»* (бальзам для губ). *«Если забрасывать женщину камнями, то только драгоценными»*. *«Ваше здоровье – в ваших зубах!»*

6. Кинофильмы. Несмотря на то, что реклама сегодняшнего дня, в первую очередь, адресована к молодому поколению, мало знакомому с реалиями советского времени, все же рекламисты часто обращаются к названиям фильмов того времени. Это происходит вследствие того, что сами эти названия стали крылатыми фразами. Поэтому нет необходимости знать сам сюжет, в котором могли бы быть закодированы дополнительные смыслы. Например, *«Пиво Степан Разин. Хорошо сидим»*.

7. Песни, как современные, так и русские народные, а также популярные в советское время. Например, *«Не гони лошадей – некуда будет спешить»* (ГИБДД, восходит к известному романсу на слова Н. Риттера, припев которого известен каждому русскому человеку: *«Ямщик, не гони лошадей! / Мне некуда больше спешить, / Мне некого больше любить, / Ямщик, не гони лошадей!»*). Во всех случаях возможно

как использование только названия, так и цитаты из текста, которая стала широко известна. Кроме того, обыгрываются как произведения русского фольклора, так и советского и современного периодов, то есть точно установить хронологию самых популярных источников не представляется возможным. В связи с этим, можно прийти к выводу, что истинное содержание самого текста не является важным для понимания смысла РТ, использующего его. Никаких скрытых подтекстов, зашифрованных в цитатах из прецедентных текстов в рекламных заголовках, может не быть. Для рекламистов достаточно привлечь внимание реципиентов рекламы интересной языковой игрой, напоминая об устойчивых словосочетаниях и крылатых выражениях, хранящихся в памяти народа.

Учебная работа с рекламными текстами

Для преобразования РТ в средство обучения необходима предварительная системная методическая работа, а в некоторых случаях подготовка лингвострановедческого комментария, или моделирование учебного процесса в терминах «дискурс» и «аудиторный дискурс», как это, например, предлагают в своих работах Л.П. Мухаммад и Х. Чайлак [Мухаммад, 2014; Чайлак, Мухаммад, 2017]. Безусловно, выбор подходящих РТ и заданий к ним обусловлен целями обучения конкретных учащихся, их уровнем владения РКИ, временными рамками и т.д., а также зависит от творческих умений преподавателя. В данной статье предлагается ряд текстоориентированных заданий, используемых нами в практике обучения РКИ при работе с русскоязычными РТ.

Поскольку РТ по своей функции направлен на привлечение внимания, при создании используются все доступные методы. Самым популярным из них с позиций лингвистики является языковая игра, которая представляет собой своеобразные «особенности общения, которые направлены на достижение дополнительных эффектов, обычно с целью развлечения, забавы, усиления речевого воздействия. Осуществляется обычно с помощью преобразования языковых средств. Объектом преобразования выступает, как правило, форма языкового знака – слова, предложения, устойчивой лексико-грамматической конструкции. Понимание особенностей языковой игры является свидетельством высокого уровня владения иностранным языком» [Новый словарь..., 2009].

В РТ часто используется прием аллюзии, т.е. соотнесение рекламной фразы с устойчивым, общеизвестным понятием или высказыванием литературного, исторического или мифологического характера [Теория и практика рекламы, 2006].

На занятиях с учащимися продвинутого уровня владения русским языком как иностранным можно предложить разные способы знакомства с видами языковой игры в русском языке и предложить некоторые задания

по самостоятельному созданию таких паремиологических трансформаций, а также более сложные задания (аналитические, упражнения на трансформацию, самостоятельный поиск трансформированного прецедентного феномена на примере конкретных РТ и т.д.) при условии предварительного ознакомления учащихся с оригинальными текстами-источниками.

Заключение

Исследованный вид учебной работы с русскоязычными РТ на занятиях по РКИ позволяет не только помочь семантизации обучающимися языковых единиц, представленных в сознании носителей языка, но и познакомить их со всем комплексом национально-культурных ассоциаций.

В РТ заложен культурный код, который без затруднения воспринимается носителями языка. Апелляция к текстам национальной культуры и их трансформация побуждают носителей языка обратить внимание на услышанный или прочитанный РТ. Однако его восприятие инофонами достаточно затруднено. В декодировании скрытых подтекстов и смыслов может помочь преподаватель, который заранее должен провести методическую работу по подбору подходящих для обучения РТ, источников их трансформации. Практика показывает, что при достаточном количестве материала обучающиеся не только развивают лингвистическую компетенцию, но пополняют свой багаж знаний о русской культуре, тем самым развивая свою лингвострановедческую компетенцию.

Включение в содержание обучения РКИ такого дополнительного ресурса, как РТ, и его использование при формировании навыков и умений профессионально-ориентированного чтения подготовит обучающиеся к чтению профессиональной литературы.

Список литературы

- Кара-Мурза Е.С.* О бедной рекламе замолвите слово // Журналистика и культура русской речи. Вып. 3. М., 1997. С. 65.
- Квон Сун Ман.* Лингвометодический потенциал рекламных текстов и его использование при обучении русскому языку иностранных учащихся: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 162 с.
- Мамонтов А.С.* Кросс-культурный анализ в аспекте рекламоведения // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 111-116.
- Мухаммад Л.П.* Моделирование дискурса в целях создания инновационных технологий обучения // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 24-27.
- Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. 2009. 448 с. URL: http://linguistics-online.narod.ru/olderfiles/1/azimov_e_g_shukin_a_n_novyy_slovar-21338.pdf
- Стародубова О.Ю.* Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации // Вестник

МГОУ, серия Лингвистика. М., 2019. № 5. С. 101-113.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта. Наука, 2003. 635 с.

Теория и практика рекламы / Под ред. В.В. Тулупова. СПб.: Издательство Михайлова, 2006. 414 с.

Чайлак Х., Мухаммад Л.П. Аудиторный дискурс как инновационная площадка по развитию языковой личности инофона. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 1. С. 77-90.

УДК:

Щенникова Е.В.

Невербальный лексикон комикса: в поисках метаязыка

*Московский исследовательский центр,
Россия, Москва, schevos@mail.ru*

Аннотация. В работе дается общее представление о комиксе как особом синкретичном формате текста. Автор акцентирует наиболее острые ономазиологические проблемы, связанные с поиском обозначений для базовых элементов комикса, одновременно кратко характеризуя выразительные возможности последних.

Ключевые слова: комикс; креолизованный текст; лингвистическая экспертиза.

Shchennikova E.V.

Non-verbal lexicon of comics: In search of metalanguage

*Moscow Research Centre,
Russia, Moscow, schevos@mail.ru*

Abstract. The paper presents the general idea of a comic book as a work of specific syncretic format. The author focuses on the burning onomasiological issues related to the choice of denotations for basic elements of a comic book while describing briefly their expressive resource.

Keywords: comics; creolized text; forensic linguistics.

Комикс в последнее десятилетие получил широкое распространение, существенно увеличив свою читательскую аудиторию. Визуальная составляющая обуславливает его доступность для понимания, отсюда привычное и во многом ошибочное представление об ориентированности комиксов на младшую возрастную группу. Вопреки сложившемуся стереотипу, сейчас они нередко используются людьми старшего поколения, становясь средством саморазвития, постижения действительности и трансляции идей: Н. Саузанис выполнил диссертацию «Unflattening» в форме комикса; возможно также изложение научных

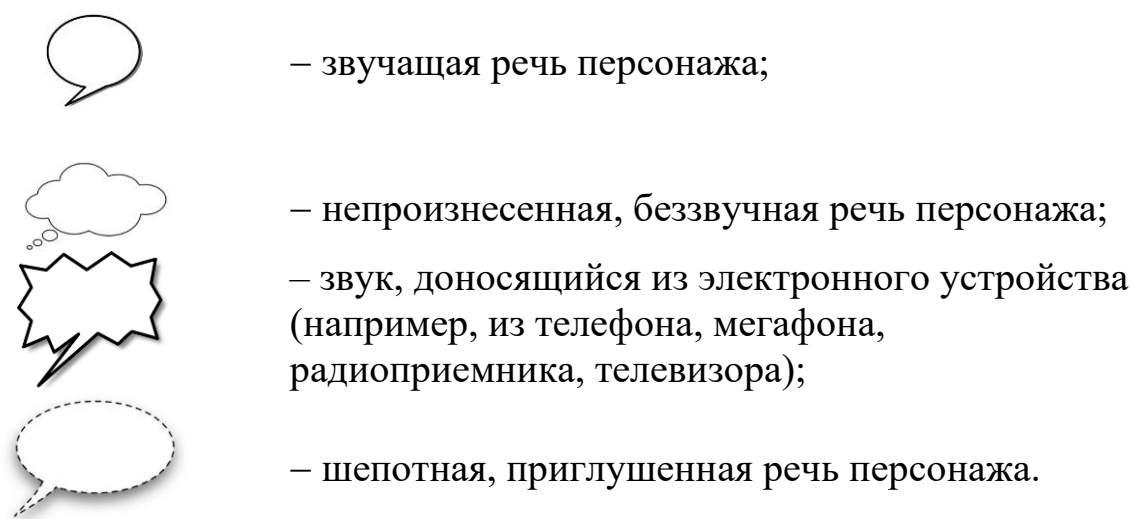
теорий, философских учений, основ практической деятельности и иных вопросов «в картинках».

В силу своей популярности в различных тематических сферах содержание комикса часто становится объектом экспертного исследования. Важно понимать, что для проведения грамотного анализа, отвечающего требованиям полноты и всесторонности, лингвист должен быть знаком со спецификой подобного рода текстов, представлять их структуру и принципы организации. Многие комиксисты (люди, непосредственно вовлеченные в процесс создания комиксов), считают, что комикс – это не конкретный жанр, тем более не журнал приключенческого содержания, а форма искусства и одновременно средство коммуникации, осуществляемой с помощью последовательности изображений. Отсюда закрепившийся за комиксами термин *sequential art* – последовательное (секвенциональное) искусство. (Ср. определение комикса С. Макклауда, признанного специалиста в рассматриваемой области: «сопоставленные в определенном порядке графические и прочие изображения, призванные передать информацию и / или вызвать у зрителя эстетический отклик» [Макклауд, 2016, с. 9]. Комикс рассказывает [Феоктистов, с. 8], повествует, используя для этих целей не только и не столько текст в узком понимании, сколько упорядоченную совокупность статических изображений.

Базовый принцип понимания комикса гласит: последовательность изображений в нем – это не набор разрозненных картинок с подписями, а единое сообщение. Любой человек может так или иначе интерпретировать заключенное в комиксе послание. Текст в виде расположенных один за другим в линию рисунков (т.н. *comic strip*) намного проще для восприятия, нежели сложноорганизованные совокупности изображений. Однако и в этом случае есть общие рекомендации и правила [Леонг, с. 14-15]. Так, принятый в американских и европейских комиксах порядок «чтения» привычен для носителей русского языка: слева направо и сверху вниз. В японских комиксах, именуемых манга, он прямо противоположный. Будучи по своей природе креолизированным текстом, комикс активно использует графические средства, которые составляют неотъемлемую часть его лексикона: звуки, ощущения – все получает визуально доступное выражение. Конвенциональным способом передачи на рисунке, например, неприятного запаха, который исходит от неопрятного персонажа, является размещение вблизи него волнистых линий в совокупности со стилизованным изображением мух [Макклауд, 2016, с. 128]. Для визуального лексикона комикса не выработана общепринятая терминосистема. Важность создания метаязыка для простого и в то же время исчерпывающего описания компонентов комикса очевидна, но представляет собой нетривиальную задачу. Идея

транслитерирования существующих англоязычных обозначений представляется нам неудачной в силу ряда причин. Во-первых, в языке-источнике наблюдается терминологическая полифония, во-вторых – в результате подобных преобразований получаются неблагозвучные наименования, возникают омонимы (ср.: спич-бабл, баллон, тайтл).

Один из основных элементов визуального лексикона комикса – текстовое облачко, или пузырь. Они в основном используются для оформления прямой речи или внутреннего монолога персонажа. Интересная версия их появления представлена в работе пионера современной комикс-индустрии Уилла Айснера: «выдыхаемый в процессе говорения теплый воздух можно увидеть. Логично объединить зримое с тем, что воспринимается на слух, в визуализированном акте произнесения» [Eisner, p. 26]. Исчерпывающая классификация «облачков» по типам до сих пор не произведена и вряд ли возможна в силу их высокой вариативности и контекстуальной обусловленности. Тем не менее, есть несколько частотных форм с более-менее устойчивой семантикой, описание которых можно найти, например, в работах [Eisner, p. 27; Ли, с. 170] (см. *Рис. 1*):

Рис. 1. Образцы «облачков»

«Облачка» позволяют комиксисту выделить текст за счет контраста их нейтральной, однотонной заливки с пестрым фоном изображения, атрибутировать реплики, а также определить порядок их следования [Fairrington, p. 256], передать дополнительные смыслы.

Уникальным средством выражения значений, к которому активно обращаются комиксисты, является леттеринг. Размер букв, их форма и расположение позволяют охарактеризовать звуковые эффекты. Разрыв «облачка» словами, например, свидетельствует о силе и интенсивности произнесения, что нередко сопровождается контрастным цветом букв и другими шрифтовыми выделениями. Ярко выполненные, междометные

слова (action words), вроде «бам», «бац», давно стали визитной карточкой комиксов. По-видимому, в стремлении сохранить оригинал переводчики далеко не всегда утруждают себя адаптацией звуковой оболочки подобных слов для восприятия носителей русского языка, в связи с чем смысл подобных сочетаний устанавливается исключительно с опорой на контекст или остается до конца не ясным читателю, формируя семиотический шум.

Другая структурная единица более высокого порядка обеспечивает динамику повествования в комиксе – это панель, рамка или кадр (единичное изображение), разделенные канавками, или гаттерами. Отметим одну из многочисленных функций этих единиц, связанную с темпоральными характеристиками изображаемой ситуации. Течение времени в комиксе может быть передано в узнаваемых символах (например, положение стрелок на циферблате часов), а также в изображении действий, которые, как известно из повседневного опыта, обладают протяженностью. Автор «навязывает» читателю восприятие хода времени, определенным образом сегментируя событие, для чего, в частности, избирает один из способов перехода между кадрами. Скотт Макклауд выделил шесть типов подобных переходов [Макклауд, 2016, с. 74]. Комикс как креолизованный текст представляет собой многогранное явление, где визуальные ресурсы дают неограниченный простор для экспериментов и творческого самовыражения комиксистов. Составить исчерпывающее описание всех приемов, правил и средств, которые находят отражение и применяются в комиксе – неразрешимая, на наш взгляд, задача. Тем не менее, несмотря на наличие интереснейших и глубоких работ в этой области [Барзах, 2010], комикс по-прежнему заслуживает внимания лингвистов, а для исследования необходим соответствующий терминологический аппарат, что ставит одну из актуальных на данный момент филологических задач.

Список литературы

- Барзах А.* О поэтике комикса // Русский комикс: Сб. статей / Сост. Ю. Александров и А. Барзах. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9-52.
- Леонг Т.* Super Graphic: вселенная комиксов сквозь схемы и диаграммы / Пер. с англ. Ю. Левиной. М.: Эксмо, 2018. 192 с.
- Ли С.* Как рисовать комиксы: эксклюзивное руководство по рисованию / Пер. с англ. А. Седова. М.: Эксмо, 2012. 224 с.
- Макклауд С.* Понимание комикса / Пер. с англ. В. Шевченко. М.: Белое яблоко, 2016. 216 с.
- Феоктистов Д. В.* Как рисовать комиксы. М.: Изд-во АСТ, 2020. 128 с.
- Eisner W.* Comics and Sequential Art. 19th, Expanded edition. Tamarac, FL, Poorhouse Press, 2000. 164 p.
- Fairrington B.* Drawing Cartoons & Comics for Dummies. Hoboken, NJ, Wiley Publishing, Inc., 2009. 344 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БАЗОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК: 81'23

Природина У.П. Ихтионимы в шведском языке: Лингвокультурологический аспект

*Скандинавская школа,
Россия, Москва, brasikaikea@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются шведские ихтионимы и лексика рыболовства в городской инфраструктуре (на примере ряда топонимов и агоронимов г. Стокгольма); проводится лингвокультурологический анализ отдельных ихтионимических лексических единиц. Установлено, что разные пласты ономастической лексики несут культурологическую информацию, формируют образ мышления носителей языка, являются элементами городского пространства.

Ключевые слова: ихтионимы; топонимы; агоронимы; шведский язык; лингвокультурологический анализ.

Prirodina U.P. Ichthyonyms in Swedish: Linguocultural aspect

*Scandinavian School,
Russia, Moscow, brasikaikea@rambler.ru*

Abstract. The paper describes the origins of the fishing industry in Sweden; the ichthyonyms and the fishing vocabulary in urban infrastructure are considered (through the analysis of a number of toponyms and agoronyms in Stockholm); linguistic and cultural analysis of individual ichthyonymic lexical units in the Swedish language is carried out. The relevance of the chosen topic is due to the theoretical and practical tasks of describing ichthyonyms and fishing vocabulary in the Swedish language and culture. It is linguistically important to establish the national and cultural specifics of the naming mechanism (using the example of toponyms and agoronyms), to determine the origin of one of the most important components of human economic activity – fishing, since it makes it possible to evaluate the features of a particular national language and its toponymic system, as well as to identify the specifics of the material and spiritual culture of the Swedish society at different stages of its development. Different layers of onomastic vocabulary, in our case ichthyonyms, are of particular interest for the study, since they carry culturological information, form the way of thinking of native speakers, are

elements of urban space, which clearly shows the relationship of onomastics with cultural linguistics.

Keywords: ichthyonyms; godonyms; agoronyms; the Swedish language; linguocultural analysis.

Исторические корни рыболовецкого промысла в Швеции

В культуре шведов рыбная ловля занимает особое место. Промысловая деятельность и рыбалка и сейчас популярное занятие жителей Швеции, а рыба – один из главных предметов продовольствия. Балтийское море холодное, поэтому не очень богато рыбой, однако в прибрежных водах ее водится достаточно. Основными промысловыми видами являются: салака, угорь, треска, также активно ведется добыча морепродуктов, по большей части креветок и омаров. Большой интерес у шведов вызывает озерная и речная рыбалка, и это неудивительно, в стране насчитывается около 100 000 озер. Чаще всего трофеями спортивной рыбалки становятся лосось, форель, щука, окунь, судак, налим, лещ, а на севере – хариус.

Рыбалка – один из любимых видов досуга у шведов. Для рыбалки на удочку, спиннингом, мормышкой специального разрешения не требуется, но для ловли сетью и на блесну нужна лицензия. Ловлю рыбы на острогу, довольно распространенную в старину, запретили, поскольку сочли этот способ негуманным. В связи с растущей популярностью рыбалки в 1971 г. завели «Регистр крупных рыб» (*Storfiskregistret*), в который на данный момент занесены сведения о более 33 000 крупных рыбах различных видов, выловленных в шведских реках, озерах и морях.

Ловлей рыбы в г. Стокгольме начали заниматься во времена Средневековья, чтобы прокормить стремительно растущее население города. В 1636 г. указом королевы Кристины стокгольмцы получили право свободно рыбачить в черте и окрестностях своего города, что стало хорошим подспорьем для семей бедных рыбаков. Примерно в то же время в рамках городов и пригородов стал активно развиваться и формироваться специализированный рыболовецкий промысел, поскольку Швеция всегда являлась морской державой и по сей день занимает второе место по количеству внутренних вод. Издревле в Балтийском, Северном и Белом морях, в многочисленных озерах и реках шведы, гуты, сконцы, их ближайшие соседи финны и саамы ловили треску, макрель, салаку, пикшу, сельдь, сига, угря, язя, щуку, лосося, камбалу, добывали раков и устриц, веками охотились на морских животных, которые впоследствии шли на продажу, уплату налогов и пошлин.

Не удивительно, что на протяжении многовековой истории рыболовецкий промысел играл важную роль в становлении и процветании большинства шведских городов и в жизни их населения. Основными

областями рыбного промысла средневековой Швеции были северные земли, непосредственно примыкающие к Ботническому заливу, провинция Сконе, район Меларенского бассейна. Даже в центральных и южных областях, где было очень развито скотоводство и земледелие, рыбным промыслом занималась довольно большая часть населения. Начиная с середины XIV в. в рыбном промысле наметилась специализация: некоторые дворы или поселения стали выполнять функции рыболовецких становищ. К этому времени около 40 населенных пунктов в провинции Смоланд и сопредельных районах получили название *Fiskartorp* (от др.-швед. *Fiskarathorp*, где *fiskare* ‘рыбак’; *torp* ‘торп, хутор, земельный надел’). Многочисленные поселения с названием *Fiskarbo* (*bo* ‘жить’) и под. возникали и в провинции Далекарлия (нынешняя провинция Даларна). В середине XV в. только в одной провинции Эстерйетланд насчитывалось семь главных рыболовецких становищ и масса мелких.

Как правило, рыболовецкие поселения примыкали к городам или сливались с ними. Не удивительно, что основная часть населения городов Стокгольма, Кальмара, Евле, Упсалы, Энчепинга, Норчепинга, Элলেখольма, Хальмстада, Мальме и др. были рыбаками. В более отдаленных местах побережья существовали постоянные рыболовецкие становища. Многие горожане выезжали туда для ловли рыбы, крупные земельные собственники, прежде всего монастыри, обычно имели свои рыбные угодья и нанимали профессиональных рыбаков, которые платили ренту продуктами своего промысла.

Специализированные рыболовецкие поселения в основном были разбросаны по морскому побережью, особенно на юго-востоке, где процветал промысел сельди, уже тогда считавшейся излюбленным деликатесом у шведов. Еще в X в. в Бирке, на ярмарке шведских викингов, одним из главных товаров являлась именно сельдь. Впоследствии главными центрами по добыче и торговле сельдью стали города провинции Сконе Сканер и Фальстербю и почти все города региона Норрланд. В те времена шведы занимались рыбной ловлей не только для собственных нужд и внутренней торговли, но и активно экспортировали продукты рыбного промысла, благодаря чему во многих городах Швеции появились постоянные рыбные ярмарки.

В XVII–XVIII вв. на севере Швеции вдоль кромки воды располагался настоящий рыбацкий город Фискарстан (*Fiskarstan*).

Перед тем как в 1446 г. г. Евле, расположенный в провинции Естрикланд, получил городские привилегии, его жизнь строилась вокруг крупного порта, где грузили добываемую в северной части Бергслагена руду. Рыбаки получили разрешение короля монополизировать рыбную ловлю и торговлю вдоль всего северного побережья.

Фактически рыбный промысел проник практически во все сферы жизни шведов. Например, в г. Гетеборге есть *Feskekörka* (Фескечерка), так называемая «Рыбацкая Церковь», построенная в 1874 г. одним из ведущих шведских архитекторов того времени Виктором фон Гегерфельтом (1817-1915). В здании первоначально располагался рыбный рынок, а назвали его так потому, что оно напоминало церковь благодаря большим окнам, свисающей почти до земли крыше и остроконечным фасадам и эркерам [Антонова, 2009, с. 323].

Ихтионимы в традиционных блюдах и праздниках Швеции

Как и в большинстве рыбных держав, в Швеции имеется ряд национальных рыбных блюд: лосось, вымоченный в рассоле с сахаром, солью и укропом (*gravad lax*); картофельная запеканка с анчоусами под названием «Искушение Янссона» (*Janssons frestelse*); пряная салака «с душком» или квашеная салака (*surströmming*). Особое место в рационе шведов занимает сельдь, приготовленная разными способами: маринованная сельдь (*inlagd sill*); маринованная сельдь в горчичном соусе (*senapssill*); жареная сельдь (*stekt sill*); маринованная сельдь в томатной пасте (*tomatsill*); маринованная сельдь с луком-пореем, красным луком, морковью, перцем и лавровым листом (*glasmästarsill*). Не менее популярна маринованная сельдь с другими ингредиентами: в кисломолочном продукте крем-фреш (*crème fraiche-sill*); с луком (*löksill*); с брусникой (*lingonsill*); с черной смородиной (*svartvinbärssill*). Филе сельди со специями, солью и сахаром (*matjessill*), молодой картофель, клубнику и мороженое находим на праздничном столе в день Ивана Купалы (*Midsommar*) в июне. Раньше этот праздник встречали ряженкой или вяленой рыбой (*lutfisk*), обычно мольвой или сайдой. Вяленая рыба была праздничной едой независимо от времени года в рождественские дни, на свадьбах и на поминках. Вяленая рыба считалась продуктом, который придавал празднику особый статус, так как за рыбой отправлялись в город в специальный магазин, что невозможно было делать каждый день. В августе в Швеции начинается сезон ловли раков и отмечается праздник *Kräftskiva* (*kräft* ‘рак’, *skiva* ‘праздник’). Осенью на севере страны особо популярен праздник «квашеной салаки», на юге страны устраивают «угриные ночи», где подают блюда из угря, приготовленные разными способами [Соломоник, Синельников, 2006, с. 341].

Ихтионимы и лексика рыболовства в годонимах и агоронимах г. Стокгольма

Естественным следствием важной роли рыболовства и связанных с ним видов деятельности стали названия рыб и соотносимых с ними символических содержаний в топонимике Швеции.

Так, в годонимах и агоронимах г. Стокгольма отразился характер деятельности исторически проживавших здесь людей. Улица *Åsögatan*

(Осегатан, где *ås* ‘горная гряда’; *ö* ‘остров’; *gata* ‘улица’) до 1885 г. называлась по-разному. В некоторых источниках имеются свидетельства, что в 1656 г. ее именовали *Simon Sillpackares gata* (Симон Силльпакарес гата, где *Simon* – имя собственное, Симон; *sill* ‘сельдь’; *packare* ‘упаковщик’). Скорее всего, это связано с тем, что там жили упаковщики сельди, в чьи задачи входило осматривать и упаковывать сельдь, которую ввозили в город или вывозили из города. В последующем одним из ее названий было *Sillpackargatan* (Силльпакаргатан), пришедшее на смену *Dagarkarls gatan* (Дагаркарлсгатан) (1669 г.).

Некоторое время площадь *Mosebacke Torg* (Мусебакке Торг), в основу которой заложено имя мельника *Moses Israelsson* (Мусес Израельссон) носила название *Fiskarberget* (Фискарбергет, где *fiskare* ‘рыбак’, *berg* ‘гора’), вероятнее всего, потому что на этой улице у рыбаков были свои дворы (*gårdar*). В 1646 г. название изменилось на *Fiskargatan* (Фискаргатан). Какое-то время и улица *Svartensgatan* (Свартенсгатан), названная в честь церковного служащего *Johan Andersson Schwart* (Юхан Андерссон Шварт) тоже именовалась *Fiskargatan* (Фискаргатан) (1646 г.), в последующем она стала именоваться *Fiskargränd* (Фискаргрэнд) (1649 г.). Дело в том, что с 1649 г. пространство между домами в городе было принято именовать переулком (*gränd*), а не улицей (*gata*). В 1697 г. улицу *Fiskargatan* стали называть *Swartens el. fiskiare grenden* (Свартенс или фискиаре гренден), а в 1698 г. – *fiskiar el. Swartens grend* (фискиар или Свартенс грэнд). До 1900 г. улица *Fiskargatan* (Фискаргатан) носила название *Stora Fiskargränd* (Стура Фискаргрэнд, где *stor* ‘большой’), в то время как *Roddargatan* (Руддаргатан, где *roddare* ‘ребец’) именовалась *Lilla Fiskaregränden* (Лилла Фискарегренден, где *lilla* ‘маленький’).

Площадь *Norrmalms torg* (Норрмальмс торг) сначала именовалась *Fiskartorget* (Фискарторгет, где *torg* ‘площадь’) (*Fiskiare torgett* в 1644 г.), затем – *Packartorget* (*Packar tårgett* в 1646 г.). Первое название встречается в источниках до 1660 г., в более поздних источниках оно исчезает, возможно, потому что *Fiskartorg* (Фискарторг) на *Helgeandholmen* (Хельгеандхольмен) находилась относительно близко. С середины 1640 г. вплоть до 1853 г. площадь называлась *Packartorget* (Пакарторгет) (*Packare torget* с 1620 г.), куда сначала везли соленую рыбу для осмотра и переупаковки перед доставкой в г. Стокгольм.

Часть района *Ålsten* (Ольстен) своим названием обязана сельскохозяйственным угодьям – *Ålstens gård* (Ольстенс горд). В Средние века эти угодья именовались *Asunda* (Асунда). С середины XVI в. название *Asunda* (Асунда) заменилось на *Ålsten* (Ольстен), которое в земельной книге 1568 г. зафиксировано как *Ålestenn* (Элестенн), в 1620 г. оно заменено на *Ålasten* (Оластен), а в 1645 г. – на *Åhlsteen* (Ольстин). Содержание первого слова в названии *Ålsten* (Ольстен) не поддается

однозначной интерпретации. Предположительно первая часть *Ala* (Ала) в средневековом названии *Alasten* (Аластен) могла быть склоняемой формой, производной от древнешведского названия рыбы – *al*, в новошведском – *ål* (‘угорь’).

Улица *Fiskartorpsvägen* (Фискарторпсвэген, 1833 г., где *väg* ‘дорога, путь, маршрут’) получила свое название от *Fiskartorpet* (Фискарторпет). *Fiskare torpet* (Фискаре торпет) появляется в списке карты Петруса Тиллаэуса (*Tillæi karta*, 1733 г.). На карте Эдварда Братта (*Edward Bratts karta*, 1696 г.) находим дом, который обозначался как *Fiskarestugan* (Фискарестуган, где *stuga* ‘небольшой дом, избушка’) и располагался на *Norre Fiskareudden* (Норре Фискареудден, где *udde* ‘мыс’). Согласно традиции, этот сохранившийся до наших дней дом построили специально для Карла XI. В *Fiskartorpet* (Фискарторпет) жил охранник острова Юргорден, который содержал трактир.

Улица *Fisksjöängsvägen* (Фискшеэнгсвэген, где *sjö* ‘озеро’, *äng* ‘луг’) ведет свое название от *Fisksjöäng* (Фискшеэнг, 1833 г.), луговины к северу от залива *Husarviken* (Хусарвикен). Образование этого существительного, возможно, связано с загрунтованным в настоящее время озером, которое на карте Эдварда Братта называлось *Lilla Siön* (Лилла Сион), а ранее – *Fisksjön* (Фискшен).

Лексика рыболовства представлена и в названиях переулков. Так, наименование переулка *Dörjgränd* (Дерьйгрэнд) ведет начало от *dörj* ‘крюк’ (троллинг), часто используемый при ловле макрели.

Метафорические модели икhtiологической номинации

в идиомах и пословицах

Перенос наименования животного на человека – одна из наиболее частотных в любом языке метафорических моделей. Эталоном шведских устойчивых сравнений часто служат существительное «рыба» и конкретные названия рыб [Алешин, 2012, с. 100]. Икhtiонимы в этом случае используются для приписывания определенных свойств человеку, подчеркивают его индивидуальные или социальные характеристики, моральные качества и интеллектуальные способности, описывают особенности его поведения: *känner sig / trivs / vara som fisken i vattnet* – чувствует себя как рыба в воде; *någon är hal som en ål* – скользкий как угорь; *någon är stum som en fisk* – немой как рыба; *någon är dum som en flundra* – глупый как камбала; *lägga lök på laxen* – увеличить и без того трудности или неприятности; *någon går baklänges som en kräfta* – пятиться назад как рак; *någon är röd som en (kokt) kräfta* – красный как (вареный) рак; *någon är pigg som en mört* – бодрый как плотва; *några står som packade sillar* – стоят как упакованные селедки; *några står som burkade sardiner* – стоят как сардины в банке.

Существительное «рыба» (*fisk*) и глагол «рыбачить» (*fiska*) находим и в других идиоматических выражениях: *en ful fisk* – человек, на которого нельзя положиться; подлец, негодяй, обманщик, жулик, проходимец; *fiska efter något* – пытаться получить что-либо, пытаться извлечь из чего-либо выгоду; *fiska fram / upp något* – тянуть, тащить что-либо откуда-то; *fiska i grumligt vatten* – пытаться устроить что-либо нечестным путем, извлекать выгоду нечестным способом; *få sina fiskar varma* – получить нагоняй; *i de lugnaste vattnen går de största fiskarna* – в тихом омуте черти водятся; *Det blir fina fisken* – Будет замечательно! Будет отлично! ... *En kvinna utan man är som en fisk utan cykel* – женщина без мужчины – как рыба без велосипеда. ... *Fisken vill simma* – Рыбе надо плавать (намек, что за столом после рыбы надо пить вино).

Важное для благосостояния шведов развитие рыбных промыслов отразилось в шведском фольклоре, особенно в пословицах. О сельди в них говорится как о еде бедняков, а о лососе – как о пище богачей: *Sillen är också fisk* (селедка тоже рыба), *Arbete och möda, sill och bröd till föda* (Труд да работа, а в пищу – хлеб да сельдь), *På vintern är sillen lax för bonden* (Зимой крестьянину и селедка покажется лососем), *Bättre en salt sill på eget bord än en höna på grannens* (Лучше селедка на своем столе, чем курица – на соседском), *Hemma smakar sill som lax* (Дома и селедка имеет вкус лосося) и др. [Чеснокова, 2012, с. 130; 8, с. 9].

Выводы

1. Географическое положение страны, уклад жизни народа, особенности восприятия окружающего мира ознаменовались популярностью ихтионимов и лексики рыболовства в шведском языке.

2. Городское пространство фиксирует явления действительности, образ мышления, традиции носителей языка. Культурный опыт находит отражение в номинативной деятельности, в частности годонимах и агоронимах, которые способны хранить и транслировать культурную информацию.

3. Перспективными направлениями можно считать 1) изучение словообразовательных моделей, этимологии годонимов и агоронимов г. Стокгольма, которые содержат ихтионимы и рыболовную лексику; 2) определение распространенности ихтионимической и рыболовной лексики в названиях других топонимов г. Стокгольма; 3) проведение лингвокультурологического анализа ихтионимической лексики в песнях, рифмах и подобное.

Список литературы

- Алешин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2012. 260 с.
- Антонова Ю. В. Швеция. Исторический путеводитель. М.: Вече, 2009. 400 с.
- Соломоник Т., Синельников С., Лазерсон И. Европейская шкатулка. Кулинарные шедевры мира. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2006. 368 с.

Чеснокова Т. А. Стокгольм времен Астрид Линдгрэн. История повседневности. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко, 2012. 216 с.

УДК: 81

Пэй Сянлинъ
Выстраивание межличностных отношений
в конситуации выражения негативной оценки
(на материале русского и китайского языков)

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, 1374254717@qq.com*

Аннотация. В статье дается обзор развития межличностной лингвопрагматики и приоритетных направлений изучения этой проблематики в Китае. На основе данных анкетирования рассматриваются сходство и различие в выборе коммуникативных стратегий при выражении негативной оценки в межличностной коммуникации с учетом лингвопрагматических принципов, характерных для русской и китайской культур, выясняется разница в выборе коммуникативных стратегий для поддержания межличностных отношений.

Ключевые слова: межличностная лингвопрагматика; межличностные отношения; коммуникативная стратегия; негативная оценка; русский язык; китайский язык.

Pei Xianglin
Building interpersonal relationship in
the consituation of negative assessment expression
(based on the Russian and Chinese languages)

*Moscow State Limentinguistic University,
Russia, Moscow, 1374254717@qq.com*

Abstract. The paper offers an overview of the development of interpersonal linguo-pragmatics and priority areas for studying this issue in China. Based on a questionnaire distributed among Chinese speakers and Russian speakers, the author discusses the similarities and differences in the choice of communicative strategies used to express negative assessment in interpersonal communication. Taking into account the linguistic and pragmatic principles of communication characteristic of Russian and Chinese cultures it reveals the difference in the choice of communicative strategies aimed at maintaining interpersonal relationships in a face-threatening speech act.

Keywords: interpersonal linguo-pragmatics; interpersonal relationship; communication strategy; negative assessment; the Russian language; the Chinese language.

Введение

В последние годы тематика исследований в лингвопрагматике расширяется. Наряду с классическими темами (максимы речевого поведения, речевые акты, вежливость, лицо и т.п.), внимание ученых привлекают такие проблемы, как модель управления межличностной коммуникацией и способы ее гармонизации, выстраивание и поддержание межличностных отношений с помощью языка, управление межличностными отношениями в конституции конфликта и т.д. [Arundale, 2013]. В 2010 г. М. Лочер и С. Грехем предложили выделить межличностную прагматику в качестве отдельного научного направления и уточнили ее проблематику [Interpersonal Pragmatics, 2010]. В 2013 г. научный журнал «Journal of Pragmatics» посвятил целый раздел обсуждению вопросов межличностной прагматики как новой тенденции в лингвопрагматических исследованиях. С тех пор исследования в этом направлении динамично развивались.

В настоящей работе анализируются различия в коммуникативных стратегиях, используемых носителями русского и китайского языков для выстраивания межличностных отношений при выражении негативной оценки. Материалами исследования являются данные анкетирования, проведенного среди носителей русского языка и носителей китайского языков. Возраст информантов варьирует от 18 до 25 лет. Эти материалы являются частью исследования, посвященного национально-культурной специфике выражения негативной оценки на материале русского и китайского языков.

В настоящей работе рассматриваются следующие вопросы:

- становление и развитие межличностной прагматики;
- приоритетные направления изучения межличностной прагматики в Китае;
- сходство и различия в способах поддержания межличностных отношений в русской и китайской лингвокультурах;
- выявление причин различий в выборе коммуникативных стратегий при выражении негативной оценки на материале русского и китайского языков.

Методика исследования

Один из основоположников лингвопрагматики Дж. Лич еще в 1983 г. в своей монографии «Принципы прагматики» употреблял при обсуждении вопросов межличностной коммуникации термин «межличностная прагматика» (interpersonal pragmatics). Но центр его исследования не фокусируется на построении и поддержании межличностных отношений в социальной практике.

После публикации в 2010 г. коллективной монографии «Межличностная коммуникация» [Interpersonal Pragmatics, 2010] изучение

межличностной коммуникации стало важным направлением в лингвопрагматических исследованиях. В центре межличностной лингвопрагматики находится исследование того, как участники коммуникации строят межличностные отношения и управляют ими в конкретной конситуации [冉永平, 黄旭, 2019]. В межличностной лингвопрагматике, главным образом, исследуются такие вопросы, как выстраивание межличностных отношений, прежде всего с помощью языка, и управление ими, выбор коммуникативных стратегий в конкретной конситуации, использование межличностных коммуникативных ресурсов для достижения оптимального эффекта. В межличностной прагматике учитывается характер конситуации, то есть языковой и бытовой контекст речевого акта с учетом таких коммуникативных параметров, как участники коммуникативного акта, канал коммуникации, ее цель и так далее [冉永平, 2018]. Предмет исследования в межличностной прагматике не ограничен информацией, переданной самим языком, он охватывает целый ряд межличностных факторов, например, выстраивание и подтверждение социального статуса в ходе данного коммуникативного акта, управление межличностными отношениями, лингвокультурный контекст коммуникации. Именно эти проблемы привлекли наибольшее внимание ученых [宋雪坤, 2020].

Чтобы способствовать развитию научных исследований в Китае, 24-25 марта 2018 г. в Гуандунском университете иностранных языков и внешней торговли состоялась первая в Китае научная конференция на тему «Приоритетные исследования в межличностной прагматике». В конференции участвовали 200 представителей в области лингвопрагматики, всесторонне обсудившие приоритетные направления межличностной лингвопрагматики в современную эпоху.

В основном исследования китайских лингвистов включают три следующих аспекта. Во-первых, это обсуждение общей теории межличностной прагматики и разработка ее проблематики. Известный китайский исследователь Хэ Цзыжань выдвинул пять прагматических методов и стратегий для управления межличностными отношениями:

- 1) содействие межличностной гармонии путем изменения апеллятива;
- 2) переключение кодов (code-switching) для сокращения межличностной дистанции;
- 3) рассмотрение межличностной коммуникации через призму лингвоэкологии;
- 4) учет эмоций для управления межличностной коммуникацией;
- 5) употребление этикетных формул вежливости и сведение к минимуму негативного содержания для оптимизации межличностной коммуникации [何自然, 2018].

Профессор Гуандуского университета иностранных языков и внешней торговли Жань Юнпин указал на недостаточное число диахронических исследований в области межличностной лингвопрагматики и предложил модель описания управления межличностными отношениями в китайской культуре [冉永平, 赵林森, 2018].

Во-вторых, актуальным было признано обсуждение межличностных прагматических явлений с учетом специфики китайской культуры, например, диахроническое исследование приветствия при первой встрече в китайской культуре, отражение так называемой «культуры семьи» (то есть коллективистского характера китайской культуры) в коммуникации и т.п.

В-третьих, обсуждаются вопросы межличностной коммуникации в различных специфических конситуациях, например, выстраивание межличностных отношений в интернет-коммуникации, в общении по e-mail между китайскими студентами и английскими преподавателями, в диалогах между врачами и пациентами [冉永平, 2018].

Отмечено, что ввиду малой изученности специфики межличностных отношений в межкультурной коммуникации, в дальнейшем надо обращать повышенное внимание на сопоставительное исследование межличностных отношений в разных культурах. Именно этой проблеме посвящена настоящая статья.

Методика исследования

Осознанное поддержание межличностных отношений и управление ими характерно для представителей как русской, так и китайской лингвокультур, что подтверждают данные анкетирования, проведенного нами среди носителей русского и китайского языков. В анкетах мы задали информантам следующие пять вопросов, описывающих пять конкретных конситуаций, предполагающих выражение негативной оценки собеседника:

1) Ваш знакомый (знакомая), начинающий писатель, прочитал Вам свой рассказ. Вам он не понравился. Знакомый интересуется Вашим мнением. Что Вы ему скажете?

2) Ваш друг / подруга хочет купить часы, которые ему / ей очень понравились. Но Вы считаете, что часы ему / ей не подходят. Он спрашивает Ваше мнение. Что Вы ему / ей ответите?

3) Вы дали своему знакомому / знакомой любимую книгу, когда книга была возвращена, Вы заметили, что книгой пользовались неаккуратно. Вы ему скажете об этом? Если да, то что именно Вы ему скажете?

4) Завтра у Вас будет экзамен, Вы серьезно готовитесь к нему, но Ваш сосед по комнате громко разговаривает с другом по телефону. Поговорите ли Вы с ним об этом? Если да, что именно Вы ему скажете?

5) Каждый раз, когда Вы и Ваш друг / подруга вместе ездите на такси, он / она всегда садится на заднее сиденье и не платит деньги. Поговорите ли Вы с ним / ней об этом? Если да, что именно Вы ему скажете?

Результаты исследования

Проанализировав в общей сложности 200 анкет (100 на китайском, 100 на русском), мы обнаружили следующие черты сходства.

1. Как русские, так и китайские информанты при выражении негативной оценки предпочитают следующую схему речевого акта критики: «похвала + но / однако+ критика», чтобы смягчить резкость критики, тем самым поддержав межличностные отношения. Например: «Хорошая идея, но есть над чем работать»; «Рассказ мне понравился, однако есть моменты, которые я бы поправила в сюжете, с героями и т.д. »; «小说还挺不错, 但是有几个地方不是非常理想» (Рассказ неплох, но некоторые моменты не идеальные); «写的挺好, 但是我觉得值得改进» (Ты неплохо написал, но думаю, еще стоит улучшить).

2. Практически во всех ответах носителей русского и китайского языков отмечены случаи смягчения категоричности высказывания («наверное», «может быть», «что-то не очень», «примерно», «так, наверно, лучше», 也许, 可能, 哪里不太, 大概, 也许这样更好).

3. При выражении негативной оценки информанты в конце ответов часто подчеркивали, что это только их личное мнение, они не хотят его навязывать, лучше узнать другие мнения и т.п. Например: «Ну, такое, я бы в некоторых местах переделал, но я не фанатка этого жанра и вряд ли могу оценить твой рассказ, кому-нибудь, наверное, понравится»; «我觉得还可以, 有几处特别好, 但感觉有几处有改进空间, 仅仅是个人观点, 不代表别人不好» (Думаю, нормально, некоторые моменты очень хороши, но есть моменты, которые стоит улучшить, это только мое личное мнение, не значит, другим эти моменты не понравятся).

4. Отмечены также случаи употребления косвенных речевых актов (вопрос вместо замечания или директивы). Так, выражая недовольство состоянием книги, которую собеседник брал почитать (вопрос 3), многие информанты употребляли вопросительные предложения, например: «А что с моей книгой, почему она в таком состоянии?»; «А ты точно мою книгу вернул? Просто моя не была такой рваной и грязной... »; «你对我的书做了什么? » (Что ты сделал с моей книгой?) Отвечая на четвертый вопрос, многие информанты прибегали к конвенциональным косвенным речевым актам, чтобы смягчить директиву и поддержать межличностные

отношения, например, «Не мог бы ты разговаривать чуть-чуть тише / поговорить с ним попозже?»; «明天的考试对我特别重要, 你能稍微小声点吗?» (Завтрашний экзамен очень важен для меня, можешь ли чуть тише?)

Вместе с тем, речевое поведение и выбор речевых стратегий в процессе межличностной коммуникации находятся под сильным влиянием различных культурных традиций. Остановимся на выявленных различиях.

1. Отвечая на первый вопрос, 29% носителей китайского языка в конце своего высказывания поощряли собеседника. Вот типичные реакции такого рода: «但是你才开始写小说, 这已经很好了, 相信以后你一定能成为出色的作家» (Но ты только что начала писать рассказы, это уже очень неплохо, верю, что в будущем ты обязательно станешь отличным писателем, давай!); «但是我相信努力之后一定有很多读者会喜欢你的小说, 加油» (Но верю, что после твоих усилий многие читатели будут любить твои рассказы, давай!). Что касается носителей русского языка, то такие реакции отмечены только в 6% ответов. Слово «давай» (加油) много раз появлялось в ответах носителей китайского языка, а в ответах носителей русского языка данное слово или его эквивалент не присутствовали.

2. Отвечая на первый и второй вопросы, соответственно 18% и 25% носителей китайского языка при высказывании оценки употребили стратегии «принижение себя» или «похвала собеседника». Вот типичные реакции такого рода: «可能是我水平不太高, 所以没完全看懂情节» (Наверно, мой уровень не очень высокий, поэтому я не очень хорошо поняла сюжет рассказа); «这款表无法显示你的倾城之美» (Эти часы не могут показать твою несравнимую красоту); «这款表无法衬托出你手腕的白嫩纤细» (У тебя запястья такие белые и тонкие, что эти часы не могут полностью это показать). Реакции данного рода отмечены только в 5% (первый вопрос) и 4% (второй вопрос) ответов носителей русского языка.

3. Отвечая на третий, четвертый и пятый вопросы, носители китайского языка (соответственно 20%, 26%, 18% опрошенных) при выражении замечаний прибегли к изменению апеллятива, например, 亲爱的 (дорогая); 兄弟, 哥们 (брат); 小+姓氏 («маленький» + фамилия). В ответах носителей русского языка изменение апеллятива не было отмечено.

4. Отвечая на третий, четвертый и пятый вопросы, носители китайского языка (соответственно 11%, 17%, 16% опрошенных) прибегли к юмору или шутке. Вот типичные реакции такого рода: «难道你是订餐的时候也给我的书定了一份吗? 下次不用给它定, 直接给我定就行啦» (Разве когда ты заказывала еду для себя, тоже заказала для моей книги? В

следующий раз не надо для книги заказывать, ты можешь прямо заказать для меня); «**你是在挖煤休息的空挡读的书吗**» (Разве ты читала книгу в свободное от рубки угля время?); «**要不小点声, 要不弄死我, 反正过不了我也不想活了**» (Или потише, или убей меня, все-таки, если не сдам экзамен, жить уже не хочу); «**能不能给我点及格的机会啦**» (Можешь ли дать мне шанс сдать экзамен?); «**经济舱的客人请买一下票**» (Пассажир эконом-класса, пожалуйста, купи себе билет); «**我发现做到副驾驶有两个好处, 第一, 副驾驶是付车费的象征, 第二, 副驾驶也是最不安全的位置, 这两个好处你一个都不要啊, 哈哈**» (Я заметила два преимущества, когда садишься на переднее сиденье, во-первых, это значит надо платить, во-вторых, переднее сиденье – это самое опасное место, ты вот эти два преимущества не хочешь получить, ха-ха!). Реакции данного рода отмечены только в отдельных ответах носителей русского языка (соответственно 4%, 3%, 7% ответов).

5. Отвечая на третий, четвертый и пятый вопросы, соответственно 25%, 20%, 41% участников анкетирования их числа носителей китайского языка ответили, что в данных ситуациях они предпочтут промолчать и ничего не сказать собеседнику. В ответах носителей русского языка такая реакция составляет соответственно 10%, 8% и 13%. В частности, при ответе на пятый вопрос, 60% носителей русского языка сказали, что они прямо скажут собеседнику, чтобы он участвовал в оплате проезда или платил бы по очереди. Например: «Слушай, давай решим одну проблему. Почему ты никогда не платишь за такси? Не очень хорошо выходит, что всегда плачу только я. Давай либо скидываться, либо платить по очереди». При этом только 18% носителей китайского языка указали, что они будут прямо обсуждать проблему оплаты такси с собеседником.

6. Исследование показало различие в употреблении этикетных формул вежливости. Так, 19% носителей китайского языка завершали просьбу говорить тише (четвертый вопрос) словом «спасибо» (谢谢); в ответах носителей русского языка выражение благодарности в данной ситуации не отмечено. При этом 20% носителей русского языка начинали просьбу словами «прости» или «извини», не отмеченными в ответах носителей китайского языка.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что в целом для русских информантов предпочтительными оказались прямые способы выражения оценки, в то время как китайские информанты чаще прибегали к косвенным способам выражения негативного мнения. При этом коммуникативные стратегии носителей китайского языка оказались более разнообразными; они, в частности, включали в себя выражение негативной оценки одновременно с выражением поощрения и поддержки;

принижение себя и похвалу собеседника; изменение апеллятива; смягчение негативной оценки или замечаний юмором и шуткой.

Речевое поведение и выбор речевых стратегий в процессе межличностной коммуникации находятся под влиянием различных национальных традиций и различной иерархии ценностей, присущей разным лингвокультурам. Китайский лингвист Со Чжэньюй в своей монографии «Курс прагматики» [索振羽, 2000] выдвинул в качестве главного принципа прагматики с китайской спецификой «принцип уместности», что подразумевает употребление косвенных коммуникативных тактик в соответствии с потребностями различных конситуаций для достижения оптимального коммуникативного результата. Принцип уместности включает в себя максимум вежливости, максимум юмора, и максимум сдержанности. Представляется, что именно принцип уместности во многом объясняет выявленные особенности выражения негативной оценки носителями китайского языка. Как говорят китайцы: «中国是关系社会» (Китай – общество отношений). Для китайцев очень важно управлять межличностными отношениями надлежащим образом, поэтому при выражении негативной критики они прибегают к разнообразным речевым стратегиям, способствующим косвенному способу выражения, чтобы установить оптимальные межличностные отношения.

В русской культуре, напротив, более высокое положение в иерархии ценностей занимают искренность, прямота, правдивость, естественность. В результате в коммуникативном фокусе у русских доминирует содержание [Ларина, 2009, с. 426]. Меньшая социальная дистанция, то есть близость отношений, характерная для русской культуры, способствует большей коммуникативной доступности и меньшей регламентированности поведения. При таком типе взаимоотношений прямолинейность и императивность не являются угрозой или помехой гармоничным отношениям и не нарушают принципов вежливости, характерных для русской коммуникативной традиции [Там же, с. 427]. Однако прямолинейность и императивность вряд ли воспринимаются как уместные принципы поведения в китайской лингвокультуре.

Список литературы

- Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 502 с.
- Arundale R.* Conceptualizing 'Interaction' in interpersonal pragmatics: Implications for understanding and research // *Journal of Pragmatics*. 2013. № 58. P. 12-16.
- Interpersonal Pragmatics / Locher M., Graham S. (Eds.).* Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. 497 p.

- 索振羽. 语用学教程. 北京 : 北京大学出版社. 2000. 223 с. [Со Чжэньюй. Курс прагматики. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2000. 223 с.]
- 何自然. 人际语用学 : 使用语言处理人际关系的学问//外语教学. 2018. № 6. С. 1-6. [Хэ Цзыжань. Межличностная лингвопрагматика: использование языка для управления межличностными отношениями // Преподавание иностранных языков. 2018. № 6. С. 1-6].
- 刘平. 语用学研究的关系转向//外语学刊. 2017. № 5. С. 20-25 [Лю Пин. Трансформация отношений в исследовании прагматики // Исследование иностранных языков. 2017. № 5. С. 20-25].
- 冉永平. 我国的人际语用学前沿研究// 外语教学. 2018. № 3. С. 37-39 [Жань Юнпин. Приоритетное направление межличностной прагматики в Китае // Преподавание иностранных языков. 2018. № 3. С. 37-39].
- 冉永平 赵林森. 基于人情原则的人际关系新模式// 外语与外语教学. 2018. № 2. С. 34-44 [Жань Юнпин, Чжао Линьсэнь. Новая модель межличностных отношений на основе межличностных принципов // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2018. № 2. С. 34-44].
- 冉永平 黄旭. 人际关系的语用学研究 // 外语教学. 2019. № 2. С. 20-25 [Жань Юнпин, Хуан Сюй. Прагматическое исследование межличностных отношений // Преподавание иностранных языков. 2019. № 2. С. 20-25].
- 宋雪坤. 人际语用学视角下普京总统就职演讲中的身份建构//俄罗斯学刊. 2020. № 1. С. 9-14 [Сун Сюекунь. Выстраивание личности в инаугурационной речи президента России Владимира Владимировича Путина с точки зрения межличностной прагматики // Academic Journal of Russian Studies. 2020. № 1. С. 9-14].

УДК: 81

Рылова Е.В.
Межкультурные смыслы медицинских терминов
«болезнь», «лечение», «здоровье»

*Алтайский государственный медицинский университет,
 Россия, Барнаул, symbol.evr@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменения значений и смыслов медицинских терминов и слов, относящихся к медицинскому дискурсу. Смыслы данных понятий не всегда совпадают не только в языковых репрезентациях разных культур, но и в пределах одной культуры. Их динамизм приводит к трансформациям базовых концептов и ценностей.

Ключевые слова: медицинская терминология; медицинский дискурс; межкультурная коммуникация; смысл слова; значение слова; концепт.

Rylova E.V.
Intercultural medical senses of illness, treatment, health

*Altai State Medical University,
Russia, Barnaul, symbol.evr@mail.ru*

Abstract. The paper looks into changes in the meanings and senses of medical terms and words related to the medical discourse. The meanings of these concepts do not always coincide not only in the linguistic representations of different cultures, but also within the same culture. The dynamism of such concepts leads to the transformation of basic concepts and values.

Keywords: medical terminology; medical discourse; intercultural communication; word sense; the meaning of the word; concept.

Введение

Основу медицинского языка составляет терминология, описывающая состояние организма, лекарственные препараты и их воздействие на человека, технологии, используемые при лечении и др., что отражается в специальных публикациях, содержание которых связано со здоровьем людей.

Медицинская терминология – это язык, на котором общаются врачи различных специальностей. Он должен быть ясным для читателя и слушателя по отношению к понятиям. Наиболее приемлемыми для существования в медицинской терминологии следует считать те слова, которые приняты медицинским сообществом, понятны и отражают суть явления или предмета. Смысловое значение того или иного термина в медицине только тогда становится всеобщим достоянием, когда оно зафиксировано точным, простым и однозначным термином, не допускающим его различных толкований.

Благодаря латинскому языку медицинская терминология стала международной. Это облегчает связи между учеными-медиками всего мира. Многие латинские афоризмы, изречения и пословицы стали крылатыми выражениями и используются в научной и художественной литературе, публичных выступлениях. Некоторые латинские афоризмы и изречения касаются вопросов жизни и смерти, здоровья человека, поведения врача и представляют собой медицинские *деонтологические* (греч. *deon, deonios* – «должное» + *logos* «учение») заповеди: *Solus aegroti suprema lex medkorum* – Благо больного – высший закон врачей; *Primum noli nocere!* – Прежде всего не вреди! (первая заповедь врача). Медицинскую терминологию по специальному содержанию принято делить на анатомическую, клиническую и фармацевтическую.

Корректное использование терминов – необходимое условие для языка и науки. Развитие их происходит параллельно, т.к. каждое новое

понятие должно быть точно зафиксировано словом-термином. Терминология может различаться по происхождению термина, т.к. термин может быть образован на основе национального языка. При этом латинскую и национальную медицинскую терминологию можно сравнить с сосуществованием какого-либо государственного и национального (родного) языка.

В каждом термине принято рассматривать его этимологию (происхождение) и семантику (смысловое значение). Современная семантика (толкование) медицинского термина зачастую не совпадает с его этимологией. Это может быть связано с узусом использования того или иного термина.

В ситуации общения (дискурса) между врачом и пациентом использование одних и тех же слов может предполагать потенциальное непонимание в связи с различным смыслом, вкладываемым в то или иное слово-термин и обыденное слово. В.И. Карасик рассматривает два основных типа дискурса: персональный, ориентированный на личность, и институциональный, к которому относится и медицинский дискурс [Карасик, 2002, с. 193].

К медицинскому дискурсу проявляется особый научный интерес в связи с объектом его исследования – здоровьем человека. «Медицинский дискурс – форма общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны вступать в контакт друг с другом по определенным причинам; профессиональное взаимодействие, возникающее с целью оказания медицинской помощи нуждающемуся человеку» [Карымшакова, 2015, с. 17]. Общение в любом случае является «межкультурным», так как участники акта общения даже в пределах одной страны «всегда до некоторой степени отражают различные типы культуры, являясь представителями различных социальных слоев, профессий, организаций, регионов, семей, возрастных групп, что порой в значительной степени осложняет поиск взаимопонимания между ними» [Самохина, 2005, с. 11-12].

Медицинский дискурс есть профессиональное общение врача с пациентом в различных коммуникативных ситуациях. К характерным признакам такого дискурса относятся: «профессионализм, сакральность (клятва Гиппократ), особые этика и нормы поведения, терминологичность, система ритуальных знаков (медицинские атрибуты), научность, точность, лаконичность, ясность, особые формы общения врачей (медкомиссии, консилиумы)» [Косицкая, Матюхина, 2017, с. 15]. Медицинский дискурс – сложноорганизованное, многомерное, неоднородное образование. «Для него характерны полифонические включения исторического, энциклопедического, социального, фармацевтического дискурсов» [Там же].

Семантика «здоровья»

Здоровье – 1. Правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие. *Состояние здоровья. Беречь здоровье. Расстроить здоровье. Не может похвастаться, не блещет здоровьем кто-нибудь.* 2. То или иное состояние организма. *Крепкое, слабое здоровье. Как здоровье? Твое (ваше) здоровье или за твое (ваше) здоровье* – обращение к тому, за кого поднимают тост. *На здоровье* – выражение доброго пожелания в ответ на благодарность за еду, за угощение или при угощении [Толковый словарь..., 2011, с. 275].

Ср. медицинский термин «здоровье», который разграничивает понятия психического и физического: *соматическое здоровье и психическое здоровье.*

Русское приветствие при встрече – *Здравствуй! Здравствуйте!* – выражение пожелания здоровья. Ср.: *здравствуй* – сокращение из формы 1 л., ед. ч. *здравствую* «приветствую тебя»; заимствовано из *цслав.*, первоначальное значение – «будь здоров» (фиксирует Остромирово Евангелие) [Там же, с. 90].

В романской культуре смысл слов *здоровье* и *приветствие при встрече* тоже совпадали. Ср.: лат. *salute* – здоровье, *salve* – здравствуй; исп. *salud*, итал. *salute* здоровье, фр. *salut* – привет.

Здоровый – укр. здоровий, др.-рус. съдоровъ, ст.-сл. съдравъ, болг. здрав // Праслав. *съdorъvъ, где съ = др.-инд. su «хороший» и *dorvo-, связанного чередованием с дерево, т. е. «из хорошего дерева». Ср. др.-инд. dā'ru «полено», авест. dāru «бревно, дерево», греч. δόρυ «дерево, копье», гот. triu «дерево». Ср. значение нем. kerngesund «совершенно здоровый»: Kern «зерно, сердцевина», лат. gōbustus «дубовый, крепкий, здоровый» – от gōbur «древесина дуба, дубовое дерево». [Фасмер, 2004, с. 90].

Потомственный врач В.И. Даль определял здоровье как состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни: *Каково дорогое здоровьеце ваше? Да мое здоровьишко плохое. Здоровье всего дороже (дороже денег). Тот здоровья не знает, кто болен не бывает. Без болезни и здоровью не рад. От здоровья не лечатся. Бог дал живот, Бог даст и здоровья. Что русскому здорово, то немцу смерть. Здоровому лечиться – наперед хромать поучиться* [Даль, 1981а, с. 675-676].

Лексическая сочетаемость слова «здоровье» с глаголами: здоровье поправляют, лечат, им занимаются, его сохраняют, его можно подорвать, оно может пошатнуться, улучшиться, поправиться, восстанавливаться, здоровье может подводить, подкачать, пошаливать, может уйти, ослабеть, здоровье нужно беречь, им не надо рисковать. Здоровье воспринимается носителями русского языка как одушевленное существо, ему даются имиджевые характеристики. Здоровье как медицинский термин и как

слово, принадлежащее общеупотребительной лексике национального русского языка, обладает аксиологическими характеристиками, представляет социально-эстетическую ценность жизни и культуры.

Современные условия глобальной жизнедеятельности человека могут влиять на изменение не только эмоциональных и оценочных компонентов концепта *здоровье*, но и на понятийные, ценностные. Борьбу с коронавирусом 2019-nCoV современные СМИ называют «войной за здоровье». В русском языке появилось новое слово – *самоизоляция*, которое понимается как действие, отражающее социальную ответственность за свое здоровье и здоровье других людей.

Семантика «болезни»

Философия современной медицины утверждает, что грань между *здоровьем и болезнью* весьма условна: «... жизнь человека проходит в постоянно высоком, а подчас и крайнем напряжении его защитных сил, направленных на ликвидацию отрицательного влияния разнообразных патогенных факторов, на то, чтобы это их действие не вылилось в болезнь. И вполне естественно, что эта скрытая, но тяжелая борьба не может не сопровождаться не только незначительными структурными изменениями тканей, но и более серьезными нарушениями, требующими для своей ликвидации участия компенсаторных реакций, т.е. вовлечения в процесс более широкого круга органов, чем только поврежденный» [Васильев, Стрельцова, 2015, с. 67-68]. Изменения организма (клинические симптомы) как реакция на факторы внешнего / внутреннего воздействия в совокупности составляют то, что называется болезнью. «То есть, болезнь – не что иное, как более или менее адекватная, биологически целесообразная, поскольку направлена на сохранение основных жизненных функций, реакция организма на неблагоприятные условия его существования... Другими словами, болезнь – естественная форма жизнедеятельности в нормальных, физиологических условиях» [Там же, с. 68].

Болезнь – расстройство здоровья, нарушение деятельности организма [Самохина, 2005, с. 54]. Боль, болеть – ст. сл. болети, болг. боля // Родственно д.-в.-н. *balō* «пагуба, зло» [Толковый словарь..., 2011, с. 191]. Боль – ж. болезнь, хворь, нед'ужина, недуг, немощь, немогут'а, скорбь (телесная), хиль, хилина, нездоровье [Там же].

Соответственно *здоровье и болезнь* в народном сознании определяются как антонимы, а не как переходные состояния гомеостаза. *Его боль держит, он лежит в боли. Боль ходит. Дай боли волю, полежав, да умрешь. Боли не поддавайся. Боль врача ищет.*

Боль по роду или по чувству бывает: острая, колючая (колотье), резучая (резь), гнетучая (ломота), грызучая (грызть), жгучая, палящая, тупая, глухая, ноющая [Даль, 1981б, с. 111-113].

Тягостные *субъективные ощущения* больного принято называть *жалобами*, они свидетельствуют о болезненных процессах в организме. Современные междисциплинарные исследования говорят о том, что ощущения являются результатом сложного взаимодействия тела и разума. Интероцептивный опыт индивида является категорией как культурной, так и исторической. Это всегда дискурс определенной эпохи и определенной социокультурной среды. Наряду с культурной средой, к факторам, способствующим формированию индивидуальной сетки интероцептивных значений, можно отнести мотивацию, совокупный опыт переживания разнообразных телесных состояний, гендерную принадлежность индивида, ситуативно-средовые факторы, индивидуальные особенности когнитивного стиля и др. [Там же, с. 17].

Больница – заведение для приема и пользования больных; лечебница, недужница, скорбный дом, лазарет, госпиталь. Сравните современную трансформацию наименований медицинских учреждений: *лечебница* – место, где лечат, а *больница* – место, где болеют [Васильев, Стрельцова, 2015, с. 69]. Здравница как название мест санаторно-курортного лечения, «общее название санаториев, домов отдыха» [Фасмер, 2004, с. 275].

Семантика «лечения»

Лечение обычно понимается как процесс перехода от нездоровья (болезни) к здоровью (выздоровлению) посредством специальных методов воздействия на организм.

Русское слово «лечить» восходит, по мнению М. Фасмера, к слову лек'а «лечение, пользование и само лекарство». Укр. лік м., ліка ж. «лекарство, излечение», ст.-сл. лечьба, цслав. лекъ, болг. лек. Отсюда лечить, лечу, укр. лечити, ст.-сл. лечити, лечя, болг. леч'а «лечу, исцеляю», палаб. Ğесе «он лечит», а также лекаръ. Лекарство, укр. лікар, болг. лекар // Несомненно заимств. из герм.; ср. гот. lēkeis «врач», lēkinōn «лечить, исцелять» [Фасмер, 2004, с. 471-472].

Лекарь, по В.И. Далю, врач, медик, первая ученая степень, получаемая студентами врачебного искусства (Ср.: «... лечить приходится конкретного больного, а не популяцию, установленные закономерности в клинической практике можно применять с некоторыми оговорками, принимая во внимание нестандартность, своеобразие пациента, т.к. конкретный пациент по своей природе имеет право не укладываться в рамки популяционных закономерностей. Медицина остается искусством и лишь опирается на научно-технические достижения» [Васильев, Стрельцова, 2015, с. 69]); вторая доктор медицины. Иногда лекарем зовут и неученого врача, всякого, кто лек'арит, лекарничает, занимается лечением, не будучи врачом [Даль, 1981б, с. 246]:

Где много лекарей, там много и больных. Не дал Бог здоровья, не даст и лекарь. Та душа не жива, что по лекарям пошла.

Лекарша, жена лекаря. Лек'арка, лечейка, лечуха, лече'я (лиса «Лечея-плачея»), знахарка, женщина, которая пользуется больных, лечит.

У всякой лекарки свое зелье (свои припарки). Живи с разумом, так и лекарок не надо. Сон дороже лекаря.

Лекарственный, целебный, заключающий в себе лекарственную силу, врачебный. Лека, лекуба, лечение, пользование, *целенье* и самое лекарство, снадобье: *Лека не берет его, на лекубу не пошел, средства не помогают.*

Лечить, л'ечивать (кого) пользоваться, врачевать, помогать снадобьями: *Самого себя лечить, только портить. Дурака учить, что мертвого лечить. Старого учить, что мертвого лечить* [Там же].

Вывод

Таким образом, терминология содержит в себе как универсальные (объективные), так и индивидуальные (субъективные) характеристики. При этом термин как понятие статичен в силу своей функциональности, а концептуальное значение термина динамично, подвижно, образно. Процессы, происходящие в языковом сознании, отражают смысловую динамику лексического дрейфа и коррелируют с современными научными / обыденными смыслами.

Список литературы

- Васильев А.П., Стрельцова Н.Н.* Кризис современной медицины и возможные пути выхода из него // Сибирский медицинский журнал. 2015. Т. 30. № 4. С. 66-72.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Рус. яз., 1981а. Т. 1: А-З. 699 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Рус. яз., 1981б. Т. 2: И-О. 779 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карымишаква Т.Г.* Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015. 201 с.
- Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В.* Французский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 3(180). С. 14-17.
- Самохина Т.С.* Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. Москва: Р. Валент, 2005. 216 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва, 2011: Азбуковник. 1175 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1: А-Д: Ок. 4000 слов. Москва: Астрель; АСТ, 2004. 588 с.

Фэн Юэ

Этноспецифика мифологического концепта «Чаньэ» в китайской языковой картине мира (на основе корпусных исследований)

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, 864427560@qq.com*

Аннотация. В статье рассматривается один из базовых мифологических концептов китайской культуры. С помощью диахронического поиска в корпусе ВСС выявляется семантическая эволюция концепта и его этническая специфика.

Ключевые слова: концепт; Чаньэ; китайский язык; языковая картина мира; корпус; миф.

Feng Yue.

Ethno-specific features of the mythological concept «Chang'e» in the Chinese language picture of the world (based on corpus studies)

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, 864427560@qq.com*

Abstract. The paper deals with one of the basic mythological concepts in the Chinese language. The purpose of this work is to use diachronic search in the BCC corpus to reveal the semantic evolution and enrichment of this concept and thus discover its ethno-specific features.

Keywords: concept; Chang'e; Chinese language; language picture of the world; corpus; myth.

Миф как многогранное явление культуры, возникшее на ранней ступени ее эволюции, присутствующее и в современном обществе, привлекает к себе внимание лингвистов. В.И. Постовалова отмечает, что «исторически первой формой мировоззренческого сознания, в пределах которой сформировалась развитая картина мира, было мифологическое сознание. В мифе в фантастической форме выражается своя особая мифологическая модель мира, сложившаяся в опыте архаического общества» [Постовалова, 1988, с. 25]. Мифологическая модель мира – это «упрощенное отображение совокупности представлений о мире внутри конкретной мифологической традиции» [Топоров, 2008, с. 677-679].

Фундаментальным компонентом мифа является образ: «миф является прежде всего способом обобщения мира в форме наглядных образов. Отдельные аспекты мира обобщались не в понятиях, а в чувственно-конкретных, наглядных образах. Совокупность связанных между собой наглядных образов выражала мифологическую картину мира» [Найдыш, 1999].

Каждый народ имеет свою мифологическую традицию; мифологические тексты, которые представлены такими жанрами, как сказки, легенды, басни, наполнены яркими образами. В данной работе рассматривается один из таких типичных образов в китайской мифологической картине мира – богиня луны “嫦娥” («Чаньэ»). С опорой на материал из корпусов китайского языка можно осуществить анализ и раскрытие этноспецифики данного концепта.

В современном представлении под корпусом понимается совокупность текстов, созданных в естественной речевой среде и отобранных для того, чтобы охарактеризовать состояние или вариацию языка [Sinclair, 1991]. Корпус предоставляет массовый языковой материал, позволяет анализировать контекст конкретного слова (концепта), широко используется в исследовании и преподавании языков.

В данной работе мы используем корпус Пекинского университета языка и культуры ВСС (BLCU Corpus Center), в особенности его функции диахронического поиска (см. [荀恩东, 2016]), чтобы предпринять анализ семантической эволюции мифологического концепта «Чаньэ». В связи с тем, что материалом диахронического поиска являются тексты «Жэньминь жибао» (1946-2015 гг.), представляющего собой наиболее влиятельную газету в КНР, это позволяет в определенной мере проследить особенности и изменение значения концепта «Чаньэ» в представлении китайцев.

«Чаньэ» в словаре толкуется как «богиня в мифе, которая летала из белого света (т.е. мира людей 人间) на луну, она также называется 嫦娥 Хэньэ» [现代汉语词典, 2002, с. 142]. Несмотря на это краткую словарную статью, вокруг этого концепта группируется целый ряд сказок в самых разных версиях. Общее для них представление состоит в том, что Чаньэ – красавица, жена героя-борца Хоуьи. Она пила волшебный эликсир, летала на Луну, стала богиней и навсегда поселилась во дворце Гуанхэнь на Луне. Там её сопровождает только Юйту (玉兔) (буквальное значение – нефритовый заяц). Казалось бы, сказочный персонаж и связанная с ним фреймовая информация окажутся нерелевантными для публицистики прошлого и нынешнего столетий.

Однако ключевое слово “嫦娥” / «Чаньэ» при введении в разделе «диахронический поиск» на главной странице корпуса ВСС позволяет получить иной результат частотности (см. рис.). Этот график содержит детальную информацию о типах текстов, доступную при нажатии на соответствующую колонку.

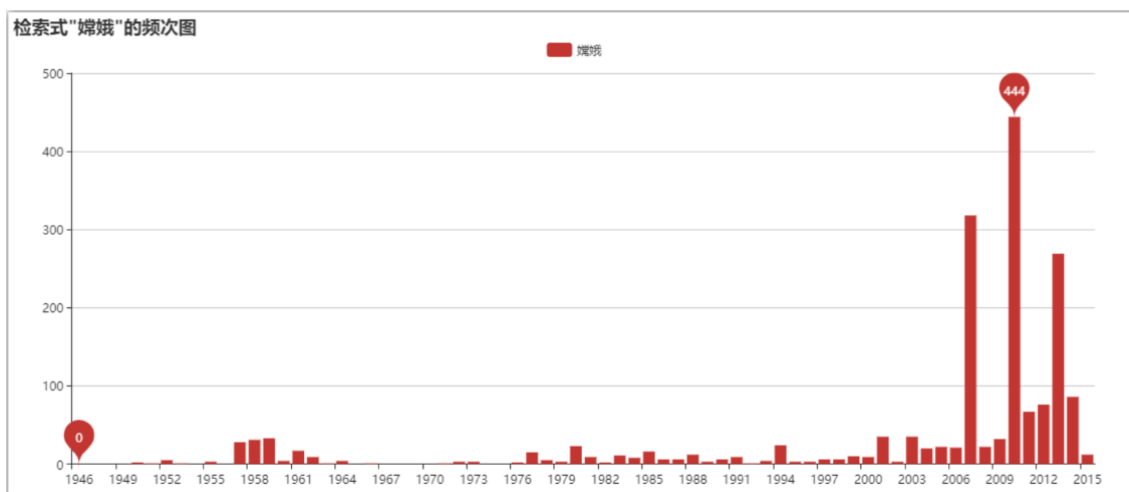

Рис. 1. Частотность слова «嫦娥 Чаньэ» в корпусе ВСС (<http://bcc.blcu.edu.cn/hc>)

График демонстрирует, что примерно до начала XXI века слово «Чаньэ» появляется очень редко, а в некоторые годы вообще не используется. Однако в 1958 и 1959 гг. его частотность становится относительно высокой. Контексты показывают, что причина этой высокой частотности связана с тем, что 2 января 1959 г. СССР осуществил пуск ракеты-носителя «Восток-Л», которая вывела на траекторию полета к Луне АМС «Луна-1». Это значительное событие немедленно было освещено в газете «Жэньминь жибао»:

“嫦娥奔月”的神话实现了。“嫦娥”就是苏联放射的宇宙火箭。 / Миф о том, что «Чаньэ улетает на луну», сбился! Чаньэ – это ракета-носитель СССР (Жэньминь жибао, 1959).

仙女们面面相觑，惊慌不语。嫦娥问道：“您是哪路神仙？”“我是宇宙火箭。”“宇宙火箭何处来？”“来自欢乐的人间。”好像万箭钻心，嫦娥顿时热泪盈眶了。 / Все феи были испуганы. Чаньэ спросила: «Вы какой небожитель?» «Я – ракета-носитель.» «Откуда?» «Из радостного света людей.» Вдруг у Чаньэ как будто тысячи стрел вонзились в сердце, ее глаза наполнились слезами (Жэньминь жибао, 1959).

В первом примере ракета-носитель представлена как «Чаньэ» в реальном мире. Если учесть контекст, то эта фраза принадлежит одному курсанту военного училища. А во втором примере создана вымышленная ситуация, в которой богиня разговаривает с ракетой-носителем. Также наминается мифологический сюжет: Чаньэ улетела на Луну, навсегда рассталась с мужем, каждый день тоскует по нему. Отсюда в Китае сложилась традиция отмечать праздник Луны, во время которого вся семья старается собираться. Так что концепт «Чаньэ» как сгусток культуры коренится в сознании членов данного языкового сообщества, и такое метафорическое описание было сразу понятно любому китайцу.

С началом XXI в. слово «Чаньэ» появляется более частотно. Это созвучно с тем, что в 1998 г. Китай начал разрабатывать лунную программу, которая в 2004 г. получила название «Программа Чаньэ». С тех пор слово «Чаньэ» часто появляется в «Жэньминь жибао», наиболее частотно в 2007, 2010 и 2013 гг., что связано с запуском спутников «Чаньэ-1», «Чаньэ-2» и модуля «Чаньэ-3». В главной газете страны такие важные события, несомненно, занимают немало полос. Результаты рассмотрения контекстов в самом частотном году – 2010 г. – показывают, что в большинстве случаев «Чаньэ» используется как название программы. Приведем один конкретный пример:

嫦娥二号之后，还会有嫦娥三号、嫦娥四号、月球车……探月工程就像一场永无止境、勇攀高峰的接力赛，书写着人类和平探索太空的崭新篇章，也把流传千年的登月神话化为了活生生的现代文明奇迹。/ После Чаньэ-2, еще будут Чаньэ-3, Чаньэ-4, луноход... лунная программа как беспредельная эстафета, пишет новую страницу в исследовании космоса человечеством, она также превратила тысячелетний миф в чудо современной цивилизации (Жэньминь жибао, 2010).

Но в то же время тоже бывает метафорическое применение этого названия, например:

要知道她如同我们的儿女，是我们制造了她，赋予她神圣的使命，她系着我们的心。她每一次动作我都像听见她在诉说“我是嫦娥，我是嫦娥，我在听从您的命令，忠实地完成我的使命。” / Ведь она как наш ребенок, это мы создали ее, и придали ей священную миссию, она связывает наши сердца. Каждое ее движение как будто говорит, что «я – Чаньэ, я – Чаньэ, я слушаю ваш приказ, искренне выполняю мою задачу» (Жэньминь жибао, 2010).

Здесь персонифицируется искусственный спутник именно как девушка Чаньэ.

С помощью функции синхронического поиска в разделе «газета» на главной странице ВСС можно обнаружить больше фреймовой информации о концепте «Чаньэ» и связанных с ним периферийных концептов «玉兔 Юйту» и «广寒 Гуанхэнь». Не случайно первый китайский луноход, который в 2013 г. улетал на Луну вместе с модулем «Чаньэ-3», получил название Юйту (нефритовый заяц). Это как раз совпадает с фрагментом мифологической картины мира китайцев: на Луне только нефритовый заяц сопровождает Чаньэ. В сознании китайцев с Юйту часто ассоциируются такие активные эмоции, как доброта, нежность. В связи с этим в репортажах часто обнаруживается метафорическое описание модуля Чаньэ и лунохода Юйту в образах богини и зайца: *到了 2013 年，中国首辆月球车的命名则吸引了更多人参与。通过近 350 万网友的投票，月球车被命名为“玉兔”。“嫦娥”怀抱“玉*

兔”奔月，一个名称，穿越古今，为网友们津津乐道。(人民日报 2016 年 8 月 27 日) / В 2013 г. наименование первого китайского лунохода привлекло больше людей к участию. После голосования более 3,5 млн пользователей Интернета луноход получил название «Юйту». Держа в объятиях «Юйту», «Чаньэ» улетает на Луну. Это название образно используется людьми от древности до наших дней (Жэньминь жибао, 27 августа 2016).

Здесь глагол «*怀抱*» / «*держат в объятиях*» выражает такое естественное метафорическое понимание у носителей китайского языка.

Кроме того, мы также обнаружили в репортажах Жэньминь Жибао (6 января 2016), что зона, где осуществилась мягкая посадка модуля «Чаньэ-3», получила географическое название «Гуанхэнь», который является в мифе названием дворца, где живет богиня.

В результате поиска также был отмечен феномен использования части качества данного концепта, например, *人间嫦娥 Чаньэ в белом свете*. Речь идет о первой советской женщине-космонавте В.В. Терешковой. Заголовок гласит “*人间嫦娥*”的心愿——访苏联第一位女宇航员捷列什科娃 / *Желание «Чаньэ в белом свете» – интервью с первой советской женщиной-космонавтом В. Терешковой* (Жэньминь жибао, 11 октября 1988). Здесь, видимо, значение «улетать в космос» у Чаньэ перенесено на качества женщины-космонавта, и тем самым выражено хвалебное отношение журналиста к героине.

Таким образом, концепт «Чаньэ» представляет взгляды древних китайцев на мир. В то же время он семантически обогащается с учетом экстралингвистических обстоятельств. Благодаря анализу корпуса, такие семантические изменения можно обнаружить и доказать на большой выборке текстов.

Список литературы

- Найдыш В.М.* Концепции современного естествознания. М. : Гардарики, 1999. 475 с.
- Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебrenникова. М.: Наука, 1988. С. 8-70.
- Топоров В.Н.* Модель мира // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Дрофа, 2008. С. 677-679.
- Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation. Oxford University Press, 1991. 179 p.
- 现代汉语词典*. 北京: 商务印书馆, 2002. 1767 с. [Словарь современного китайского языка. Пекин: коммерческое изд., 2002. 1767 с.]
- 荀恩东, 饶高琦, 肖晓悦, 臧娇娇.* 大数据背景下 ВСС 语料库的研制 // 语料库语言学. 2016. Т. 3. № 1. С. 93-118. [Сюнь Эньдун, Жао Гаоци, Сяо Сяоюэ, Цзан Цзяоцзяо. Разработка корпуса ВСС на фоне больших данных // Корпусная лингвистика. 2016. Т. 3. №. 1. С. 93-118.]

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК: 81

Бокале П., Бригадой Колонья Д. Дистальный дейксис и эпистемическая неопределенность в русском и китайском языках

*Университет Инсубрия, Италия, Комо,
paola.bocale@uninsubria.it, daniele.cologna@uninsubria.it*

Аннотация. И в русском, и в китайском языках существует тенденция, согласно которой дистальные дейктики коррелируют с более низкими степенями эпистемической определенности. В работе основное внимание уделено русской условной связке «то» и китайской условной связке 那 (nà), которые демонстрируют сходные синтаксические, семантические и прагматические свойства. На основе когнитивной лингвистической теории дейктического пространства Chilton показано, как семантика дистальных дейктиков может объяснить их взаимодействие с рядом нефактических, гипотетических или менее определенных сред.

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; дистальный дейксис; условные связки.

Bocale P., Brigadoi Cologna D. Non-proximal deictics and epistemic uncertainty in Russian and Chinese

*Università degli Studi dell'Insubria,
Italia, Como, paola.bocale@uninsubria.it, daniele.cologna@uninsubria.it*

Abstract. In both Russian and Chinese there is a tendency for non-proximal deictics to correlate with lower degrees of epistemic certainty. This work focuses on the Russian conditional connective “to” and the Chinese conditional connective “nà”, which share a similar development from distal demonstratives and exhibit similar syntactic, semantic and pragmatic properties. The main problem addressed by this work is how the semantics of distal deictics can account for their interaction with a range of non-factual, hypothetical or less certain environments. In order to explain the correlation of spatial distance with epistemic distance, or how the spatial relationship is transferred to the modal domain, we will draw upon Deictic Space Theory (Chilton 2014), a cognitive linguistic theory which captures spatial, temporal and modal conceptualisations through a three-dimensional abstract space in which axes represent distance from the speaker's deictic centre.

Keywords: Russian; Chinese; non-proximal deixis; conditional connectives.

Введение

И в русском, и в китайском языках существует тенденция, что дистальные дейктики коррелируют с более низкими степенями эпистемической определенности. В этой работе основное внимание будет уделено русской условной связке «то» и китайской условной связке 那 (nà), которые имеют схожее развитие от дистальных указательных слов и демонстрируют схожие синтаксические, семантические и прагматические свойства.

Русский союз «то» и китайский 那 (nà) не будут рассматриваться как чисто синтаксические и независимые от семантического содержания элементы. Наш анализ будет принимать во внимание, что и «то», и 那 (nà) по своей сути являются дейктическими и имеют мотивированное семантическое содержание, которое совпадает, или тесно связано, с соответствующими дистальными дейктическими указательными формами со значением «тот».

Главный вопрос, рассматриваемый в этой работе, заключается в том, как семантика дистальных дейктиков может объяснить их взаимодействие с рядом нефактических, гипотетических или менее определенных сред. Чтобы объяснить корреляцию пространственного расстояния с эпистемическим расстоянием или то, как пространственные отношения переносятся в модальную область, мы будем опираться на когнитивную лингвистическую Теорию Дейктического Пространства [Chilton, 2014], которая захватывает пространственные, временные и модальные концептуализации посредством трехмерного абстрактного пространства, в котором оси представляют собой расстояние от дейктического центра говорящего.

Теория дейктического пространства

Теория дейктического пространства (Deictic Space Theory) [Chilton, 2014] (далее ТДП) – это когнитивно-мотивированная теория лингвистического описания, которая основана на теории ментальных пространств [Fauconnier, 1994], и на геометрических подходах к концептуализации [Gärdenfors, 2000]. Дейксис – это всеобъемлющая концепция теории, которая построена на предположении, что все высказывания, и связанная с ними концептуализация, объединяют три концептуальных скалярных измерения: референциальное дистанцирование от говорящего, временное дистанцирование от говорящего и эпистемическое-модальное дистанцирование от говорящего. Эти три измерения геометрически представлены в виде трех пересекающихся осей: ось расстояния (внимания), ось времени и ось модальности. Каждая ось представляет собой шкалу удаленности от

базового пространства говорящего, который является нулевой точкой здесь-настоящего, дейктическим центром. Относительные расстояния по каждой оси соответствуют когнитивному расстоянию говорящего.

Говорящий и оси составляют систему отсчета («frame of reference», то есть систему координат, которая определяется центральной точкой плюс три оси направления), которая по сути является дейктической. Системой отсчета говорящего является пространство реальности R, которое является когнитивной версией дейктического поля Бюлера [Chilton, 2014, с. 48]. ТДП представляет собой концептуальное пространство, состоящее из трех измерений, специфичных для концептуализации, используемой и индуцируемой лингвистическими формами. Это концептуальное пространство универсально и не зависит от языка.

Ось расстояния указывает только в одном направлении (не имеет отрицательной полулинии) и геометрически представляет разницу между тем, что делается грамматически значимым, и тем, чего нет в дискурсе. Она имеет три основных точки: проксимальную, медиальную и дистальную. Проксимальное расстояние соответствует области, обозначенной проксимальными указательными местоимениями, т.е. дейктические слова, такие как «этот», которые относятся к сущности, близкой к дейктическому центру, и которые контрастируют с дистальными указательными местоимениями, такими как «то», которые относятся к сущностям, расположенным на некотором неопределенном расстоянии от говорящего. Говорящие при концептуализации сущностей, о которых они говорят (независимо от того, являются ли они физическими и визуально воспринимаемыми или нет), могут представить их концептуально более близкими и / или вызывающими больший интерес.

Ось времени указывает в двух противоположных направлениях от времени 0, которое является временем высказывания: прошлое (-t) и будущее (+t). Временное измерение определяется в ТДП как относительное расстояние от текущего момента говорящего, т.е. концептуализируется по аналогии с пространственным расстоянием и направлением. На временной оси есть временные точки, которые соответствуют проксимальному, медиальному и дистальному направлениям. Таким образом, проксимально-медиально-дистальные точки оси расстояния также проецируются на ось времени (и на ось модальности).

Ось модальности представляет эпистемологическую модальность и, как ось расстояния, указывает только в одном направлении от дейктического центра. Ее функция – отражать универсальную характеристику всех высказываний, а именно тот факт, что говорящие могут эпистемически дистанцировать их содержание от абсолютной

истины. Таким образом, ось модальности постулирована для того, чтобы учесть лингвистическое кодирование оценок реальности.

Геометрическая модель лингвистического значения предложена ТДП обеспечивает последовательную и убедительную поддержку гипотезы о том, что дистальные дейктики играют роль в передаче эпистемической неопределенности. Трехмерное дейктическое пространство, состоящее из пересекающихся осей референциального расстояния, времени и модальности, помогает нам визуализировать взаимосвязанность и взаимозависимость эпистемической модальности, расстояния и дейксиса.

Данные

Для русского языка данные взяты из мультимедийного корпуса русской речи MURCO [Grishina, 2009], который представляет собой подкорпус, предназначенный для изучения разговорной речи Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Для китайского языка исследование основано на данных PolyU Корпуса разговорного китайского языка [PolyU Corpus... – URL], который состоит из 28 стенограмм аудиозаписей разговоров на китайском языке по ряду тем.

Русская условная связка «то»

Русская связка «то», которая происходит от указательного местоимения единственного рода среднего рода «то» (Преображенская, 1983), сочетается с рядом подчинительных союзов, в том числе если, раз, поскольку, когда, пока и так как. В условных предложениях «то» сильно коррелирует с «если», и не может встречаться отдельно как единственное связывающее средство (см. пример 1).

(1) Если бы у него самого такого печального опыта не было, то он никогда бы не подозревал... (MURCO).

Главный вопрос заключается в том, что мотивирует или разрешает использование «то» в условных конструкциях, где его присутствие считается необязательным [Шведова, 1980]. В большинстве случаев связка «то» может присутствовать или отсутствовать в аподозисе, когда протазис вводится с помощью «если», без изменения общего значения предложения:

(2) Если бы с нами поехал Олег, я думаю, мы бы с тобой отдохнули великолепно (MURCO).

Мы считаем, что возможность комбинирования «то» и его ограничения связаны с его семантикой, и что можно дать мотивированное описание использования этой связки, принимая во внимание ее пространственное дейктическое значение, которое является одинаковым, или тесно связанным, с дистальным указательным местоимением «то». Дистальная семантика «то» делает его дистанционным устройством,

которое указывает на пространство, удаленное от пространства предшествующего предложения. Условные предложения дают ментальные представления о степенях ирреальности, которые, согласно ТДП, лежат где-то вдоль оси модальности [Chilton, 2014, с. 159]. Русская связка «то» указывает на конкретное ментальное пространство и помещает событие, описанное в аподозисе, в это ментальное пространство, которое идентифицируется, исключая другие возможные пространства. Включение «то» в аподозис стимулирует вывод о том, что его содержание не выполняется в других, альтернативных пространствах.

Подтверждением функции противопоставления «то» является его использование в отрицательных условных союзах «а то» и «а не то».

(3) Пишите пожалуйста через строчку, а то очень трудно разобрать, что написано (MURCO).

(4) Держи бревно, а не то ломает нашу плотину (MURCO).

Включение «то» в отрицательные условные связки также раскрывает секвенциализирующую (sequentializing) функцию этой связки, поскольку «а то» и «а не то» соединяют предложения, временное отношение которых является последовательным, а не одновременным.

Если мы рассматриваем примеры употребления «то» в условных предложениях, станет очевидным, что его использование особенно часто встречается в предложениях, которые включают логические выводы, такие как представление альтернативных ситуаций (5), ментальное симулирование (6), причинно-следовательное мышление (7) и вероятностные прогнозы (8).

(5) Потому что знаете, вот предельно откровенно Вам говорю, если бы я боялся остаться без работы или страшно хотел бы продолжить работу в должности Президента, то я бы не поступил так, как я поступил (MURCO).

(6) Если представить на плоскости вот здесь левые, здесь центр, здесь правые, то у нас вертикаль, как росток из-под асфальта, так растет Партия жизни (MURCO);

(7) но если все правильно сделать и в погоду попасть, то надежно получается на этой горе (MURCO);

(8) Дома, если мать говорить «купила», а не «взяла», то вероятность того, что и дети будут говорить верно, наибольшая, и наоборот (MURCO).

Во всех приведенных выше примерах (5-8) «то» может быть переведено на английский как «then», временной союз, который сигнализирует о последовательности событий, в которой возникновение события в аподозисе условно следует за возникновением события в протазисе [Dancygier, 1999]. Таким образом, русская связка «то» имеет четкие градицированные временные функции.

Наш анализ связки «то» как секвенциализирующего устройства, также объясняет, почему ее использование невозможно в тех условных выражениях, в которых протазисы не связаны последовательно со своими аподозисами.

Китайская условная связка 那 (nà)

Подобно русскому «то», китайское указательное местоимение 那 (nà) проявляет соединительные функции в различных грамматических контекстах. В этой работе мы проанализируем его появление в условных предложениях [Wang, 2015]. В китайском языке гипотетические или контрфактические условные предложения могут быть выражены в протазисе с помощью союзов 如果 (rúguǒ) или 要是 (yàoshi), означающих «если» [Sun, 2006].

Когда 那 (nà) изначально появляется в аподозисе условных предложений, это клитика, которая не получает ударения. Как и «то» в русском языке, его появление необязательно, то есть 那 (nà) может присутствовать или отсутствовать в аподозисе, когда протазис вводится условными союзами, без изменения общего значения предложения, сравните примеры 9-11 с 那 (nà) и примеры 12-15, где 那 (nà) отсутствует.

(9) 要是领导批评我我就反击的话, 那早混不下去了 (Yàoshi lǐngdǎo pīpíng wǒ jiù fǎnjī dehuà, nà zǎo hùn bù xiàqùle) (PolyU).

Если бы я сопротивлялся, когда руководство критиковало меня, 那 (nà), я бы не смог с самого начала трудиться.

Когда 要是 (yàoshi) используется без 那 (nà), аподозис может звучать более решительно, даже резко, и часто сопровождается использованием частицы 就 (jiù). Однако в корпусе PolyU 要是 (yàoshi) часто используется для выражения предположения, даже контрфактического, без обязательного выражения резкости, а скорее для настойчивого запроса на подтверждение или отрицание.

(10) 您觉得要是去旅行的话, 会觉得想去香港看看吗 (Nín juéde yàoshi qù lǚxíng dehuà, huì juéde xiǎng qù Xiānggǎng kànkan ma?) Считаете ли Вы, что если бы Вам пришлось отправиться в путешествие, Вы бы хотели поехать в Гонконг и посмотреть [этот город]? (PolyU).

В корпусе PolyU гипотетические или условные предложения с 如果 (rúguǒ) встречаются гораздо чаще, чем с 要是 (yàoshi). Большинство из них в аподозисе не содержат 那 (nà), которое встречается только в 20

случаях из 155 случаев появления 如果 (rúguǒ) (13%). Распространенной моделью является 如果 (rúguǒ) в протазисе в связи с 一般 (yībān) «обычно» в аподозисе, чтобы передать действие, которое выполняется, или отношение, которое предполагается в соответствии с условием или гипотезой, выраженной в протазисе (11). В большинстве случаев аподозис не содержит соединительного элемента (12).

(11) 嗯，那如果有人不相信你，一般你会有什么样的感受。(Ǒng, nà rúguǒ yǒurén bù xiāngxìn nǐ, yībān nǐ huì yǒu shénmeyàng de gǎnshòu?)

Хм, так что, если кто-то вам не верит, что вы будете чувствовать? (PolyU).

(12) 他砖都，都要标出来，就是那块如果出问题，他去找那人。(Tā zhuān dōu, dōu yào biāo chūlai, jiù shì nà kuài rúguǒ chū wèntí, tā qù zhǎo nà rén). Его кирпичи все, все они должны быть подписаны, то есть любой кирпич, если он вызывает проблему, (тогда) можно пойти искать человека (который его сделал) (PolyU).

Когда 那 (nà) действительно встречается в аподозисе после протазиса, введенного 如果 (rúguǒ), его функция, по-видимому, соответствует той, которую Y. Wu [Wu, 2004, p. 105-106] рассмотрел в ее использовании в сочетании с гипотетическими или условными союзами, а именно, что 那 (nà) в аподозисе относится к условию, выраженному в протазисе, и сигнализирует о том, что событие в аподозисе обязательно возникнет, если условие в протазисе выполняется.

(13) 就... 如果有人强迫，那我会呀。(Jiù... rúguǒ yǒurén qiǎngpò, nà wǒ huì ya) Ну ... если бы меня кто-то заставил, NÀ 那 я бы, конечно (PolyU).

(14) 但是如果说是，就是比较亲密的，比如说朋友，亲人不相亲我，那会比较生气吧，或者说会给予去解释啊 (Dànshì rúguǒ shuō shì, jiù shì bǐjiào qīnmì de, bǐrú shuō péngyou, qīnrén bù xiāngxìn wǒ, nà huì bǐjiào shēngqì ba, huòzhě shuō huì jǔyú qù jiěshì ā.)

Но если бы, скажем, кто-то относительно близкий, например, друг, родственник, не поверил бы мне, 那 (nà) я был бы очень расстроен, понимаете, или мне не терпелось бы получить объяснение (PolyU).

Посредством инверсии канонического, для условных предложений, порядка протазиса-аподозиса, иногда аподозис, введенный связкой 那 (nà), может предшествовать, в то время как протазис, введенный условным

союзом 如果 (rúguǒ), перемещается вперед, к концу предложения. В таких случаях также часто встречается одновременное употребление частиц 就 (jiù) или 也 (yě) в аподозисе, чтобы сформировать гипотетическое условное предложение. Следующие ниже примеры (15-16) представляют, соответственно, иллюстрации как канонической конструкции 如果... , 那 (就) (rúguǒ..., nà (jiù)), так и неканонической конструкции 那... , 如果 (nà..., rúguǒ...), с перемещением аподозиса на передний план.

(15) 对, 就是说, 那就是“实在对不起”, 可能会这么说, 如果说在工作上自己有很大的事物, 那只能说实在对不起, 然后就怎么弥补, 或者说赔钱人家钱或者怎么样的, 或者是加倍努力。

(Dui, jiùshìshuō, nà jiù shì “shízài duìbuqǐ”, kěnéng huì zhème shuō, rúguǒ shuō nǐ quèshí duì biéren zàochéng hěn dà máfan dehuà, huòzhě shuō zài gōngzuò shàng zìjǐ yǒu hěn dà shìwù, nà zhǐ néng shuō shízài duìbuqǐ, ránhòu jiù zěnmē míbǔ, huòzhě shuō péi rénjiā qián huòzhě zěnmeyàng de, huòzhě shì jiābèi nǔlì) (PolyU).

Точнее, я имею в виду, что в этом случае «(мне) очень жаль», (это то, что я бы, вероятно, сказал, если бы вы действительно причинили кому-то большую неприятность, или скажете, что (вы) совершили огромную ошибку на работе, 那 (nà) (вы) можете только сказать (что вам) действительно жаль, после (вы решаете), как вы собираетесь это компенсировать, или скажете, что вы вернете им деньги или что-то в этом роде, или вы приложите больше усилий (в своей работе) (16) **那总要就把具体的措施讲出来吧, 库肯定不是说几个语气词就能解决的, 若果很严重的错误的话。** (Nà zǒngyào jiù bǎ jùtǐ de cuòshī jiǎng chūlai ba, jiù kěndìng bú shì shuō jǐ ge yǔqìcí jiù néng jiějué de, rúguǒ hěn yánzhòng de cuòwù dehuà.) 那 (nà) (вы) всегда должны разъяснять конкретные меры, (вы) наверняка не можете просто сказать несколько добрых слов и суметь разрешить (ситуацию), если (это) большая ошибка (PolyU).

В разговорном китайском языке 那 (nà) может также встречаться в начале предложения как устройство, связующее это предложение с предыдущим отрезком дискурса. В этом случае его функция является последовательной и логической («дано А, вывести Б»), то есть она может выражать временную связь между двумя событиями и подразумевать причинно-следственную связь между ними. Следующий пример

иллюстрирует появление связки 那 (nà) в начале предложения, которое она связывает с предыдущим дискурсом. За протазисом с 那 (nà) почти сразу следует аподозис с частицей 就 (jiù).

Контекст примера 17 следующий: информант обсуждает, выбрать свадьбу в китайском или западном стиле. Она только что сделала несколько наблюдений по поводу свадьбы в китайском стиле, когда ей задают вопрос ниже.

(17) 那你就比如说要和西式的选一个呢 (*Nà nǐ jiù bǐrú shuō yào hé xīshì de xiǎn yī ge ne?*) (И) 那 (nà) вам, например, приходилось выбирать западный? [PolyU].

Подобное использование связки 那 (nà) можно также наблюдать с более формальными условными связками, такими как 假如 (jiǎrú), в конструкциях, которые редко встречаются в устной речи, но могут быть восприняты как «более мягкие» варианты более литературных условных конструкций. Связка 假如 (jiǎrú) часто используется вместе с 那么 (nàme). Поскольку 假如 (jiǎrú) не встречается в корпусе PolyU, пример 18 взят из корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета (CCL) [Peking University... – URL].

(18) 假如你不懂得罗格斯，不知道西方人考虑什么，那你就根本不懂西方。 (*Jiǎrú nǐ bù dǒngde luógèsī, bù zhīdào xīfāngrén kǎolǜ shénme, nà nǐ jiù gēnběn bù dǒng xīfāng*). Если вы не понимаете логотипы, вы не понимаете, о чем думают жители Запада, вы вообще не понимаете Запад (CCL).

Мы предполагаем, что, как и в случае с русской связкой «то», использование 那 (nà) связано с его семантикой, т.е. те факторы, которые мотивируют его использование, связаны с его пространственным дейктическим значением. Связка 那 (nà) указывает на пространство, которое не является проксимальным по отношению к пространству предшествующего предложения; она иконически отделяет аподозис от протазиса или предложение от предшествующего дискурса, когда он используется в начальной позиции предложения. Что еще более важно, 那 (nà) дистанцирует предложение, которое оно открывает, от эпистемической определенности. Пространственная удаленность становится эпистемической удаленностью, то есть удаленностью от

реальности. Хотя употребление 那 (nà) синтаксически необязательно, прагматически оно важно (предложения без 那 (nà) могут звучать слишком выразительно, даже немного резковато), и мотивировано его семантикой.

Заключение

В статье была рассмотрена одна из сильно коррелирующих с выражением эпистемической неопределенности синтаксических сред, в которой встречаются русские и китайские дистальные указательные местоимения. Вопрос, на который мы стремились ответить, заключался в том, почему дистальные дейктики появляются в контекстах, отмеченных условностью, неактуальностью и гипотетичностью. Геометрическая модель трехмерного дейктического пространства, предложенная ТДП, когнитивно-мотивированной теорией лингвистического описания, убедительно дает объяснение этого явления.

ТДП устанавливает корреляцию между пространственным расстоянием и эпистемическим расстоянием, что чрезвычайно важно для оценки функции, которую русские и китайские дистальные дейктики имеют в условных контекстах, где они не только выполняют свою основную функцию обозначения пространственной или временной привязки, но также участвуют в эпистемическом значении.

Список литературы

- Шведова Н.Ю.* Русская грамматика. М. 1980. с. 792.
- Chilton P.* Language, space and mind. The conceptual geometry of linguistic meaning. Cambridge. 2014. с. 356.
- Dancygier B.* Conditionals and Prediction. Time, Knowledge, and Causation in Conditional Constructions. Cambridge. 1999. с. 225.
- Fauconnier G.* Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge. 1994. с. 240.
- Gärdenfors P.* Conceptual spaces: the geometry of thought. Cambridge MA. 2000. с. 398.
- Grishina E.* Multimodal Russian Corpus (MURCO): General Structure and User Interface // NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research, Fifth International Conference / Eds. J. Levická, R. Garabík. Brno. 2009. с. 119-131.
- Peking University Center for Chinese Linguistics – CCL. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
- Poly U. Corpus of Spoken Chinese (Cantonese). URL: <http://asianlang.engl.polyu.edu.hk/>
- Sun C.* Chinese. A Linguistic introduction. Cambridge. 2006. с. 250.
- Wang C-H.* Tiáojiànjù zhōng de “na/name” [“Na/name” in conditional sentences] // Chinese Language Learning. 2015. № 2. С. 41-48.
- Wu Y.* Spatial demonstratives in English and Chinese. Amsterdam/Philadelphia. 2004. с. 255.

Калинин О.И.
К вопросу о причинах метафоричности:
прагматика, типология и культура

*Военный университет Министерства обороны,
Россия, Москва, okalinin.lingua@gmail.com*

Аннотация. В статье метафоричность текстов подсчитывается на основании MPI (Metaphor Power Index), что позволяет учесть количество метафор, их интенсивность и содержание, предпринимается попытка теоретического осмысления причин различий метафоричности текстов с учетом прагматической установки автора текста, типологии языка и культурных различий.

Ключевые слова: метафоричность; индекс силы метафоры; метафорический дискурс; прагматика; теория концептуальной метафоры.

Kalinin O.I.
Metaphor power: Pragmatics, typology and culture

*Military university with the Defense Ministry,
Russia, Moscow, okalinin.lingua@gmail.com*

Abstract. This paper looks into text metaphor power. Based on a number of studies, it was revealed that the metaphor power of different texts that are similar in many respects but written in different languages can vary greatly. The level of metaphoricity is calculated on the basis of the MPI (Metaphor Power Index), which allows to take into account the number of metaphors featured in a text, their intensity and content. The paper attempts to theoretically comprehend the reasons for these differences assuming that the key factors for differences in metaphor power can be linked to the pragmatic attitude of the author of the text, the typology of the language and the specifics of his culture.

Keywords: metaphoricity; metaphor power index; metaphorical discourse; pragmatics; conceptual metaphor theory.

Постановка проблемы

Гипотеза исследования строится на общеизвестном утверждении, что метафора в широком смысле слова является одним из ключевых средств создания образности, суть которого заключается в когнитивном переносе части семантического значения одной концептуальной области на другую. Существует множество теорий, детально описывающих данный процесс, например, теория концептуального смешения Фоконье-Тернера [Fauconnier, Turner, 1995, 2000] или теория концептуальной метафоры Лакоффа [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1993, 2008; Лакофф,

Джонсон, 2004]. При этом основополагающий принцип неизменно состоит в том, что подобный перенос присущ человеческому мышлению как таковому.

Возьмем для примера такие словосочетания, как «яркая речь» и «быть упертым как осел». В терминах традиционной стилистики они бы классифицировались как эпитет и сравнение, тем не менее, все подобные средства образности вполне можно обобщенно соотнести с метафорой. Мы понимаем, что «речь» не светится, как солнце или лампа, она осмысливается через концептуальную область «яркость», равно как и «упертость» человека осмысливается через «упрямство и своенравный характер осла». Перенос определенного семантического значения с одной области на другую очевиден.

Трудно не согласиться с Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым в том, что метафора «еще недавно воспринималась как одно из многих средств «украшения» ораторской речи, а сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом» [Будаев, Чудинов, 2008, с. 7]. Кроме того, вслед за Дж. Лакоффом, который в своей знаменитой статье «Metaphor and War» изучил метафорические основания оправдания начала войны в Персидском заливе, многие исследователи стали относить метафоры «к ярким показателям особенностей национального самосознания и уровня политического развития общества» [Там же, с. 8].

Таким образом, с технической точки зрения в данном исследовании под метафорой понимается любое проявление образности, с сущностной точки зрения, метафора – это такое эксплицитно выраженное проявление образности, которое является средством целенаправленной категоризации окружающей действительности в сознании коллективного адресата речевого сообщения.

При этом последовательно изучая метафоры в различных типах текстов в сопоставительном ключе, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что количество метафор, их форма, структура, модель построения сильно отличаются. Кроме того, степенью метафоричности отличаются и тексты, что, согласно классификации Кристл де Ландшер, позволяет относить их разным типам дискурсов: информативному и экспрессивному [De Landsheer, 1998, 2009, 2011].

Исследования метафоричности программных выступлений лидеров России и КНР на форуме «Один пояс – один путь» [Мавлеев, Фомин, 2017], новогодних обращений лидеров России, КНР, Республики Корея и Соединенного Королевства [Калинин, Селезнева, 2019], текстов военных доктрин КНР и РФ [Калинин, Мавлеев, 2019] показывают, что метафоричность, вполне возможно, связана не только с экспрессией и информативностью. Исследованные тексты очень сходны по своим

прагматическим и экстралингвистическим установкам: время порождения данного высказывания, объем текстов, основная интенция автора. Очевидно, что новогодние обращения лидеров стран содержат примерно одинаковую модусную установку, а именно поздравить с праздником, рассказать о сделанном, наметить планы на будущий год. Военные доктрины, текст которых вообще не имеет прямо очерченного автора и представляет основные постулаты военного строительства государства в целом, также обычно сходны по своим жанровым и психоллингвистическим характеристикам.

Мы предполагаем, что разница метафоричности сходных текстов на разных языках имеет более глубинные причины, и на этом основании ставим перед собой цель провести теоретическое осмысление возможных причин разницы в уровне метафоричности сходных по прагматическим и экстралингвистическим характеристикам текстов на русском и китайском языках.

Методика исследования

Прежде чем перейти к дискуссии относительно причин в разнице в метафоричности, необходимо более подробно остановиться на проблемах выявления метафор как таковых и определения уровня метафоричности конкретного текста.

Методология выявления метафор является весьма дискуссионным вопросом вследствие разницы подходов к самой метафоре. Как указывалось выше, мы отталкиваемся от наиболее общего понимания метафоры как перенесения части значения одной концептуальной области на другую при создании определенного смыслового и экспрессивного «напряжения» или так называемой контрастности базового и контекстуального значений. В этой связи наиболее подходящей методикой для выявления метафоры в тексте представляется подкрепленный фундаментальной теоретической базой и апробированный на большом эмпирическом материале метод MIP (Metaphor Identification Procedure), разработанный исследовательской группой PragglejazGroup¹⁵.

Надежность MIP во многом определяется простотой, а именно работой с эксплицитно выраженной информацией в тексте. Данный метод состоит из четырехступенчатого лингвистического анализа текста, включающего следующие процедуры:

- 1) чтение текста;

---

¹⁵ Название исследовательской группы Pragglejaz является акронимом, образованным из имен ее участников: PeterCrisp, RayGibbs, AlanCienki, GrahamLow, GerardSteen, LynneCameron, ElenaSemino, JoeGrady, AliceDeignan, ZoltánKövecses

2) определение лексических единиц, составляющих данный текст, то есть разделение текста на минимальные неделимые лексические единицы и определение связей между ними;

3) а) определение контекстуального значения каждой лексической единицы текста в соответствии с лексическим окружением и контекстом;

б) определение современного базового значения каждой лексической единицы в соответствии со словарным значением;

в) выявление контрастности и сходства контекстуального и базового значений лексической единицы;

4) маркирование лексической единицы как метафоры при наличии контрастности и сходства контекстуального и базового значений [PragglejazGroup, 2007].

Таким образом, MIP позволяет выявить метафоры в любом тексте. Его недостатком является только лишь высокий уровень трудоемкости, так как большую часть работы необходимо проводить вручную, а также некоторая степень субъективности, которая нивелируется обычно повторным анализом текста другим исследователем и дискуссией.

Второй этап – непосредственно сама методика выявления метафоричности определенного текста. Она основана на подсчете MPI (Metaphor Power Index), предложенного Кристл де Ландшер [De Landsheer, 1998, 2009, 2011] и также используемого в трудах А.Н. Баранова в его теории дескрипторной метафоры [Баранов, 2014].

Индекс силы метафоры рассчитывается на основе индекса частотности метафоры (MFI, Metaphor Frequency Index), индекса интенсивности метафоры (MII, Metaphor Intensity Index) и индекса содержания метафоры (MCI, Metaphor Content Index). MFI показывает количество метафор на сто слов текста, MII свидетельствует об интенсивности метафоры (слабая, средняя и сильная), где слабая – это стертая метафора, зафиксированная в словаре, а сильная – яркая намеренная авторская метафора, а MCI связан с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и позволяет разделить метафоры по используемым сферам-источникам, где метафоры со сферой-источником «болезнь и смерть» обладают наиболее высоким показателем. Каждой метафоре присваивается индекс в зависимости от интенсивности (от 1 до 3) и содержания (от 1 до 6). Итоговый индекс MPI является произведением указанных выше индексов. Таким образом, при подсчете метафоричности текста или дискурса мы учитываем не только количество метафор, но и их типологию, а также содержательную сторону.

Приведем ряд примеров, демонстрирующих применение метода подсчета MPI и выявления метафор в текстах:

同舟共济 互利共赢，是实现人类共同发展繁荣的必由之路。
Tóngzhōugòngjì hùlì gòngyíng, shì shíxiàn rénlèi gòngtóng fāzhǎn fánróng de

bìyóuzhìlù (*Совместная взаимовыгодная борьба с трудностями, взаимовыгода и совместный выигрыш являются неизбежным выбором человечества в целях реализации общего развития и процветания*). – 同舟共济 дословно – «плыть в одной лодке», словарное значение – «объединить усилия» – это средняя по интенсивности метафора с индексом 2 и популярная метафора с точки зрения содержания с индексом содержания 1.

Дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и *подрыв глобальной и региональной стабильности* – это средняя по интенсивности метафора с индексом 2 и метафора бедствия по содержанию с индексом 4.

Материал и результаты исследования

Был проведен ряд исследований сравнительного характера по выявлению метафор и подсчету метафоричности текстов на русском и китайском языках:

1) выступления лидеров КНР (Т1(кит)) и России (Т1(рус)) на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» от 14 мая 2017 года общим объемом 3735 и 1237 слов соответственно;

2) белая книга национальной обороны КНР (Т2(кит)) и Военная доктрина Российской Федерации (Т2(рус)) общим объемом 17401 и 6502 слова соответственно;

3) новогодние поздравления Председателя КНР (Т3(кит)) и Президента РФ (Т3(рус)) за 2016, 2017 и 2018 года общим объемом 3304 и 968 слов соответственно.

Результаты представлены в *Таблице 1*.

В среднем уровень метафоричности текстов, соотносимых с одинаковыми речевыми ситуациями и при этом имеющих относительно сходные интенциональные установки автора, на русском и китайском языках сильно отличается. Метафоричность текстов на китайском языке неизменно выше примерно в два раза.

Таблица 1. Индекс силы метафоры для разных текстов на русском и китайском языках

Текст	MPI (Китайский)	MPI (Русский)
Т1	14,02	7,95
Т1	5,92	1,3
Т3	11,27	8,01
Итого (среднее)	10,4	5,75

Обсуждение

С чем связана разница в метафоричность сходных по прагматическим и экстралингвистическим установкам текстов?

На этот вопрос может быть дано несколько ответов, которые можно отнести к трем аспектам: 1) различие в имплицитных прагматических

установках текстов; 2) различие в типологии языков; 3) культурные различия.

1. исследуем каждый из вариантов более подробно. Несмотря на очень близкие исходные условия порождения какого-либо высказывания, два текста, написанные разными авторами, могут и имеют отличия в имплицитных прагматических установках. Если взять за основу теорию речевой коммуникации в любом ее виде, например, в виде системно-деятельностного подхода, предложенного Е.В. Сидоровым [Сидоров, 2009], то будет очевидно, что автор высказывания априори влияет на прагматику текста.

По мнению Е.В. Сидорова, «высказывание интерактивно мотивировано референцией, с одной стороны, являясь своеобразным знаковым продуктом реакции говорящего на определенные свойства речевой коммуникации, с другой стороны, выступая в качестве знакового средства управления деятельностью реципиента в ее соотношении с деятельностью говорящего» [Сидоров 2008, с. 107]. Из процесса порождения высказывания невозможно исключить говорящего и его реакции на свойства речевой коммуникации. Тем не менее, важными остаются вопросы, насколько значимы эти прагматические установки, в нашем случае воздействующие на метафоричность, являются ли они целенаправленными и проявляются ли они именно в метафоричности? Исследование данных проблем требует специфических методов, в том числе с использованием специальной аппаратуры, что выходит за рамки традиционного лингвистического анализа.

2. Типологические особенности языков также нельзя не рассмотреть в качестве одного из факторов, оказывающих влияние на метафоричность сходных текстов на разных языках. Как известно, русский и китайский являются типологически противоположными друг другу: китайский язык «максимально изолирующий, русский – максимально флективный» [Волков, Гурулева, 2018]. Одной из ключевых особенностей изолирующих языков является словосложение как способ образования новых слов.

Например, концепт «демократия» в китайском языке реализуется лексемой 民主 (дословно «народ» и «хозяин»), что, безусловно, меняет осознание этого явления и, кроме того, содержит метафоричность на уровне самой лексической единицы (осмысление власти через сферу-источник «хозяин»). Для большей убедительности добавим, что морфема 主 не является общей для всех слов соотносимых с властью, то есть слова автократия, бюрократия, теократия переводится в других концептуальных моделях (专制 – «специальная система», 官僚制度 - «система чиновничества», 神权 - «власть духовного»).

Так, мы сталкиваемся с тем, что использование модели переноса одной концептуальной области на другую для получения нового смысла проявляется в китайском языке на уровне словообразования и базируется на иероглифическом характере китайской письменности и его изолирующем характере. Такая же модель весьма характерно может переноситься и на уровень словосочетаний и предложений, что приводит к высокому уровню метафоричности любого высказывания.

3. Культурные различия в данном случае понимаются прежде всего как разница в традиционных моделях речевого поведения, свойственных разным лингвокультурам. Вполне очевидно, что представители разных культур будут по-разному реагировать на разные речевые ситуации, что будет выражаться как в подборе лексических единиц, так и в использовании разных грамматических средств. Кроме того, когда мы говорим о разных культурах, мы говорим о разных национальных концептуальных системах, которые определяются множеством факторов: и историей народа, и географическими, и религиозными, и иными факторами. Например, Л. Бородицкая описывает разные формы концептуализации времени в китайской и американской лингвокультурах [Boroditsky, 2003], а Т.Л. Гурулева приводит существенные различия между китайской, русской и английской языковой личностью [Гурулева, 2019].

В случае с метафоричностью мы сталкиваемся с традиционным для азиатской культуры в целом и для китайской культуры в частности специфическим украшением речи. Стилистика как «использование различного языкового материала и различных средств выразительности для наиболее точного выражения чувств и эмоций» (цит. по: [Калинин, Радус, 2017]), по словам Ван Сицзе, в китайском языке обозначается термином 修辭 – «украшение фраз», а этимологически данное словосочетание имеет значение «гармонизация речи и исправление культуры». При этом сам термин восходит к глубокой древности и впервые упоминается в Книге перемен И Цзин [Калинин, Радус, 2017].

Кроме того, совершенствование красоты определяется следованием ритуалу (礼) и традиционной ориентацией китайской культуры на исторический и культурный опыт. При этом историческая традиция развития китайского языка, особенно в его письменной форме, оставила богатое наследие в виде развитой системы фразеологизмов, а также норм и принципов украшения речи. Использование ченьюя или иного фразеологического оборота в своей речи в китайской речевой культуре является показателем образованности, и прагматически они применяются чаще именно для повышения статуса говорящего, а не для усиления воздействия на слушающего.

Выводы

Причины высокой метафоричности в китайском языке – имплицитная прагматическая установка автора текста, изолирующий характер китайского языка и специфические культурные предпосылки.

Для верификации полученных выводов о природе метафоричности необходимы междисциплинарные исследования с применением методов нейронаук. Глубинное исследование метафоры может способствовать выявлению закономерностей речепорождения и организации мыслительного процесса человека.

Список литературы

- Баранов Н.А.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 627 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2008. 214 с.
- Волков К.В., Гурулева Т.Л.* Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия ВГПУ. 2018. №8. С. 148-154.
- Гурулева Т.Л.* Китайская языковая личность. Характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ. М.: ВКН, 2019. 160 с.
- Калинин О.И., Мавлеев Р.Р.* Сопоставительный анализ метафоричности военно-политических дискурсов языков разной типологии (на примере русского и китайского языков) // Когнитивные исследования языка. 2019. № XXXVIII. С. 546-553.
- Калинин О.И., Селезнева Д.В.* Метафоричность и типология: опыт сопоставительного анализа // Филология: научные исследования. 2019. № 4. С. 72-80.
- Калинин О.И., Радус Л.А.* Курс лекций по стилистике китайского языка: учебное пособие. М.: ВКН, 2017. 344 с.
- Мавлеев Р.Р., Фомин А.Г.* Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В.В.Путина в рамках Международного форума «Один пояс-один путь») // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 112-121.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 252 с.
- Сидоров Е.В.* Речевая коммуникация: фундаментальные необходимости. -М.: Изд-во РГСУ, 2009. 154 с.
- Сидоров Е.В.* Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
- Boroditsky L.* Does language shape thought? Mandarin and English speakers' conceptions of time. *Cognitive Psychology*. 2003. Vol. 43. P. 1-22.
- Fauconnier G., Turner M.* The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic books, 1995. 440 p.
- Fauconnier G., Turner, M.* Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 133-145.
- Johnson, M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor in *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 243 p.

- Lakoff, G.* The neural theory of metaphor. In Gibbs, R.W. (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Landsheer C. de* The political rhetoric of a United Europe // *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere* / ed. by O. Feldman. New York, 1998. 224 p.
- Landsheer C. de* Collecting political meaning from the count of metaphor // *Metaphor and Discourses* / A. Musolff, J. Zink (eds.). 2009. P. 73-96.
- Landsheer C. de* Methods for the study of political metaphor in leadership studies: paper presented at the Conference of ECPR, Glasgow, September 3-6, University of Glasgow, 2011.
- Pragglejaz Group.* MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*. № 22, 2007, p. 139.

УДК: 81'2

Карачина О.Е.
К вопросу об изучении экономической метафоры

*Московский международный университет,
Россия, Москва, karachina.olga@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем исследования экономической метафоры: виды экономической метафоры, причины и следствия ее злоупотребления, акцентируется возможность использования интерпретационного потенциала экономической метафоры в целях исследования отношения к объекту метафоризации.

Ключевые слова: экономическая риторика; педагогическая метафора; эвристическая метафора; конститутивная метафора; метафорическая модель; сфера-источник; сфера-реципиент.

Karachina O.E.
Towards studying economic metaphor

*Moscow international university
Russia, Moscow, karachina.olga@mail.ru*

Abstract. The article discusses some important issues within the fame of research into economic metaphor such as kinds of economic metaphor, causes and consequences of economic metaphor misuse. Special emphasis is placed on the interpretational potential of economic metaphor that can help reveal the speaker's genuine attitude to the metaphorized concept.

Keywords: economic rhetoric; pedagogical metaphor; heuristic metaphor; constituent metaphor; metaphorical model; source and receiver sphere.

Метафора не только признается неотъемлемой частью экономического дискурса, но и становится серьезным инструментом анализа скрытых смыслов и отношений в экономической риторике.

До 1983 г., когда вышла в свет статья Дональда МакКлоски «The Rhetoric of Economics» [McCloskey, 1983], экономической метафоре не уделяли серьезного внимания. Д. МакКлоски доказал, что каждое отдельное умозаключение в экономической риторике, даже в официальной экономической риторике, метафорично: «Each step in economic reasoning, even the reasoning of the official rhetoric, is metaphor» [Там же, p. 502].

В дальнейшем идеи Д. МакКлоски и его приверженцев получили развитие в многочисленных междисциплинарных исследованиях по обе стороны океана. А экономические катаклизмы конца XX – начала XXI века лишь усиливали желание разобраться, что же не так с экономической риторикой.

Исследования природы метафоры, особенно концептуальная теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 2003], дали ученым инструменты, позволяющие взглянуть на метафору шире, чем на фигуру речи, служащую для украшения высказывания.

Анализируя экономический текст, нельзя не увидеть, что разные метафоры имеют разный функциональный набор. Так, А. Кламер и Т.С. Леонард выделяют педагогическую метафору и эвристическую метафору [Klamer, Leonard, 1994, p. 31-32]. Педагогическая метафора используется для разъяснения действия тех или иных экономических инструментов, в то время как эвристическая метафора, будучи однажды созданной на основе сходства одного значения, открывает возможность установления корреляций и по другим значениям путем наложения концептуальных структур сферы-источника и сферы-реципиента. В качестве отдельного вида авторы выделяют конститутивную метафору, которая представляет собой глубинную концептуальную метафору – основополагающую для эвристических метафор. Именно в силу того, что участники экономического дискурса апеллируют подчас к разным конститутивным метафорам, возникает диссонанс, непонимание как в общении профессионалов друг с другом, так и в общении экономистов с широкой аудиторией [Там же, p. 43]. Помимо этого, коммуникативный «шум» усиливается за счет безграничного метафорического творчества экономистов, комментаторов, журналистов, которые стараясь доступно объяснить тот или иной экономический факт, прибегают к самым разнообразным метафорическим моделям. При этом чаще всего акцент делается на изобразительной и прагматической функции метафоры, а главная функция – когнитивная (интерпретационная) – может уходить на второй план вплоть до полного искажения истины.

В отечественной науке механизм метафоризации в экономическом дискурсе давно и активно изучается. В качестве основных метафорических моделей выделяются: «Экономика – это живой организм», «Экономика – это больной организм», «Экономика – это война», «Экономика – это животный мир», «Экономика – это дом / строительство», «Экономика – это механизм» [Бородулина, 2002; Колотнина, 2001; Махницкая, 2003]. Такие же модели выделяют и зарубежные исследователи экономической метафоры [Negro, 2010; Langer, 2015], что говорит о принципиальном сходстве ассоциативных связей, устанавливаемых в отношении того или иного факта экономической действительности в разных культурах.

Каждая метафорическая модель при систематическом воспроизведении продуцирует определенную поведенческую реакцию. Например, «склонность к использованию конфликтных метафор (типа Войны, Состязания, Спорта) характеризует конфликтное, кризисное мышление; приверженность к *органистическим* метафорам (Растение-дерево, Организм) отражает неконфликтное осмысление опыта; *конструктивные* или *рациональные* метафоры (Механизм, Строение) свойственны рационалистическому способу мышления» [Баранов, 2004а]. Таким образом, метафора может быть и тонким диагностическим инструментом, позволяющим вскрыть истинное отношение говорящего к предмету обсуждения, а также спрогнозировать ответную реакцию получателя метафоры.

Интересным опытом такого плана стал эксперимент, осуществленный А.Н. Барановым, который исследовал отношение к коррупции путем анализа метафор, функционирующих в дискурсе о коррупции [Баранов, 2004б]. В качестве источника были использованы два корпуса текстов: тексты – интервью с экспертами по коррупции, а также тексты из периодических изданий. В результате опросов были установлены следующие модели: Система, Жидкость, Сеть, Болезнь, Персонификация, Растение-дерево, Пространство, Механизм, Строение, Организм, Геометрия, Ограничительная метафора, Культура / Традиция, Тень, Природа, Физика, Рынок, Игра. Наиболее частотными моделями оказались модель «Система», указывающая на представление коррупции как множества организованных лиц, действующих по определенным правилам, и модель «Жидкость», реализующая такие качества общественного порока, как вездесущность, всеобщность, глобальность; гибкость, легкость изменения; приспособляемость [Там же].

Однако следует отметить, что практически полностью отсутствовали метафоры, указывающие на конфликт, – типа метафорических моделей Войны, Спора, Спорта. Отсюда делается вывод, что восприятие понятия Коррупция экспертами неконфликтно. Еще одно открытие, которое сделал

автор эксперимента, касается эмоционального отношения к коррупции. В отличие от прямых оценочных реакций на стимул «коррупция», негативно-оценочные метафорические модели составляют лишь небольшую часть от общего числа всех моделей. К однозначно негативно-оценочным можно отнести только модели Болезни (30 употреблений) и Ограничительную метафору (14 употреблений). Подавляющее количество метафорических моделей позитивны или нейтральны. Иными словами, восприятие Коррупции на уровне неосознанной категоризации – позитивно или нейтрально. Отсюда заключение, которое делали многие эксперты: мгновенное уничтожение системы коррупционных отношений приведет к дисфункции всей системы, к коллапсу экономики и серьезным социальным проблемам [Там же].

Еще одним примером, ярко демонстрирующим, насколько важно учитывать все смысловые и коннотативные приращения метафоры, является неологизм *налоговая / дачная / гаражная амнистия*. Согласно словарному определению, амнистия (греч. *amnestia* – забвение, прощение) – полное или частичное освобождение от уголовного ответственности или от уголовного наказания неопределенного круга лиц, совершивших преступления, либо замена наказания более мягким, либо сокращение срока, либо снятия судимости с лиц, его отбывших [Сухарев, Крутских, Сухарева, 2003]. Если упустить из вида его смысловую неточность (по сути, речь идет лишь об отсрочке, а не о прощении), то прежде всего настораживает ярко выраженная негативная импликация. Сферой-источником для данной метафоры стало понятийное поле «преступность», т.е. целевую аудиторию ставят в положение преступников, провоцируя, таким образом, на действия по сценарию «судьи и несправедливо обвиненные» [Карачина, 2019, с. 72].

Таким образом, исследование экономической метафоры в терминах теории концептуальной метафоры и когнитивной науки позволяет нам создать метафорическую карту экономического дискурса с выявлением активных и менее активных метафорических моделей, характерных для данного этапа развития общества. При этом экономическая метафора может также стать инструментом, позволяющим вскрыть истинное (не всегда осознаваемое или, наоборот, тщательно скрываемое) отношение к сфере метафорической экспансии. Понимание механизмов функционирования экономических метафор может способствовать более эффективному использованию их потенциала для создания конструктивного экономического дискурса. Правило «Если мы хотим изменить экономику, надо сначала изменить риторику» прежде всего касается именно метафор.

Список литературы

- Баранов А.Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004а. Т. 63. №1. С. 33-43.
- Баранов А.Н.* Метафорические грани феномена коррупции / Общественные науки и современность, 2004б. URL: <http://naukarus.com/metaforicheskie-grani-fenomena-korrupsii>
- Бородулина Н.Ю.* Метафорические модели языковой репрезентации экономических понятий: На материале русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 220 с.
- Карачина О.Е.* Модулирующая роль метафоры // International Research Journal. №5(83). Ч.2. 2019. С. 71-73.
- Колотнина Е.В.* Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 261 с.
- Махницкая Е.Ю.* Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы ее лексикографического описания: дис...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 192 с.
- Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я.* Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003. 1235 с.
- Klamer A., Leonard C.T.* So what's an economic metaphor? // Natural Images in Economic Thought. New York: Cambridge University Press, 1994. P. 20-52.
- McCloskey D.* The Rhetoric of Economics // Journal of Economic Literature. 1983. Vol. 21. No. 2. P. 481-517.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 193 p.
- Negro I.* Metaphorical meaning in economic discourse. URL: https://www.researchgate.net/publication/261099288_Metaphorical_meaning_in_economic_discourse
- Langer T.* Metaphors in Economics: Conceptual Mapping Possibilities in the Lectures of Economics // Procedia Economics and Finance. 2015. Volume 25. P. 308-317.

УДК: 81'23

Козлова Е.А.
Формирование дискурсивной личности лидера

*Вятская государственная сельскохозяйственная академия,
Россия, Москва, elena.kozlova1234@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются дискурсивные характеристики личности представителей российской бизнес-элиты, реализующие прагматические интенции сочетанием регламентированности и лингвокреативности. Исследуется процесс формирования управленческого мышления лидера и его речевое поведение. Рассматриваются точки зрения психологов и лингвистов на особенности мыслеречедеятельности лидера, выявляются концептуально-ценностная платформа сильной дискурсивной

личности и прагмаэстетическое presupпозициональное содержание, представленное в виде авторских афористических высказываний.

Ключевые слова: языковая личность; дискурсивная личность; presupпозиции; лингвокреативность; лидер.

Kozlova E.A.

The formation of the leader's discursive personality

*Vyatka State Agricultural Academy,
Russia, Kirov, elena.kozlova1234@mail.ru*

Abstract. The paper looks into the discursive personalities of the Russian business elite, whose pragmatic intentions are embedded in a structure that is characterized by specific organization. On the one hand, it is regulated, on the other, it is characterized by linguistic creativity. The author studies how a leader's managerial thinking and his speech behavior are shaped. The author considers viewpoints of psychologists and linguists about the specifics of a leader's mental and verbal activity. The paper outlines the presuppositional conceptual and value platform of a strong discursive personality based on the example of "success formulas", presented in the form of the author's aphoristic statements.

Keywords: language personality; discursive personality; presuppositions; linguistic creativity; leader.

Актуальность изучения дискурсивной личности обусловлена прежде всего открытием дискурсивной парадигмы, позволяющей объединить текст, человека и окружающее пространство. Особенно важно это объединение при изучении воздействующей речи в публичном деловом дискурсе, так как лидерский потенциал при формировании личности изучен недостаточно ([Лукаш, 2015; Богунов, 2015; Писаренко, 2015; Пожарский, 2015; Дрофичева, Косников, 2016; Бураканова, 2018] и в др.). В этой связи сформулированы следующие задачи: исследовать понятие дискурсивной личности и определить концептуально-ценностный базис лидерской мыслеречедеятельности.

Г.М. Бураканова говорит о формировании управленческого мышления лидера, которое не возникает спонтанно, а формируется в целенаправленном воспитании и обучении и обладает динамичностью, продуктивностью, горизонтальной и вертикальной векторностью развития, наличием алгоритмов решения проблем. Алгоритм управленческого мышления при возникновении проблемы, по Г.М. Буракановой, состоит из пять этапов: 1) чувство необходимости направленной напряженности; 2) мобилизация творческих сил; 3) осознание потребности решения; 4) анализ ситуации (создание интегрального целостного образа, поиск механизмов обретения результатов, озарение как пик мыслительной активности в результате

единства и борьбы интуитивного и рационального, эмоционально-чувственного и эстетически-нравственного переживания); 5) исполнительная стадия соотнесенности модели решения с реальным процессом. Однако главная особенность управленческого мышления заключается даже не в наличии алгоритмов. Автор подчеркивает, что необычен, уникален сам процесс трансформации от идеального решения к практическому воплощению. Такое мышление гораздо глубже простого следования логическим правилам: на стадии принятия решения сочетаются элементы сознательного и подсознательного проникновения в суть проблемы, сознательного и подсознательного поиска механизмов реализации и обретения результатов [Бураканова, 2018, с. 30].

Феномен управленческого мышления предполагает некий ментальный базис, составляющий основу компетенций. В работе Л.А. Богунова – это механизм, постоянно совершенствующий методы сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, конкретизации, классификации, категоризации, аналогии, индукции и дедукции [Богунов, 2015]. О.В. Евтихов исследует структурную социально-когнитивную модель потенциала организационного лидера, которая, по мнению автора, может быть полезна при решении задачи развития лидерства в управленческой деятельности руководителя и рассматривает когнитивную картину мира лидера, включающую в себя следующие компоненты: а) лидерская Я-концепция (представления лидера о себе и своем месте в окружающем социальном мире); б) профессионально-управленческое мировоззрение лидера (представления лидера об окружающем мире). Автор утверждает, что развитие лидерского потенциала руководителя как организационного лидера должно быть связано с формированием этих двух когнитивных схем [Евтихов, 2011]. Таким образом, управленческое мышление зачастую рассматривается в противовес стереотипному инерционному мышлению и накладывает свой отпечаток на особенности речи. Все это говорит об особенном типе мыслеречедеятельности, о существовании лидерской дискурсивной личности, которая активизирует свой когнитивно-языковой потенциал в определенной языковой ситуации.

Ю.Н. Караулов трактует языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов 1898, с. 3]. Коммуникативная личность – это языковая личность, участвующая в процессе коммуникации, в реальном или виртуальном взаимодействии с другими людьми. Дискурсивная же языковая личность несет ответственность не только за адекватное владение языком и за взаимодействие с другими людьми, но и за самореализацию в создаваемых ею дискурсах [Плотникова, 2008]. Речевое поведение лидера отличается особенностями прогнозирования реакций, фоновых знаний и

других **пресуппозитивных** особенностей потенциальных слушателей [Тютюнник, 2018], поэтому при анализе дискурсивной личности лидера уместно затронуть вопрос о пресуппозициях. Наилучшим способом изучения языковой личности является ассоциативный эксперимент [Пищальникова, 2019], но данный метод трудно использовать при исследовании любой публичной личности в связи с ее занятостью и популярностью. Кроме того, продуцент публичного дискурса является отчасти продуктом самого дискурса, его пресуппозиции направлены не столько к своей концептосфере, сколько к концептосфере предполагаемой аудитории.

Пресуппозиции представляют собой знания, которые признаются адресатом как истинные, ценностные и предшествуют коммуникации. Другими словами, это знания до коммуникации. Реализуя свой замысел, продуцент делает предположение о концептосфере адресата, условиях коммуникации, социальных, личных отношениях и других дискурсивных составляющих. Это сфера прагматических пресуппозиций. Также при формировании сообщения в дискурс включаются пресуппозиции логические и семантические. Семантические пресуппозиции часто используются в целях манипуляции ([Иссерс, 2009, Ларионова, 2013] и в др.), а вот логические, наоборот, позволяют сделать сильной аргументационную составляющую персуазивного дискурса [Козлова, 2019]. Многолетнее изучение публичного делового дискурса и речи представителей российской деловой элиты позволяет нам сделать заявление о наличии эстетических пресуппозиций как знаний о лингвокреативных моделях, применяемых с целью убеждения [Козлова, 2018]. При изучении эстетических пресуппозиций с помощью выборки оригинальных высказываний продуцентов публичного делового дискурса было выявлено множество лингвокреативных пресуппозиционных моделей, с помощью которых осуществлялось прагмаэстетическое воздействие (вторичные номинации, фигуры экспрессивного синтаксиса, речевые инновации, прецедентные языковые факты, стилистические смещения и др.). Так, например, анализ корпуса афористических высказываний управленцев высшего звена показал наличие базовых ценностных («лозунговых») установок сознания, которые проявляются в речи лидеров, руководителей, наставников. Эти установки сознания прорываются в дискурсивное пространство в виде авторских афористических высказываний: *Бренд можно сравнить с ДНК – это то, что делает компанию уникальной. / Внутри у себя мы используем фразу «Второй – это первый из проигравших». / Хороший помощник выступает продолжением рук. / Человечество – это накопленный разум. / Деньги уходят – друг остается. / В политике можно продавать обертку от конфеты, а в бизнесе нужна и сама конфетка тоже. / ... для себя*

сформулировал такую поговорку: умный учится на своих ошибках, глупый не учится вообще, а на чужих ошибках не учится никто. / Эффективную и результативную деятельность на страхе не построишь. / ... бизнес – это просто сфера приложения человеческих усилий, это не есть смысл жизни. / И только плохой менеджер не понимает простой истины: если все прогнозы обещают дождь, лучше взять с собой зонтик. / Зависть – основной порок человечества, все остальное – ее производные.

Представленные высказывания имеют свои прототипические модели, конструкции, характерные для паремий: сложные бессоюзные, подчинительные, именные предикативные, безличные и обобщенно-личные. Многие выражения можно отнести к фактам языковой игры с прецедентами, образуемыми путем полного изменения их лексического состава. Также афористичное высказывание часто преподносится как итог размышлений в рамках семантического поля метафоры. В убеждающей речи такие случаи афористичности являются эффективным средством обращения к ценностной системе адресата, отличаются новизной, емкостью, глубиной содержания, а иногда – оксюморонной парадоксальностью: *Если говорить о том, какие параллели можно провести между экономической ситуацией в 1998 г. и состоянием экономики в 2008 г., то они скорее перпендикулярны друг другу.*

Итак, в дискурсивном пространстве реализуются коммуникативная компетенция конкретной личности и групповые, или дискурсивные коммуникативные модели. Формирование дискурсивной личности происходит на фоне коллективного и индивидуального пресуппозиционального содержания. Лидер является сильной дискурсивной личностью, которая отличается особенностями речи: «упаковывает» свои тезисы и аргументы в лингвокреативный языковой материал, учитывая при этом пресуппозициональный фонд потенциальной или реальной аудитории.

Список литературы

- Богунев Л.А.* Анализ содержания компонентов управленческого экономического мышления менеджера // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. №2 (97). С. 242-245.
- Бураканова Г.М.* Формирование управленческого мышления лидера // Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 27-32.
- Дрофичева Е.М., Косников С.Н.* Лидерские качества и их развитие у будущих руководителей государственных и муниципальных структур // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. №120. С. 1211-1222.
- Евтихов О.В.* Социально-психологическая модель развития лидерского потенциала руководителя // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. №4. С. 3-6.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учебник. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность.* М., 1989. С. 3-8.
- Козлова Е.А.* Пресуппозиции в аспекте речевого воздействия // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2018. № 2. С. 103-111.
- Козлова Е.А.* Пресуппозициональный аспект прагматической аргументации // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2019. № 3. С. 135-140.
- Ларионова М.В.* Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) // *Вестник МГИМО.* 2013. № 2 (29). С. 220-224.
- Лукаш С.Н.* Роль семьи в формировании лидерских качеств у подрастающего поколения // *Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU.* 2015. №110. С. 1471-1480.
- Писаренко Г.П.* К вопросу о формировании личностной готовности воина-контрактника к лидерской деятельности // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета.* 2015. № 109 С. 1090-1101.
- Пищальникова В.А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics.* 2019. Т. 23. № 3. С. 749-761. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.
- Плотникова С.Н.* Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // *Вестник Нижневартского государственного университета.* 2008. №4. С. 37-42.
- Пожарский С.О.* Исследование лидерского потенциала руководителей // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева.* 2015. №3 (33). С.207-212
- Тютюнник М.А.* Речевое поведение лидера: на материале прощальной речи (в аспекте скрытой прагмалингвистики) // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2018. № 5. С. 28-32.

УДК: 378

Скоробренко И.А.
Организационно-педагогические условия
формирования текстовой компетенции
будущих учителей иностранного языка

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, Челябинск, kaktus0096@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-педагогические условия формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка. Акцентируется важность текстовой компетенции для их профессиональной деятельности в условиях современного поликультурного мира, предлагаются практические решения проблемы формирования текстовой компетенции, даются практические рекомендации по организации

работы студентов факультета иностранных языков педагогического вуза с аутентичными и русскоязычными текстами.

Ключевые слова: текстовая компетенция; организационно-педагогические условия; профессиональная подготовка учителей; текстовые образцы; понимание текста.

Skorobrenko I.A.
**Organizational and pedagogical environment for
the formation of a foreign language teacher-to-be textual competence**

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Chelyabinsk, Russia, kaktus0096@mail.ru*

Abstract. The paper discusses organizational and pedagogical environment for the formation of a foreign language teacher-to-be textual competence. The emphasis is placed on the importance of textual competence for the professional activity of a foreign language teacher-to-be in the modern multicultural world. Practical solutions to the problem of forming a foreign language teacher-to-be textual competence in the educational process of higher education are proposed. Practical recommendations are given on organizing the work of students with a foreign languages department at a pedagogical university with authentic and Russian-language texts in terms of a foreign language teacher-to-be textual competence formation.

Keywords: textual competence, organizational and pedagogical environment, teachers' professional training, textual patterns, understanding of the text.

В свете современных требований к уровню профессиональной подготовки учителей иностранного языка особую актуальность приобрела проблема формирования их текстовой компетенции, что обусловлено важной ролью этой компетенции в условиях все увеличивающегося информационного потока и необходимостью критической обработки информации различного характера. Сложно переоценить значимость текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка, сформированности у них на достаточно высоком уровне способности и готовности к обработке текста как носителя информации, поскольку повседневная жизнь современного человека опосредована текстовой информацией на микроуровне и макроуровне: от объявлений в газетах или SMS-сообщений до содержания произведений классической литературы или научно-популярного жанра. Кроме того, следует отметить, что «в современном глобальном мире все большую значимость приобретают вопросы культурного сотрудничества, которое объединяет различные страны и этносы, которое стало не только реальностью, но очевидным явлением, что обуславливает необходимость профессиональной

подготовки современных специалистов с учетом глобальной, поликультурной окружающей социальной среды» [Бароненко, Райсвих, Скоробренко, 2019, с. 22]. Из этого становится очевидным, что именно текст является существенным носителем культурно значимой информации и позволяет глубже познать культурные особенности страны изучаемого языка, а следовательно, формирование текстовой компетенции у будущих учителей иностранного языка является объективной необходимостью.

Текстовая компетенция выполняет значительную коммуникативную функцию: обеспечивая функциональную и содержательную основу общения, она выступает предпосылкой формирования способности к самообразованию. Как справедливо отмечает А.В. Свиридова, текстовая компетенция «подразумевает наличие знаний о типах речи, грамматике текста, его структуре, стилевой структуре языка, о жанрах, законах формирования текста» [Свиридова, 2012, с. 174].

Сегодня будущий учитель иностранного языка обязан обладать такими компетенциями в сфере текстовой деятельности, которые позволят не только профессионально осуществлять комплекс операций по поиску, систематизации, переработке и продуцированию новой информации, но и способны привить обучающимся чувство текста и системы языковых единиц, научить их учитывать особенности восприятия и порождения текста.

Актуальность проблемы формирования текстовой компетенции у будущих учителей иностранного языка обусловлена недостаточной исследованностью данной компетенции в теоретическом плане, а также относительно слабой разработанностью методического обеспечения по ее формированию.

О.Е. Грибова считает текстовую компетенцию одной из важнейших, без которой невозможно оптимально выполнять учебную деятельность. Она рассматривает текстовую компетенцию как набор средств, действий, правил, реализующихся в процессе вербального взаимодействия языковых личностей путем перекодирования с одного уровня вербальных единиц на другой при понимании чужих текстов и создании собственных [Грибова, 2009]. Эти идеи находят свое продолжение в работах Л.И. Богдановой, которая делает акцент на том, что «ядром понятия текстовой компетенции в аспекте продуктивных действий является представление о норме текстообразования, которая понимается в большинстве случаев как совокупность языковых качеств текста, позволяющих ему стать адекватной формой того замысла, который был у создателя текста» [Богданова, 2014, с. 14]. Мы полагаем, что будущие учителя иностранного языка должны обладать этой компетенцией на уровне, необходимом для качественного и эффективного осуществления своей профессиональной деятельности.

Под педагогическими условиями в педагогической теории и практике обычно понимается совокупность мер педагогического процесса, направленная на повышение его эффективности, в результате целенаправленного отбора, констатирования и применения элементов содержания, методов и приемов, а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей. В процессе практической работы со студентами факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета нами были определены и выбраны педагогические условия, при соблюдении которых навыки текстовой компетенции формируются самым эффективным образом. Это, во-первых, организация процесса обучения на основе принципа межпредметных связей. Во-вторых, это приобретение студентами речевого опыта и мотивации к работе с текстами. В-третьих, это условие педагогического сопровождения процесса формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка.

Первым организационно-педагогическим условием формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка является организация процесса обучения на основе принципа межпредметных связей. Достоинством реализации принципа организации процесса обучения на основе принципа межпредметных связей и результатом реализации этого принципа в процессе формирования текстовой компетенции студентов является рациональное распределение нагрузки между всеми преподавателями основной профессиональной образовательной программы, а также возможность отведения учебным планом большего количества времени на работу по формированию текстовой компетенции. Кроме того, использование принципа интеграции межпредметных связей улучшает координацию и систематизацию учебного материала и формирует у студентов общенаучные знания, умения и навыки, дает им понимание, как получать их в различных видах деятельности.

Реализация принципа межпредметной интеграции приобретает особое значение в процессе профессиональной подготовки именно будущих учителей иностранного языка, поскольку для них иностранный язык является превалирующей над всеми другими дисциплиной программы. И именно сформированная на достаточно высоком уровне текстовая компетенция позволит студентам эффективнее и грамотнее работать с учебным материалом различных учебных дисциплин и интегрировать полученные на них знания, в том числе на иностранном языке. Таким образом, реализация процесса формирования текстовой компетенции должна базироваться на междисциплинарных связях, которые существенно расширяют эту компетенцию студентов благодаря

знаниям и умениям, приобретенным на одновременно изучаемых дисциплинах.

Реализация указанного принципа полностью соответствует «функциональности» современной парадигмы образования, поскольку осуществляется в основном на деятельностном уровне. Это обусловлено тем, что текстовая деятельность, во-первых, является целью обучения, как самостоятельный вид деятельности и компетенции, выражающейся в комплексе навыков управления и взаимодействия с текстом, а во-вторых выступает средством обучения, как учебно-познавательная, общепредметная деятельность, обеспечивающая более эффективное усвоение учебного материала. Так, при помощи учебных текстов, где закладываются основы знаний о фактах, формируются причинно-следственные связи и закономерности, осуществляется формирование текстовой компетенции.

Вторым организационно-педагогическим условием формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка является условие приобретения студентами речевого опыта и мотивации к работе с текстами. При общении, которое осуществляется с помощью большого разнообразия знаковых средств, речь является одним из самых универсальных средств. Таким образом, информация через речь поступает как на уровне открытого текста, отражающего обычно значения, так и скрытого подтекста, отражающего смысл. При вербальном общении людей между собой – в разговоре – понимание речи усиливается невербальными средствами и дополнительной информацией, поступающей в виде мимики, жестов, интонации. В письменной речи все эти ресурсы отсутствуют, что затрудняет понимание текста.

Кроме того, некоторые конкретные типы текстов, достаточно часто встречающиеся в одном языке, намного реже встречаются в другом языке либо не встречаются вовсе. Для них может быть характерна другая модальность или же они вовсе могут быть реализованы по-другому. Например, письменная претензия может иметь более косвенный, непрямой, вежливый характер в одной культуре, либо очень прямой и жесткий – в другой культуре.

Следовательно, роль педагога заключается в оказании помощи студенту в осознании и определении лексических нюансов текста, определении порядка слов и логического ударения фразы. Чем больше объем речевого опыта у студента, тем быстрее эта работа становится неосознанной, автоматической и безотчетной, студенты намного лучше понимают существующие различия и не переносят на иностранный язык текстовые образцы, известные из родного языка, что представляется нам особенно важным, поскольку «текст является отправной точкой для проведения дискуссий и расширения языкового материала по заданной

теме, одновременно способствуя формированию коммуникативных навыков диалогической и монологической речи» [Белова, Заседателева, Быстрая, Штыкова, 2018, с. 11]. Большую роль в реализации этих условий играет учет мотивационных факторов, которые основаны на актуализации субъектной позиции обучаемых в процессе осуществления ими текстовой деятельности, направленной на дальнейшую профессионально-педагогическую деятельность.

Третьим организационно-педагогическим условием формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка является сопровождение процесса формирования текстовой компетенции у студентов. В связи с реализацией в высшем образовании компетентностного подхода в последнее время стала крайне актуальной проблема педагогического сопровождения любого образовательного процесса. Сегодня педагогическое сопровождение рассматривается как один из источников совершенствования системы высшего образования, способствующий повышению его качества. Не является исключением и процесс формирования текстовой компетенции у студентов педагогического вуза. Феномен педагогического сопровождения процесса формирования текстовой компетенции у студентов педагогического вуза состоит в том, что студент является активным субъектом своего учения, а преподаватель курирует процесс формирования текстовой компетенции, направляет работу студента, помогает выстроить индивидуальную траекторию процесса формирования текстовой компетенции.

Например, преподаватель предъявляет студентам различные типы текстов, характерные для культуры немецкоговорящих стран, соблюдая принцип вариативности и индивидуального подхода при распределении текстов для работы, а студенты на занятиях выделяют характерные особенности морфологии и синтаксиса текста, его лексической составляющей и сугубо текстовые характеристики, такие как, например, его структура и стиль. На следующем этапе студентам предлагается провести сравнительно-сопоставительный анализ различных текстов с аналогичными текстами на русском и английском языках.

Следует особо подчеркнуть, что предлагаемая нами организация студенческой работы с текстом подходит для разных типов текстов, поскольку, как отмечается в научных работах, «на занятиях по иностранному языку текст обладает следующими основными функциями: сообщения информации; коммуникативного повода; инспирации рецептивных и продуктивных действий учащегося» [Киквидзе, 2017, с. 32].

Таким образом, студенты получают возможность провести сравнительно-сопоставительный анализ текстов или их фрагментов на родном языке – русском – с текстами или их фрагментами на английском

или немецком языках. Заметим, что для организации такой работы мы рекомендуем преподавателям иностранного языка подбирать тексты, функция которых в обоих культурных контекстах идентична, например, научные статьи. При этом студенты выполняют сравнительно-сопоставительный анализ не на уровне содержания текста, а на сугубо языковом уровне. Глубинному анализу подлежат такие аспекты, как стилистика текстов, их существенные отличия друг от друга и эффект, достигаемый благодаря особенностям текстового материала.

На следующем этапе обучения преподаватель ставит задачу перед студентами, заключающуюся в трансформации одного типа текста в другой. Так, научно-популярная газетная статья может быть трансформирована студентами в научную статью, причем данная работа может быть выполнена обучающимися лишь с учетом анализа принципиальных особенностей этих двух типов текстов. Выполнение данной работы студентами может проходить как на родном, так и на иностранном (немецком или английском) языке, а также перекрестно, например, перед обучающимися ставится задача по трансформации научно-популярной газетной статьи на иностранном языке в научную статью на родном, русском языке.

Заключительным этапом работы является разработка, конструирование и подготовка обучающимися авторских текстов с опорой на полученные в процессе обучения знания, предполагающие учет специфических особенностей типов текстов той или иной языковой культуры.

Очевидно, что овладение будущими учителями иностранного языка необходимыми для осуществления профессиональной деятельности компетенциями, в том числе текстовой, невозможно без соблюдения ряда дидактических требований, таких как четкая сформулированность образовательных задач, постоянный анализ и стабильный периодический прогноз и контроль овладения и усвоения студентами полученных знаний, а далее, с учетом этой информации – корректировка и подбор наиболее эффективных и рациональных методов, приемов, средств обучения, стимулирования, мотивации и повторного контроля, определение оптимального согласованного содержания занятия и гармоничность всей учебной программы дисциплины.

Таким образом, представленные нами в данной статье организационно-педагогические условия формирования текстовой компетенции будущих учителей иностранного языка будут способствовать более успешной профессиональной подготовке студентов факультета иностранных языков, как в лингвистическом, так и в учебно-методическом аспектах.

Список литературы

- Бароненко Е.А., Райсвих Ю.А., Скоробренко И.А.* Опыт организации межкультурного тренинга в образовательном пространстве вуза // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2019. № 3. С. 20-39.
- Белова Л.А., Заседателева М.Г., Быстрой Е.Б., Штыкова Т.В.* Подготовка будущих учителей к межкультурному профессиональному взаимодействию с использованием технологии CLIL // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 9-16.
- Богданова Л.И.* Формирование текстовой компетенции в процессе рецепции и продукции текстов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 11-19.
- Грибова О.Е.* Текстовая компетенция: лингвистический, психологический и онтологический анализ: Монография. М.: АПКИППРО. 2009. 120 с.
- Киквидзе И.Д.* Активизация функций текста в процессе обучения иностранному языку // Дидактическая филология. 2017. № 2. С. 30-34.
- Свиридова А.В.* Текстовая компетенция – основная цель обучения русскому языку (к проблеме воплощения в учебный процесс новых ФГОС) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 1. С. 173-178.

УДК: 81

Солонович Л.В.

Лексико-семантическая группа глаголов обонятельного восприятия в немецком языке

*Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, Минск, solonovich-lv@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются особенности лексико-семантической группы глаголов обонятельного восприятия в немецком языке. Выявляются коннотативные характеристики глагольных единиц, обозначающих ольфакторное восприятие, их продуктивные словообразовательные модели, особенности семантики, типы синтаксических структур, содержащих глаголы обонятельного восприятия в ситуации с активным субъектом.

Ключевые слова: ольфакторное восприятие; словообразование; семантика; синтаксические модели.

Salanovich L.U.

Lexico-semantic group of olfactory verbs in German

*Minsk State Linguistic University,
Belarus, Minsk, solonovich-lv@mail.ru*

Abstract. The paper examines the features of a lexical-semantic group of verbs of olfactory perception in German. The connotative characteristics

of verb units denoting olfactory perceptions, their major word-formation models and features of semantics are revealed. Types of syntactic structures of sentences containing the verbs of olfactory perception in a situation with an active subject are distinguished.

Keywords: olfactory perception; word formation; semantics; syntactic models.

Восприятие и его вербализация изучаются в современной лингвистике с позиций различных подходов: семантического, стилистического, когнитивного, психолингвистического, сравнительно-исторического. В исследованиях, посвященных категории перцептивности, подчеркивается взаимосвязь языка и мышления, а перцептивные процессы рассматриваются как один из механизмов познавательной и языковой категоризации [Арутюнова, 1994; Рузин, 1993; Кубрякова, 2004]. Необходимость изучения лексики, репрезентирующей восприятие, обусловлена также доминированием принципа антропоцентризма, который является важнейшим признаком современных исследований.

Целью данной статьи является исследование особенностей лексико-семантической группы глаголов обонятельного восприятия в немецком языке. Обращение к глаголам в качестве объекта исследования обусловлено тем, что глаголы в сравнении с субстантивной лексикой более активно, чем имена, участвуют в формировании категориально-грамматического содержания высказываний; глаголы более разнообразны и семантически более мобильны, чем имена; кроме того, мотивирующие глагольные семы в деривационном гнезде связаны с повседневными представлениями об обычных действиях и процессах в жизни человека [Мечковская, 2000, с. 363].

Выделение лексико-семантической группы перцептивных глаголов вообще и группы глаголов ольфакторного восприятия в частности сопряжено с некоторыми трудностями, так как перцептивным компонентом может обладать значительное количество единиц: глаголы эмиссии запаха, звука или света, предполагающие наблюдателя (*пахнуть*); каузативные глаголы (*выделить, заслонить, отметить*); а также глаголы, обладающие перцептивным компонентом, но обозначающие специфическое действие, для которых главное – цель, а не участие восприятия в ее достижении (досмотреть [= ‘произвести досмотр’], искать), и их декаузативы [Падучева, 2004, с. 198-199]. При таком широком подходе в лексико-семантическую группу включается значительное количество глаголов, исследовать которые в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому в фокусе нашего внимания находятся только те глаголы, которые согласно данным словарных дефиниций обозначают ольфакторное восприятие и имеют сему

«воспринимать обонянием», а субъект восприятия выступает в предложении в качестве подлежащего. Материалом исследования послужили словарь Дуден и онлайн-словарь dwds.de, а также корпусные данные.

Глаголы восприятия обозначают «отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов окружающего мира [Васильев, 1981, с. 52]. Лексико-семантическая группа глаголов обонятельного восприятия является менее многочисленной в сравнении, например, с группой глаголов зрительного или слухового восприятия. Исследуемая группа глагольных единиц, обозначающих обонятельное восприятие, представлена в немецком языке относительно небольшим количеством лексем. Основными репрезентантами исследуемой группы являются глаголы *riechen* ‘нюхать, обонять’, *schnüffeln* ‘нюхать, обнюхивать’, *schnuppern* ‘принюхиваться (о животных), обнюхивать’. Глагол *riechen* может обозначать как активное целенаправленное восприятие запаха (2. *den Geruch von etwas wahrzunehmen suchen, indem man die Luft prüfend durch die Nase einzieht*), так и результат этого восприятия (1. *durch den Geruchssinn, mit der Nase einen Geruch, eine Ausdünstung wahrnehmen*).

Анализ исследуемой группы показал, что в значении многих глаголов ольфакторного восприятия имеются коннотативные составляющие, которые представлены региональными и австрийскими вариантами, например, *schnoppeln* (*landschaftlich*), *schnobern* (*landschaftlich*), *schnofeln* (*österreichisch umgangssprachlich*). Глагол *wittern* ‘чуть’ имеет помету «Jägersprache» и относится, таким образом, к специализированной лексике. Эмоционально-экспрессивный потенциал исследуемой группы представлен разговорными словами, некоторые из них имеют помету «неодобр.», например, (*umgangssprachlich abwertend*) *herumschnüffeln* ‘обнюхивать’ «(einen Geruch) schnuppernd wahrnehmen», *herumschnuppern* ‘обнюхивать’ (*umgangssprachlich*) «suchend hier und dort schnuppern».

Словообразовательный потенциал лексико-семантической группы глаголов обонятельного восприятия характеризуется достаточно широким спектром деривационных компонентов, при этом предложно-наречные компоненты представлены шире, чем неотделяемые форманты. Так, глаголы обонятельного восприятия сочетаются только с двумя неотделяемыми префиксами (*be-*, *er-*, например, *beschnüffeln* ‘обнюхивать (о животных)’, *erschnüffeln* ‘вынюхивать’). Предложно-наречные компоненты и полупрефиксы сочетаются только с четырьмя глаголами исследуемой группы (*riechen*, *schnüffeln*, *schnuppern*, *wittern*), остальные лексеммы (*schnopern*, *schnoben*, *schnoppeln*, *schnobern*), обладающие прагматическим (региональным) компонентом, согласно данным

словарей, не имеют производных. Словообразовательный потенциал представлен в таблице.

Таблица 1. Словообразовательный потенциал глаголов обонятельного восприятия

	an-	aus-	durch-	hinein-	herein-	herum-	nach-	um-	be-	er-
riechen	+	–	–	+	+	–	–	–	+	+
schnüffeln	–	+	+	–	–	+	+	–	+	+
schnuppern	–	–	–	+	+	+	–	+	+	+
wittern	–	+	–	–	–	–	–	+	–	+

Анализ словарных дефиниций исследуемых глаголов показал, что значительное количество производных глаголов не сохраняют значение «воспринимать посредством обоняния». К глаголам, полностью утратившим семантическую связь с ольфакторным восприятием, относятся, например, единицы *ausschnüffeln* ‘пронюхать, пронюхивать’ «durch Schnüffeln, Spionieren herausbekommen, ausspionieren», *hereinschnuppern* (*reinschnuppern*) ‘получить представление о ч.-л.’ «Einblick in etwas gewinnen, eine Vorstellung von etwas bekommen wollen und sich deshalb kurz, flüchtig damit beschäftigen». Многие глаголы наряду с сохранением значения обонятельного восприятия развивают метафорические переносы. Например, глагол *beschnüffeln* в третьем значении обозначает «шпионить». Следует отметить, что некоторые глаголы, обозначающие слуховое восприятие, также имеют тенденцию к обозначению разведывания чего-либо, например, *abhorchen* ‘подслушивать’ и *abhören* ‘подслушивать’ «heimlich überwachen, mit anhören». Взаимосвязь чувственного восприятия с когнитивными процессами подчеркивается и в когнитивной психологии: «одна из главных характеристик восприятия совпадает с характеристикой познавательного процесса вообще» [Брунер, 1999, с. 164]. Способность глаголов обонятельного восприятия развивать метафорические переносы представлена на рисунке.

Как следует из проведенного анализа, большинство глаголов обозначают исключительно обонятельное восприятие. Утрата семантической связи и обозначение иных, в том числе познавательных процессов характерно только для производных глаголов.

Представляется возможным выделение в исследуемой группе нескольких дифференциальных сем на основе анализа словарных дефиниций. Так, глаголы обонятельного восприятия могут обозначать активное целенаправленное восприятие запаха, которое вербализуется посредством таких глаголов, как *beriechen*, *beschnüffeln*, *beschnuppern*, *erschnuppern*. Единицы, выражающие не-действие (состояние), представлены глаголами *riechen*, *schnuppern*, *wittern*.

Рис.1. Количественное соотношение прямых и переносных значений глаголов обонятельного восприятия

Глаголы ольфакторного восприятия требуют в качестве субъекта одушевленное существительное, которое имеет способность к восприятию. При этом часть глаголов используется только в отношении человека, другие – только в отношении животных, а некоторые не требуют обязательной дифференциации «человек-животное». Зачастую употребление того или иного глагола обусловлено интенцией говорящего. Так, в предложении *In der Union wittern sie derzeit die Nähe der Macht* ‘В партии сейчас чуют близость власти’ используется глагол *wittern*, который требует в качестве субъекта животного. В данном случае наблюдается метафорический перенос, указанный глагол подчеркивает внимательность человека, сравнимую с тонким чутьем животного. Для определения необходимого в том или ином случае субъекта нами привлекались корпусные данные и пометы в словарях, например, „meist von Tieren“. Так, для глаголов *beschnüffeln*, *durchschnüffeln*, *erschnüffeln*, *wittern* характерно использование животного в качестве субъекта восприятия. Возможность дифференциации «животное-человек» наблюдается у глаголов *beriechen*, *beschnuppern*, *erschnuppern*, *riechen*, *schnuppern*.

В значении отдельных глаголов выявлены такие семантические признаки, как «интенсивность восприятия» (например, *schnuppern*) и «направленность восприятия» (например, *herumschnuppern*).

С точки зрения семантического синтаксиса ситуация восприятия представлена трехчленной структурой, которая включает в себя «субъект восприятия, перцептивное действие (состояние), объект восприятия» [Авдевина, 2013, с. 52].

Анализ глаголов обонятельного восприятия в составе предложения позволяет констатировать наличие нескольких типов синтаксических структур предложений, описывающих ситуацию ольфакторного

восприятия в ситуациях с активным субъектом. Первым типом является структура N + V + N, например, *Sein Schäferhund Theo beschnüffelte sie und wedelte freudig mit dem Schwanz*. Субъект в данных предложениях выражен одушевленным существительным, способным к восприятию, а предикат используется для обозначения обонятельного восприятия или попытки восприятия. Данный тип характерен для большинства глаголов обонятельного восприятия, например, *beriechen, beschnüffeln, beschnuppern, durchschnüffeln, erschnüffeln, riechen, schnuppern, wittern*.

Структура N + V + P (an) характерна лишь для 4 глаголов (*schnuppern, herumschnuppern, schnüffeln, riechen*), например, *Das Wildschwein schnupperte und sabberte so lange an den beiden Jungen herum, bis es sich überzeugt hatte, dass sie nichts zum Fressen waren*. Согласно корпусным данным, субъектом восприятия в предложениях с указанной структурой может выступать как животное, так и человек.

Использование структуры N + V + P (nach) возможно только в предложениях с глаголами *schnüffeln* и *schnuppern*: *Humphrey, der fünf Jahre alte Labrador, schnuppert nach Drogen*. Глагол *schnüffeln* используется только по отношению к животным, а *schnuppern* не имеет ограничений в использовании согласно данным словарей.

Структура N + V характерна для глаголов *herumschnuppern, schnuppern, wittern*: *Auf der Runde schnuppern sie beide*. Данные глаголы могут также указывать направление восприятия. Глагол *wittern* используется только в отношении животных.

Последняя структура NP (Nom) + Verb + NP (Dat) + NP (Akk) типична только для глагола *anriechen*: *Aber ich rieche es dem Rotzbuben an, daß er begabt ist*.

Таким образом, лексико-семантическая группа глаголов обонятельного восприятия в немецком языке хотя и является немногочисленной, однако характеризуется разнообразием коннотаций. Словообразовательный потенциал исследуемой группы представлен предложно-наречными компонентами и неотделяемыми формантами, при этом производные глаголы развивают широкие возможности метафорических переносов. Основными дифференциальными признаками глаголов ольфакторного восприятия являются оппозиция «действие – состояние» и использование в качестве субъекта восприятия животного и/или человека. Синтаксически ситуация восприятия с активным субъектом представлена пятью актантными структурами.

Список литературы

Авдевина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов. : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 340 с.

- Арутюнова Н.Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М. : Наука, 1994. С. 106-117.
- Брунер Дж.* О перцептивной готовности // Психология ощущений и восприятия. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской. М., 1999. С. 164-181.
- Васильев Л.М.* Семантика русского глагола: учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. М. : Высшая школа, 1981. 184 с.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Мечковская Н.Б.* Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине языка // Язык о языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2000. С. 363-379.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры, 2004. 608 с.
- Рузин И.Г.* Когнитивные стратегии именования. Модусы перцепции (зрение, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79-100.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>
Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 8., überarb. u. erw. Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2015. 1248 S.

УДК: 81'25(063)

Трошина Н.Н.
Гендерно-корректная речевая коммуникация и
система немецкого языка

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Россия, Москва, troshinat@mail.ru*

Аннотация. Развитие лингвистических исследований с позиций антропоцентрической парадигмы вывело на первый план проблему «человек в языке» и, как следствие, проблему лингвокультурных норм малых социальных групп, в том числе людей, требующих от своих соотечественников соблюдения правил гендерно-корректной коммуникации – отказа от андроцентричных языковых форм.

Ключевые слова: гендерно-корректная коммуникация; гендерная идентичность; речевое поведение; малые социальные группы; андроцентризм; сексизм.

Troshina N.N.
Gender-correct speech communication and
the German language system

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, troshinat@mail.ru*

Abstract. The development of linguistic research in the framework of the anthropocentric paradigm has brought to the fore the problem of "man in language" and, accordingly, the problem of linguistic and cultural norms of small social groups. Small social groups include people who demand that their compatriots comply with the rules of gender-correct communication, i.e., the rejection of androcentric language forms.

Keywords: gender-correct communication; gender identity; speech behavior; small social groups; androcentrism; sexism.

Интенсивное развитие гендерных исследований в лингвистике приходится на 90-е годы XX века – начало XXI века. Это связано со смещением акцента с системно-структурного анализа на антропоцентрический, включающий социокультурологический аспект речевой коммуникации и помещающий в центр рассмотрения проблему «человек в языке». Время смены научной парадигмы коррелирует с временем наступления многочисленных социокультурных инноваций в жизни общества и, соответственно, с изменениями в «культурном коде, определяющем мировосприятие, мышление и поведение людей» [Бакач 1998, с. 10], в том числе и речевое. Оно определяется лингвокультурными нормами малых социальных групп, из которых состоит лингвокультурное сообщество. Члены этих групп, придерживаясь принятых у них стандартов речевого поведения, предъявляют соответствующие требования к речевому поведению и более широкого социума, считая свои представления обоснованными и ссылаясь на демократические права человека.

В странах немецкого языка одну из таких малых социальных групп образуют люди, требующие от своих соотечественников так называемого «гендерно-корректного речевого поведения» (*stricktes Gendern*) [Zifonun, 2018, S. 53], т.е. соблюдения правил гендерно-корректной коммуникации. В соответствии с этими правилами, следует говорить не «граждане» (*Bürger*), обращаясь к аудитории, состоящей из мужчин и женщин, а «гражданки и граждане» (*Bürgerinnen und Bürger*). Обращение «*Bürger*» отвергается, так как оно образовано от слова *der Bürger* «гражданин» в мужском роде единственного числа. Сторонники гендерно-корректной коммуникации выступают против универсального мужского рода из-за его андроцентричности, в чем их поддерживают эколлингвисты, которые видят в этом языковое проявление сексизма [Fill, 1993; Трошина, 2020].

В настоящее время в письменной и устной немецкоязычной коммуникации используются следующие языковые средства для дифференциации мужской и женской гендерной идентичности¹⁶:

1) гендерная звездочка, например: *Wähler*innen* «избиратель*ницы»;

---

¹⁶ Примеры приводятся по статье Г. Цифонун [Zifonun, 2018]. – Н.Т.

2) внутреннее *I*, например: *SchülerInnen* «школьники И школьницы»;

3) косая черта, например: *Schulpreisträger/in* «обладатель/ница школьной премии»;

4) двойные формы, т.е. обозначения лиц разного биологического пола с помощью слов *und* «и», *oder* «или» и сокращения *bzw.* «или, соответственно», например: *Frauen und (oder, bzw.) Männer* «женщины и (или, соответственно) мужчины».

Требования гендерно-корректной коммуникации привело к появлению проблемы с универсальным мужским родом, использования которого не всегда удастся избежать при приписывании каких-либо признаков определенному классу референтов, например: *Ich halte sie (Felicitas Hoppe) nicht nur für eine der wichtigsten Schriftstellerinnen, sondern für einen der wichtigsten Schriftsteller Deutschlands* «Я считаю ее не только одной из виднейших писательниц, но и одним из виднейших писателей Германии». Мужской род слова *Schriftsteller* «писатель» передает здесь именно обобщающее значение, которое относится и к личности женского пола.

Проблемы возникают также в области словообразования. Если исходить из требований гендерно-корректной коммуникации, то следует признать ущемляющими демократические права женщин такие обозначения, как: 1) *Schriftstellerverband* «Союз писателей» и использовать словосочетание *Schriftstellerinnen- und Schriftstellerverband* «Союз писательниц и писателей»; 2) *Benutzerordnung* «правила для пользователей», которое следовало бы трансформировать в *Benutzungsordnung* «правила пользования», в результате чего возникает проблема обезличенной коммуникации.

Большинство прилагательных и наречий в немецком языке образуется от имен существительных с суффиксами, маркирующими их род, например: *betrügerisch* «обманный, обманчивый» < *Betrüger*, *m* «обманщик», *partnerschaftlich* «партнерский» < *Partnerschaft*, *f* «партнерство».

Предложение заменить андроцентричный универсальный мужской род имени существительного на нейтрализующие формы также едва ли приемлемо, так как в немецком языке таких форм всего три:

1) *Kind* «ребенок» вместо *Mädchen* «девочка» и *Junge* «мальчик»;

2) *Person* «личность» вместо *Mann* «мужчина» и *Frau* «женщина»;

3) *Kraft* букв. «сила» в сложных словах *Fachmann* «специалист-мужчина», *Fachfrau* «специалист-женщина», *Hilfskraft* «помощник / помощница».

Требования соблюдения гендерной корректности в речевых практиках соответствуют не только принципам коммуникативной вежливости, но и принципу точности языкового формулирования,

который, казалось бы, должен неукоснительно соблюдаться в юридических текстах. Однако пол как эксплицитно или имплицитно определяющий признак не имеет значения для юридической практики, поскольку немецкие юристы исходят из равенства всех людей перед законом, т.е. используют слова типа «заявитель», «покупатель», «должник» и т.п., относя их к лицам любой гендерной ориентации [Zifonun, 2018, S. 51].

Однако дифференциация слов по признаку биологического пола существенна как для системы немецкого языка, так и для языкового сознания его носителей. На учете этого обстоятельства основана, например, одна из рекомендаций авторов пособия «Простой язык» [Leichte Sprache, 2018], предназначенного для сотрудников федеральных министерств и ведомств ФРГ, занимающихся организацией социального обслуживания лиц с ограниченными возможностями, прежде всего, ментального характера. Такие люди испытывают трудности в восприятии вербальной информации – в понимании инструкций, распоряжений, правил и других текстов, издаваемых федеральными органами. Однако эти люди имеют такое же право на получение информации, как и другие граждане ФРГ, причем в максимально понятной им форме. Эта рекомендация в пособии «Простой язык» сформулирована так: «Слова мужского рода ставьте в предложении перед словами женского рода (так они легче воспринимаются): Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen «сотрудники и сотрудницы»».

Практика письменной речевой коммуникации подтверждает обоснованность сосюрговской теоретической дихотомии «язык – речь», поскольку она актуальна именно для выбора правильной текстовой стратегии в речевой практике.

На сегодняшний день результаты исследований, полученные в Институте немецкого языка в Маннхайме, свидетельствуют о бессмысленности и нецелесообразности следования правилам гендерно-корректной коммуникации, так как это противоречит принципу референтной значимости коммуникации, с одной стороны, и вызывает противодействие языковой системы навязываемому ей отказу от универсального мужского рода имени существительного, – с другой: «Носители немецкого языка не обязаны следовать правилам гендерно-корректного поведения – в демократическом обществе это азбучная истина» [Zifonun, 2018, S. 47].

Языковая система явно сопротивляется таким гендерно-корректным новациям. Более того, носителей немецкого языка это может заставить разлюбить свой родной язык, поскольку будет связано с неким «грамматическим бегом с препятствиями – вынужденным избеганием запрещенных или нерекомендуемых языковых форм» [ibid., S. 48].

Список литературы

- Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. Волгоград, 1998. 21 с.
- Трошина Н.Н. Экология языка: Аналит. обзор. М.: РАН. ИНИОН, 2020. 54 с.
- Fill A. Ökologuistik: Eine Einführung. Tübingen: Narr, 1993. Jg XI. 151 S.
- Leichte Sprache: Ein Ratgeber. Bonn: Bundesministerium für Arbeit und Soziales, 2018. 127 S.
- Zifonun G. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtsgerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. Mannheim, 2018. Jg. 34. № 34. S. 44-56.

УДК: 81'42

Чекмаева Н.А.

Интерпретация фигуры *Другого* в академическом дискурсе на материале стенограмм лекций и семинаров

*Московский городской педагогический университет,
Россия, Москва, n.chekmaeva@ya.ru*

Аннотация. В статье интерпретируется фигура *Другого* как источника передаваемого смысла в русскоязычном академическом дискурсе на материале стенограмм лекций и семинаров по вопросам лингвистики и филологии. Исследование выполнено с применением методики французской школы дискурсивного анализа. На основании изучения эмпирического материала показана неоднородность академического дискурса, связанная с взаимодействием его участников, – говорящего, субъекта высказывания, адресата и *Другого*.

Ключевые слова: дискурсивный анализ; говорящий; *Другой*; эксплицитный / имплицитный.

Chekmaeva N.A.

Defining *Another* in spoken academic discourse

*Moscow City University,
Russia, Moscow, n.chekmaeva@ya.ru*

Abstract. The paper dwells on *Another* as the source of information in spoken academic discourse. It is based on French discourse analysis which puts into focus: text as a semiotic phenomenon, speaker's intentions and recipient's perception, semantics. The study revealed a pattern of results that indicate the participants to the academic discourse as follows: the speaker / speech subject, the recipient, explicit and implicit *Another*.

Keywords: discourse analysis; speaker; *Another*; explicit / implicit.

Категория *Другого* по-разному трактуется в гуманитарной науке. Осознание *Другого* отражает ключевое свойство психики человека и является непременным условием осуществления коммуникации. Э. Бенвенист отмечает, что «осознание себя возможно только в противопоставлении. Я могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*» [Бенвенист, 2010, с. 294]. Концепция *Другого* вводит в фокус изучения три круга проблем: 1) семиотизацию личности – ее речевых и поведенческих проявлений; 2) самопознание через диалогизацию внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания; 3) поляризацию своего и чужого (сферы Эго и сферы *Другого*) [Арутюнова, 1999, с. 648-649].

Это означает, что в академическом дискурсе (АД) можно анализировать по тем осям: анализ идеологии текста; анализ интенций говорящего и восприятия реципиента; анализ семантики языковых знаков [Сулейманова, 2018]. Центральное место во французской дискурсивной парадигме занимает проблематика высказывания с точки зрения его субъекта. Если в прагматике считалось, что субъект является властелином своих коммуникативных намерений, вступающим в контакт с другими субъектами при вербальном взаимодействии, то в АД, напротив, ведутся размышления о *стирании* субъекта высказывания [Квадратура смысла, 1999, с. 36]. Таким образом, можно говорить об иллюзии того, что субъект является источником смысла высказывания: «Обращение индивида в субъекта своего дискурса осуществляется путем идентификации (субъекта) в дискурсивной формации, доминирующей над ним (т.е. формации в которой он формируется в качестве субъекта ...)» [Там же, с. 46].

Действительно, за внешней функцией того или иного социального института можно распознать его внутреннее функционирование. Так, изучение академического дискурса как особой формы профессиональной реализации языка позволяет описать его как культурно-специфическую систему конструирования и трансляции знаний (см. [Nyland, 2009; Хутыз, 2015]). Как институциональное образование академический дискурс накладывает некоторые ограничения на использование языка в силу наличия коммуникативно-конвенционализированного формата общения и представления научного знания. По мнению Д.Н. Шмелева, авторский стиль изложения может облегчать или затруднять восприятие содержания: «В научной работе нас в общем-то интересует только ее содержание, и, по-видимому, никто не читает специальных исследований ради их стиля» [Шмелев, 1977, с. 62-63]. Вместе с тем, в современных исследованиях отмечается креативный характер академического общения, где участники дискурса вовлечены в активную мыслительную деятельность, в процесс постановки вопросов и поиска ответов на них [Бурмакина, Куликова,

2018]. Иными словами, академическая коммуникация принципиально диалогична, требует от его участников интеллектуального напряжения, способности дифференцировать смысловые оттенки. Внешне этот процесс проявляется в возникновении затруднений в процессе порождения речи: повышении частотности знаков хезитации, появлении серии уточняющих выражений, синтаксически усложняющих высказывание, наличии интертекстуальных связей и отсылок к различным прецедентным текстам [Там же]. Следовательно, можно говорить о неоднородности дискурса, связанной с взаимодействием его участников, а именно: говорящего – существует реально и при этом он говорит; субъекта высказывания – приобретает существование только тогда, когда говорит; адресата – получателя сообщения; *Другого* – не участвует в акте говорения, но присутствует в нем [Квадратура смысла, 1999].

Ж. Отье-Ревю отмечает, что *Другой* и слова *Других* постоянно присутствуют в дискурсе [Отье-Ревю, 1999]: «В речевой цепочке, которую материально производит один говорящий, ряд языковых средств указывает (на уровне предложения или дискурса) на присутствие *другого*» [Там же, с. 54]. В косвенной речи говорящий, пользуясь своими собственными словами, предстает как «переводчик» смысла передаваемого текста: *При этом Хомский, в общем-то, так же, как и структуралисты, считает, что во всех головах язык один и тот же, что это такая абстрактная сущность, которая никогда не меняется, не подвержена никакой вариативности, готовые, чеканные правила грамматики, отлитые из бронзы – вот это и есть язык* (В.А. Плунгян, 2009)¹⁷. В прямой речи слова *Другого* занимают время (или пространство), четко обозначенное в рамках предложения как цитата, то есть говорящий выступает «рупором» *Другого* [Там же]. Пример: *Это знаменитая аббревиатура ЕБЖ – аббревиатура Льва Толстого – «Если будем (буду) жив (ы)»*. Толстой часто заканчивал этим письма (М.А. Кронгауз, 2009).

О.А. Сулейманова рассматривает типологию *Другого*, выделяя его эксплицитное и имплицитное выражение. Так, эксплицитный *Другой* может быть представлен именной группой, задающей объем множества лиц – участников события: *С точки зрения автора данной теории / По мнению ученого / Как следует из теории Якобсона* [Сулейманова, 2018]. Пример: *То есть сократическое образование, в силу этого несоответствия между «моделью» и «потребностями», было ориентировано, с точки зрения аналитика, в пустоту* [Третье литературоведение, 2008]. В данном высказывании говорящий вносит информацию о продукте интеллектуальной деятельности субъектов и тем

---

¹⁷ Здесь и далее в круглых скобках дается ссылка на автора эмпирического материала академического дискурса и год, в который была прочитана лекция.

самым косвенно о *Другом*. Важно также отметить, что тип референции может варьироваться от актуальной, конкретно-референтной до потенциальной, неконкретно-референтной [Сулейманова, 2018]. Конкретно-референтный тип указывает на участника события: *Следующая идея, которая приходит в голову при обсуждении языковых изменений состоит в том, что «молодежь язык портит»*. <...> *Тот самый [язык], который, по словам И.С. Тургенева, вполне может служить поддержкой и опорой* (С.А. Бурлак, 2008). При неконкретно-референтном типе задается множество, из которого может быть выбран участник события: *Новая лингвистика говорит, что язык, конечно, прекрасный инструмент, но не всемогущий, и у каждого языка есть свои ограничения* (В.А. Плунгян, 2009).

Как представляется, эксплицитный *Другой* не представляет трудности для изучения, так как говорящий явно маркирует его присутствие. Имплицитный *Другой*, напротив, оказывается принципиально важным в дискурсивной перспективе, так как известно, что высказывания с имплицитным содержанием представляют наибольшую трудность для исследования в связи с тем, что они являются в какой-то мере неполными и усложненными для восприятия. Ж. Отье-Ревю относит подобную сложную форму неоднородности дискурса к маркированным формам автонимной коннотации, то есть говорящий встраивает в свою речь слова или выражения *Другого* без разрывов, характерных для автонимного употребления [Отье-Ревю, 1999]. Например: *На Западе используется так называемая таксономия Блума. Она применяется и у нас. Книга, к сожалению, не переведена, но ссылки на эту таксономию встречаются* [Третье литературоведение, 2008]. Фигура говорящего как бы раздваивается, за ним возникает фигура наблюдателя, следящего за используемыми словами, при этом выделенный фрагмент, отмеченный кавычками, курсивом, интонаций и /или каким-либо комментарием приобретает по отношению к остальному дискурсу особый статус [Отье-Ревю, 1999].

Подобные формулы, вплетающиеся в ход дискурса, служат показателями по контролю / регулированию говорящим процесса коммуникации и специфицируют в форме сигнала нарушения или операции поправки, различные условия, которые говорящий считает необходимыми для «нормального» речевого воздействия [Там же, с. 55]. Иными словами, говорящий встраивает имплицитный диалог с *Другим* как источником передаваемого смысла. Вставки, получая дискурсивную интерпретацию, помогают выявить то, что в дискурсе присутствует, но не получает явного выражения и, следовательно, нуждается в операции логического вывода. Так, например, обороты типа *в некотором смысле, образно выражаясь, (не) в прямом смысле* выражают сомнение, оговорку

[Отье-Ревю, 1999]. Например: *Сегодня, с появлением Интернета, появлением огромной новой сферы коммуникации, можно утверждать, что появился некий промежуточный тип коммуникации, который в каком-то смысле является письменным (визуальным), а в каком-то – устным* (М.А. Кронгауз, 2009). Действительно, сочетание в каком-то смысле маркирует некую степень неопределенности говорящего в точной характеристике явления, однако в данном примере не наблюдается референции к *Другому*. Как справедливо отмечает О.А. Сулейманова, подобные вставки не всегда создают и вводят фигуру *Другого*, а скорее отражают размышления говорящего и взаимодействие его собственных идей [Сулейманова, 2018].

Интересен также тип референции к уже существующему дискурсу ввиду наличия в речи говорящего встроенных цитат, аллюзий, стереотипов, реминисценций, когда эти фрагменты обозначаются как «взятые из другого источника» [Отье-Ревю, 1999, с. 57]. Например: *Но единственное, что оправдывает существование этого «факультета ненужных вещей» [истории литературы], – это некий механизм, предотвращающий одичание. В этом весь смысл гуманитарного образования* [Третье литературоведение, 2008]. В рассматриваемом примере говорящий отсылает адресата к роману писателя Ю.О. Домбровского о судьбе русского интеллигента в эпоху сталинских репрессий. Заметим, что подобные ссылки, образующие интертекстуальные связи, являются частотными в академическом дискурсе, придают говорящему авторитетности, побуждают адресата к реализации когнитивной операции по декодированию передаваемого смысла. Анализ представленных дискурсивных форм продуктивен в целях описания индивидуально-авторской картины мира, однако не входит в задачи предпринятого исследования. Релевантным представляется определить интертекстуальные единицы в качестве маркеров референции говорящего к сказанному кем-то и когда-то.

Имплицитный *Другой* также реконструируется в дискурсе, когда говорящий, пользуясь собственными словами, представляет их как слова *Другого*. Например: *Язык как явление природы не может иметь норму. Вы не можете сказать: «дуб – это правильно, а рябина – это неправильно». Или «дуб вот такой толщины – это правильно, а дуб другой толщины – это уже какой-то неграмотный дуб». Человек в принципе не может сказать того, чего в языке нет* (В.А. Плунгян, 2009). Представление говорящим своих слов как слов *Другого* создает эффект полифоничности дискурса. Кроме этого, пользуясь словами *Другого*, говорящий стремится передать собственное мнение объективно.

К еще одной структуре, участвующей в дискурсивном диалоге, можно отнести риторический вопрос: *Когда и как слова входят в язык? В*

какой момент истории языка мы начинаем фиксировать данное слово, или данную конструкцию, или данное значение? Это, конечно, до корпуса изучалось, но во многом тут полагались на волю случая (В.А. Плунгян, 2009).

Риторический вопрос, являющийся вопросительным только по форме, но не по содержанию [Золотова, 1973], отличается от вопросно-ответного диалога между равноправными субъектами тем, что он часто предстает в форме квазидialogа, то есть диалога как бы с самим собой [Сулейманова, 2018], при этом приглашая адресата к совместному размышлению.

Лексическое значение некоторых лексических единиц также представляется дискурсивно-релевантным. Например, используя слова *отнюдь, скорее, едва ли*, говорящий вступает в полемику с *Другим* – причем неясно, с кем – с собой «прежним» или с собеседником [Сулейманова, 2018, с.195]. Например: *Мы ведь не выводим смысл сообщения непосредственно из тех слов, которые были сказаны. Скорее, стремимся угадать, что говорящий имел в виду. И иногда вот, допустим, ребенок говорит: «Мой дедушка – ветеринар войны», – а мы понимаем, что на самом-то деле он имел в виду – ветеран войны* (С.А. Бурлак, 2008).

В данном примере лексическая единица *скорее* способствует снятию категоричности высказывания и поддерживает активное восприятие адресата. К подобным маркерам, получающим дискурсивную значимость, можно также отнести показатели эпистемической модальности *вероятно, по всей видимости, безусловно, очевидно* [Сулейманова, 2018]. Например: *Так что потеря языка – вещь весьма болезненная, но преодолимая, а вот потребность человека в коммуникации, по-видимому, относится к нашим основным потребностям* (М.А. Кронгауз, 2009). Модальное слово *по-видимому* вносит информацию о субъективном оттенке сомнения в умозаключении говорящего, порождая при этом сомнение у адресата.

Таким образом, академический дискурс представляет собой неоднородное образование, связанное со взаимодействием говорящего и *Другого* как источника передаваемого смысла. Анализ лексических, грамматических и риторических структур, вводящих фигуру *Другого*, позволяет сделать вывод о том, как в конкретном дискурсе создаются специализированные знания.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2010. 448 с.
Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В. Академический дискурс: Институциональность, стиль, жанры. М., 2019. 200 с.
Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 350 с.
Квадратура смысла / под ред. П. Серии. М., 1999. 416 с.

- Отье-Ревю Ж.* Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серии М., 1999. С. 54-94.
- Сулейманова О.А.* Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / под ред. О.А. Сулеймановой. М., 2018. С. 211-239.
- Хутыз И.П.* Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. М., 2015. 172 с.
- Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., 1977. С. 62-63.
- Hyland K.* Academic Discourse. London, 2009. 215 p.